КОМИТЕТ СОДЕЙСТВИЯ НАРОДНОСТЯМ
СЕВЕРНЫХ ОКРАИН ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ ВЦИК

ГЛАВНАЯ МОРСКАЯ БИБЛИОТЕКА

СОВЕТСКИЙ СЕВЕР

ПЕРВЫЙ СБОРНИК СТАТЕЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

П. Г. СМИДОВИЧА, С. А. БУТУРЛИНА и Н. И. ЛЕОНОВА

7/III 1523 29

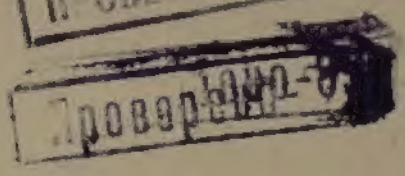
КОМИТЕТ СОДЕЙСТВИЯ НАРОДНОСТЯМ
СЕВЕРНЫХ ОКРАИН ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ ВЦИК
Москва—1929

ПРОВЕРЕНА
1952 г.

Акп № 2

Проверена-58 г.

ПРОВЕРЕНА-58



Индекс	М.2		Шифр хранения
Авторский знак	4-С.56-1		Инв. №

Возвратите книгу не позже указанного здесь срока

					✓

Тип. Воениздата. Зак. 1453—150000

КОМИТЕТ СОДЕЙСТВИЯ НАРОДНОСТЯМ
СЕВЕРНЫХ ОКРАИН ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ ВЦИК

СОВЕТСКИЙ СЕВЕР

ПЕРВЫЙ СБОРНИК СТАТЕЙ

ГЛАВНАЯ МОРСКАЯ БИБЛИОТЕКА

С 32 рисунками и 1 картой

75698

Под редакцией
П. Г. СМИДОВИЧА, С. А. БУТУРЛИНА и Н. И. ЛЕОНОВА

Центральная Р.-Морская Библиотека ВМФ СССР

КОМИТЕТ СОДЕЙСТВИЯ НАРОДНОСТЯМ
СЕВЕРНЫХ ОКРАИН ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ ВЦИК
Москва—1929

5-я типография
„Транспечать“ НКПС
„Пролетарское Слово“
Москва, Южный п., д. 4.
Главлит № А 1868.
Тираж 3.000 экз.

ГЛАВНАЯ МОРСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Первый выпуск сборника «Советский Север» предназначается для того, чтобы ознакомить широкие образованные круги советской общественности с природными условиями северных окраин нашей Республики, с обстановкой жизни и работы туземцев Севера и с основами их первобытного хозяйства.

Он дает также краткий очерк исторического прошлого малых народностей Севера и намечает основы современной советской работы среди них.

Иллюстрации воспроизведены с фотографий экспедиций С. А. Бутурлина: колгуевской 1902 г., колымско-охотской 1905 г. (все они датированы новым стилем; значительная часть их снята ботаником этих экспедиций И. А. Шульгою), а также снятых во время поездки т. Бутурлина на Чукотский полуостров в 1925 г. его помощником С. Ф. Рвачевым.

Приложенная к сборнику карта показывает весь полярный бассейн с его берегами и с границей более или менее постоянных льдов. Некоторые подробности на ней основаны на еще неопубликованных материалах.

ГЛАВНАЯ МОРСКАЯ БИБЛИОТЕКА

С. А. Бутурлин

ЧТО ТАКОЕ «СЕВЕР», КТО ТАМ ЖИВЕТ И БУДУЩЕЕ МИРОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЕГО

(Народности, границы и площадь. Устройство поверхности. Климат. Растительность, тундра и тайга. Животный мир и особенности отдельных округов. Северные пределы жизни. Мнимые ужасы севера. Южное происхождение человеческой культуры и историческое движение ее к северу. Вымирание туземцев. Мо-

Семья чукчи Чайгунто между рр. Антошкиной и Медвежьей, за Колымой 9 сент. 1905.

розы, зимний мрак, краткость лета, возмещающее это незаходящее солнце. Привлекательность севера. Истинные недостатки севера: необжитость и бездорожность, речные и морские пути. Будущее развитие севера: пушнина, оленеводство, чрезполярные пути).

НАРОДНОСТИ, ГРАНИЦЫ И ПЛОЩАДЬ

Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК имеет задачею содействовать материальному благосостоянию, культурному росту и советизации малых, еще не сложившихся в оформленные политические или административные организации народностей, живущих на северных окраинах или же сходных с северными по своему хозяйству и быту.

Все эти народности, со включением и очень немногих, уже оформившихся, можно перечислить по такой схеме, где цифры—очень округленное число «душ»—по данным, предшествующим последней переписи 1926/27 г.

Коряки собирают морошку; бухта Натальи, восточ. берег Коряцкой земли, около 61¼ сев. шир.; 20 сент. 1925.

I. Древне-сибирская группа или «палеазиаты»

Эти древнейшие обитатели северо-восточной Азии, всего в наших пределах около 31.000 человек, разделяются на три ветви.

А. Эскимосская ветвь

Всего в наших пределах—неполных 2.000 человек.

1. Азиатские эскимосы, 1.400 чел.; селения разбросаны по южному и восточному берегам Чукотского полуострова, и не-

сколько семей на о-ве Врангеля. Промышляют главным образом морского зверя; зимой—езда на собачьих нартах.

2. Алеуты, 350 чел., у нас живут на Командорских о-вах, где поселены в XIX веке для промысла котиков, морских бобров и голубого песца.

Б. Американская ветвь

Всего около 21.500 человек (без обрусевших камчадалов).

1. Чукчи, 12.000 чел., населяют Чукотский полуостров, бассейн Анадыря и тундры Ледовитого побережья к западу до Индигирки. Большая часть—кочевые оленеводы, но не мало есть безоленных, осевших по побережьям, заимствовавших у эскимосов морской зверобойный промысел, кожаные каяки и большие лодки и собачьи нарты.

Юкагиры верховьев Колымы: в средине—Бургачан с р. Бобра-Бургагла, справа—с р. Коркодона, слева—с р. Нелемной; 12 июня 1905.

2. Коряки, 7.500 чел., живут от южных частей Анадырского бассейна до северных частей полуострова Камчатки, в бассейне р. Пенжиной и на Тайгоносе, т. е. до Гижиги к западу. Как и чукчи, делятся на кочевых оленных и обедневших оседлых, собачьих. В отличие от чукчей—ловят и едят рыбу.

3. Кереки, 100 чел., остатки близкого к корякам племени, живут к северу от мыса Олюторского.

4. Ительмены или необрусевшие камчадалы, 2.000 чел., живут на полуострове Камчатке, занимаясь главным образом рыбной ловлей и охотой.

В. Древне-азиатская ветвь

Всего, без айнов, около 8.000 человек.

1. Чуванцы, 450 чел., живут на верхнем течении Анадыря и в низовье Колымы. Давно забыли свой язык и частью обрусели, частью объюкагирились. Полуоседлые или бродячие рыболовы и охотники.

Юкагирки верховьев Колымы, устье р. Бобра-Бургагла; 12 июня 1905.

2. Юкагиры, 1.500 чел., живут по верхним течениям Колымы с притоками и Анадыря, в низовьях Колымы и в Приазейских тундрах. Приазейские—оленеводы, нижне-колымские частью совершенно обрусели (см. о русских колымчанах), остальные—бродячие охотники.

3. Кето или «енисейские остяки», 1.500 чел., живут по среднему течению Енисея и низовью Подкаменной Тунгуски. Сильно обрусели, потеряли оленей, промышляют охотой и частью рыбой.

4. Гиляки, 4.500 чел., живут в самом низовье Амура и в северной части Сахалина почти исключительно рыболовством.

5. Айны, всего около 1.500 чел.; почти все находятся на японской части Сахалина.

II. Ново-сибирская группа или урало-алтайцы

Всего около 730.000 человек.

А. Финно-угорская ветвь

Всего около 400.000 человек.

1. Лопари, 1.500 чел., в русской Лапландии, в общем населяют северную часть Скандинавии, Финляндии и Кольский полуостров. Кочевые оленеводы, занимаются и рыболовством.

2. Вогулы, 7.500 чел., обитают к западу от Оби по бассейнам Конды и Сосьвы с прилегающими частями Урала. Обрусели, занимаются главным образом охотой.

3. Коми (Зыряне), 370.000 чел., распространились от Кольского полуострова до Тобольского севера на восток и от морского побережья за 60° северной широты к югу. Оленеводы, охотники и частью рыболовы, в южных частях скотоводы и земледельцы.

4. Остяки, 17.000 чел., распространены по долине Оби от Обдорска до Нарымского края включительно и, разбросанно, от Урала до верхнего течения Таза. В южных частях сильно обрусели и частично переходят к скотоводству, в более северных сливаются с самоедами. Занимаются охотой, рыболовством и оленеводством.

Б. Самоедская ветвь

Всего около 24.000 человек.

1. Самоеды западные, 9.500 чел., кочуют от Кольского полуострова до Енисея, в тундрах и притундровой полосе.

2. Самоеды-юраки, 5.500 чел., кочуют в низовьях Таза и Енисея, до р. Пясиной к востоку.

3. Самоеды-тавгийцы, 1.300 чел., обитают в тундре между Пясиной и Хатангской губой, не проникая в совершенно безлюдные северные части Таймыра. Все перечисленные самоеды—главным образом оленеводы, частью занимаются охотой и местами морским зверобойным промыслом, в малой степени рыболовством.

4. Самоеды-Хандаяры (Пян-Хазово), 50 чел., кочуют по берегам р. Пура.

5. Остяко-самоеды, 6.000 чел., от низовьев Васьюгана по Тыму, Кети и др. и до рр. Баихи и Турухана, оленеводы, охотники и рыболовы.

6. Карагасы, 400 чел., кочуют по северному склону Саян; главное занятие—охота и оленеводство.

7. Койбалы, 1.000 чел., в низовьях Абакана в Хакасском округе.

В. Тунгусско-маньчжурская ветвь, северная группа

Всего около 69.000 человек.

1. Тунгусы, 60.000 чел., бродят от бассейна среднего течения Оби, куда проникли недавно, до р. Пясиной и левобережья Колымы, Охотского моря и Сахалина. Главное занятие—охота, оленеводство, при обеднении оленями—рыболовство.

2. Ламуты, 4.000 чел., бродят в северных частях Охотского приморья, в заколымских хребтах, бассейне Анадыря и на Камчатском полуострове. Занятия те же.

3. Орочены (или эвенки), 1.000 чел., населяют верховья Олекмы, северные части Забайкалья. Занятия те же.

4. Негидальцы, 400 чел., кочуют по р. Аргуни.

5. Манегры, 150 чел., кочуют на конях по среднему течению Зеи,—охотники, сильно обрусели.

6. Самогиры, 400 чел., кочуют по притоку Амура—Горюну.

7. Ольчи или ульча, 1.000 чел., кочуют в области низовьев Уссури и среднего Амура и в районе Удска. Занимаются рыбной ловлей и охотой.

8. Ороки, 700 чел., кочуют на Сахалине.

9. Долгане, 1.200 чел., кочуют в восточной части Туруханской тундры от р. Пясиной,—оленеводы и охотники. Сильно объякутились, происхождение неясно, и сюда отнесены они условно, некоторые исследователи приписывают им не тунгусское, а самоедское происхождение (возможно—и палеазиатское).

Г. Тунгусско-маньчжурская ветвь, южная группа

Всего около 11.000 человек.

1. Маньчжуры, 3.500 чел., живут в низовьях Зеи.

2. Дауры, 450 чел., обитают на Амуре ниже Благовещенска.

3. Солоны, 15 чел., живут по нижнему течению Уссури.

4. Гольды, 5.000 чел., кочуют по низовьям Амура и Уссури, занимаясь главным образом рыболовством, затем охотой. Частью подверглись китайскому влиянию.

5. Орочи, 2.000 чел., кочуют в Сихота-Алине и по берегу Татарского пролива, занимаясь охотой и рыбной ловлей.

Д. Тюркская ветвь

В наших пределах около 230.000 человек.

1. Якуты, 230.000 чел., распространены от восточных частей Туруханского края (район оз. Ессей) до среднего течения Колымы и сев.-зап. угла Охотского побережья и от низовьев Лены и Яны до средних течений Чоны, Чары и Олекмы. Скотоводы, зани-

маются охотой и рыболовством, в южных частях—земледелием, в северных—оленеводством.

2. Сойоты (которых некоторые относят к самоедам), в количестве нескольких семейств обитают юго-запад. часть Бурято-Монголии; оленеводы.

III. Индо-европейская группа

Почти исключительно русское население, которого в пределах севера насчитывается около 130.000 человек. Занимается оно по южной окраине северных районов скотоводством и земледелием, повсюду рыбной ловлей и охотой и, где можно, зверобойным морским промыслом.

Наиболее древние из русских поселений, например, так называемые «крестьяне Затундринского общества» в северо-восточной части Туруханского края, бывшие мещане и казаки дельт Индигирки и Колымы, Анадыря—по быту и хозяйству ничем не отличаются от туземцев, а затундринцы забыли и русский язык.

Границы и площадь

Как видно, из перечисленных племен часть населяет в сущности далеко не северные окраины, но такие южные места, как бассейны Уссури и Амура. Под Севером же правильнее всего понимать тундру и притундровую полосу и ту северную часть тайги, где хлеб вовсе не засевается или же только местами и в ничтожном количестве так, что население живет главным образом оленеводством, охотой и рыболовством.

Грубо округляя, южную границу Севера в этом смысле надо очертить линией, проходящей приблизительно по 50° северной шир. на крайнем востоке, т. е. несколько к югу от устьев Амура, приблизительно по 60° северной широты на Иртыше, и по южному и юго-западному берегам Белого моря.

В этих пределах, в круглых цифрах, поверхность нашего Севера занимает около 9 миллионов *кв. км* с населением около 900 тысяч человек, из которых около 147 тысяч—малых народностей. Следовательно, средняя плотность населения—около 1 человека на 10 *кв. км*, но местами в тундрах она падает до 1 чел. на 100 *кв. км*.

Огромное пространство нашего Севера, простирающееся от границ Норвегии до границ Аляски, омывается с севера частями так называемого Северного Ледовитого океана, в сущности, являющегося лишь полярным средиземным морем, а с востока—частями Восточного или Тихого океана—Беринговым и Охотским морями.

УСТРОЙСТВО ПОВЕРХНОСТИ

Все это пространство не однообразно: на крайнем западе лежит геологически древнейший каменный щит Лапландии (Мурманская губ.). От Белого моря к востоку до Таза и Енисея лежит

обширное пространство низменных, сравнительно молодых наносов, разделяемое древним поднятием Уральского хребта на Северо-русскую низменность, орошаемую Северной Двиной и Печорой, и Западно-сибирскую, орошаемую Обью (высота н. у. м. Тобольска—немногим более 100, Сургута—менее 40 метров).

Отсюда к востоку до Лены, Алдана и Маи простирается древнее, сильно изрезанное Средне-сибирское плоскогорье, к северу от 70—72° северной широты переходящее в Северо-сибирскую низменность Таймырского полуострова (более высокую и каменистую, чем западная низменность), орошаемую рр. Пясиной, значительной частью Хатанги, Анабарой и низовьями Оленека. Плоскогорье в общем имеет высоту около 450—750 *м*, лишь редко в вершинах достигая 1.000 *м* над уровнем моря.

Хребет Тас-Хаях-Таг над р. Джебджинга, притоком Селегнаха, водораздел Яны и Индигирки; 15 ноября 1905.

На юго-западной окраине узкой полосой, а во всем Забайкалье и в бассейне Витима—обширным гористым пространством примыкает к Средне-сибирскому плоскогорью область древнейшей основы Северной Азии.

Далее к востоку тянется окраинная область Восточной Сибири, в верховьях Олекмы образующая так называемый Яблоновый или Становой хребет, в сущности—очень неясно выраженный, плоский, болотистый водораздел систем Лены и Амура, но в верховьях Учура, а особенно Маи и Охоты поднимающийся уже крутым, диким хребтом Джугджур или Алданским.

В области истоков Охоты, за 62° северной широты, от северного конца Джугджура отходит к северо-западу и затем к северу мощный Верхоянский хребет, постепенно понижающийся от 2.300 *м* над уровнем моря до 900 *м* в северо-западной части (Хараулах), отделяющей бассейн Лены и Алдана от бассейна Яны. А к востоку и затем к северо-востоку тянется Колымский хребет, несколько более низкий, около 1.700—1.500 *м* над уровнем моря, отделяющий бассейн Охотского моря (речки Олу, Гижигу, Пенжину) от Индигирки и Колымы, текущих в Ледовитый океан.

Верхоянский и Колымский хребты вместе образуют колоссальную почти полукруглую дугу, очень круто обрывающуюся к югу и сравнительно полого спускающуюся к северу, служащую резкой климатической и биогеографической границей.

Внутри этого великого каменного пояса от него еще отходит к северу суровый и дикий водораздельный между Яной и Индигиркой хребет, носящий выразительное название Тас-Хаях-Таг, т. е. «Горы каменного масла» и достигающий 1.700 *м* над уровнем моря. Несколько восточнее от обширного болотистого Оймяконского нагорья, возвышающегося до 1.100 *м* над уровнем моря, с которого берут начало Индигирка и Колыма, идет хребет Томус-Хая, разделяющий верхние течения этих великих рек и достигающий 2.350 *м* над уровнем моря. Далее идет еще Заколымский хребет.

Далее, особый характер носит огромный полуостров Камчатка с ее массой действующих вулканов, достигающих (Ключевская сопка) до 5.000 *м* над уровнем моря, а также Чукотская земля и Чукотский полуостров, лежащие к востоку от нижней части бассейна Колымы и к северу от бассейна Анадыря—единственной нашей крупной реки, впадающей в Берингово море.

Чукотская земля представляется диким и беспорядочным нагромождением скал и гор, достигающих кое-где 2.800 *м* над уровнем моря и являющихся геологически продолжением Аляски.

КЛИМАТ

Краткая характеристика климата нашего севера такова:

Средняя температура

Средняя годовая температура (по Цельсию) в 16° ниже нуля свойственна северо-восточной части Таймырского полуострова, устью Анабары, самой южной части Ленской и самой северной—Индигирской дельты. Такова же (15,9° ниже нуля) средняя годовая температура Верхоянска, но для Абыя —14,4°, а для Нижне- и Средне-Колымска—уже около 13° ниже нуля.

Линия средней годовой температуры в —10° проходит через верховья Анадыря (в устье —8°), Индигирки, несколько южнее Якут-

ска и отсюда через верховья Хатанги и северную часть Тазовской губы—на северную часть Ямала.

Такая же линия в —4° идет от Аяна в южной части Охотскогй моря через верховья Учура, район Бодайбо, вдоль Подкаменное Тунгуски, через верховья Таза, между устьем Иртыша и Березовом, через Печорский лиман к северо-восточной части Колгуева.

Величайший вулкан Камчатки.

Юго-восточная часть полуострова Камчатки имеет уже среднюю годовую выше нуля, так же как и самая южная часть нашей половины Сахалина, южная половина Забайкалья, Красноярск, Омск, Тобольск, Соловецкие о-ва и самый берег северного конца Ботнического залива. Варангер-фиорд к северо-западу от нашего Мурмана и Томск как раз лежат на линии нулевой годовой температуры.

Зимние морозы

Если мы возьмем январь, как характерный месяц середины зимы, то многолетняя средняя для всего месяца для Верхоянска —49,7°, для Якутска —43°, но—чрезвычайно характерно—для верхнего пояса Верхоянского хребта между этими городами—только —29,2°. Туземцы давным-давно утверждали, что «зимой в камнях (т. е. в горах) теплее, чем внизу», но метеорологи долго не верили этому.

Линия средней январской температуры в —40° проходит через Нижне-Колымск, Казачье, Булун, близ Вилюйска, между Якутском и Олекминском, близ Усть-Майского и между Верхне- и Средне-Колымском.

Линия средней январской температуры в —24° идет через устья Анадыря, Пенжиной, Гижиги, Охоты к самой южной части Охотского моря; затем к северу от низовьев Ангары и несколько южнее устья Подкаменной Тунгуски, немного севернее Сургута, между Березовом и Обдорском и через восточную часть Карского моря на о-в Белый.

Самый сильный мороз еще более жесток: в Верхоянске наблюдался до —67,8°, в Якутске —63° и даже в Усть-Майском и Олекминске —60,1°, в Туруханске —59,6°, в Булуне —57,7°, в Средне-Колымске —57°, в Хатанге —51,7°, в Обдорске —52,6°, в Сургуте —50,9°, в Нижне-Колымске —49,6°, в устье Анадыря —45,8°.

Западная часть Севера гораздо теплее, особенно под влиянием моря, и, например, на Колгуеве в январе далеко не каждый год мороз достигает —30°. В то же время, хотя и редко, даже в среднем Поволжье наблюдаются иногда морозы —52° (янв. 1892 г.).

Летнее тепло

Для характеристики северного лета, беря линии средних июльских температур, мы видим, что линия +6° от устьев Лены проходит по береговым частям Таймыра, через середину Ямала, западный конец Югорского Шара и вдоль восточной части Новой Земли.

Линия +12° проходит через Аян, Охотск, северные части Гижигинской и Пенжинской губ., устье Анадыря, Нижне-Колымск, Булун, несколько севернее Хатанги, устье Тазовской губы, несколько севернее Обдорска, через Белое море и вдоль Мурмана.

Наконец, линия +18° проходит от среднего течения Уды через верховья Алдана, низовья Маи, захватывает верхние части бассейнов Индигирки, Яны, левых притоков и верховья Вилюя, низовья Виви и Туры, Тобольск, верховья Камы.

Это—средние за весь месяц, но в отдельные дни июля или (на крайнем севере) августа наблюдается гораздо более значительная жара.

Так, в Якутске бывала жара до +37,9°, а на среднем течении Вилюя даже +39,4°, в Олекминске, Енисейске, Томске, низовье Иртыша +35° или чуть больше, в Усть-Майском +37,2°, в Туруханске, Сургуте и Березове +32,2—32,7°, в Верхоянске и Средне-Колымске +34,2°, но в Маркове, Гижиге, Русском Устье, Абые, Казачьем, Булуне, Хатанге, Дудинке и Обдорске близость моря сказывается в том, что высшая температура года не превышает +28,0—29,6°, в Нижне-Колымске +27,6°, в устье Анадыря +24,0°, в северной части Колымской дельты +21° и на Колгуеве—немногим выше +16°.

Дни с морозом

Интересно отметить число дней в году, в которые наблюдается мороз: Олекминск—222 дня, Сургут—224, Березов—230, Якутск—239, Верхне-Инбатское—237, Гижига—244, Усть-Майское—247, Вилюйск—247, Туруханск—246, Обдорск—245, устье Анадыря и Хатанга—264, Верхоянск и Абый—261, Нижне-Колымск—266, Русское Устье—291 и устье Лены (Сагастырь)—298 дней.

Число дней без оттепели, т.-е. морозных сплошь, конечно, меньше: от 183 для Олекминска и Сургута до 251 (Русское Устье) и 256 (устье Лены).

Осадки

Переходя от температур к осадкам, можно дать следующие характерные числа дней с осадками (снег, дождь), в течение года: Верхоянск—73, Аян, Усть-Майское, Охотск, устье Лены (Сагастырь)—между 81 и 85, Обдорск—98, Марково на Анадыре, Гижига, Якутск, Абый, Русское Устье, Средне-Колымск—между 102 и 107, Верхне-Колымск, Хатанга, Туруханск, Дудинка, Сургут—между 161 и 167, Нижне-Колымск, Вилюйск, Булун, Березов—от 120 до 128, Верхне-Инбатское и Толстый Нос на Енисее—от 200 до 213, Колгуев—242 (по 1 году).

Количество осадков, в общем, невелико, в сантиметрах менее 15 в Верхоянске и Сагастыре, от 15 до 19 в Усть-Майском, Якутске, устье Анадыря, Средне- и Нижне-Колымске, Русском Устье и Казачьем. От 20 до 25 *см* в Маркове, Верхне-Колымске, Абые, Булуне, Хатанге, Дудинке, Вилюйске, Гижиге и на Колгуеве. От 33 до 39 *см*—в Верхне-Инбатском, Туруханске, Березове, от 40 до 45 в Николаевске на Амуре, на среднем течении Олекмы и Сургуте, Обдорске—почти 57 и в Аяне почти 89 *см* и, наконец, в юго-восточной половине полуострова Камчатки от 50 до 100 *см*. При этом, вообще говоря, большая часть осадков приходится на летнее время (42—62), почему, несмотря на долгую и холодную зиму (на зиму падает $2^1/_2$—17 осадков), горы Севера лишены вечных снегов и ледников, кроме некоторых островов (например, Новая Земля).

Безветрие зимой

Относительно ветров следует отметить особенность весьма значительной части Якутии: чрезвычайно тихая зима, что крайне облегчает перенесение сильнейших тамошних морозов. Переваливая 15 апреля (н. ст.) 1905 г. Алазейский хребет у истоков Рассохи, я нашел на перевале довольно высокие, тонкие деревца, покрытые слоем инея до 30, местами до 40 *см* толщины. Очевидно, здесь, на перевале даже, в течение ряда месяцев ни одно дуновение не шелохнуло редкие деревца, от инея превратившиеся в толстые столбы (относительная высота перевала над подошвой около 420—430 *м*).

Вечная мерзлота

Одним из замечательных явлений Севера является вечная мерзлота: в течение лета почва оттаивает только на некоторую глубину, а ниже остается более или менее толстый слой, постоянно мерзлый.

Зависит это явление и от средней температуры года, и от глубины снежного покрова, и от того, насколько рано ложится снег: толстый и ранний снежный покров затрудняет промерзание.

В. Б. Шостакович берет среднюю температуры зимы (декабрь—февраль) и делит на глубину снежного покрова в январе в *см*; если частное—половина (0,5) или менее, то мерзлота не имеет места, а если больше, то нормально наблюдается вечная мерзлота. Так, в Нарыме, Березове, самом Туруханске, где январский снег глубже 40 *см* и поэтому вышеупомянутое частное около 0,3—0,4, мерзлоты нет. А в Чите, Благовещенске, даже в северной Монголии (Урга), при сходной температуре зимы, но январском снеговом покрове, не превосходящем 12 *см*, мерзлота сильно развита, как во всем Забайкалье и всей верхней части бассейна Амура. Вся область Уссури и нижнего Амура (начиная выше устья Сунгатчи), Аянское побережье и полуостров Камчатка лишены мерзлоты. Не имеет ее и долина Енисея от Туруханска к югу, и только обширная площадь низовья Абакана и Минусинского района и небольшая площадь Чуйской степи в Алтае представляют собою отдельные гнезда мерзлоты. Между Обью и Тазом участки мерзлоты доходят до 62° сев. шир. и даже несколько южнее.

Такое гнездо еще Паллас указал в северной части Тверской губернии, но вообще к западу от Белого моря мерзлота повидимому не распространяется.

1568

Толщина мерзлого слоя бывает очень различна: в Забайкальи и области Амура от 20 и до 70 *м*, в южной части Якутии около 9 *м* и до 45 *м*, но у самого Якутска на глубине 116 *м* слой этот не был пройден насквозь. Оттаивает верхний слой в более южных частях на 6—7 *м*, но в тундрах, под мохом—обыкновенно менее 1 *м*, часто на 20—30 *см* только.

Практическое значение вечной мерзлоты огромно. Образуя совершенно непроницаемую для воды подпочву, она ведет к заболачиванию поверхности. Деревья, вынужденные мерзлотой раскидывать корни в стороны вместо того, чтобы посылать их вглубь,—очень легко подвергаются ветровалу. Сколько-нибудь тяжелые здания и иные сооружения часто подвергаются при неравномерном подтаивании трещинам, неправильной осадке. Сильно влияет мерзлота и на режим рек. Наконец, добывание чистой колодезной воды представляет большие трудности.

РАСТИТЕЛЬНОСТЬ

Растительный покров Севера представляет собою две резко выраженные полосы.

Тундра. Вдоль всего побережья Ледовитого океана и северной части Берингова моря простирается тундра—полярная, безлесная степь. В центральных частях

Библиотека ВИФ СС.Р

Сибири ширина этой полосы, считая от открытого моря, достигает 500—700 *км*, суживаясь в Якутии до 300—100 и местами менее 50 *км*, где по долинам больших рек лес далеко выдвигается к северу. Суживается полоса тундры и к западу.

Так, Мезень, Обдорск, Дудинка, Усть-Янск лежат у границы леса, Нижне-Колымск еще окружен лесом, но Пустозерск уже в чистой тундре.

«Гусиные озера» и их перемычки, северная ч. о-ва Колгуева; 5 сент. 1902.

Низменная тундра—«лапта», как ее называют самоеды, представляет собою летом сплошное болото, легко, однако, проходимое, так как оттаивает только тонкий слой и можно смело итти даже поперек бесчисленных луж и небольших озерок тундры: уйдя в грязь или в воду до щиколотки или даже до колена, редко много выше,—нога далее встречает непрерывный и несокрушимый ледяной пол.

Каменистая или гористая тундра все же сыра, так как влага и испаряется и стекает вглубь медленно.

Самая северная полоса тундры почти вовсе лишена почвенного слоя и представляет собою пятна голой земли или камня и отдельные кустики и плотные дерновины мха, травы или цветущих растений, нередко и карликовых деревьев: береза или ива столетнего возраста в мизинец толщиной стелется во мху, выставляя наружу только листочки. В защиту от приморских

ветров стебли всех растений сильно укорочены, зеленые части сильно сокращены (светлый летний период позволяет это), и только разнообразные цветы белого, голубого, розового, красного и желтого цвета видны на поверхности плотной подушки, привлекая немногих здесь шмелей.

Средняя полоса тундры уже имеет более или менее сплошную торфообразную почву и местами, особенно по речкам, рукавам и вискам (озерным стокам) имеются полосы тальничков высотой до половины голени, до колена.

Наконец, южная полоса имеет уже хорошо развитые кустарники, и не только разных ивняков, но и ольхи, причем кусты вдоль речек достигают даже 2—3 *м* высоты.

Тайга. Южнее открытой тундры лежит широкая, выходящая за пределы Севера полоса тайги, девственного, главным образом хвойного леса.

Впрочем, западная тундра окаймляется с юга березняком, и южнее уже начинается ель. Но сибирская тундра окаймлена лиственницей и «край лесов», как называют на Колыме и Индигирке эту границу, здесь резко выражен: высокие, прямые, хотя негустые насаждения лиственницы вдруг резко, стеною, обрываются и далее идет тундра. Конечно, отдельные кривые и низкорослые лиственницы, даже отдельные (нередко погибшие, сухие) рощицы попадаются местами и севернее, как, в свою очередь, пятна тундры, особенно по возвышенным или очень болотистым местам, попадаются и южнее края лесов.

Белая, древовидная, а не кустарниковая береза начинает попадаться в восточной тайге уже гораздо южнее, приблизительно с широты Средне-Колымска и Верхоянска, а сплошными насаждениями—еще южнее, около полярного круга. Ель, а тем более сосна—не переходят за великий каменный пояс Верхоянского и Колымского хребта, а пихта и кедр едва доходят до Севера, как мы его здесь понимаем. Это, конечно, не относится к особой форме кедра, ползучей, или кедрового сланца, который покрывает хребты и сопки почти непроходимым слоем до самого края лесов.

Еще восточнее, по среднему течению Анадыря и в бассейне р. Пенжиной, границу леса составляют тополи, которые в единичных особях доходят и до дельты Колымы к северу.

Северная тайга, сильно заболоченная, с ветровалами и колоссальными гарями часто представляет собою довольно мрачную картину. Но и в нее глубоко проникают и цветущие кустарники и деревья, и ягоды. Рябина, черемуха—встречаются у Верхне-Колымска; белый и красный шиповник, которым буквально залиты некоторые острова дельты Северной Двины, отдельными кустами в дельте Колымы идет до края лесов.

Из ягод—брусника, голубика, клюква (на востоке очень редкая) и малина, несколько видов смородины—идут очень далеко на север: очень крупная синеватая смородина (принимаемая иногда за дикий виноград) нередка и под Верхне-Колымском.

Шикша, толокнянка, черника и особенно морошка идут и в тундры, и в хорошую осень целые десятины Колгуевской тундры кажутся золотыми от спелой морошки.

Растительные округа. Эти две полосы—тундры и тайги—кладут свой отпечаток на всю жизнь Севера, однако различия в устройстве поверхности, в климате, в составе почвы и, особенно, в происхождении и геологической истории разных частей севера кладут особый отпечаток на растительность разных частей каждой из этих полос.

Крайние лиственницы в тундре р. Кочковатой между р.р. Котельниковой и Гладкой, за Колымой; 24 авг. 1905 г.

Надо сказать, что и помимо богато развитых на севере мхов и лишайников, растительность его вовсе не бедна: для Якутской республики, которая вся входит в описываемый здесь север и составляет около трети его площади, уже сейчас известно около 1.200 видов растений (включая папортники, но без мхов, лишаев и водорослей), и даже для такого небольшого, заброшенного в океан клочка однообразной тундры, как Колгуев, отмечено более 220 таких растений.

Разумеется, более южная, таежная полоса богаче видами, и в ней различия отдельных районов резче выражены.

Самой своеобразной частью является побережье Охотского моря с Камчаткой и Сахалином. Здесь господствует эрманова береза с светло-желтой, а не белой, как у нашей,—корой, и аянская ель. Из ягодных кустарников—голубая жимолость с ее прекрасными ягодами.

Далее к западу идет обширная тайга, где самое характерное дерево—даурская лиственница, где ель—сибирская и береза с белой корой. Даурская лиственница доходит до северной части Байкала (но не до средних частей восточного его берега), до верховьев Подкаменной и нижнего течения Нижней Тунгуски и низовьев Енисея.

К западу отсюда простирается область распространения уже сибирской лиственницы. Она проникает далеко за Урал, не только в бассейн Печоры, который в глазах натуралиста является несомненно частью Сибири, но и в северные части Костромской губ. и еще западнее. Сибирская ель занимает и Лапландию, где настоящая европейская ель встречена лишь у Кàндалакши.

В область более или менее сухой тайги с преобладанием или значительной примесью сибирской лиственницы вклинивается между Уралом, устьем Кети, верховьями Ваха и Тыма и правобережьем Таза обширная, очень низменная и болотистая тайга.

ЖИВОТНЫЙ МИР

Животное население нашего Севера, конечно, тоже очень разнообразно в разных его частях.

Насекомые. Относительно насекомых необходимо отметить необычайное изобилие мошек и комаров. Не трескучие морозы, не зимние ночи, но чудовищные тучи летних комаров затрудняют жизнь и работу на севере. В тихий день гудение их подобно завыванию ветра. Они не дают выцелить добычу, если не сотрешь их рукой с планки ружья. Без замшевых перчаток и без сетки или платка на голове и туземцы редко ходят в это время.

Но зато личинками комара, кишащими в воде, кормятся многочисленные рыбы северных вод, ими же и самими взрослыми насекомыми кормятся и насекомоядные, и даже зерноядные птицы, воспитывающие в это время птенцов.

Только на морском побережьи и островах комаров нет или очень мало.

И другие насекомые заходят далеко на север; муравьи, осы, стрекозы, кузнечики попадаются в небольшом количестве на окраине тундры, а шмели—даже в самых северных частях ее. Жуки и бабочки—главным образом ночницы—многочисленны в тундре.

Рыбы. Из позвоночных животных в реках бассейна Ледовитого океана преобладают многочисленные виды сигов: чир, пелядь, муксун, сельдятка (ряпушка) и др., нельма, но так же встречается в немалом количестве и осетр и стерлядь, а равно и харитон (хариус), налим, щука, окунь, карась, сорога и др., и из лососей—голец.

Водоемы Ледовитого бассейна ни в каком смысле не могут соперничать с колоссальными рыбными богатствами Каспийского или Азовского бассейна или Амура, но все же в них возможен и промысловый лов (не десятки миллионов, как там, а скорее сотни тысяч пудов), и притом рыба превосходных вкусовых качеств. А по отношению к редкому, малочисленному населению Севера рыбные богатства, конечно, значительны и являются источником существенной части пропитания туземцев.

Когда наступает сильный нерестовый ход чира или какого-либо другого из проходных сигов, то в тундренных висках вода волнуется и поднимается, рвутся перетяги, загораживающие их, и, говорят, воткнутое в воду или—вернее—в гущу идущей рыбы весло держится стоймя.

В реках европейской части Севера промысловое значение имеет и лосось, отсутствующий в Оби и далее на восток, где из лососей встречается только голец, да и то в небольшом количестве (в дельте Колымы я добыл всего несколько штук).

В устьях речек и рек и по морским побережьям европейской части Севера добывается еще навага и камбала, как и на Колгуеве, а на Новой Земле—только голец.

У берегов Мурмана производится большой морской лов трески, палтуса и акул, но туземное население в нем почти не принимает участия: это—промысел либо крупных предприятий, либо артелей поморов.

Очень своеобразны рыбы мелких водоемов Чукотского полуострова; оригинальный и древний отпечаток носит вся фауна Чукотки, но это—рыбы ручьев и луж тундры; рек, в сущности, там нет, и для промысла эти рыбы ни малейшего значения не имеют.

Реки и речки бассейна Восточного океана, т. е. Берингова и Охотского морей, сильно отличаются от выше перечисленных и по богатству, и по составу своего рыбного населения. Здесь морские воды много богаче всякого рода мелкими беспозвоночными животными и водорослями, и проходные рыбы несравненно обильнее. Но принадлежат они, главнейшим образом, не к группе сигов, а к группе лососей, по цвету их мяса называемых на северо-востоке красной рыбой (не смешивать с «красной» рыбой Волги и Урала, т. е. с осетровыми).

Кета, горбуша, чавыча и просто «красная» заменяют здесь чира, нельму и омуля и являются еще более важными для местного населения.

Эти рыбы ежегодно идут в реки и речки для икрометания, поднимаясь в самые верховья, ничего не едят в пресной воде и обыкновенно погибают затем от истощения («ход до смерти», как назвал это Миддендорф).

Несомненно, что каждая рыбина идет метать икру именно в ту самую речку, в которой она вывелась. Поэтому, перегораживая речку и вылавливая все идущее в нее руно рыбы, не дав ей выметать икры, легко можно истребить все это отродье рыбы и опустошить систему данной речки на определенную последовательность годов,—и уже нельзя надеяться на то, что в соседних речках есть еще рыба и может снова вскоре зайти и прижиться и в этой опустошенной реке. В этой печальной истине успели уже убедиться и американцы на той стороне Великого океана, убеждаемся и мы.

Пока рыба шла только для питания местного населения,—запасы ее, конечно, были неисчерпаемы.

Но после Портсмутского мира, который царское правительство заключило, сочтя ненужным послать с Витте на переговоры хотя бы одного из имевшихся у нас знатоков рыбного промысла,—камчатская и охотская рыба кормит, кроме местного населения, еще и всю гораздо более многолюдную северную Японию, да еще идет и на удобрение ее полей. И этот ежегодный вылов в Камчатских водах свыше ста миллионов штук рыбы грозит, без своевременных и энергичных мероприятий по охране нерестилищ и по рыборазведению,—полным разорением местных рыбных богатств.

На треску и других морских рыб этих вод пока еще не обращено достаточного внимания.

Гады. Амфибии и рептилии или голые и чешуйчатые гады для Севера по понятным причинам не характерны. Змеи на Север почти не заходят.

Уж найден в области Северной Двины до 63° сев. широты, в Зауралье до 60°, у Красноярска и у Иркутска,—в сущности за пределами Севера, как мы его вначале очертили. Ядовитый щитомордник найден у Красноярска, в верховьях Нижней Тунгуски («Падун»), на нижней Зее и на южном Байкале. И только гадюка найдена далее к северу: в бассейне Уды, в низовьи Олекмы (нередка—я имел ряд экземпляров), в верховьях Нижней Тунгуски, Нарымском крае, под 60° сев. шир. на Сосьве, под Архангельском, а к западу от Белого моря—даже заходит за полярный круг (Кандалакша и далее к северо-западу).

Обыкновенная ящерица найдена под 61° сев. широты в области Сев. Двины и затем у Томска, Красноярска, Канска и Иркутска. Живородящая же ящерица идет гораздо севернее и найдена на Оби под 65 3/4° сев. широты и приблизительно до этой же широты в бассейне Вилюя, на Нижней Печоре, а в западных частях Мурмана—до самого океана.

Из голых бесхвостых гадов несколько видов доходят до окраин нашей области: квакушка—до Нерчинска, монгольская жаба—до Иркутска, азиатская—до низовьев Амура, сахалинская—свойственна названному о-ву. Только серая жаба найдена в Финляндии—за полярным кругом (67° сев. широты), под Архангельском, под 60° сев. широты на Урале, в северо-восточной части Нарымского края и под Иркутском.

Остроносая лягушка найдена под Архангельском, Мезенью, Березовом, Туруханском и в верховьях Н. Тунгуски. Травяная лягушка найдена на Мурмане до моря, под Архангельском, на Нижней Печоре, у Обдорска и Туруханска, в Верхоянском хребте и на среднем течении Колымы. Очень похожая на травяную—азиатская лягушка (очень часто смешиваемая с нею даже специалистами) найдена у Томска, в верховьи Н. Тунгуски, на Вилюе, на Зее и в самом низовье Амура и у Верхоянска. Я добыл несколько лягушек еще севернее, у Абыя на границе тундры, но не знаю, к какой из двух последних близких форм они относятся.

Из хвостатых голых гадов обыкновенный тритон едва заходит в нашу область (Лысая гора в бассейне Томи), за то сибирский или равнопалый тритон распространен, начиная средним Уралом и Сосьвой, очень широко: найден в Сургутском крае, в Верхоянске, на Колыме, на Анадыре и даже на полуострове Камчатке. На Колыме, как я убедился, иногда попадается даже в дельте.

Звери тундры. Гораздо богаче и существеннее для населения два высших класса позвоночных: птицы и звери. Перечислять их все заняло бы слишком много места и можно упомянуть лишь о наиболее характерных или имеющих промысловое значение.

Для тундры из зверей совершенно характерными можно считать только песца, роющего там свои норы, но зимою заходящего и в притундровую часть тайги, да несколько видов тундровых пеструшек (леммингов) и полевок. Белый медведь делает свои берлоги и мечет детенышей в береговых частях тундры, а зимою заходит изредка даже в притундровые леса (например, Нижне-Колымск), но в общем жизнь его связана с полярными льдами.

Кроме того в тундре, даже на островах, обитает ряд зверей, распространенных более или менее широко и потому не характерных именно для тундры, хотя и не избегающих ее. Сюда относятся: лисица, волк, горностай, выдра, ушканы (заяц-беляк), пищухи, евражка (суслик), дикарь (дикий северный олень). Связанные собственно с горными хребтами—чубук (горный баран) и тарбаган живут и в горах тундры, причем чубук изредка доходит до самого мыса Дежнева.

Заходит в тундру и россомаха, мех которой так любят чукчи, а весной и летом даже лесной или бурый медведь, доходящий при этом иногда до самого Ледовитого океана. По некоторым данным даже бурундучок иногда заходит в тундру.

Своеобразна должна быть в тундре жизнь тарбагана или евражки: им там жить приходится собственно $3^1/_2$—4 месяца, самое большее—с конца мая или начала июня до середины или конца сентября. А остальные 8—$8^1/_2$ месяцев спят, закупорившись в своих промерзших норах. Недаром евражка отступает там от свойственных всем сусликам вегетарианских привычек и поедает иногда птиц (раз я извлек из желудка одной целую ногу с бедром куличка—чернозобика).

Птицы тундры. В летнее время в подходящих, хорошо орошенных частях тундры птичья жизнь поражает своим обилием. Но это впечатление основывается на множестве особей. Число же видов не особенно велико, а видов, характерных именно для тундры и только в ней гнездящихся, совсем мало.

Сюда относятся немногие формы кречетов и сапсанов, белая сова, тундряной лебедь, белый и голубой гуси, пять видов казарок, один или два из гусей—гуменников, из уток только 4 вида гаг (пятый заходит далеко и в таежную полосу), да морянка (аулейка) и до дюжины видов куликов.

Из чаек сюда относятся торбеи или поморники, белокрылая и белая чайки, моевки, вилохвостая и розовая чайки и некоторые формы серебристых чаек. Из гагар—только белоносая гагара.

Из певчих—рогатый жаворонок, пуночка, подорожник, красношейный и сибирский коньки.

Даже белую и так называемую тундренную куропатку нельзя назвать чисто тундренными птицами: белая куропатка в огромном числе гнездится и во всей почти таежной полосе, местами даже в колках и кустарниках степей. «Тундренная» же куропатка связана не с тундрой, а с горными хребтами.

К этому очень скромному количеству чисто тундренных видов прибавляются еще виды криволесья (например, белая чечетка) и длинный список видов тайги или еще более широкого распространения, заходящих гнездиться, и иногда в очень больших количествах, и в тундру. Сюда относятся: болотная сова, орлан-белохвост, мохноногий канюк, полевой лунь, дербник, очень многие кулики, утки, все гагары, некоторые ласточки, варакушка, сибирская завирушка, каменка, трясогузки и даже некоторые пеночки: пеночка-весничка гнездится, конечно, в ивняках, но так как за 69° сев. широты эти ивы имеют стволы около $^1/_4$ или $^1/_2$ *см* в поперечнике и поднимаются от почвы едва на четверть, то это не нарушает характера открытой тундры и не делает ее криволесьем.

К этой же группе широко распространенных птиц относится и ворон,—одна из немногих птиц, остающихся в тундре и на зиму. В это суровое время года даже большая часть полярных сов, белых и тундренных куропаток отлетают к югу и, следовательно, на зиму остается всего 4 только что названных вида птиц.

Животные округа тундры. Как ни однообразна природа тундры и как ни беден видовой состав чисто тундровых животных, однако разные части тундры различаются между собою по своему животному населению.

Резче всего выделяется восточная часть тундры, включая долину Лены к западу. Здесь мы находим белошейную гагару, очковую гагу, розовую чайку, белого и голубого гусей и толстоклювого гуменника, песочников—лопатоклювого, острохвостого и дутыша. Западнее они не гнездятся.

Центральная часть тундры от Ямала до Хатанги характерна присутствием краснозобой казары, которой нет ни восточнее, ни западнее, а также песочниками—краснозобым и исландским.

Наконец, западная часть тундры имеет двух характерных птиц: камского или тонкоклювого гуменника и обыкновенную сивку.

Среди зверей различия, конечно, лучше улавливаются на более изменчивых мелких зверях. Так, в восточной части тундры имеются: пищуха, суслик, тарбаган, которых не имеется, повидимому, к западу от Ленского бассейна. Колымская и рыжая пеструшки заменены западнее лапландской и обской. «Узкочерепная полевка Бутурлина» заменяется в Большеземельской тундре другим (кажется, еще формально не описанным) видом.

Звери и птицы тайги. Переходя к обзору зверей тайги, мы на первом месте должны поставить белку—главного промыслового зверя, затем соболя, куницу, норку, колонка, ласку, рысь, и из копытных—сохатого и кабаргу. Известен исключительный случай захода под Якутск тигра, и иногда до низовьев Олекмы доходят изюбрь и гуран (или косуля). О других лесных зверях упоминалось выше, при упоминании заходов их в тундры. Мелких зверьков—землероек, полевок и т. п. перечислять не буду.

Из птиц здесь обитает длинный ряд тесно связанных с лесом, именно, много видов дятлов, синиц, дроздов, сов, овсянок и мн. др. Из промысловых сюда относятся лебедь-кликун, длинноклювый гуменник, поганки; из уток—широконоска, большой чирок, турпан, синьга, гоголь; из куликов—кроншнепы, улиты, и ряд куриных птиц: глухари, тетерев, рябчик. К вышеупомянутым воробьиным надо добавить еще ворон, соек и кукш, кедровок; в более южных частях присоединяются сороки, голуби, болотные курочки.

Кроме того. конечно, масса видов широкого распространения (шилохвость, турухтан, болотная сова и т. д.).

Весьма характерной для тайги следует признать особенность, отчасти наблюдаемую и в тундре: обширные пространства кажутся совершенно пустынными, летом не услышишь чириканья никакой пичужки, зимою девственную белизну снега не нарушает никакой след. Можно десятки, и иногда очень многие десятки километров итти или ехать такой однообразной пустыней. Затем, при приближении к какой-либо речной долине, озерной котловине, даже просто расчистке или пространству более разнообразных насаждений,—жизнь начинает бить ключом.

Животные округа тайги.

Таежная полоса, гораздо более богатая видами, резче и нагляднее распадается на участки с различным составом птичьего и звериного населения.

Так, в западной, или европейской части северной тайги есть норка и куница, которые не переходят или почти не переходят за Урал, и нет колонка, соболя (оба попадаются здесь лишь близ Урала), чубука, кабарги, тарбагана.

В свою очередь, восточная, за-ленская тайга имеет очень характерные черты. Здешняя белка является особым видом, она не рыжеет, а чернеет на лето (и вовсе не только в горах, как иногда говорят). Фауна других мелких грызунов здесь богаче, чем в средней России. Сохатый индигирско-колымского края по огромной величине своей и форме рогов ближе к аляскскому лосю, чем к сибирскому. Якутскую лису с ее шелковистым мехом даже наощупь не трудно отличить от русской или енисейской. Ласка этого края по своей малой величине отличается от более западных видов. Отличен и горностай.

Особо выделяется полуостров Камчатка. Несмотря на свое сравнительно южное положение (южный конец южнее Иркутска и Саратова) и на обилие там пищи (обилие трав, кустарников и различных деревьев, ягод, орехов)—там нет многих зверей, обычных на материке в этих широтах. Нет белки, сохатого, изюбря, гурана, кабарги, колонка, рыси. Особыми видами представлены здесь тарбаган и евражка. Землероек только три, а не 5 видов, как на гораздо более северной Колыме.

Из птиц на Камчатке нет филина, уральской совы, воробьиного сычика, кукши, сойки, тетерева, рябчика, голубей, цапель и некоторых других. С другой стороны многие птицы представлены своеобразными видами или подвидами. Поэтому вполне правильно указание, что фауна Камчатки до сих пор сохраняет резко выраженный островной характер.

Входить в дальнейшие подробности и указывать на примерах из распространения птиц дальнейшие подразделения Севера на зоологические участки потребовало бы слишком много места. Достаточно указать только на два обстоятельства.

Одно состоит в том, что великий каменный пояс Верхоянского и Колымского хребтов служит резкой зоологической границей. Внутрь его не проникают: филин, коршун, голуби, болотные и водяные курочки, цапли, стрижи, желтобровая овсянка, снегирь и мн. др. С другой стороны за пределы его не выходят к западу и югу открытые и описанные мной в 1905 г. голубой ястреб, большой лесной сыч, колымский рябчик, колымская гаичка, а своеобразный полярный поползень выходит за эти пределы очень мало (до нижнего течения Вилюя).

Летнее промысловое русско-юкагирское селение «Горла» между оз. Нерпичьим и Чукотским, самая сев.-зап. ч. Колымской дельты; сушка «юколы»; 8 сент. 1905.

СЕВЕРНЫЕ ПРЕДЕЛЫ ЖИЗНИ

Другая интересная черта распространения животной жизни на севере заключается в следующем.

Если мы проследим северные границы распространения разных групп и видов животных в пределах Европы и Азии, хотя бы по вышедшему незадолго перед войной пятому тому известного физического атласа знаменитой фирмы Бартоломью в Эдинбурге, мы увидим, что эти границы на самом западном своем конце, в пределах Лапландии и особенно Скандинавии, делают значительный изгиб к северу,—а в восточной части, в пределах Якутии и частью Дальнего Востока, наоборот, образуют весьма значительный изгиб к югу.

Объяснение этим обоим изгибам дается очень простое и наглядное: в северо-западной части Европы под влиянием Гольфштрема климат значительно смягчается, так что Мурман не замерзает всю зиму, и естественно звери и птицы могут обитать здесь в более северных широтах.

Что касается Восточной Сибири, то под влиянием хребтов (Яблонового, Станового, Верхоянского и др.), отгораживающих более северные части от южных влияний,—и зимнего антициклона, там образуется одна из самых холодных областей на земном шаре, с полюсом холода у Верхоянска. И эта крайняя суровость климата не позволяет животной жизни проникать далеко на север.

И вот, фактическая проверка на месте показала мне еще в 1905 г., что если влияние Гольфштрема является несомненной истиной, то якутское понижение северных границ под влиянием полюса холода было мнимым, основанным только на отсутствии сведений (Врангель занимался чисто географическими работами, Миддендорф проходил здесь зимой, когда жизнь действительно бедна, а все сборы Майделя сгорели в Иркутске до их обработки). На самом же деле наблюдается как раз обратное явление: и растительная, и животная жизнь в Восточной Сибири проникает так далеко к северу, как не проникает ни на крайнем востоке, ни в Западной Сибири или Восточной Европе.

Это обстоятельство представляет огромный интерес не только с научной стороны, но и с точки зрения дальнейших хозяйственных перспектив Севера.

В самом деле, в своем докладе Германскому орнитологическому о-ву в конце 1907 г. о географическом распространении птиц в северо-восточной Сибири я приводил 24 вида птиц разных групп, которые в области Лены, Яны, Индигирки и Колымы распространяются несравненно севернее, чем в других частях Азии или Евр. России, и даже по отношению к области влияния Гольфштрема идут на 1—2 и до 7 градусов севернее, чем там.

Самый резкий пример—это, пожалуй, близкие к синицам, но по манерам и длинному клюву несколько напоминающие дятлов, поползни. Из почти девяти десятков форм этого семейства ни один представитель не заходит в полярную область ни в Америке, ни в Старом Свете, достигая приблизительно 62° сев. широты на Печоре, 64° сев. широты на Сев. Двине и едва переходя $66^1/_2{}^0$ в Скандинавии. Но в области «полюса холода» между 130 и 156° вос. долготы (от Гринвича) и 60 и 68° сев. широты оказался гнездящимся до границ тундры особый представитель этого семейства, которого мне пришлось признать типом не только особого вида, но и нового рода «полярных поползней».

Но если представители диких животных, даже неперелетные птицы (напр., тот же поползень), могут здесь распространяться так далеко внутрь полярного пояса, то почему не могут следовать

этому примеру и культурные животные. И мы, действительно, видим здесь тот поразительный факт, что в этой области коров держат за 72° сев. широты, как нигде на земном шаре, а лошадь на Яне, Индигирке и Колыме, далеко за полярным кругом и на границе тундры, живет круглый год на подножном корму.

Разгадка этих фактов заключается, конечно, в том, что для растительности и для огромной части животных вовсе не важны ни средние годовые температуры, ни ужасные морозы, господствующие здесь в течение зимы, когда ртуть на целые месяцы оказывается твердым металлом, земля трескается, дерево становится хрупким, как стекло, так что от легких ударов по кустам и ветвям они со звоном разлетаются на куски, а при засупонивании хомута одна за другой лопаются массивные деревенские дуги.

В это время почти все птицы находятся в южных частях тайги или даже в теплом поясе (из восточно-сибирских птиц около трех десятков долетают зимой до Австралии), насекомые зимуют в стадии яиц или куколок, звери также по большей части либо спят, либо откочевывают, либо одеваются густым и теплым мехом. Спят и растения. Всему этому органическому миру совершенно безразлично, доходят ли в это время морозы до 7°,—70° или—170°. Но жизненные условия, приходящиеся на летний период, для них очень не безразличны. А чем континентальнее климат района, тем больше разница между зимней и летней температурой, тем, при прочих равных условиях, благоприятнее жизненные условия летнего времени.

Этим и объясняется, что внутри обширных континентальных масс, где помещается полюс холода, в то же время растительная и животная жизнь распространяется наиболее далеко к северу, указывая на полную возможность более северного проникновения земледелия и скотоводства.

МНИМЫЕ УЖАСЫ СЕВЕРА

Мы теперь самым кратким образом ознакомились с устройством поверхности, климатом и распределением растительной и животной жизни на нашем Севере. Является вопрос:—действительно ли так безнадежен этот—

«Ужасный край, откуда прочь
Бежит и зверь лесной,
Когда стосуточная ночь
Повиснет над страной»,—

по выражению Некрасова,—действительно ли так трудна и страшна там жизнь, как представляется она южанам, почему бедны и вымирают туземцы, и какое будущее имеет Север.

Южное происхождение культуры.

Род человеческий мог возникнуть, развившись из ниже стоящих форм, конечно, только в таких климатических условиях, которые дают возможность существовать при почти безволосом теле и при слабом естественном вооружении(зубы и когти), т. е. в тропических или подтропических условиях. Отсюда человек распространялся далее и далее в области умеренных и полярных поясов по мере улучшения своей техники в части выделки орудий охоты, одежды,—вообще по мере роста культуры.

Лиственичная тайга между Средне и Верхне Колымском; якутская юрта и рыболовная «морда»; 22 окт. 1905.

Вполне естественно поэтому, что тропические или подтропические области, уже обжитые, знакомые, представлялись человеку чем-то более близким, родным, более гостеприимным, чем незнакомый, еще пустынный север. Трудности жизни и хозяйственные задачи юга он уже умел преодолевать, так как там выросла его культура, север же представлял, быть может, не более трудные по существу, но иные, еще не разрешенные задачи, и тем самым задачи, казашиеся гораздо более страшными.

Поэтому-то всегда люди смотрели на более северные, чем их родина, страны с предвзятым страхом и пренебрежением и всегда при этом, как показывало время, ошибались.

Если мы обратимся к истории, то увидим, что знаменитый греческий путешественник и географ Геродот говорит о тепе-

решней южной Украине и о Крыме, как о суровом, холодном севере. И еще ярче изображает ужасы климата теперешней Румынии римский поэт Овидий, сосланный туда около 2.000 лет назад.

Германия, теперешняя Франция и Бельгия—цветник Европы—и Англия с ее изумрудными лугами—также описываются римлянами Тацитом и Юлием Цезарем, как дикие, холодные, неприветливые страны.

В средние века не раз французские писатели дивились, зачем люди живут в такой холодной и дикой стране, как Англия; не раз не без основания указывали, что у мавров в Испании конюшни для мулов и лошадей устраивались просторнее, чище и удобнее, чем «дворцы» тогдашних английских королей.

Отзывы голландских, английских, итальянских путешественников по старинной «Московии» в таком же виде выставляют льды и снега нашей страны, где мы достаточно хорошо себя чувствуем.

Но и позже продолжается нечто подобное.

Относительно Вольтера можно быть разного мнения, но в одном никто никогда не сомневался—это был один из умнейших людей XVIII века. И он издевался над французским и английским правительствами, воевавшими, по его словам, «из-за нескольких десятин снега» (Канада—американская Сибирь). Характерно при этом, что победители—англичане требовали собственно не Канады, составляющей в сущности всю северную половину Северной Америки, а крошечного тропического островка Гваделупы. Но на это тяжелое пожертвование никак не соглашались побежденные и торговались, пока наконец знаменитый физик Франклин не уговорил англичан уступить и принять вместо Гваделупы—Канаду. А что теперь Гваделупа перед Канадой!

Перешагнем еще на 100 лет ближе к нашему времени. В 1867 г. американский сенатор Сьюард купил у русского царского правительства Русскую Америку—теперешнюю Аляску, открытую, обследованную и частью заселенную нашими предками, за 7.200.000 долларов, что по тогдашнему курсу составляло 8.640.000 руб. зол.[1]). И за эту покупку Сьюард долго был мишенью всех карикатуристов Америки. Долго не только политические враги его партии, но и друзья звали Аляску не иначе, как «ледник Сьюарда», или «безумие Сьюарда». И оправдывалась эта «невыгодная покупка» только тем, что, мол, надо же было как-нибудь вещественно отблагодарить Россию за предоставление эскадры адмирала Лисовского в полное распоряжение Соединенных шта-

---

[1]) Конечно надо учитывать, что золотой рубль 60-х гг. был в полтора раза больше, чем предвоенный, вследствие произведенной С. Ю. Витте в 90-х гг. девальвации.

тов в моменты самого острого их столкновения с Англией. Только с девяностых годов, с открытием золота в Клондайке, обратили внимание на этот «погреб Сьюарда» с иной стороны.

Статистика, однако, показывает, что с 1867 по 1920 год из Аляски вывезено: рыбы на 910 миллионов рублей зол., золота на 639 млн. руб., меди на 254 млн. руб , пушнины на 181 млн. руб., а всего различных товаров на 2.016 млн. руб. За истекшие со времени этого подсчета $7^1/_2$ лет вывоз увеличился по меньшей мере еще на 1.000 млн. руб., следовательно за 60 лет покупная плата покрыта более, чем в 300 раз.

Последний пример из противоположного полушария. Полярный архипелаг Шпицбергена, древний русский Грумант, несомненно открыт был новгородскими поморами и поморы долгое время промышляли там, строили промысловые избы, зимовали подолгу, служили шкиперами для указания туда пути и западно-европейцам.

Затем киты и прочий промысловый зверь на Груманте и в его водах сильно истощился,—в связи с общей экономической политикой царского правительства север оставался в забросе, и хотя при измерениях земного градуса Шпицберген был снят и обследован почти целиком русскими учеными (выполнившими и свою долю международного задания и значительную часть того, что должны были, но не смогли выполнить шведы) Ф. Н. Чернышевым, А. С. Васильевым и др.,—однако от политических прав на Шпицберген мы отказались.

Даже англичане, в политике обыкновенно придерживающиеся мудрого правила: «давай сюда и веревочку, и веревочка на что-нибудь пригодится», устами одного из своих величайших государственных людей—Гладстона, отказались от всяких притязаний на Шпицберген, и он почти навязан был правительству Норвегии незадолго перед войной. А теперь в угольные копи и железные рудники Шпицбергена уже вложены сотни миллионов рублей. Великолепное качество и легкая доступность руды и угля обеспечивают этой промышленности несомненную будущность, и, делая здесь свои заявки, советской власти приходится в гораздо более трудной обстановке исправлять здесь политические и экономические ошибки, наделанные царским правительством.

Исторический ход культуры на север.

Если южане всегда смотрели на более северные страны, как на что-то страшное, суровое, то с другой стороны именно более северные, более деятельные и энергичные народы являлись обыкновенно завоевателями юга.

Захват Африки финикиянами, затем римлянами, затем арабами, Малой Азии—македонянами, южной Европы—германскими племенами, Китая—маньчжурами, Индии—тюрками—все это были захваты более северными племенами южных стран.

Профессор Джильфиллан нанес на график движение центров цивилизации за последние 5 тысяч лет относительно средних годовых температур местности и получил в виде кривой тот известный факт, что центр цивилизации и политического могущества в общем передвигается все далее и далее к северу.

Такого рода общие исторические явления не могут объясняться простою случайностью. На тропическом юге жить легко. Но он не только не способствует росту того, что есть наиболее драгоценного на свете—производительной рабочей энергии человека, но, наоборот, подавляет ее. Человек белой расы трудно приживается в тропиках и с течением поколений вырождается там.

Золотые пески и алмазы Бразилии и Индии, вечная зелень, фрукты и непрерывные урожаи тропиков—все это очень хорошо, но только человеческий труд творит ценности, и основной «естественной производительной силой» земли является сам человек. Тот климат, те внешние условия, которые способствуют наибольшему развитию человеческой энергии и наилучшему сохранению ее в ряде поколений,—они и являются наилучшими в истинном смысле.

Когда мы говорим о «хорошем, теплом климате», мы в сущности под словом «хороший» разумеем «приятный для безделья, для отдыха». Плантатор может находить приятным жить, сложа руки и заставляя негров работать на себя. Но плантатор не является идеалом человеческой личности—даже с буржуазной точки зрения, как не является таким идеалом и больной, нуждающийся в климатическом лечении.

Для работы, для деятельной жизни, даже для настоящего живого спорта север гораздо приятнее и здоровее, и чем более человек привыкает к нему, тем лучше он там себя чувствует и тем полнее приспосабливает к его условиям свое хозяйство.

Один из наших великих сибирских путешественников—Гмелин, проводил северную границу земледелия около Иркутска. А полвека спустя, в сороковых годах XIX века, Миддендорф нашел его уже за Якутском, за 62° сев. широты, а в начале XX века можно было наблюдать удачные зачатки его в Родчеве на Колыме, почти под полярным кругом.

Гениальный К. Э. фон-Бер, глядя на мрачные, пустынные тогда скалы Новой Земли, говорил, что здесь положен предел исканиям человека, что никогда не сможет он укрепиться на этих суровых берегах. А между тем давно уже, через немного десятков лет после его слов, укрепились там и самоеды, и белые промышленники, и растет число становищ, и работает целое научное учреждение—обсерватория на Маточкином Шаре.

Вымирание туземцев.

В сущности суровость, неуютность севера всегда доказывалась главным образом фактом вымирания северных сибирских «инородцев». Но чтобы это вымирание носило естественный, физиологический, а не

социальный характер—это не только никогда не было доказано, но для лиц, лично знавших север и не связанных буржуазными и расовыми предрассудками, истинное значение факта давно было ясно. Я просто позволю себе привести здесь выписку из своего отчета министерству внутренних дел о продовольственном положении Колымского края,—отчета, напечатанного более 20 лет назад («Отчет» и т. д., 1907 г., стр. 143).

«Если бродячие инородцы действительно вымирают, то причины этого очевидны, временны и устранимы: причина та, что они столкнулись с цивилизацией, но цивилизацией исключительно в форме спирта, сифилиса и торгового обмана,—и с государственной организацией, но исключительно в форме требования ясака. Поэтому и разумнее, и человечнее будет не пытаться надменно предсказывать приговоры провидения племенам и народам, но просто постараться оказать посильную и в сущности несложную помощь племенам мирным, благородным и нередко выработавшим в себе до поразительной степени некоторые качества, могущие быть крайне полезными и высоко культурному государству (как качества прирожденных разведчиков и топографов у ламутов)».

Чем собственно может быть страшен север. Морозами? Бесконечной зимой? Коротким летом?

Морозы. Мороз сам по себе не представляет ничего ужасного, если уметь одеваться. В нашем среднем Поволжьи, нашей житнице, почти каждую зиму доходят морозы до—43°С, а в 1892 г. доходили до—52°С, и никто еще не находил жизнь в Самаре, Ульяновске или Казани несносной из-за морозов. А между тем поволжская овчина, хотя бы и романовская, при пятидесятиградусных морозах греть перестает и становится ломкой, жесткой и теплопрозрачной, как жесть. Это не то, что оленный выпороток или пыжик, всегда остающийся легким, мягким и теплым.

Сколько раз приходилось видеть, как на лай собак рано утром якутские ребятишки выскакивают совершенно голыми на пятидесяти—шестидесяти градусный мороз (по стоградуснику) и стоят, дымясь в тихом воздухе бронзовой поверхностью своего тела. Приходилось и самому одеваться и раздеваться в этой температуре, при которой стеариновая свечка выгорает трубочкой вокруг фитиля и пламя не в силах растопить наружного слоя стеарина. Ощущение в сущности то же, что и на морозе в 5 или 10 град., только остываешь чрезвычайно скоро и надолго, даже глазное яблоко холодеет.

При ветре шестьдесят градусов мороза — несносная вещь, но это бывает редко (я испытывал только в ущельи Догдо в Тас-Хаях-Таге) и лично я все-таки предпочитаю даже это, чем палящую июньскую жару Кулунды или окраин Туркестана.

Если мы вспомним необычайную чистоту северного воздуха во всякое время года, отсутствие в нем пыли, микробов, то мы поймем, почему жизнь на севере оказывается такой здоровой для всех, кто туда попадает здоровым, и даже для многих, кто попадает туда больным.

«Ишь тебя разнесло, точно с Колгуева вернулся»,—говорят поморы пополневшему человеку.

Полярная ночь. Зимний день действительно короток на севере, а далеко за полярным кругом сплошная зимняя ночь захватывает под ряд недели и месяцы. Я полагаю однако, что правы те, кто подавляющее влияние полярной ночи на нервы и здоровье приписывает исключительно воздействию воображения—самогипнозу.

Главная роль солнечного излучения для организма человека заключается, повидимому, в выработке некоторых витаминов. Но для этого вовсе не нужно ежедневной работы солнца. В летнее, светлое время северные рыбы: треска, лосось и др., и северные звери: олени, чубуки,—откладывают у себя в печени большие запасы насыщенного витаминами жира, который и переходит в организм северянина, когда, например, он ест почти сырые «семужьи пупки», несравненно более богатые витаминами «А» и «Д», чем даже лучший рыбий (тресковый) жир.

Нельзя не оговорить еще, что полярная ночь—понятие весьма относительное. Не говоря о звездах и луне, ярче светящих в беспыльном и сухом воздухе полярной зимы, очень много света дают и сполохи, т. е. северные сияния, начинающиеся еще в августе и перестающие быть видимыми белыми ночами начала апреля.

Между 67—70° сев. широты уже к концу октября сполохи становятся почти ежедневным явлением, при чем, начинаясь на северо-востоке, уже часам к 9—10 вечера световые завесы и столбы обыкновенно захватывают и зенит, а позже—и весь видимый небесный свод до южного горизонта; света при этом бывает совершенно достаточно для чтения на воздухе обыкновенного газетного листа. Следовательно, это уже не «ночь» в обычном смысле слова. Дело конечно не в чтении, но в возможности ездить, ходить и даже, по нужде, стрелять при таком освещении.

Что же касается предполагаемого психического угнетения под влиянием зимней темноты, то я лично всегда предпочту северную тундру со сполохами над головой—туманному московскому или ленинградскому зимнему дню на дне одного из столичных дворов-колодцев. И своеобразна должна быть психика, на которую не действует в хорошую сторону оригинальная красота этого своеобразного полярного явления.

Даже простой, одноцветный сполох с его неожиданно и причудливо играющими, бесшумно передвигающимися, тускнеющими и вспыхивающими лучами и пятнами света красив чрез-

вычайно, но когда к обычным бледно-фисташковым тонам начинают примешиваться дополнительные бледно-розовые цвета, а затем и кроваво-красные и синие,—то красота всего явления становится поразительной и незабываемой. Недаром один из знающих север людей писал в свое время самоотверженной работнице севера—Таисие Михайловне Акимовой, 8 лет ссылки проведшей в полярных условиях и работавшей потом, в лучшие времена, в нашем Комитете содействия:

«В даль минувшего ушли вы—
Тундры, горы и холмы,
И туманные разливы
Беспредельной Колымы;
И несчетные станицы
Уток, чаек и гусей,
И сверкающих на солнце
Белоснежных лебедей;
И осеннего полудня
Бесконечная заря,
И туманного сполоха
Переливная игра.
В даль минувшего ушли вы—
Тундры, горные хребты,
И скалистые обрывы
И разливы Колымы,
И бесшумное мерцанье
В тихой северной ночи,
Беспокойного сполоха
Разноцветные лучи».

Если бы полярная темная зима действительно была так тяжела для человека, как это думают на юге, то, конечно, короткое лето было бы тем более дорогим для северянина даром судьбы. На самом деле этого не замечается. Все туземные праздники севера приходятся на зиму. Летом носится самое поношенное, старое платье, и возвращения зимы все (кроме рыболовов) ждут с гораздо большим нетерпением, чем ее окончания. Если приезжие не разделяют этих чувств северян, то лишь потому, что для них лето, навигация—означает либо получение вестей из дому, либо возможность вернуться домой.

Полярная весна. Конечно, сама по себе северная весна прекрасна. И та ранняя, белая весна, которую с точки зрения южанина, пожалуй, вернее называть второй или светлой частью зимы, и поздняя, зеленая весна.

В тундре и притундровой полосе белые ночи начинаются уже в марте, а во второй половине апреля ночь отличить от дня в пасмурный день уже очень трудно. Обычно и в апреле, и в мае

снег лежит еще сплошной или почти сплошной пеленой, но солнце уже почти не сходит с неба, воздух под влиянием продолжающегося антициклона тих и прозрачен, и теплые солнечные лучи легко отражаются от поверхности снега. В эти месяцы на лыжах по плотному насту ходить несравненно легче, чем летом (или зимой), и нет никакой нужды одеваться теплее, чем сидишь в комнате, если уверен, что не заночуешь «на сендухе». А если в мае месяце поднимаешься даже не высоко в горы, на какие-нибудь 500—700 метров над уровнем моря, то, несмотря на мороз в 10—15°, легче обжечь себе на солнце кожу рук и лица, чем озябнуть.

Примерно с середины мая по южным склонам образуются небольшие проталины, на которых бьются стайки гусей, а куропатки, чечетки, пуночки, орланы и вороны появляются на окраинах тундры много раньше, еще в первой половине апреля. Но в восточной тайге приближение весны можно узнать и без ворон и куропаток.

Даурская лиственница, образующая главную поросль северной половины восточной тайги, обладает замечательным свойством,—ни у сибирской, ни у европейской лиственницы не замечаемым. Еще при морозах и снеге, как только солнце начинает пригревать сильнее (в конце марта или начале апреля н. с. за полярным кругом) и начинают припухать почки, она начинает распространять чрезвычайно сильный и в то же время необычайно нежный аромат, совершенно иного рода, чем например, тоже приятный, но грубый и резкий, хотя и гораздо более слабый запах сосны.

Этот чудный всепроникающий, освежающий аромат даурской лиственницы не может не обратить на себя внимания даже постоянных обитателей северной тайги, и в это время в каждой якутской юрте находишь в углу молоденькое деревцо или большую ветку лиственницы в ушате с водой, и нежный запах растения заглушает даже вечный запах плохо вычищенного «хотона» (нераздельная часть юрты, отведенная под коров).

Только тогда, когда иглы лиственницы совершенно выбьются из почек миллиметра на 2 и на лиственничники ляжет зеленая дымка, исчезает этот чудный сильный аромат, заменяясь обычным запахом хвойного леса. Забайкальские путешественники не говорят об этом явлении, которого невозможно не заметить, и потому допустимо, что оно свойственно только высоким широтам.

Солнечная, сухая и снежная весна тянется, смотря по ветрам, в тундре до середины, иногда до конца мая и даже начала июня. Пока длятся ветры с северных румбов, заменившие спокойствие зимнего антициклона, стоят морозы—нередко до 30°, и плохо себя чувствуют передовые лебеди, гуси, чайки. Но стоит ударить южным ветрам, и картина меняется с волшебной быстротой, совершенно незнакомой жителям более южных стран.

Именно про этот второй период, мокрый, зеленый период полярной весны сложилось мнение, что на севере весны нет и зима прямо переходит в лето.

Плотный, саженный снег тундры давно уже ослаблялся не только сверху лучами почти незаходящего солнца, но и снизу, так как в тальниках и карликовых зарослях ив и берез давно уже началось движение соков и развитие жизненной теплоты. Теплые южные ветры с туманами и дождями съедают этот снег прямо на глазах, валом валит перелетная птица и с юга—из Китая, Австралии, Индии, и с юго-востока—с незамерзающих ключей Камчатки, и прямо с востока, через Аляску, с американских зимовий, и с запада—из Африки и Персии через Урал, и даже с севера, с вечно подвижных полыней Ледовитого моря.

Полярное лето. Едва появившись, птицы уже откладывают свои яйца между быстро пробивающимися зелеными стеблями и листьями. И где в конце мая только вой метели нарушал бледную тишину тундры, там в середине июня над зеленой поверхностью с миллионами разноцветных шишечек разных видов ползучих ивняков стоит смешанный гул, в котором привычное ухо различает жестяное трещание и кудаканье куропатиных самцов, протяжные, не похожие на утиные, голоса аулеек, гогоканье мородушек, скрипучее карканье крохалей, гнусавое кряканье чирков, мелодичное кукукание лебедей, грубые голоса чаек, заунывные вопли гагар, соловьиные трели варакушек, звонкие крики бесчисленных куликов, взлаивание песцов.

А к середине июля некоторые из птиц со своими птенцами уже отправятся на зимовки, либо на юг, на крыльях, как кулик-фифи, либо даже на север—пешком и вплавь с пуховыми птенцами, как розовая чайка. Все здесь в это время—«и жить торопится и чувствовать спешит», по словам поэта. Даже уже в начале июля к свежей зелени тундры примешиваются золото и багрянец осени, так как не часто проходит 2—3 недели без заморозков.

В конце августа повалит уже обратный вал перелетных стай уток, гусей, куликов, а к середине сентября лужи, озерки и виски тундры затянутся тонким льдом и снежок начнет покрывать и осенние багряные листья карликовой березы, и весеннее золото калужниц, и голубые, синие и розовые шапки незабудок.

По времени, таким образом, действительно северное лето коротко и кажется какой то смесью весны и осени. Но для жизни растений,—а на них опирается и жизнь животных—важно собственно не столько число летних дней, сколько сумма получаемого тепла и в особенности солнечного света.

Не нужно глубоких познаний по космографии, чтобы понимать, что каждая точка вертящегося в пространстве земного шара получает в течение года от солнца одинаковое количество света, если пренебречь колеблющимися условиями прозрачности

воздуха. Но есть еще явление «рефракции», некоторого изгибания световых лучей в толще атмосферы, и рефракция всегда действует в одну сторону, несколько приподнимая видимый солнечный диск над горизонтом. Это в свою очередь ведет к тому, что фактически полярная часть земли получает некоторое количество света и тепла даже тогда, когда в сущности солнце еще (или уже) находится под горизонтом. Значит, в сумме за год получает даже несколько больше, чем экватор.

Но главный выигрыш севера не в этом, а в том, что мы здесь в умеренных широтах получаем летом только часть своей годовой порции света, а часть (в тропиках ровно половину) получаем зимой, когда этот свет в смысле полезного действия на растительность совершенно теряется: ведь для роста, для усвоения растением углерода, необходимо одновременное действие и света, и некоторого тепла. Последнего зимой у нас нехватает.

В полярном же поясе почти весь годовой запас солнечного света выпадает на летнее полугодие, на вегетационный период, и растения могут использовать этот свет тем полнее, что им не приходится ежесуточно терять и снова набирать инерцию роста [1]), так как летний день не прерывается на севере ночами.

Вот по А. Д. Киддеру табличка времен видимого восхода и заката солнца и продолжительности зари для мест несколько южнее и несколько севернее северного полярного круга, проходящего по $66^1/_2{}^0$ сев. широты и являющегося собственно южной границей полярного пояса земли. Для сравнения даю и широту 55 градусов.

Время, конечно, местное, часы и минуты; у—утро, в—вечер.

ВРЕМЯ ВИДИМОГО ВОСХОДА И ЗАКАТА

Д А Т Ы	55° с. ш.	63° с. ш.	65° с. ш.	67° с. ш.	69° с. ш.
Апреля 1-го					
Начало зари	4—53 у	4—32 у.	4—24 у	4—14 у.	4—04 у.
Восход	5—30 »	5—19 »	5—15 »	5—11 »	5—05 »
Закат	6—32 в	6—44 в	6—48 в	6—53 в.	6—58 в.
Конец зари	7—09 »	7—30 »	7—38 »	7—48 »	7—58 »

[1]) Можно считать доказанным, что растение не мгновенно отвечает явлением роста на падение на него солнечных лучей и не сразу начинает расти полным темпом после прекращения темноты.

Даты	55° с. ш.	60° с. ш.	65° с. ш.	67° с. ш.	69° с. ш.
Мая 1-го					
Начало зари	3—42 у.	2—43 у.	2—17 у.	1—43 у.	Всю ночь
Восход	4—25 »	3—46 »	3—31 »	3—13 »	2—50 у.
Закат	7—36 в.	8—16 в.	8—30 в.	8—48 в.	9—10 в.
Конец зари	8—19 »	9—19 »	9—45 »	10—19 »	Всю ночь
Июня 1-го					
Начало зари	2—37 у.	Заря во всю ночь.			Полночное солнце встает 20 мая садится 24 июля.
Восход	3—30 »	2—16 у.	1—40 у.	0—26 у.	
Закат	8—28 в.	9—44 в.	10—21 в.	11—30 в.	
Конец зари	9—23 »	Заря во всю ночь.			
Июля 1-го					
Начало зари	2—24 у.	Заря всю ночь.		Полночное солнце встает 1 июня, садится 12 июля.	См. выше
Восход	3—21 »	1—56 у.	1—08 у.		
Закат	8—40 в.	10—05 в.	10—51 в.		
Конец зари	9—36 »	Заря всю ночь.			
Августа 1-го					
Начало зари	3—14 у	1—49 у.	1—00 у	Заря всю ночь.	
Восход	4—00 »	3—07 »	2—46 »	2—18 у.	1—37 у
Закат	8—00 в.	8—52 в.	9—11 в	9—38 в.	10—17 в
Конец зари	8—45 »	10—09 »	10—57 »	Заря всю ночь.	

Дальше на севере явление конечно еще резче; стоя на северном берегу Новой Земли, собственно под $73^1/_4^0$ сев. широты, видишь в полночь 2 или 3 августа солнце, стоящим в небе далеко выше черных скал Земли Литке, возвышающихся на той стороне Маточкина Шара.

Для ориентировки замечу, что 55° сев. широты лежит между Москвой и Тулой и почти под Омском; близ 63° лежит Повенец, и далее он проходит южнее Березова и севернее Якутска, 65°—севернее Архангельска и Вилюйска, 67°—несколько южнее Пустозерска, Верхоянска и Средне-Колымска, а 69° пересекает Колгуев и дельту Колымы.

Поэтому в течение вегетационного периода в июне и июле полярные области получают приблизительно вдвое больше сол-

нечного света и даже, несмотря на наклонное падение лучей, почти такую же сумму солнечного тепла, как и за то же время выпадающая на долю экваториальных стран. Кроме того, недавними работами Отто Кестнера (Гамбург) установлено, что дневной свет на севере независимо от погоды содержит несравненно большее количество зафиолетовых лучей, чем свет в средних широтах. Благотворное же влияние этих лучей короткой длины волны на растительность и животных известно давно. В частности в последнее время установлено, что эти излучения особенно влияют на увеличение количества красных кровяных шариков у млекопитающих и количества витаминов в растениях (и питающихся ими животных).

Кроме того конечно вездесущий и неизбежный естественный отбор делал свое дело, уничтожая формы с длинными сроками роста. Все это, вместе взятое, и ведет к той волшебной быстроте, с которой майская «зима» переходить в июньское лето, с которою полярные и приполярные луга покрываются достаточно густою и сочною растительностью, и даже птенцы оперяются и вырастают на несколько недель быстрее, чем у тех же видов птиц тысячи на полторы километров южнее.

Вот почему мы можем встречать заросли цветущих шиповников в дельте Северной Двины и даже Колымы; огромные синие с желтым ирисы в бухте Корфа, где северный конец полуострова Камчатки причленяется к коряцкому берегу материка; крупные, с серебряный целковый поперечником, колокольчики желтого рододендрона в устье Анадыря, целые лужайки дикого ячменя близ устьев Колымы.

Вот почему Маркгам мог насчитывать для арктической зоны земли 762 вида цветковых растений, не считая 28 видов папоротников, 332 видов мхов и 250 лишайников, а всего 1372 вида,— подсчет конечно еще далеко не завершенный.

Вот почему многотысячные стада северных оленей свободно кормятся на севере, так же как и десятки миллионов гусей и других травоядных животных.

Итак, ни один из ужасов, предполагаемых в полярных краях, на деле не подтверждается. Ни морозы, ни зимняя ночь, ни короткое лето—не страшны и во многих отношениях с избытком покрываются сопутствующими выгодами. Отсутствие же ядовитых змей, а в особенности бесчисленных на юге болезнетворных микробов—представляют явный выигрыш.

Даже некогда страшный скорбут или цынга, давно—очень задолго до открытия первого витамина перестал пугать полярных путешественников. Наблюдательность давно показала, что при свежей, хорошей пище и при достаточном моционе цынги не бывает, и потому десятки и десятки лет признано, что цынга в полярной экспедиции есть прямое доказательство скверного снаря-

жения и плохого руководства экспедицией. В экспедициях Нансена, Амундсена, Свердрупа, Пири, Шекльтона, Толя, Вилькицкого—цынги не бывало; в руководимых Стефанссоном партиях она показалась только при его отчаянно смелых (и удавшихся) опытах путешествия по полярному архипелагу без запасов провизии; гибель посланной им на о. Врангеля партии всецело произошла от ошибок его молодых товарищей, не охранявших своих запасов от медведей и взявших с собой деревянную американскую шлюпку вместо эскимосской или чукотской кожаной байдары.

Взморье сев.-зап. части Колымской дельты со Столбового Камня; 26 авг. 1905.

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ СЕВЕРА.

Но мало того, что Север не так страшен, как думают. Он очень привлекателен во многих отношениях.

С детства интересуясь севером и не раз бывая и работая там, я ни разу в жизни не встречал еще человека, который, побывав раз на севере, не стремился бы потом туда опять и опять.

На это, конечно, есть много причин. Одна из главных—это то чувство абсолютной, фактической свободы,которую дает только север, в особенности тундра.

Свобода для зрения, потому что нет ни зданий, ни деревьев, загораживающих горизонт, ни вездесущей, кроме севера, атмосферной пыли, закрывающей даже ничем не загороженный горизонт.

Свобода для движений, потому что на тундре путь везде, в любую сторону, и не только зимой. Нет непроходимых болот и трясин, нет засасывающих песков, нет безводных пустынь. Везде вода, но везде и непоколебимая, вечная выстилка льда.

Свобода для всякой работы, потому что спишь, встаешь, идешь, работаешь—когда хочешь, не стесняемый часами дня и ночи. Только испытав, что такое—незаходящее солнце летнего полугодия, можно вполне оценить эту драгоценность. Эти солнечные ночи даже не удваивают, а учетверяют силы и возможности человека. Это не преувеличение: Вы в незнакомой тундре,без карты (стоящих внимания карт севера в смысле верности деталей и нет) и без проводника или по условиям вам удобнее работать одному. Вы видите вдали гору или озеро, которые хотите обследовать. Идете или едете туда, скажем, 7—8 часов, затем работаете на месте часов 12—15, наконец, имеете еще часов 7—8 на обратный путь.

Вы проработали немногим более суток, 28—30 часов, в меру устали и легли спать. Это—при солнечном лете.

Но вообразите эту же обстановку там, где ночь и день сменяется ежесуточно или там же в тундре, но к осени, когда уже вернулась ночь. За 7—8 часов вы едва добрались до места, уже стемнело и вам надо в незнакомом месте ночевать. А если вышли не с раннего утра, а около полудня (как чаще бывает), то вам придется ночевать на полдороге и начать работу на месте только с полудня второго дня. В этом случае у вас не будет возможности кончить в тот же день работу, требующую 12—15 часов, надо ночевать вторично, работать на третий день до полудня и, может быть, еще заночевать на обратном пути, так как в сумерках и темноте в незнакомых местах странствовать неудобно.

Вот, следовательно, вместо одних суток, уйдет на то же дело трое суток, да придется тащить с собою на три дня провизию, а может быть и одеяло или мешок. А лишняя нагрузка—лишние проволочки и меньшая производительность работы. А если нет этих необходимых трех суток, то данное дело вовсе останется не сделанным: не всегда можно потратить 3 дня на то, на что охотно отдал бы сутки.

Наконец, тундра—это полная свобода от скучных забот о том, куда что положить, как спрятать, чтобы не стащили (головоломная задача в наших широтах): в тундре не крадут, еще не доцивилизовались до этого, и все, что сейчас не нужно, складывается просто на любую кочку, повыше, чтобы издали было видно—легче найти.

Чрезвычайно привлекательна в тундрах крайняя напряженность и открытость их жизни в летнее время: видишь буквально, как на глазах уходит зима, как растут и раскрываются цветы; живым существам некуда прятаться в тундре: нет леса, а в боль-

шинстве случаев нет и кустов; очень часто нет и густой травы, и вся жизнь даже мелких существ, вся интимная, домашняя их жизнь развертывается, как на ладони, на плоских лишайниках или бархатных подушках мха.

Вот куличок-белохвостик водит по мху своих пуховичков, величиной со среднего шмеля. Вот грабитель-торбей или поморник низким полетом обыскивает тундру, а розовая чайка, боясь за свое гнездо, приманивает его к чужому, к гнезду полярной крачки. Маленькие, но задорные крачки отчаянно набрасываются и на пирата тундры, и на предательницу красавицу чайку.

Там на озере крупная гагара безнадежно бьется с двумя серебристыми чайками, а дальше несколько пар лебедей исполняют поочередно свои оригинальные пляски, и их мелодичные голоса и могучие удары их крыльев далеко разносятся по тундре.

Вот с полсотни селезней шилохвости увидели не во-время взлетевшую уточку-чирочка. Селезни еще не начали линять—начнут через 2—3 дня—но уже брошены своими утками, севшими на гнезда, и потому находятся в крайней степени возбуждения. Дружно, как один, бросается эта буйная, пестрая ватага на крохотного чирочка. В ужасе перед перспективой быть буквально затоптанной полусотней ухаживателей, из которых каждый втрое больше и тяжелее ее, ловкая уточка проявляет чудеса увертливости и проворства. Но куда скроешься на тундре. Своим быстрым полетом она мечется туда и сюда, наконец, поднимается вверх вон из вида даже для моего сильного Цейсса.

Но и шилохвостые селезни не дремлют и, отложив ревность и соперничество до другого момента, ведут на бедную самку строго комбинированную облаву. 6—7 наилучших летунов следуют за беглянкой все время по пятам, несмотря на все ее извороты, остальные же селезни—одни летают широко кругом, перехватывая ее, когда она бросается в стороны, другие поднялись выше нее и стерегут ее в самых верхних слоях—я едва различаю их. А штук 15 летают не спеша сеткой над самой землей, угадывая ее маневры. И действительно, с необозримой высоты она камнем, со свистом бросается вниз, надеясь улизнуть от опасности над землей,—но и здесь ее уже ждет часть назойливых ухаживателей.

Вот почему у уток нередки гибриды разных видов. В этом случае, однако, чирочек решается на героическую меру: она заметила меня и бросается прямо мне в ноги. Ошалевшие селезни бросаются на нее, но я бью одного стволами, другого фуражкой, но только после нескольких выстрелов, сбивших несколько пестрых селезней на тундру, стая селезней улетает прочь. И только тогда уточка уходит от меня, но не решается взлететь, а уползает между кочками в сторону своего гнезда.

Встречая эти и подобные сцены на каждом шагу, невольно входишь во всю жизнь тундры, в год можешь лучше и ближе изучить нравы и образ жизни населяющих ее животных, чем в лесной полосе в 30 или 40 лет, и невольно начинаешь любить эту жизнь и интересоваться ею.

Наконец, нет человека, на настроение которого не действовала бы своеобразная и редкая красота северной природы.

Особую оригинальность видам севера летом придает одно уже то обстоятельство, что все наши виды, получающие, конечно, особую выпуклость и живость при солнечных лучаях, мы всегда видим только при определенных углах освещения,—утром, днем или вечером, но освещение всегда идет с южной половины горизонта. Не то в полярных странах, где любой ландшафт мы видим при всех возможных углах освещения.

Это не сразу поймет не художник, т. е. не сразу отыщет причину, но не видеть особой оригинальности и разнообразия, происходящих отсюда, нельзя, не будучи слепым.

Необычайная прозрачность лишенного пыли воздуха, совершенно скрадывающая расстояния, также прибавляет много и своеобразия, и красоты полярным видам.

А черные сланцы и красные порфиры Новой Земли с их яркими, почти без зелени, шапками синих, голубых, розовых и белых незабудок, красными камнеломками и желтыми маками. А гнейсы, мраморы и граниты Чукотской земли с их образованными выветриванием и раскрашенными разноцветными лишайниками колоссальными «кекурами». Эти каменные столбы, нередко 30—60 метров высотой, так причудливо иногда обрабатываются морозами и солнцем, так раскрашиваются черными, белыми, желтыми, рыжими и зелеными лишайниками, что даже зная, что нет у чукчей таких «каменных баб», как в южной Сибири или на о-ве Пасхи,—не веришь невольно, что видишь не произведение искусства, не умышленно изваянную колоссальную статую сидящего на кресле египтянина, или двух обедающих за столом людей (на мысе Енраукун),—и лезешь на 600—750 метров в горы, чтобы, подойдя вплотную, убедиться, что это действительно «игра природы».

Я говорил о летнем незаходящем солнце, о зимних полярных сияниях. Но что сказать об изумительной красоте осенних и ранне-весенних северных зорь.

Теоретически очень понятно, что в тропиках зори быть почти не может, так как солнце там уходит за горизонт почти отвесно и сразу же удаляется от линии горизонта. Понятно, что у нас зори продолжительнее, так как солнце уходит за горизонт косвенно и дольше держится близ его линии. На севере, где солнце идет почти параллельно линии горизонта, заря соответственно растягивается и те моменты зари, те промежуточные окраски,

которые у нас едва улавливает глаз (а если они короче $^1/_{10}$ секунды, то и вовсе не улавливает),—они на севере могут длиться долгими минутами.

Это все понятно, но одно дело—понимать, а другое—видеть собственными глазами, да еще при условии необычайной чистоты и прозрачности красок вследствие полной беспыльности северного воздуха.

Мы шли в сентябре вечером вдоль юго-восточного берега Чукотского полуострова, мимо пролива Сенявина со стеснившимися здесь островами Иттыгран и Аракамчечен. Был абсолютный штиль. Справа причудливыми зубцами, пирамидами и узорами поднимались высокие, резкие черные скалы. Слева и сзади поднималась почти полная луна, проводя бесконечную серебрянную дорогу по зеркальной глади Берингова моря.

«Кекуры» горной тундры между р.р. Антошкиной и Медвежьей, за Колымой; 8 сент. 1905.

Многие тысячи северных медуз с блюдечко или тарелку величиной, ярко светящихся зеленоватым светом при малейшем раздражении, и миллионы мелких, как дробь, беспозвоночных, вспыхивающих сильным голубым светом, наполняли спокойную воду. Они загорались, как разноцветные звезды, при ударе о борта парохода, а лопасти винта подхватывали их массами и то выбрасывали их к поверхности, где они рассыпались, как отдельные искры фейерверка, то направляли струи с ними на

такую глубину, что отдельных светящихся огоньков уже нельзя было различить и только общий рассеянный свет зеленым и синим освещал снизу морские струи.

Впереди только что закатилось среди отдельных туч солнце, и широкие, яркие, чистые, разноцветные полосы зари длинными лентами лежали вдоль горизонта.

Светложелтая яркая полоса растопленного червонного золота уже почти опустилась за пределы горизонта, проглядывая между вершинами далеких гор мыса Чаплина. Полоса красного золота была лучше видна и переходила в широкую кроваво-красную ленту цвета лучшего темно-красного, замечательно прозрачного рубина. Темнея и густея кверху, яркий рубин переходил в темный карминово-пурпурный, а еще выше в настоящий фиолетовый цвет, а тот еще выше в небе делался уже тускло-сиреневым, переходящим в тускло-свинцовые, посеребренные с другого края яркой луной тучи.

И цвета эти не ускользали из глаз, а охватывали добрую четверть горизонта и держались, почти не меняя оттенков и давая налюбоваться этой чудной картиной.

ИСТИННЫЕ НЕДОСТАТКИ СЕВЕРА

Мы возвращаемся таким образом к прежнему вопросу: почему же Север так пустынен, так, видимо, беден и первобытен.

Необжитость. Основной ответ на это один: Север еще очень и очень молод. Род людской еще не успел достаточно освоить и заселить его. Простая отдаленность от вероятных центров происхождения человеческого рода, морские трансгрессии, ледниковые массы,—все это, в связи с южными привычками, южным строем культуры, замедлило продвижение на север.

Живя и работая в издавно обжитых местах, мы ведь жнем не только то, что посеяли, но и то, что сеяли сотни и тысячи лет назад наши предки. Когда крестьянин пашет или копает грядки где-нибудь под Москвой, он это может делать потому, что предки его тысячу лет назад рубили, корчевали и сушили здешнюю сплошную тогда тайгу. Если английский фермер подвозит тележку с овощами или мясом к какому-нибудь городу, он нередко делает это по шоссе, проложенному еще римлянами во времена Юлия Цезаря. Кровью и потом тысяч поколений, опытом и наследственными знаниями тысяч поколений доведены обжитые южные и средние широты до теперешнего цветущего, производительного их состояния.

Эти средства еще не вложены в районы Севера, этот труд еще не окристаллизовался в их тундрах, но у нас нет ни малейшего основания думать, что труд и знания человека не дадут на севере того, что они дают неизбежно везде и всегда.

Бездорожность. Эта юность, необжитость Севера прежде всего сказывается конечно на его бездорожности.

Чтобы не слишком докучать читателю одними сухими цифровыми материалами, приведу здесь общую картину дальнего северного пути, как она в коротких стихах набросана там же на нартах одним из северных странников.

«И длится наш путь бесконечный,
Тихонько олени бредут,
И сухо стучат их копытца,
И нарты скрипят и ползут.
И тянется лес беспредельный,
И горы зубцами встают,
В ущельях глубоких метели,
Как волки, поют и поют.
Сменяется все чередою
И ночью, и утром, и днем,
И кажется путь бесконечный
Мечтою, иль бредом, иль сном.
И ноют усталые кости,
И мозг утомленный не спит,
И дремлет усталая память,
Фантазия вьет свою нить.
Не день, не неделю, не месяц
Все длится и длится наш путь,
Все дики картины природы:
Пустыня, куда не взглянуть.
И точно во сне пролетают:
Озер бесконечная цепь,
И рек беспредельных долины,
И тундры бесплодная степь,
И старого леса равнины,
Болота, и гарь, и снега,
И гор обнаженных вершины,—
Сибири свободной земля».

Железных дорог нет на севере и их постройка и эксплоатация на вечной мерзлоте представляла бы разумеется особые трудности, технические и финансовые. Товарный же оборот в стране, где на одну семью приходятся десятки и сотни квадратных километров пространства, не может оправдывать затрат на железнодорожное строительство. Только большая война заставила проложить железную дорогу к незамерзающим берегам Мурмана, но это во всех отношениях исключительное условие. Архангельская же дорога—также еще в области некоторого влияния Гольфштрема—оканчивается, не дойдя почти 250 *км* до полярного круга.

Как ни мало еще исследован наш север, но все же мы знаем в разных местах и большие выходы угля, правда бурого в поверхностных частях, но конечно улучшающегося с глубиной. В бухте Корфа уголь даже разрабатывался, в устье Анадыря им пользуются местные жители; известен уголь и далеко вглубь континента, на Лене, на Колыме, на Чоне, Печоре и др. Нефть есть и на Камчатке, и в области Печоры, и в «горах Каменного масла» между Яной и Индигиркой. Есть какие-то горючие камни (сланцы?) на Чукотке.

Железо известно из многих мест севера, и якуты давно кустарно разрабатывают его. Разрабатываются и горы свинцово-серебряных руд в Верхоянском хребте. Огромные залежи хорошего графита имеются в Туруханском крае и в прежнее время разрабатывались для северо-уральских заводов. Огромные залежи превосходной каменной соли и соляные источники используются в некоторой степени на Вилюе, имеются и много севернее.

Но перевозка такого рода тяжелых и дешевых грузов на многие тысячи километров полного бездорожья, разумеется, хозяйственно невозможна.

Встречается на севере и слюда, и сера (в Тас—Хаях—Таге и на Камчатке), а также минералы весьма ценные, как двупреломляющий шпат, золото, широко распространенное в Сибкрае, Якутии и Чукотке, платина, также найденная и в Туруханском крае, и в западной части Якутии, и в Чукотской земле. Такого рода ценные продукты, как пушнина, конечно способны выдерживать перевозку вьюками и на нарточках на самые большие расстояния. Ведь пуд хороших соболиных шкурок стоит дороже, чем пуд чистого золота, а пуд песцовых шкурок на мировом рынке стоит 5—6 тысяч руб. и более.

Но бездорожье и дороговизна транспорта даже на добыче золота отзывается очень тяжело с другой стороны. В то время, как в доступных районах при хорошем оборудовании вполне рентабельной является разработка россыпей с содержанием золота около 1 грамма на $1^1/_2$ метрические тонны породы (около $^1/_4$ золотника на 100 пудов), в условиях северной тайги, казалось бы столь богатой лесом, необходимым для креплений шахт и прочего оборудования приисков, лес составляет целые 30 процентов себестоимости золота, а при этом условии нельзя разрабатывать россыпи с содержанием меньше $11^1/_2$ *г* на $1^1/_2$ метрические тонны породы (менее 3 золотников золота на 100 пудов).

Самое богатство беспредельной северной тайги лесом совсем не таково, как его обычно представляют себе. «Леса» там, конечно, много, но это совсем не то, что например называют лесом в Англии или в Восточной Пруссии, не густые парковые насаждения одновозрастных, могучих, здоровых деревьев, дающих огромное количество превосходной поделочной древесины с не-

большой площади. Такие леса создаются только веками планомерного и научно обоснованного хозяйствования.

Северная тайга—это необозримые пространства заболоченного фаутного, многократно горелого леса, безжалостно и безрасчетно изуродованного вокруг селений и городов и вдоль речных долин, с редкими гривами более здорового леса в малодоступных междуречьях. Этой тайгой живет все местное население и как необходимой средой для охотничьего и оленьего промысла, и путем непосредственного использования на жерди для юрты или урасы, на выделку карбасьев и веток, и на топливо.

Ведь деревянные камельки-каминчики северных юрт и изб—топятся непрерывно и для тепла, и для варки пищи и кипячения воды, и даже для света. Они очень не экономичны. Каждый камелек требует в год до 10—12 куб. сажен дров. Но вся эта польза, все это потребление носит, как и все хозяйство севера, преимущественно натуральный характер. Вывоз леса, в связи с тем же бездорожьем, может быть лишь ничтожным на единицу площади, при чем вывоз кругляка, конечно, мало рентабелен.

Для переработки леса на месте, в особенности на бумагу, на целлюлозу, на продукты сухой перегонки, а также для использования леса специальных свойств (на музыкальные инструменты и т. п.), конечно, гораздо больше данных, но и здесь вопрос упирается в дороговизну оборудования и содержания заводов и в накладные расходы на готовый продукт, все по той же причине дороговизны транспорта.

Цены грузовых перевозок.

Для примера стоимости и длительности гужевого транспорта на севере привожу из своих отчетов данные о ценах до Японской войны, т. е. 1902—1903 года. Провоз одного пуда (16 *кг*) клади от Якутска через Верхоянск на Средне-Колымск стоил, по времени года, от 7 до 10 руб., от Охотска до Якутска—5—6 руб., от Владивостока до Олы пароходом, и от Олы нартами через хребет на Сеимчан и сплавом до Средне-Колымска $5^1/_2$—6 руб., и вся доставка требовала в этом случае около 12 месяцев. И по современным ценам доставка грузов даже на более близкие расстояия, напр. от разных станций железной дороги (Иркутск, Сковородино), до Алданских приисков обходится $5^1/_2$—$6^1/_2$ руб. за 16 *кг* (1 пуд), при чем требует от 1 до 5 месяцев времени.

Ясно, что разрабатывать на подобие настоящих дорог многие и многие десятки тысяч километров теперешних вьючных троп и зимников—троп в действительности номинальных и являющихся в сущности просто направлениями пути,—является задачей, пока хозяйственно-непосильной для Севера, и все его настоящее и ближайшее будущее хозяйственное развитие должно опираться на водные пути, самые дешевые и практичные для дальних перевозок громоздких и тяжелых товаров.

Водные пути. Водные артерии и до сих пор являлись главными путями севера. По ним происходили расселения, к ним приурочиваются города и селения, они и зимою служат главными путями сообщений.

Север наш богат крупными и многоводными реками. Обь с Иртышом, Енисей с Ангарой и Селенгой, Лена—все это одни из величайших рек мира. А такие реки, как Северная Двина, Печора, Индигирка, Колыма—мало чем уступают или не уступают Каме. Немногим меньше их Анадырь, Яна, Оленек, Алазея, Таз и мн. др.

Часть этих рек, как Иртыш и Енисей, начинаются еще в Монголии и прорезывают всю территорию Союза. Большинство их имеют могучие притоки и весьма обширные бассейны, при чем направление притоков таково, что между соседними бассейнами образуются небольшие и доступные волоки и возможно соединение каналами. Проект соединения Печоры через верховья Усы и пологие перевалы Северного Урала с Обью давно разрабатывался в нескольких вариантах. Соединение Оби с Енисеем каналом через верховья Кети и Каса было даже выполнено в царские времена, но работы произведены настолько безобразно, что практического значения канал не получил.

Таз в полую воду имеет несколько естественных соединений с Енисеем. А один из величайших притоков последнего—Нижняя Тунгуска подходит к Лене за Киренском всего на три десятка километров и имеет дальнейшее сближение с бассейном Лены через верховья Чоны, притока Вилюя.

На Колыме я знал в 1905 г. семью из 2 юкагиров, промышлявших в низовьях Омолона, великого правого притока Колымы. И сам старик и его жена ежегодно в двух берестяных ветках поднимались на шестах (точнее—на употребляемых в таких случаях коротких палках) вверх по притокам с одной винтовкой и двумя волосяными сетками для лова рыбы, «вывершивали» все притоки до известного им перевала через хребет, переносили свои ветки через перевал и спускались в них на среднее течение Анадыря в селенье Марково, куда уже в то время ежегодно приходили товары, завозимые пароходом из Владивостока в устье Анадыря. Здесь они продавали упромышленную за зиму пушнину на несколько копеек и даже десятков копеек на шкурке выгоднее, чем им дали бы торговцы на Колыме, а чай покупали до полтинника на кирпиче дешевле. «А ведь кочевать все равно нужно». К рекоставу они поспевали обратно «домой», в низовья Омолона.

Эти близкие схождения великих бассейнов севера являются большой их выгодой, но есть у них и крупные недостатки.

Время навигации. Один недостаток—последствие сурового климата, очень короткая навигация. Для примера укажу, что в среднем Лена у Якутска вскрывается в конце мая,

а замерзает в конце октября, в Булуне вскрывается в начале июня, замерзает около 20 октября, и в устьях, правда, по немногим наблюдениям, вскрывается в конце июня и замерзает в начале октября. Для Индигирки у Русского Устья соответствующие даты—середина июня и начало октября, а для Колымы у Средне-Колымска—конец мая и 11 октября, и у Нижне-Колымска—6 июня и 5 октября.

Но вскрытие и замерзание еще не вполне определяют длину навигации, так как надо исключить время сильного ледохода и густой шуги, а кроме того в обороте судов нельзя рассчитывать обязательно на средние даты: надо иметь запас на частые колебания в худшую сторону, которые нередко достигают одной-двух недель весной и столько же осенью.

На Колыме у Походска в 1905 г.—довольно среднем, по отзыву туземцев, лед взломало 13 июня, а густой ледоход кончился 16 июня, 21 сентября по вискам был местами сплошной крепкий ледок 7—10 *мм* толщины, а 24 сентября я уже должен был бросить свой карбас во льду и шуге рукавов, не дойдя нескольких километров до Сухарного, хотя река (стрежень собственно) еще не замерзла (шуга шла довольно сильно и там). Поэтому навигацию правильнее рассчитывать в 3 месяца для низовья и в 4 месяца для верховья, а принимая во внимание необходимость ставить судно на зимовку в среднем течении, навигационный период для него надо считать в $3^1/_2$ месяца.

Северный морской путь.

Другим и еще более серьезным недостатком северных речных артерий является то, что все они, кроме Анадыря (и сравнительно мелких рек Камчатки), впадают в холодное и трудно доступное Ледовитое море.

Конечно, страшная репутация Ледовитого моря (экспедиции Баренца и др., в 60 гг. XIX века—экспедиции П. П. Крузенштерна) создалась в те времена, когда условия плавания не были выяснены, и сентябрь считался уже очень поздним и опасным временем года. На самом же деле август, сентябрь и частью октябрь—лучшее время для плавания там.

Затем, значительная часть трудностей плавания происходит от необследованности Ледовитого моря. Береговые линии до сих пор наносятся на карты по съемкам, устаревшим на сто и двести лет (экспедиции—Великая северная, Врангеля, Литке и др.) и лишь частично исправленным, как и в Беринговом море, так что нередко курс парохода прокладывается на карте десятками миль прямо по материку, которого в действительности и не видно.

Не изучены достаточно течения и нет систематических наблюдений над направлениями ветров и движениями льдов. А между тем метеорологические наблюдения в полярном бассейне

нужны не для одних только целей навигации. Нет сомнения, что погода наших средних, обжитых районов строится в полярных странах, и задачи синоптической метеорологии и предсказания погоды на долгий срок вперед будут разрешены только тогда, когда полярный бассейн будет обставлен достаточно густой сетью метеорологических станций.

В этом отношении южное полушарие кажется уже опередило нас. Там, например, уже выяснено, что очень холодная зима на Южных Оркнейских о-вах через три с половиной года сопровождается сильной засухой в черноземном поясе Аргентины и, наоборот, очень мягкая зима Южных Оркней влечет через $3^1/_2$ года обильные дожди и урожай в Аргентине.

Во всяком случае, наши поморы, казаки и промышленники без карт и научных инструментов, на небольших судах в XVI и XVII веках свободно плавали на Шпицберген, на Новую Землю, из Белого моря на Обь и Таз, из Колымы на Анадырь и Камчатку (С. И. Дежнев), и между устьями Лены, Индигирки и Колымы были постоянные сношения морем.

Только безумная политика московских царей Романовых, боявшихся возрождения северных республик, раздавленных Грозным, с вооруженными заставами на волоках, пошлинами и поборами, прекратила эту широкую деятельность северного населения и привела его постепенно к упадку жизненной энергии и к нищете.

Только теперь восстанавливаются эти забытые пути. Но конечно все же доступность полярного бассейна для обычных коммерческих судов, в виду краткости навигации и некоторой опасности от льдов, не может сравниваться с Атлантическим или Великим океанами. Некрупные моторно-парусные деревянные яхуны несравненно практичнее на севере. А для сквозного прохода из Атлантики в Берингово море северо-восточным путем далеко вдающийся на север мыс Челюскин, к тому же упирающийся не в открытое море, а, как мы узнали всего немного лет назад, в узкий пролив, конечно, является действительно весьма серьезным препятствием.

Наконец, и сами-то северные реки находятся еще в первобытном состоянии, без достаточного обследования, без обстановки, без достаточного флота. Для примера укажу, что в колоссальном Ленском бассейне в 1900 г. было всего 27 пароходов, в 1917—37, а в 1927 г. осталось 16 пароходов. По Нижней Тунгуске впервые пароход прошел только в 1927 году.

Только отсутствием сносного речного транспорта объясняется то, что в обширной долине Колымы почти все население сосредоточивается в нижней, северной половине, к югу же от полярного круга населения почти нет. Более 20-ти лет назад я, в уже упомянутом «Отчете» своем о продовольственном по-

ложении Колымского края в 1905 г., приводил расчет (стр. 125—128), согласно которому тридцатисильный пароход с трехчетвертною осадкой (53 *см*), поднимающий 55—65 тонн груза, мог бы работать от устьев Колымы до Средне-Колымска—около 700 *км*, от Среднего до Верхне-Колымска—около 400 *км* и оттуда до Сеимчана—еще на 1.100 *км*. До половины навигации такой пароходик мог бы подниматься еще на 100 *км* выше до устья Бахабчи, откуда путь к Ольской бухте лучше и на 300 *км* короче, чем принятый путь Ола—Сеимчан. Все содержание его с топливом и ремонтом по тогдашним ценам могло стоить 10—11 тысяч руб. в год. Работа его не только удешевила бы оборот грузов, но и сулила бы огромные выгоды рыбному промыслу:

«Такими выгодами явятся: возможность все лето иметь сведения о тонях и уловах рыбы и, в случае надобности, свозить промышленников с их «заводом» туда, где хорошо идет рыба, а затем вывозить их с добычей обратно».

А то, как часто бывает, что на обычных тонях скопляется промысловое население и тщетно ждет рыбы, а в то же время в какой-нибудь сотне километров оттуда на какой-нибудь тоне рыба ловится так, что одна-две сидящие там семьи бросают неводьбу в самом начале, «удоволившись» на весь год (при натуральном хозяйстве излишков не набирают).

БУДУЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ СЕВЕРА

Только обследование, оборудование и использование водных путей Севера позволит улучшить экономическое положение его населения, придать товарность оленному и рыбному промыслам, увеличить густоту населения, более широко использовать минеральные и лесные богатства.

Но каковы же дальнейшие перспективы Севера? Ограничиваются ли они только несколько более полным и хозяйственным использованием известных там естественных богатств и ресурсов малочисленного местного населения, или при надлежащем направлении народной деятельности Север может получить первостепенное государственное и мировое значение?

Для автора этих строк, как и для большинства знающих север людей, ответ представлялся всегда вполне ясным. Возможности севера огромны и будущее его блестяще. Но чтобы пробудить его к жизни, надо сделать для него хотя малую долю того, что в течение тысячелетий делалось для умеренных широт, в смысле вложения научного знания и кристаллизованного разумного труда. Надо не только жать, но и сеять. Не только сеять, но и удобрять почву.

Общее направление работы.

И в направлении работы на севере среди туземцев надо быть осторожным и осмотрительным, отнюдь не вдаваясь в беспочвенные крайности и абстрактное теоретизирование. Это иногда, с самыми лучшими намерениями, делается в двух диаметрально противоположных направлениях.

[Норы песцов в истоках р. Котельчиковой, за Колымой;] 27 августа 1905.

Одни, исходя из правильного общего положения, что оседлые формы хозяйства являются высшей формой сравнительно с кочевым или бродячим хозяйством, склонны не только приветствовать всякое оседание чукчи или тунгуса на одном месте, но и стремятся даже всячески и всюду всеми мерами содействовать тому, чтобы переносную урасу заменить постоянным «хотоном» или землянкой, а странствия на оленях за белкой заменить плохим огородом. (Для хорошего дома и хорошего огорода нужно много больше и средств, и знаний, чем Север может получить в ближайшие десятилетия).

А между тем кочевник оседает главным образом в случаях обнищания. Хотон или землянка после веков открытого неба часто совершенно разрушают его здоровье, неумелое копание земли, случайные, не акклиматизированные на севере семена не дают достаточных урожаев, а лишившаяся бродячих оленеводов тайга становится только еще более пустынной и не-

проездной и перестает давать государству ту пушнину, которую собирал с нее оленевод. На все свое время, своя обстановка и общая совокупность условий и мер.

Другие, наоборот, хотели бы посадить весь Север как бы под огромный стеклянный колпак, сделать из него один колоссальный «антропологический сад» или «этнографический заказник», охраняя там туземцев от всякого вторжения чужеродной культуры. У людей с известным складом ума эта точка зрения не так редка. Можно понять, хотя мудрено разделить, горе консерваторов музеев о том, что чукчи за последние четверть века уже оставляют стадию каменных орудий и переходят к примусам, швейным машинам и т. п.,—что туземцы Центральной Америки уже прекращают охоту за человеческими головами, искусно, превращаемыми в свои собственные крошечные, засушенные подобия.

Несомненно однако же, что мир существует не для хранителей музеев, и что живые, способные, симпатичные племена севера имеют иные исторические задачи, кроме облегчения этнографического преподавания. Во всяком случае их физические и психические свойства, воспитанные в условиях севера, весь их быт, совершенно приспособленный к полярной жизни,—драгоценны и необходимы для всякой работы на севере, для всякого использования северных богатств. Эти народности сами—лучшее богатство севера, имеющее совершенно практическую, реальную ценность для государства.

Ни одна часть земной поверхности не может и не должна быть изъята из общего оборота мировой жизни. Население земли росло, растет и будет расти, и дальнейшее заселение редко населенных пространств совершенно неизбежно. Разумное отношение к этому несомненному и неизбежному историческому факту заключается не в том, чтобы пытаться строить плотины поперек течения исторических событий и создавать «туземные резерваты», никогда не удававшиеся и в Америке,—но и не в том, конечно, чтобы насильственно придавать этому потоку разрушительную скорость, в ущерб правам и интересам отсталых племен.

Есть средний, единственно правильный путь: придавать планомерность и научную обоснованность стихийному историческому явлению, в то же время организуя и образовывая туземное население, пробуждая его самосознание и самодеятельность и материально укрепляя его положение и тем помогая ему безболезненно войти в русло мировой истории и стать главным активным элементом развития севера.

Это именно тот путь, на который по отношению к северу встало Советское правительство, исходя из общих начал своей национальной политики, и прав был старый работник севера—

С. В. Керцелли, сказавший на последнем пленарном съезде Комитета Севера: если бы даже советская власть никогда и ни в чем другом себя не проявила, одного того, что она уже сделала и предприняла для малых народностей севера совершенно достаточно, чтобы обеспечить ей вечную блестящую память в истории.

Но каково будет по хозяйственной сущности это неизбежное заселение севера и размножающимся туземным, и пришлым населением?

Пушнина. Основная товарная продукция севера в настоящее время—пушнина, валютный товар, существенный для нашего торгового баланса. Сюда примыкают и более мелкие продукты охотничьего промысла, несомненно могущие иметь значительное экспортное значение при улучшении путей морских и речных сообщений: пернатая дичь (рябчики, кулики, гуси и т. д.), гагачий и турпаний пух, железы внутренней секреции и т. д. (и от диких зверей и от домашних оленей).

Пушнина у нас несомненно истощается, но не только и, может быть, не столько от чрезмерного вылова, сколько от неправильного использования тундры и тайги: раскапывание нор, колоссальные лесные пожары, добыча во время спаривания и выращивания молоди.

При советизации туземного населения, урегулировании прав пользования промысловыми угодиями, действительном прекращении оборота в торговле не вполне выходной пушнины, при правильном «выхаживании» шкурок,—вполне возможно повысить заработок промышленника и увеличить общую денежную сумму экспорта пушнины, отнюдь не увеличивая годовой добычи пушных зверей, а может быть даже несколько сократив ее, то есть повышая сумму стоимости за счет повышения расценки на мировом рынке.

Кроме того, многое и многое при правильном подходе со временем может дать пушное животноводство. Хотя оно рентабельно и на юге (опыт Японии, Франции и др.), но климат севера всегда будет играть основную роль в поддержании достоинства меха разводимых зверей. И туземное население севера при правильной постановке дела и должном инструктировании несомненно особенно хорошо окажется приспособленным к ведению пушных питомников.

Но и помимо пушнины у Севера есть две основные предпосылки на получение выдающегося значения в общем обороте мирового хозяйства.

Скотоводство. Выше отмечено было, что нет естественных препятствий к проникновению хлебопашества гораздо дальше к северу, чем это имеет место теперь; что есте-

ственные пределы земледелия, особенно в центральной и восточной Сибири, должны лежать отнюдь не южнее, чем это имеет место в Европе.

При изучении почв и климата, методов обработки земли, при надлежащей селекции семян и выводе стойких к заморозкам скороспелых сортов—земледелие может и должно развиться на севере и в некоторых формах своих несомненно проникнуть за полярный круг. Это значительно облегчит продовольственное положение Севера и позволит значительно увеличиться северному населению. Но, конечно, не в земледелии будущность Севера.

Всегда и при всяких условиях производство хлеба будет выгоднее и продуктивнее в южной и средней полосе умеренной зоны и частью (рис, бананы) в тропиках. Земледелие является более интенсивным хозяйством, чем скотоводство, и позволяет прокормить на той же площади больше людей (на Яве 285 человек на 1 *кв км*). Поэтому и впредь, как было до сих пор, земледелие будет продолжать расширяться за счет скотоводства и на черноземах Аргентины, Венгрии и Украины, и в Австралии, и в западных штатах и провинциях Северной Америки, и в степях Казакстана.

Увеличивая урожаи хлеба для размножающегося человечества, этот неизбежный процесс вытеснения овцы и коровы лошадью и трактором одновременно ведет разумеется к уменьшению производства и к удорожанию мяса, необходимого для здорового существования в умеренном и, тем более, в северном поясе.

Вот в возможности обильного и дешевого производства мяса на мировой рынок и лежит одна из основных естественных предпосылок мирового хозяйственного значения Севера. Там для скотоводства открыты не только широкие возможности, но там оно несомненно выгоднее земледелия. И выгоднее разводить скот там, чем в широтах, где возможно выгодное и не угрожаемое частыми неурожаями земледелие.

Судя по тому, что дикие предки наших овец, горные бараны (чубуки), свободно достигают Ледовитых берегов, надо думать, что овцу нетрудно будет акклиматизировать на севере. А корову якуты и русские уже провели далеко за 70° сев. широты, т. е. на 300—400 и более *км* к северу за полярный круг.

Оленеводство. Но Север имеет и свой собственный скот: северного оленя, питающегося летом травами, а зимой преимущественно ягельниками. И та, и другая растительность широко распространена по всему Северу.

При нашем пока еще совершенно первобытном оленном хозяйстве (свободное спаривание, отсутствие ветеринарной помощи и т. д.) у нас на севере имеется никак не менее 2 мил-

лионов голов оленей. Но это, понятно, отнюдь не предельная емкость Севера.

Американцы и в частности знаменитый полярный путешественник Вильяльмур Стефанссон считают за достижимую плотность 9 голов оленей на 1 *кв. км* площади, основываясь на опыте Аляски. Этот расчет безусловно преувеличен: пока оленеводством занята только $^1/_{10}$ площади Аляски и, понятно, самая удобная и лучшая часть площади. Из того, что на ней кормится 400.000 оленей, вовсе не следует, чтобы вся Аляска могла прокормить 4 миллиона голов, как это принимает Стефанссон.

Чукчи колют оленей, между р.р. Котельниковой и Большой Баранихой; 29 августа 1905.

Мой расчет я считаю более реальным. Я кладу в основу хорошо мне известный Колгуев. Это остров площадью около 3.500 *кв. км* под 69° сев. широты—приблизительно средняя широта наших тундр. Там есть и сухие ягельники, и травянистая «лапта». Есть и пятнистая тундра с голыми пятнами (в северной части), и песчаные выдувы, и овражистые размывы. Словом, это во всех отношениях хороший образчик наших тундр среднего (в смысле растительного покрова) качества.

В других отношениях Колгуев является вполне идеальным местом для оленеводства: там нет волков, нет диких оленей, нет чесотки, не бывает эпизоотических падежей, и лишь очень изредка случается гололедица. Поэтому в десятилетия, не

поражаемые гололедицей, олени могут размножаться до естественного предела, тем более, что незначительное население о-ва имело и имеет и пушные, и морские зверобойные промыслы, и рыбную ловлю, и обилие гусей и уток.

По сведениям Тревора Бетти в 1894 г. на о-ве было 2.740 взрослых оленей; по сведениям Б. М. Житкова и С. А. Бутурлина в 1900 г. и Бутурлина в 1902 г. там было всего 5.000 голов. В настоящее время по разным данным там имеется около 10.000 голов и оленям несомненно уже тесно на Колгуеве, и небольшое отграничение поверхности под песцовый питомник вызвало значительное неудовольствие самоедов.

Россказни о том, что когда-то было на Колгуеве 20 или 25 тысяч оленей, безусловно фантастичны, раз и 10 тысячам приходится тесниться. Эту цифру я и принимаю за естественный предел емкости, кругло говоря—3 оленя на 1 кв. километр.

Это втрое меньше цифры Стефанссона, но это не мало. Площадь нашего Севера мы принимали около 9 миллионов *кв. км.* Если отбросим отсюда поверхности рек и озер, безплодных каменистых пространств и россыпей, зарослей сланца и площадей, зараженных сибирской язвой, и более мягких частей севера, допускающих продуктивное занятие земледелием в той или иной форме, и примем все это вместе—очень не скупо, мне думается—за четверть всей площади нашего Севера, то остающиеся $6^{3}/_{4}$ млн. *кв. км* дадут возможность содержать на подножном корму, как это делается и сейчас, до $20^{1}/_{4}$ мил. голов оленей.

Овцебык. Но кроме оленей тундры могут прокармливать еще овцебыков, и при том тундры настолько каменистые и бесплодные, что олени их избегают. У нас есть обширные пространства, где оленеводство не может иметь места: северные части Таймыра, Новая Земля, Ново-Сибирские и Медвежьи о-ва и др. Овцебык же вполне может там жить. Он не подвергается нападению волков и медведя, не склонен к перекочевкам, дает прекрасное (не отзывающееся мускусом) мясо, прекрасное, в роде коровьего, молоко, шкуру и шерсть высокого качества. Это давнишний старожил нашего севера—самый вид научно был описан по черепу с Оби—и против восстановления его в качестве северного животного не могут быть делаемы те многочисленные и серьезные возражения, которые делаются против необоснованных попыток акклиматизации у нас американских мускусных крыс и других чуждых нашей фауне видов сомнительной полезности.

Овцебык смирен и способен приручаться. Он уже размножался в неволе. Стефанссон, знающий овцебыка лучше, чем кто-либо, считает, что тундры могут прокормить, кроме оленей, еще пятерное количество овцебыков. Не берусь судить об

этом, не зная животного лично, хотя это и похоже на сильное преувеличение. Во всяком случае он уживается и совместно с северным оленем.

Несомненно одно, что Север вполне способен выполнить свою историческую хозяйственную задачу: стать крупным поставщиком дешевого мяса на земледельческие и фабрично-заводские области,—притом мяса, особенно богатого незаменимыми для жизни и здоровья витаминами, вследствие особого богатства северного освещения зафиолетовыми солнечными излучениями.

Мировые сообщения.

Второй основной предпосылкой развития мирового значения нашего Севера является его значение, как пути сообщения.

Взгляда на глобус достаточно, чтобы видеть, что центр земных масс, а в особенности центр густо населенных и культурных стран мира близок к арктическому поясу. Видно также, что кратчайшие расстояния между крупнейшими центрами атлантических и тихоокеанских стран ведут через северные полярные или приполярные области.

Из Лондона или Ливерпуля до Токио или Иокогамы через Северо-американские ж.-д. пути почти 16 тысяч километров, через Сибирскую ж. д. около 13 тыс. *км*, а через полярные области всего около 8—10 тыс. *км*.

Как было замечено, при надлежащем обслуживании Ледовитое море конечно может служить для мореплавания близ берегов в течение 2—4 месяцев ежегодно. Но море это может быть использовано и иначе, не только обычными судами.

Подледное плавание.

Ледовитое море и зимой имеет около четвертой части своей поверхности свободной от льда или покрытой лишь очень тонким, не выдерживающим человека и нарт, льдом. Летом—открытая поверхность доходит до половины всей площади, при чем отдельные ледяные поля не превосходят 80 *км* в поперечнике и 2 *м* толщины.

Отдельные торосья бывают, конечно, толще, но настоящих ледяных гор в Северном Ледовитом море, можно сказать, не бывает: северные берега Сибири, Аляски и Канады ледников не имеют, ледники Шпицбергена, Новой Земли и Земли Франца Иосифа незначительны и их ледяные горы попадают в область Гольфштрема, чудовищные же ледники Гренландии отправляют свои ледяные горы в Атлантический океан. Таким образом в Ледовитом море глубже 40 *м* под поверхностью нельзя ожидать встретить льда.

Подводные суда нормально плавают на 50—60 метровой глубине. Удар об лед при ходе даже в 6—7 *км* в час для лодок современной постройки не опасен (так считают английские военно-морские авторитеты). При нужде подводная лодка может

путем взрывов, просверливания и т. п. проникнуть сквозь лед на поверхность. Еще во время последней войны подводные лодки «союзников» свободно работали в Белом море при льде более 30 *см* (почти пол аршина) толщиной, а с тех пор техника и конструктора подводных лодок не спали.

Для массовых грузов подводная лодка, конечно, дорогое сообщение. Но ее работа дешевле работы аэроплана, и в случае доставок почты, пушнины, ценных металлов, или при необходимости снабдить продуктами или снаряжением затертый льдами остров, корабль или какой-либо прибрежный пункт, соответствующего типа подводная лодка может оказаться практичнее воздушного судна.

Воздушные перелеты.

Более известно и популярно, чем подводное плавание, неимоверно быстрое развитие именно воздушных сообщений, и в этом отношении выгоды чрезполярных путей чрезвычайны.

Говоря о более или менее громоздких перевозках практического значения, надо иметь в виду на первом месте не аэроплан, а дирижабли с их большой грузоподъемностью.

Величайшим врагом дирижабля, как и всякого подъемного аппарата, наполненного легким газом, является переменное нагревание газа днем и ночью. Как только солнечные лучи начинают действовать на газ сквозь оболочку баллонов, газ начинает сильно расширяться и его приходится понемногу выпускать во избежание разрыва оболочки. Как только солнце закатывается, газ сжимается и, чтобы поддержать падающую грузоподъемную силу, приходится выбрасывать соответствующее количество взятого именно для этой цели балласта (песок, вода, и т. п.).

Вот эта неизбежная в обычных условиях необходимость брать с собой значительный запас мертвого груза в качестве балласта сильно удорожает работу дирижабля и уменьшает его полезность при многодневных перелетах.

Есть только один способ избежать этого тяжелого ущерба: если дирижабль поднимется в одном из западно-европейских центров, хотя бы в Лондоне, весной рано утром, то уже через 15—20 часов полета к северу он окажется под вечным солнцем полярного лета и может лететь до самого Берингова пролива, не терпя перемен в освещении и нагреве газа. Тоже, конечно, будет и при зимнем полете, потому что зимою солнца в полярной области не будет вовсе и лететь придется при свете луны и северный сияний, в чем нет ничего неисполнимого.

И для дирижаблей, и для разных аэропланов полярные пути представляют ряд других выгод. Во-первых, со всевозможными затруднениями, несчастиями и поломками несравненно легче бороться при свете незаходящего солнца или даже полярных

сияний, чем тогда, когда половина времени полета проходит в ночной темноте.

Во-вторых, ровная, мягкая, но не трясинная поверхность значительной части тундры, а тем более ровная снежная поверхность тундры ранней весной или поверхность многочисленных озер тундры, представляют неизмеримо более удобные для спусков места, чем леса, телеграфные проволоки и столбы, заборы и строения более обжитых областей.

Ламуты в с. Ола, Охотское побережье; 19 апреля 1905.

В-третьих, и Ледовитое море дает много гладких ледяных полей для спуска, да и полыньи и вообще водные пространства его никогда не подвергаются, даже в штормы, такому волнению, какое так нередко в других морях, не имеющих такого успокаивающего покрова льдов.

Оледенение дирижабля (как случилось в мае с. г. с Нобиле) явление, повидимому, не частое, и вероятно его можно будет избегать.

Именно учет того важного сокращения во времени и издержках, какое неизбежно должны дать для почтовых (и стратегических) меж-океанических сообщений пути через крайний север, заставил вдруг Англию и Америку, и некоторое другие страны, обратить особое внимание на давно лежавшие втуне острова Ледовитого моря и даже попытаться оттягать у нас о-в Врангеля.

Но нам принадлежит почти половина берегов Ледовитого средиземного моря и при том наиболее доступная половина, а следовательно и ключи к чрезполярным мировым путям близкого будущего.

Но мало того, что Север не так страшен, как думают. Он очень привлекателен в многих отношениях.

Вот все это, взятое вместе,—и неисследованность севера с его массой научных и практических задач, и безграничная свобода жизни и работы на севере, и симпатичное гостеприимное, честное и способное население, и непосредственная близость к жизни природы, и своеобразные красоты севера, и предстоящая ему большая будущность,—все это вместе является прочным ручательством того, что крайний север всегда будет особенно привлекательным для самого, быть может, ценного типа людей: людей, не любящих протоптанных дорог и избитых клише, не поддающихся предрассудкам, не нуждающихся в суматохе толпы, не боящихся самостоятельного и нелегкого труда.

Для таких людей много есть места на севере, потому что малолюдный север неизбежно будет и должен заселяться. И в первых рядах грядущего заселения севера должны итти те племена, которые сжились и освоились с севером и которые могут и будут размножаться там теперь, когда спали с них вековые оковы рабства, притеснения и темноты.

Селение Пантелеиха на правом берегу низовья Колымы около 68° 35′ сев. шир.; 22 сент. 1905 г.

С. В. Бахрушин

СИБИРСКИЕ ТУЗЕМЦЫ ПОД РУССКОЙ ВЛАСТЬЮ ДО РЕВОЛЮЦИИ 1917 года

(Исторический очерк)

Вопрос о взаимных отношениях между колонизаторами и порабощенным туземным населением колонизуемой страны является одним из самых больных вопросов колонизационной политики буржуазных стран в прошлом и в настоящем. Различные народности разрешали и разрешают его различным способом. Мы знаем случаи, когда более культурная и физически более сильная раса истребляла в конце концов поголовно жителей захваченной территории: так истребили немцы славянское и литовское население к востоку от Эльбы, испанцы—население Антильских островов; наконец, совсем недавно в Сев. Америке англо-саксонцы местами совершенно уничтожили краснокожих. В других случаях наоборот—колонизаторы остаются небольшой кучкой среди туземцев, которых они держат в руках силою своих технических знаний; таково положение англичан в Индии, положение, которое неизбежно должно привести к отказу от владычества над туземным населением, как скоро оно воспримет частично культуру своих поработителей. Наконец, во французских владениях

в сев. Африке мы находим третий исход—попытку, отмечаемую за последние лишь годы, распространения хотя бы неполных прав французского гражданства на туземцев,—до известной степени повторение блестящего колонизационного опыта великой Римской Империи.

Совершенно особняком стоят русские в их отношениях к туземному населению Сибири. Недостаточно многочисленные, чтобы истребить туземцев, слишком слабые культурно, чтобы подчинить их своему влиянию, они как-то уживались рядом с ними, не ощущая долгое время особенно резких противоречий между собою и ими и дорожа ими, как поставщиками драгоценной пушнины.

Так случилось, что в русских владениях целый ряд племен, культурно стоящих очень низко, физически слабых, несмотря на русское завоевание и на хищническое хозяйничанье завоевателей, сохранились до сих пор, пережив на три века слишком потерю своей самостоятельности, между тем как в колониях более культурных западно-европейских народов истребление и вымирание туземного населения идет чрезвычайно быстро.

Сношения русских с сибирскими туземцами до конца XVI в.

Русские очень рано, еще в XII веке, делали попытки войти в непосредственные сношения с туземцами северной Азии и подчинить их своей власти. Первый натиск на угро-финские племена Севера был произведен со стороны Новгорода. Нуждаясь в пушнине для торговли с немецким западом, новгородские купцы очень скоро стали проникать сами и посылать своих «отроков» (слуг) для торга к зырянским племенам, обитавшим на Печоре, и дальше к «самояди» и к «югре»—остякам, в то время населявшим оба склона Уральских гор. С полудикими туземцами завязывалась своеобразная «немая» торговля: «кажут на железо и помавают рукою, просяще железа, и аще кто даст им нож-ли, ли секиру, и они дают скорою (мехами) противу». По следам отдельных купцов крупные предприниматели из новгородских бояр набирали ватаги «ушкуйников» и за свой счет и на свой риск бросали их на грабеж и на добычу в далекую «Югру», т. е. в страну остяков (северо-западное Зауралье). По их примеру и Новгородская республика снаряжала за Урал военные экспедиции из новгородской молодежи под начальством опытных воевод; эти походы мало чем отличались от частных предприятий, и результаты их сводились к понуждению югорских князьков к уплате дани мехами и другими произведениями своей страны. Такие набеги, производившиеся по почину частных лиц или всей республики, сопровождавшиеся разорением туземцев, представляли, однако, значительную невыгоду для тех новгородских купцов, которые монополизировали постепенно торговлю с Зауральем и предпочитали

в своих интересах поддерживать добрые отношения с воинственными остяцкими племенами и их князьками. Этим объясняются случаи, когда предприятия Великого Новгорода в Югре терпели неудачу благодаря своим же новгородцам, которые осведомляли туземцев о предположениях своих соотечественников и давали им братоубийственные советы. С другой стороны, новгородская государственность была недостаточно сильна, чтобы вести планомерное завоевание, а туземцы были далеко не так беззащитны, как это имело место позже, когда у завоевателей оказалось в руках огнестрельное оружие. Некоторые из новгородских походов заканчивались полным поражением русских, как например в 1193 году, когда новгородская рать под начальством Ядрея была коварно завлечена в ловушку и истреблена остяками не без содействия некоторых новгородцев. В итоге и новгородцы, и, после падения Новгородской вольности, московские великие князья должны были ограничиться номинальным присоединением Югры к русским владениям, выражавшимся в случайной и неаккуратной уплате дани. Зато новгородскими купцами была прочно проторена дорога за пушниной за Урал, и годами практики выработалась торговая политика деловой купеческой «дружбы» с эксплоатируемыми ими туземцами. И под властью Москвы поморские торговые и промышленные люди продолжали ходить с товаром в «Югорскую землю». На перевал через «Камень» (Уральский хребет) в остяцкий городок Сускар (Роговой) навстречу купцам съезжалась для торгу из окрестных тундр «каменная» (уральская), пустозерская и зауральская—карачейская самоядь. Среди них у каждого торговца были свои «знакомцы», которые предоставляли им своих оленей для дальнейшего путешествия в страну карачейских самоедов. Постепенно энергичные поморы все крепче закабаляли своих зауральских «знакомцев», и уже в XVII в. мы наблюдаем начало того процесса экономического захвата пришельцами, в частности зырянами, приобских тундр с их оленными табунами, который отмечен исследователями XIX и начала XX века.

Предприимчивость поморов, русских и зырян, не ограничивалась однако одной сухопутной дорогой за Урал. Более бесстрашные из них проезжали морем на кочах через Югорский Шар в Обскую губу и оттуда дальше к устью Таза, в Мангазею. И здесь среди дикой и воинственной «кровавой» самояди—«молгонзеев» практиковались те же выработанные веками опыта приемы экономического завоевания под видом дружеских деловых отношений. Купец являлся в качестве гостя, который ожидал и требовал угощения и внимания и для которого ничего не жалели. «А гость к ним (молгонзеям) откуду приидет», записал один торговец, бывавший «на восточной стране за Югорьскою землею», «и они дети свои закалают на гостей, да кормят». Пребывание среди дикарей

не было конечно лишено опасностей и риска. Ходили преувеличенные рассказы о свирепости самоедов, обитавших на островах Обской дельты. Холмогорец Тавтыгин, которого называют автором первого этнографического описания северо-восточной Сибири («Сказания о человецех незнаемых»), по преданию был убит в одну из своих поездок в Мангазею. Но это были исключения. Постепенно происходило мирное завоевание далекой Мангазеи, и русские торговые и промышленные люди все глубже пускали корни во вновь открытой ими стране, незаметно подчиняли своей власти воинственное население, строили острожки и собирали дань с туземцев, сохраняя попрежнему фикцию добрососедских с ними отношений, и когда в лице Московского государства у этих торговых конквистадоров явился серьезный конкурент, они даже, по некоторым сведениям, не без успеха вооружали против московских воевод самоедов и остяков окрестных тундр.

Экономическое завоевание северной Сибири, которое начали новгородские купцы и продолжали в XVI в. поморские торговые люди, шло за недостатком средств и капиталов чрезвычайно медленно и не носило прочного характера. Порабощение туземного населения русскими началось собственно лишь с конца XVI века, когда московское правительство по следам Строгановых приступило к планомерной оккупации Зауралья. Исходным пунктом этой оккупации являлись владения Строгановых на Каме. Здесь, на границе между Европой и Азией, тотчас после падения Казани, открывшего русским доступ в «места изобильные» камского бассейна, начался тот же процесс экономического завоевания Приуралья. Руководителями и организаторами этого завоевания и явились Строгановы. Колонисты, которых они сажали на пожалованных им землях под охраной построенных ими городков, вторгались в пределы остяцких и вогульских «улусов», вырубали леса, отнимали у туземцев принадлежавшие им охотничьи и рыболовные угодья и разоряли их «мольбища». Это приводило к неоднократным столкновениям, когда сжигались деревни поселенцев, их скот отгонялся, сами они убивались или уводились в плен. Но городки, укрепленные деревянными стенами и вооруженные артиллерией, были неприступны не только для окрестных вогулов и черемис, но и для приходивших к ним на помощь из-за Урала их пелымских сородичей. Любопытно, что наступление русской колонизации на восток, и здесь, как и на севере, встречало сопротивление со стороны русских торговых людей, подымавшихся по Каме, «купующе остяцкие купли» (т. е. для торга с туземцами), для которых захват путей в Сибирь вотчинниками-монополистами был отнюдь невыгоден и нарушал необходимые для торговли дружеские отношения с туземцами. Во время черемисского бунта многие русские купцы, если не принимали непосредственного участия в военных действиях со стороны восставших, то во вся-

ком случае находились среди них в качестве доброжелательных свидетелей чинимых ими разорений. Сами Строгановы распространяли свою власть не столько оружием, сколько торгово-промышленными предприятиями. Под стенами их городков возникали бойкие ярмарки, куда даже из-за Урала съезжались туземцы с пушниной, а окрестное вогульское население было все в долгу и в кабале у могущественных владельцев приуральских латифундий. Намеченные ими к постройке острожки на Туре, Тоболе и Иртыше должны были служить в первую очередь становищами «на опочив» всяким людям, идущим в Сибирь. Самый поход Ермака по своему характеру ближе к тем экспедициям ушкуйников, которые снаряжались новгородскими предпринимателями для добычи, чем к планомерному походу для приобретения новых территорий. Экономическое освоение Прикамья Строгановыми открыло путь и правительственной военной оккупации земель за Уралом, которое шло затем с неимоверной быстротой, завершившись на переломе между XVII и XVIII столетиями захватом Камчатки.

Московское государство и сибирские туземцы.

Московское государство, двигаясь по следам частных предпринимателей, руководилось теми же интересами. И оно гналось за пушниной, и для него туземец был в первую очередь важен, как поставщик мехов. Все завоевание Сибири имело в сущности одну цель—эксплоатацию пушных богатств Зауралья; вся колонизация преследовала одну задачу—организовать возможно целесообразнее эту эксплоатацию. Все отношения к туземным народностям и складывались под этим углом зрения.

Прежде всего надо было заставить туземное население платить дань, и это достигалось путем карательных экспедиций. В качестве передовых отрядов в «немирные землицы» направлялись партии служилых людей, к которым присоединялись всякие «охочие» гулящие люди в чаянии грабежа и добычи. Прибыв на место, «призывали» туземных князьков «под государьскую высокую руку» и уговаривали их платить ясак, суля им за то «государево жалованье» т. е. подарки. Если туземцы оказывались «непослушниками», то прибегали к оружию, и тут открывалось полное раздолье хищническим инстинктам русских Пизарро и Кортецов. Юрты «непослушников» сжигались, жены и дети захватывались в плен и «дуванились» между участниками экспедиции, запасы мехов подвергались разграблению. Устрашенные таким налетом туземцы торопились «ударить челом» ясаком; но в не вполне замиренную волость появлялись новые партии служилых людей, которые вторично разоряли и грабили улусы и требовали вновь ясака. На Лене, в первые годы после того, как туда был открыт путь, эти набеги различных партий сборщиков ясака, двигавшихся на добычу одновременно из Мангазеи, из Тобольска, из Енисейска, из Томска, завершились междоусобной войной среди

самих завоевателей из-за добычи, во время которой больше всего страдали туземцы, разоряемые то одними, то другими ясачниками и облагаемые двойным и тройным ясаком.

Такой характер носили те первые разведки, которые должны были подготовить почву к полному завоеванию той или иной «немирной землицы». Следующим этапом являлась постройка острога в центре вновь открытой территории; постройка эта обычно вызывала большие волнения среди окрестных туземцев и попытку уничтожить выросшую на их земле крепость. И березовские остяки, и якуты, и буряты одинаково делали попытки взять и сжечь ненавистные им твердыни их притеснителей и нередко ставили в тяжелое положение немноголюдные гарнизоны русских острогов, но огнестрельное оружие решало дело в пользу пришельцев, после чего следовали суровые репрессии в целях устрашения непокорных, и мятежные князцы обычно платились за свой бунт смертью на виселице.

Такой жестокий характер первоначального завоевания дал повод некоторым исследователям говорить о почти поголовном истреблении всего туземного населения в некоторых частях Сибири. В доказательство этому Буцинский сопоставляет грандиозные цифры населения «Сибирского царства», как они записаны в Никоновской летописи, с очень скромными цифрами ясачных людей тех же областей в XVII в. Расчет этот, однако, совершенно неверен, так как, с одной стороны, цифра Никоновской летописи не заслуживает никакого доверия, а с другой—статистика ясачных книг, которыми пользуется автор, далеко не дает верного исчисления населения. Можно лишь говорить об известном уменьшении числа туземцев в результате войн и бегства в другие страны и о сильном экономическом их разорении.

Не в интересах Москвы было истребление туземцев. Она нуждалась не в пустых землях, а в пушнине, и туземцы являлись наилучшими поставщиками этой пушнины. Поэтому, принудив их платить ясак, войну стремились прекратить. Даже туземные племенные организации сохранялись, потому что их можно было использовать в целях сбора ясака. Для примера можно привести княжество Епанчи на Туре, оказавшее сильное сопротивление казакам Ермака; впоследствии сам Епанча, а позже—его потомство продолжали властвовать в своем «Епанчине юрте». Остяцкие княжества на Оби и под русской властью управлялись собственными племенными князцами. Одно из них—Кода, до 40-х годов XVII века сохраняло полную самостоятельность, которой лишилось в значительной степени в связи с внутренними нестроениями. Другое остяцкое княжество—Обдорь, закинутое на далекий север, сохраняло втечение почти четырех веков (до второй половины XIX века) свою княжескую династию, внутри которой власть последовательно переходила от отца к сыну. В волостях Томского

и Кузнецкого уездов население попрежнему разбивалось на улусы, управляемые улусными князцами или родовладыками. Якуты делились на племена (волости), возглавляемые сыновьями князцов, казненных за попытку помешать русскому завоеванию. В Туринском уезде вогулы делились на сотни во главе с сотниками, звание которых было наследственное. В волостях с монгольским населением правили свои зайсанги и шуленги и т. д. Не приходится говорить о кочевниках далеких тундр и тайги, о самоедах, тунгусах, юкагирах, совершенно недоступных воздействию русской власти.

Ясак. Московское правительство было мало заинтересовано тем, как жили и как управлялись завоеванные народы. Ему нужен был ясак и только ясак. Поэтому, утвердившись в том или ином пункте, русская администрация стремилась, первым делом, произвести точную регистрацию работоспособных плательщиков ясака. Переписи ясачного населения производились очень часто и постоянно проверялись с целью внести в список подросших детей и уклонявшихся от платежа «захребетников», т. е. тех, кто не имел собственного хозяйства и жил в чужом юрту. Затем устанавливался оклад ясака. Первоначально оклад был поголовный и очень высокий, при чем делались известные сбавки только для холостых, которым некому было помогать на охоте (они платили половину оклада) и подростков, которые начинали с 1 соболя и лишь постепенно доходили до платежа полного оклада. Единства в окладе не было: с каждой волости брали столько, сколько казалось возможным взять. Так, в начале XVII в. оклад березовских остяков был по 5 соболей с человека, с верхотурских вогуличей—по 10 соболей с женатого и по 5 с холостого, с пелымских вогуличей по 5, а позже по 7 соболей с человека. Очень скоро поголовный оклад подвергся изменению; им пользовались лишь для установления общей суммы ясака с волости, и самим жителям волости предоставлялось распределять эту общую сумму между собою в зависимости от платежеспособности отдельных ясачных людей: «кто в которую статью пригодится, смотря по людям, и по животам, и по промыслам». В дальнейшем, правительство перешло к индивидуальным окладам, т. е. фиксировало, сколько каждый отдельный ясачный человек обязан платить. Наконец, ясак подвергся еще одному изменению. По мере истребления соболя, приходилось принимать в казну меха другим зверем, неравноценным соболю; для этого устанавливался приблизительно коэффициент стоимости различных мехов: например в конце XVII ст. в Мангазее за 1 соболя принимали 1 лисицу, 1 россомаху, 16 песцов или 100 белок. Но и этот расчет был слишком неопределенным. Меха, как соболиные, так и другие, могли быть очень различны по качеству и по стоимости—хорошая лисица, например, стоила дороже «худого

соболишка». Во избежание понижения ценности ясака и злоупотреблений со стороны ясачных сборщиков, которые могли в своих интересах подменивать «добрые соболи» — «худыми», стали в ряде волостей высчитывать ясак на деньги, т. е. каждый плательщик должен был принести мехов на определенную сумму. Эта реформа дала себя очень тяжело почувствовать плательщикам тем более, что сборщики при приеме ясака из личных соображений старались ценить приносимую пушнину возможно дешевле.

Впрочем, ясак по «крепкому» окладу удавалось собирать далеко не со всех волостей. С кочевниками, бродившими по тундрам и по тайгам, которых часто невозможно было не только переписать, но даже и приманить к ясачному зимовью, которые сегодня были здесь, а завтра в другом месте, то исчезая, то появляясь вновь,— ни о каком окладе ясака не могло быть и речи. Приходилось брать, «что принесут», и исключительно от искусства сборщиков зависело уговорить ясачного человека дать побольше. В лучшем случае устанавливался фиктивный оклад в несколько штук соболей на человека для того, чтобы ясатчик мог руководствоваться им при сборе ясака.

Сверх ясака с ясачных людей нередко более или менее принудительно взыскивали так называемые «государевы поминки» (подарки). Первоначально это были добровольные приношения, но администрация очень скоро превратила их в обязательный дополнительный сбор, который собирался либо с каждого плательщика, либо с целой волости.

Наряду с государевыми поминками ясачные люди бывали вынуждены дарить меха и воеводам и дьякам; но правительство уже при Борисе Годунове наложило руку на эти «воеводские и дьячьи поминки», распорядившись и их вносить в государеву казну. Воеводы, дьяки, ясачные сборщики, обделенные московскими государями, однако, не примирилось с таким положением и фактически продолжали брать с ясачных людей «поклонных» соболей в свою пользу.

В итоге на плательщика ясака падала очень тяжелая натуральная подать. В Сургутском уезде, например, в первой четверти XVIII столетия каждый ясачный человек вносил пушнины в одних волостях на 2 рубля с копейками, в других—на 3 рубля с копейками и поминков на 1 рубль, т. е. от 42-х до 56-ти рублей на довоенные рубли, при преуменьшенной расценки мехов.

Кроме уплаты ясака, на ясачных людей ложились тяжелые натуральные повинности. Особенно тяжело падала на них обязанность гонять подводы под служилыми людьми. Китайские послы, проезжающие через Сибирь в царствование Петра, в ярких красках рисуют плачевную картину ямской гоньбы по сибирским рекам: татары, по колена в воде, подгоняемые беспощадными уда-

рами палок, волочат бичевою лодки. Сами туземцы то и дело жалуются на злоупотребления служилых людей при переездах, на падеж собак и другие бедствия, связанные с подводной повинностью. Те из татар Тобольского и Тюменского уездов, на которых специально была возложена ямская гоньба с освобождением от ясака, умоляли перевести их в ясак, и, так как для государства важнее всего был именно ясак, то правительство шло охотно на их просьбы и устраивало «стройные ямы», поселяя русских ямщиков.

Служилые туземцы, освобожденные от ясака, несли военную службу. Кодские остяки, например, участвовали в конце XIV века и в начале XVII во всех походах, предпринимавшихся русскими вглубь страны, помогали при постройке новых городов и входили в состав ежегодных экспедиций за солью к озеру Ямышу.

Приемы сбора ясака.

При всей своей тяжести, повинности и службы туземцев являлись для московского правительства делом второстепенным. Основная их обязанность состояла в уплате драгоценного ясака, и в эту сторону были направлены все усилия и заботы сибирской администрации.

Дело было сложное. Мало было переписать население и установить приблизительно оклад ясачных платежей. Надо было суметь взыскать эти платежи.

Ввиде гарантии за добросовестный взнос ясачной подати, с туземцев обычно бралась шерть, т. е. присяга. Магометане «шертовали на коране»; ламаисты приносили присягу перед своими «бурханами» (изображениями святых). У большинства же сибирских инородцев шерть представляла собою своего рода заклинание, сопровождавшееся символическими действиями, которыми подкреплялась нерушимость клятвы. Остяки присягали перед медвежьей шкурой, на которой лежали топор и нож, при чем присягающему давали на острие ножа кусок хлеба, а толмач произносил слова присяги: «пусть растерзает меня медведь, пусть подавлюсь этим хлебом, пусть топор отрубит мне голову, пусть убьет меня этот нож». Якуты разрубали собаку на две части и проходили между ними, держа во рту комок земли; предполагалось, что в случае несоблюдения клятвы, присягаемый будет рассечен надвое, как собака, и будет раздавлен землей.

В других случаях те же якуты грызли челюсть медведя или окунали собольи лапы в кумыс и обсасывали. Очень принятая форма шерти состояла в том, что шертовавший «пил золото», т. е. пил из сосуда, в котором была положена золотая вещь, и т. д. При всей сложности этих суеверных обрядов, они, конечно, мало гарантировали на деле правильное поступление ясака. «Иноземцы» нередко шерти своей «не держались». Более того, русским не всегда было легко выяснить самую действительную

форму присяги, которая считалась наиболее священной у данного народа. Часто «шерть» сводилась к проформе, и малочисленные русские военные контигенты, конечно, не могли бы держать в повинности многочисленные туземные народности силою одной только присяги. Поэтому для принуждения «иноземцев» к уплате ясака принимался еще целый ряд мер.

Сбор ясака не представлял собою сравнительно большого труда поскольку дело касалось туземцев, живущих в соседстве с русским городом и давно замиренных. Обычно в таких случаях сами ясачные во главе с их князцами привозили ясак в город. Это было целое событие. Под стенами города, на льду реки располагались шумным станом прибывшие для уплаты ясака туземцы. В городе для их старшин устраивался пышный прием. Князцы и лучшие люди торжественно несли ясак в съезжую избу между двумя шпалерами выстроенных, как на параде, служилых людей; из городских пушек для большей внушительности производилось несколько выстрелов. В съезжей избе князцов дожидался воевода в парадном «цветном» платье; он принимал ясак, при чем нередко вступал в пререкания с гостями, если количество его не соответствовало окладу. Приняв ясак, воевода оделял пришедших государевым жалованьем, т. е. бисером и подобными безделушками, и поручал кому-нибудь из чиновных лиц угостить князцов и сопровождавших их лучших ясачных людей: дикарей поили государевым вином и пивом и кормили бурдуком. Одновременно угощали вином и гарнизон.

Гораздо мудренее было собрать ясак с бродячих племен, которые в зависимости от условий охоты беспрестанно переходили на новые места в тайге или кочевали со своими оленьими табунами в беспредельных пространствах тундр. Таковы были, например, самоеды, тунгусы, юкагиры, коряки и др. Небольшие партии служилых людей в 2—3 человека не только не могли заставить эти полудикие племена регулярно платить какой-либо ясак, но и сами находились под страхом убийства со стороны дикарей. Надо было каким-то средством заманить их к ясачному зимовью и выманить у них нужную пушнину. Русские в этом отношении унаследовали от тюркских завоевателей, собиравших дань с туземцев по берегам Волги и Оби, практику заложников—«аманатов». Вступая в «немирную землицу», служилые первым долгом стремились захватить «в аманаты» кого-нибудь из лучших людей. Аманата брали либо в бою, либо хитростью, заманив на угощение.

Аманат являлся, во-первых, гарантией безопасности ясачных сборщиков среди враждебно к ним настроенных туземцев. Мы имеем ряд случаев, когда бегство аманатов приводило к нападению его соплеменников на ясачное зимовье и даже к избиению ясатчиков, как это произошло, например, в 1694 году,

когда юраки, воспользовавшись бегством одного из своих аманатов, подкараулили на дороге служилых людей и перебили их, а затем подвергли зверскому избиению женщин и детей, оставшихся в зимовье. Но главное назначение аманатов заключалось в том, чтобы призывать к государеву ясаку своих сородичей. Из года в год, весною, аманата, скованного во избежание бегства, привозили в зимовье, расположенное в соседстве с местожительством его племени. Здесь его держали в цепях в «казенке», т. е. во внутреннем помещении избы. Его соплеменники собирались поглядеть на него и убедиться в том, что он жив и здоров. Не решаясь входить во внутрь избы, они смотрели на него в окошко. Чтобы побудить дикарей платить ясак, служилые люди показывали им те подарки, которые их аманат получал за добросовестное исполнение своих обязанностей; олово, бусы, бисер и т. п. По окончании ясачного сбора аманата снова увозили в город, где ему предстояло провести зиму скованным в тюрьме или в аманатском дворе до следующей ясачной кампании весной. По истечении 2—3 лет аманата освобождали под условием, чтобы на его место сел другой его родовик, предпочтительно родственник, сын или брат; тогда его отпускали к его племени, а его заместителя ковали и увозили в город.

Одних аманатов, однако, было недостаточно, чтобы заставить дикарей нести ясак государевым ясачным сборщикам. Как общее правило, они ожидали в обмен на принесенную пушнину каких-нибудь подарков. Поэтому ясачные сборщики отдаривали их «государевым жалованьем»: наряду с безделушками, туземцы получали ножевые железца, топоры и т. п. Без «государева жалованья» дикари обычно ясака не платили. Поэтому в целом ряде случаев ясачный сбор принимал характер меновой сделки, с той разницей, что оплачивалась ясачная пушнина ниже рыночной ценности. Пугливые, как дикие птицы, дикари не всегда решались входить внутрь зимовья, опасаясь, что их заберут в аманаты. Принесенные ими шкурки они либо метали, либо протягивали на конце копья в окно избы. С другой стороны и служилые люди, боясь «убойства», не выходили из избы, а кидали им в окно «государево жалование». Наряду с подарками, вознаграждением за взнос ясака служило угощение полуголодных туземцев, в частности— угощение вином.

Такой характер носит сбор ясака в отдаленных тундрах и тайгах с диким бродячим населением.

Несмотря на шерть, на аманатов и на «государево жалование», сбор ясака не всегда проходил гладко. Тяжесть обложения и насилия, которые служилые люди чинили ясачным людям, неоднократно приводили к кровавым столкновениям. В течение всего XVII века мы слышим о восстаниях туземцев против русской власти. В 1608 году среди березовских остяков возник грандиоз-

ный план, душой которого была энергичная кодская княгиня Анна: дело шло о внезапном нападении на Березов, и «изменная стрела», служившая символом войны, уже ходила по остяцким волостям, когда предательство погубило весь замысел. В 1612 году поднялись вогуличи и пошли было «скопом» на Пелым. Таким образом, первые шаги оккупации Сибири ознаменовались восстаниями туземцев. Но и позже, когда, казалось бы, русская власть укрепилась за Уралом, имели место такие события, как смута 1662 года, когда потомку Кучума Девлет-Гирею удалось поднять против русских все туземное население западной Сибири, или тянувшиеся с 1665 до 1668 года и вторично в 1677—1681 гг. поголовные восстания многолюдных охотских и индигирских тунгусских племен, поставившие под вопрос прочность русской власти на берегах Охотского моря. Такие же восстания имели место и позже. В начале 30-х годов XVIII в. вспыхнуло небывалое по размерам и по ожесточению восстание ительменов на Камчатке, вызванное злоупотреблениями чиновников и служилых людей. Особенно упорно боролись с русской властью жители далеких тундр—чукчи, наносившие неоднократно тяжелые поражения отдельным русским отрядам и заставившие даже в 1775 г. эвакуировать Анюйскую крепость. Наряду с открытыми возмущениями шла упорная партизанская борьба: ясачных сборщиков то и дело убивали поодиночке и собранную ими мягкую рухлядь подвергали разграблению. С другой стороны менее энергичные из ясачных людей, избегая ясака, выселялись за пределы своих земель, чтобы уйти от власти московского государя. Невозможность справиться с «огненными людьми», как прозвали русских камчатские ительмены, действовала на вольных детей сибирских пустынь угнетающим образом. Мы имеем нередкие случаи самоубийства, особенно среди аманатов, тосковавших в плену.

Сопротивление активное и пассивное, которое туземцы оказывали стремлению московского государства превратить их в послушных плательщиков государева ясака, в значительной мере осложняло эту задачу. Но это было не единственное затруднение, которое выростало на пути московской администрации за Уралом.

Русские торговые и служилые люди и туземцы.

В деле эксплоатации туземного населения, в целях выкачивания из страны пушнины, московское государство встретило сильную конкуренцию со стороны своих собственных подданных. Служилые, торговые и промышленные люди тоже претендовали на право эксплоатировать туземцев для приобретения от них пушнины, на которую властно предъявляли спрос иностранные рынки запада и востока; эта конкуренция частного капитала ставила в весьма затруднительное положение казну, которая из фискальных соображений одинаково боялась и лишиться

охотничьей добычи туземцев, и потерять выгоды от развития русских торгов и промыслов.

Мы видели, что русские торговые и промышленные люди еще раньше, чем Сибирь обстроилась государевыми городами и острогами, нашли путь в чумы простодушных туземцев с теми товарами, которыми всюду европейцы соблазняли и соблазняют дикарей—бисером, одекуем (хрустальные бусы), колокольцами, обрезками цветных материй, обломками оловянной посуды и т. д.

Не последнее место занимали в меновой торговле хлебные запасы и особенно вино, которым усердно спаивали падких на алкоголь дикарей. Торговые люди, однако, не ограничивались «оторговыванием» и спаиванием туземцев, они охотно присоединялись к партиям служилых людей для участия в набегах на «немирных иноземцев», в рассчетах на добычу, главным образом «ясырь», т. е. на пленников. Находили они и другие способы участия в военно-грабительских предприятиях военного люда, снабжая служилых людей военным инвентарем: лошадьми, оружием, запасом, с тем, чтобы получить определенную долю добычи.

Служилые люди, со своей стороны, отправляясь в ясачные зимовья, захватывали с собою кое какие «товаренки» и обменивали их на пушнину; более того,—пользуясь своим положением, они требовали и получали от ясачных людей, сверх государевых ясака и поминков, в свою пользу «поклонных соболей» (яко бы добровольно—«в почесть»).

Во всех этих операциях, торговых и грабительских, деятельное участие принимали представители сибирской администрации, пользуясь отдаленностью от центра и легкой возможностью избежать ответственности. Они либо вступали в «капканец» с торговыми людьми, либо отправляли свои товары по зимовьям с ясачными сборщиками, либо тайком посылали непосредственно в чумы к туземцам своих агентов и доверенных лиц. Когда туземцы приходили в город с ясаком, то вся администрация накидывалась на них, как на законную добычу; когда они шли в съезжую избу, с них срывали шапки, обещая дать взамен что-нибудь; воевода вызывал их к себе на двор, брал за руки, называл братьями и просил подарков. В их стан появлялись подозрительные личности и предлагали на мену полученные от воеводы вещи.

Помимо торговой эксплоатации, русский человек на каждом шагу нарушал исконные права и интересы туземцев, захватывая и разоряя принадлежащие им угодья и селясь на их землях. В 1635 году верхотурские вогуличи жаловались царю: «а где-де их угодья, бобровые ловли и звериной промысл, и на тех-де местах устроены на нашу пашню многие пашенные крестьяне, и на лес весною и летом пущают те крестьяне огонь, и лес выго-

рает, и зверь всякой от того огня бежит». Промышленники истребляли соболя благодаря безжалостному способу ловли «кулемами», и туземцы нередко, чтобы платить ясак, похищали у них добычу из ловушек.

В интересах русского колониста, кто бы он ни был—пашенный крестьянин, торговый человек, стрелец или казак, было необходимо добиться полной свободы эксплоатации туземца; ему выгодна была война с сибирскими «иноземцами», а не мирное сожительство с ними, так как война открывала им в этом отношении более широкие возможности; во всяком случае он хотел, чтобы туземец был предоставлен всецело в его власть. Государство мешало ему в повседневных его сношениях с коренным населением Сибири. Но обойтись без него, без его помощи он все-таки не мог. Для того, чтобы беспрепятственно эксплоатировать пушные богатства колонии, русский человек нуждался в защите от «сыроядцев», как он презрительно называл туземцев. Мы слышим постоянные жалобы служилых людей на невозможность собирать ясак из опасения «убойства» со стороны дикарей, и сетования торговых и промышленных людей, что они «отбывают» торгов и промыслов вследствие их насилий. Туземцы выбирали добычу из кулем, вырывали из ям хлебные запасы, спрятанные русскими, нападали на отдельных промышленников, убивали их и грабили. Отсюда упорные требования репрессий по отношению к иноземцам. Так, по ходатайству торговых и промышленных людей была снаряжена карательная экспедиция Самсона Новацкого в 1629 г. для усмирения тунгусов на Нижней Тунгуске.

Правительственная политика в отношении туземцев в XVII в.

Правительство, однако, отлично понимало опасность того пути, куда его толкали его подданные. «Жесточью» можно было только разогнать и сократить число плательщиков ясака. В течение XVII века оно оказывало упорно пассивное сопротивление притязаниям служилого и торгово-промышленного люда и лишь очень неохотно шло на уступки. Оно допускало самые радикальные меры по отношению к «немирным» иноземцам, но с того момента, как они соглашались платить ясак, они делались как бы казенным достоянием, подлежавшим охране и защите. Со свойственной ему практичностью московское правительство очень рано поняло, что в собственных фискальных интересах, в целях увеличения количества ясака следует беречь каждого ясачного человека. Так сложилась своеобразная система покровительствования туземцам, которая резко отличает московскую практику XVII века от практики других колонизаторов. В то время, как для колонистов Западной Европы, искавших земли и промысловых угодий, туземец-дикарь был опасным и вредным конкурентом, для Москвы «иноземец» был первым делом источником дохода и подлежал поэтому охранению.

Исходя из таких соображений, правительство неохотно допускало какие-либо меры усмирения по отношению даже к «непослушникам» из ясачных людей. Все военные походы должны были совершаться лишь с предварительного согласия тобольских воевод, а тобольским воеводам внушалось давать разрешение с осмотрительностью: рекомендовалось «уговаривать сперва ласкою, чтоб от непослушанья своего отстали» и к оружию прибегать «по самой конечной нуже». Воеводам приказывалось «с великим подкрепленьем», чтобы они не посылали «для своей корысти на ясачных людей посылок ратью» и ясачных людей от государя не отгоняли и ничем не жесточили. В случае, если дело доходило все-таки до оружия, то со служилых людей строго взыскивалось, если они убивали ясачного человека без достаточного повода: в 1676 году в Якутске был «вместо кнута» бит батогами «нещадно» казак Стенька Лаврентьев за то, что он убил взятого в плен якута Байгу, вероломно и зверски убившего перед тем Стенькина брата Левку, «чтобы впредь неповадно было его братье, служилым людям, будучи в посылках, пойманных убивать». В отношении неясачных немирных землиц, конечно, такой щепетильности не проявлялось, и при завоевании их чинились ужасающие жестокости. Даже в XVIII в. карательные экспедиции знаменитого Павлуцкого в страну чукчей ознаменовались небывалыми жестокостями, память о которых до сих пор живет в чукотских легендах. Ительмены, оказавшие особенно упорное сопротивление русским, были истреблены почти поголовно. При захвате Алеутских и соседних островов имели место самые варварские по бесцельности и жестокости избиения беззащитных туземцев...

Основным правилом, однако, как сказано, было собирать с иноземцев ясак «ласкою, а не правежем». В 1695 году в этих целях последовал указ, запрещавший применять к ним смертную казнь и пытку без доклада государю. Указ этот в сущности закреплял практику, установившуюся гораздо раньше.

В отношении туземцев постоянно рекомендовалось применять исключительно «ласку и привет» и избегать по возможности суровых мер. Даже ясак запрещалось взыскивать с них «правежем», т. е. битьем палками, как это практиковалось в отношении русских. Русские жаловались на такую снисходительность, утверждая, что «многие ясачные люди живут промеж русских людей и русскому обычаю навычны, и то им ведомо, что... правежом на них ясаку править не велено», «и они на то... царское жалование надежны и... ясак платят оплошно».

Особенно неохотно соглашалось правительство на применение к ясачным людям смертной казни. Без разрешения тобольских воевод местные воеводы не имели права «вершить» иноземцев даже в случае совершения ими убийства, и когда в 1663 году березовский воевода повесил нескольких остяцких князцов, за-

подозренных в измене, то тобольский воевода князь Ив. Андр. Хилков сделал ему выговор за то, что он «березовских ясачных лучших остяков перевешал без вины». Такое снисходительное отношение к туземцам объясняется исключительно соображениями фискального характера: недаром в 1641 году мангазей, ский воевода князь Петр Ухтомский, несмотря на указ из Москвы, заменил тунгусским аманатам, участвовавшим в убийстве служилого человека, смертную казнь—кнутом,—«для того, чтобы нынешний 154 ($164^5/_6$) год было под кого... государев ясак собрать, потому что-де аманаты—лучшие люди». Зато снисходительность администрации встречала упорные протесты со стороны русского населения. Пока воевода, боясь ответственности и убытка казне, медлил, в Москву сыпались челобитные за многочисленными подписями служилых, торговых и промышленных людей с ходатайствами об «оборони» от иноземцев и требованием смертных казней. Правительство в конце концов уступало, и «пущих воров и заводчиков» вешали в назидание остальным. Из тех же фискальных соображений правительство принимало меры к ограждению личной свободы ясачных людей, так как порабощение ясачного человека выводило его из числа плательщиков. Поэтому было строжайше запрещено в «городах воеводам и служилым людем покупать и крестить и к Москве с собою вывозить и ни с кем не высылати» не только ясачных людей, но даже пленников, на случай если бы их сородичи захотели их выкупить и обязались платить ясак. На практике это требование в отношении «немирных» людей редко исполнялось: взятые с бою, «кровью», пленники, как общее правило, считались законной добычей победителей. Запрещение обращать туземцев в рабство затрагивало интересы не только служилых, но также и торговых людей. Потребность в несвободном труде заставляла их дорожить возможностью вывозить из Сибири малолетних пленников, которых они скупали у служилых людей по возвращении их из походов, крестили и обучали грамоте с целью подготовить себе из них помощников по торговой части. Против вывоза ясыря на Русь принимались, однако, в первую половину столетия довольно решительные меры: рабов отбирали на пограничных таможнях; если они были не крещены, их возвращали к их сородичам, если их успели уже окрестить, то мальчиков верстали в военную службу, а девочек выдавали замуж. Эти меры вызывали горячий протест со стороны торговых людей и в конце концов правительство капитулировало: Уложение 1649 г. официально разрешило «татар и татарченков в Астрахани и в Сибири покупати всяких чинов людем... опричь воевод и всяких приказных людей». С конца XVII века снова возобновляются попытки прекратить торговлю рабами: указ 1684 года грозил карой не только покупателям, но даже тому ясачному, который бы добровольно продался в неволю. Но из общего пра-

вила допускались постоянно исключения, сводившие самое правило на нет. Достаточно сказать, что еще в первой половине XIX века (1808, 1825, 1835 гг.) был издан ряд указов, узаконивавших с некоторыми лишь ограничениями приобретение детей у киргиз-кайсаков, особенно девочек, которые высоко ценились в виду недостатка женщин в Сибири.

Из тех же фискальных соображений правительство в XVII веке принимало меры к ограждению туземцев от эксплоатации со стороны своих подданных в той мере, в какой эта эксплоатация шла в ущерб казне. Особенно любопытны в этом отношении мероприятия, ограничивающие право частных лиц торговать с «иноземцами», из которых особенно ясно видны своекорыстные цели правительства в XVII веке в деле охраны туземного населения Сибири. До уплаты ясака строжайше воспрещалось вступать с ними в торговые сделки, в частности—продавать им вино. Запрещение это было вызвано опасением, что меха, заготовленные в ясак, уйдут в руки более предприимчивых торговых людей (служилым людям вообще воспрещалось торговать с иноземцами, впрочем совершенно безрезультатно); но после уплаты ясака русским людям предоставлялась полная свобода оторговывать и спаивать ясачных людей. Это было не столько защита инородцев от эксплоатации, сколько дележ добычи между казною и частным капиталом, подобно тому, как русская власть делилась ясаком с соседними азиатскими государствами. В тех же целях—охранить платежеспособность ясачных людей, запрещалось играть с туземцами в азартные игры (в зернь).

Наконец, забота об ясаке заставляла принимать меры и к охране имущественных прав туземцев. При обилии свободных пространств конкуренция из-за земли проявлялась в XVII веке в Сибири не в такой ожесточенной форме, как в некоторых новых колониях западных европейцев. Оседлые иноземцы сохранили за собою часть земли, которыми владели «исстари до Ермакова взятия», и русский суд оберегал их «вотчинные» земли и угодья от притязаний со стороны русских колонистов. Особенную заботливость проявляло правительство,—далеко, однако, не из каких-либо принципиальных соображений гуманности,—в отношении охотничьих угодий туземцев, захват которых русскими неизбежно отразился бы на количестве собираемого ясака. В отдельных случаях правительство не останавливалось перед тем, чтобы распорядиться «сбити долой» поселенцев, расположившихся на землях туземцев. В целях охраны соболиного промысла инородцев, в конце XVII века русским промышленникам было даже строжайше воспрещено ходить на промыслы на некоторые реки Восточной Сибири.

И тут, как и в остальных вопросах, связанных с охраной туземцев, правительственная практика при всем своем эгоизме

в конце концов благоприятная для них, не могла, однако, защитить их от стихийных явлений. Русские поселенцы фактически вытесняли их постепенно «со старинных их искони вечных вотчин», выжигали леса, разгоняли пушного зверя, а русские промышленники истребляли кулемами соболя, и в борьбе со своими конкурентами из собственных поданных государство было в сущности бессильно.

Вопросом об ясаке определяется и религиозная политика Москвы в отношении сибирских туземцев. В то время, как западноевропейские колонизаторы видели в пропаганде христианства средство обезвредить и подчинить своему влиянию аборигенов колонизуемой страны, московскому правительству обращение в христианство ясачных людей и их руссификация были невыгодны. «Новокрещен», как общее правило, выходил из ясака: он либо переходил на гарнизонную службу в ближайший острог, либо начинал жить на посаде, либо попадал в холопы. Так как обычно при охолоплении туземца его крестили, то правительство усвоило довольно справедливый взгляд, что крещение является скрытой формой закабаления; поэтому к запрещению обращать «иноземцев» в рабство присовокуплялось всегда и запрещение их крестить. Допускался, и то скрепя сердце, только добровольный переход в христианство иноверцев, «буде похотят креститься своею волею, а не из неволи». В результате в XVII веке число «новокрещенов» в Сибири было совершенно ничтожно. Так в остяцком княжестве Кода, насчитывавшем населения приблизительно в 600 чел. м. п., в 30-х годах столетия имелось 10 новокрещенов; среди енисейских остяков насчитывалось всего 18 новокрещенов; если не считать несколько случаев перехода в христианство отдельных князцов, стремившихся выйти из ясака, то этим ограничиваются все успехи христианской пропаганды среди туземцев Сибири в XVII веке.

Не принуждая туземцев к крещению, правительство оказывало даже известную защиту местным «языческим» культам. Так например принимались меры, «чтобы служилые и всякие люди и новокрещены у остяков Березовского уезда шайтанов не грабили и могил у мертвых остяков не раскапывали» и т. д.

Наконец мы видим, что в целях наиболее успешного сбора ясака правительство сохранило те племенные организации, которые оно застало у своих новых подданных, искусно используя туземных князцов для поддержания порядка в их племени и для выколачивания ясака из их «улусных» людей: они должны были, в частности, «выбивать» их «на лешню», т. е. на промыслы. Остяцкие князьки Березовского края не только помогали собирать ясак со своих соплеменников, но и призывали к ясаку кочевавших в недоступных для русских тундрах самоедов.

В тех же целях русские сохранили и те социальные группировки, которые они нашли у более культурных туземцев. Так «кучумляне», т. е. старинная татарская знать (мурзы и бии) образовали и под русским владычеством привилегированный разряд «юртовских служилых татар»; такое же привелигированное положение занимали «чатские мурзы» и некоторые другие знатные фамилии Томского и Кузнецкого уездов, а также магометанская буржуазия—выезжие бухарцы, составлявшие в Тобольске и некоторых других городах очень влиятельные торговые колонии. Эта политика покровительствования верхам туземного общества имела глубокий смысл, так как через посредство знати легче было держать в повиновении массу ясачных людей: ее можно было также использовать для подчинения «немирных иноземцев»: в решительном бою против Кучума участвовал корпус служилых татар; недоступные трущобы вогульской Конды были покорены для русских остяцкими кодскими князьями; они же понудили своих сородичей, ляпинских и обдорских остяков, признать русскую власть.

Итак, в течение XVII века, московским правительством была выработана довольно своеобразная политика в отношении туземцев: беспощадная война для принуждения к уплате ясака и, с того момента, как ясак поступал в казну, бдительная охрана каждого плательщика ясака. Эта система, однако, нарушала интересы русских служилых, торговых и промышленных людей, которые, с одной стороны, хотели быть вполне свободны от правительственной опеки в деле эксплоатации туземного населения, а с другой стороны,—требовали поддержки администрации в борьбе с туземцами за промысловые угодья и за пушнину. Уступая их натиску, правительство неоднократно нарушало свою систему; тем не менее, собственные интересы заставляли его относиться по-своему бережно к интересам «государевых ясачных людей» и к их быту.

Правительственная политика в XVIII в.

Дело резко изменилось в XVIII веке. Развитие капитализма в значительной степени способствовало перемене правительственных взглядов на колонизационные задачи за Уралом. Пушнина, служившая долгое время как бы золотым фондом для московской казны, теперь утратила свое значение в государственном хозяйстве России. В 1769 году официально было предоставлено право ясачным людям платить ясак, по желанию, деньгами, и с этого момента ясачный человек утратил для фиска тот специальный интерес, какой он имел до сих пор. Вместе с тем, под влиянием рационалистических идей, характерных для «просвещенного абсолютизма»,—эгоистическая, но здравая политика XVII века сменяется культур-трегерством, сопровождающимся вмешательством администрации в жизнь туземных обществ. Наконец, успехи капи-

тализма способствуют усилению русской колонизации в Зауралье: начинается борьба за земли и за угодья, поселенцы все глубже проникают в самые далекие углы Сибири, до тех пор недоступные для русских.

Возникшая в начале XVIII столетия горнозаводская промышленность властно осваивает обширные территории. Правительство всецело заинтересовано дальнейшим успехом этого русского наступления на восток. Не ясачный человек является теперь объектом его забот, а те природные богатства, которые представляет страна и для разработки которых выписываются специалисты, приписываются крестьяне к заводам, тысячами ссылаются преступники, мнимые и настоящие, строятся укрепленные военные линии.

Новые задачи в колонизационной политике России в XVIII веке отразились и на способах воздействия на туземцев.

О туземцах продолжают очень заботиться во имя тех высоких идеалов «разума» и «гуманности», которые усвоены были так прочно литературой и законодательной теорией XVIII века.

Наиболее ярко эти новые гуманные принципы, заимствованные из «философских» сочинений Франции, выражены в знаменитом манифесте, изданном Екатериной в 1763 году. Манифест предписывал всем «верноподданным» «с оными ясачными обходиться ласково, показывая им всякое доброхотство и не чиня им не только каких-либо притеснений, обид, грабительств, но ниже малейших убытков». «Если же кто», гласил далее указ,—«за сим нашим монаршим повелением дерзнет чинить ясачным народам нашим грабительства, и разорения, а от ясачных в учрежденных от нас правительствах принесены будут нам на кого во взятках и в прочем тому подобном жалобы, то повелеваем наистрожайше следовать и с винными поступать по законам, а обидимых по справедливости защищать без промедления малейшего времени». Итак, сибирские туземцы были взяты под «монаршее» покровительство. Одновременно облегчен был ясак, закреплены были за оседлыми из них земельные владения, отдельным князькам жаловалось дворянство, представители туземного населения призывались в комиссию об Уложении,—словом, вчерашние пасынки были осыпаны милостями, которые явно показывали желание правительства поднять эти бедные народности севера до уровня прочих «верноподданных».

Устав 1822 года. Слишком хорошо известно, как далеко отстояла действительность от пышной фразеологии официальных документов. Ревизия Сперанского, вскрывшая неприглядную правду, подготовила издание нового законодательного акта—«Устава об управлении инородцев» в 1822 году. «Устав» представляет собою совершенно исключительный памятник законодательного творчества, поскольку дело идет о попытке юри-

дически определить положение туземного населения колонизуемой страны, не имеющего себе, может быть, равного в современных ему законодательствах Западной Европы и Америки по тому же предмету.

С начала до конца Устав проникнут стремлением, охранить не только экономическое благосостояние, но и самобытный строй жизни туземцев. Автор Устава, знаменитый Сперанский, повидимому, понимал опасность административного вмешательства в жизнь туземных обществ и стремился оградить их от такового. В Уставе мы и видим попытку оформить юридически бытовые нормы и ввести их в систему обще-государственного управления. Все обитающие в Сибири инородные племена делились в этих целях «по различному степени гражданского их образования и по настоящему образу жизни» на три главные разряда. Первый разряд составляли «оседлые инородцы», под каковыми подразумевались: 1) «торговые» (бухарцы), 2) «земледельцы» (татары и др.) 3) роды, «обитающие смешанно с россиянами», 4) «инородцы, издавна в работах у поселян живущие»; второй разряд—«кочевые инородцы», а именно: 1) «кочующие земледельцы» (некоторые буряты и другие), 2) «южные скотоводы и промышленники» (большая часть бурят, забайкальские тунгусы и др.), 3) «северные скотоводы и промышленники» (якуты, остяки, вогуличи и т. д.); третий разряд—«бродячие» (самоеды, коряки, юкагиры и проч.). Отдельные группы составляли чукчи и зюнгорские двоеданцы, и «инородцы, на гряде Курильской и Амурской обитающие». Вся система управления «инородцами» должна была строиться не единообразно, а в зависимости от принадлежности к одному из названных разрядов. Нельзя не признать, что теоретически вопрос был поставлен правильно и мысль о необходимости индивидуального законодательства для различных сибирских племен была глубоко верная. Так же верна была и другая мысль, проводимая Уставом, о невозможности навязать туземцам нормы общерусского права.

Согласно Уставу, все «инородцы», кроме оседлых, «управляются по их собственным степным законам и обычаям». Устав проектирует произвести кодификацию обычного права туземцев, «смягчить все дикое и жестокое, отменить несообразное с другими установлениями и, расположив в надлежащем порядке», принять их «в основание в суждениях о делах кочующих и бродячих инородцев» не только их собственными племенными властями, но и «российскими присутственными местами». В частности, принимая во внимание слабое развитие юридических понятий среди туземцев, Устав большую часть уголовных преступлений, «не выключая и кражу», предлагает считать «исковыми» (т. е. гражданскими), «пока нравы их образованием не умягчатся». Внутриродовое и племенное управление «инородцами» тоже все построено

на стремлении сохранить существующие бытовые порядки и только внести в них известную систему. Поскольку дело идет о «кочующих инородцах», то для них сохраняется старое деление на «стойбища» или «улусы»; во главе каждого «улуса» стоит «староста», который «избирается или наследует сие звание по наследству» и два выборных помощника старосты «из почетных и лучших родовичей». Эти три лица и составляют «родовое управление». Несколько улусов объединяется под управлением «инородной управы»; «инородная управа» состоит из «головы» (председателя), который, как и староста, получает «звание сие наследственно или по выбору сообразно со степными обычаями каждого племени» двух выборных и письмоводителя «по выбору родовичей».

Многолюдные племена, кроме «инородных управ», «имеют свою степную думу», которая состоит из «главного родоначальника» и избранных заседателей из числа знати (гайш, зайсанов и шуленг), «число коих зависит от принятого обычая»; в «степную думу» входят в качестве заседателей все «головы».

Легко усмотреть, что мы имеем дело с обычной у кочевых народов формой управления: несколько улусов, возглавляемых родовладыками и старшинами, образуют орду или племя, которым управляет старший из улусных князцов, власть которого признается прочими улусами, при содействии наиболее влиятельных представителей племени. Что касается степной думы с ее «родоначальниками», тайшами и зайсанами,—то это просто попытка узаконить то, что фактически существовало у монгольских племен, например, у бурят.

У «бродячих инородцев» управление остается за «нынешними князцами и других наименований почетными людьми, ловцами управляющими», которые «приемлют» название старост.

Очень бережно относится законодатель и к тем социальным группировкам, которые существуют у туземцев, охраняя привилегии туземной родовой знати различных племен и предоставляя им все «почести, какие в местах их жительства обычай и степные законы им предоставляют».

Оседлому туземному населению в городах, «где находятся они в большом числе», предоставляется право «составить собственную ратушу и совестные суды», в которых дела должны производиться «на татарском языке обыкновенного там наречия». В прочих городах, где число «торговых инородцев» превышает 10 человек, они имеют право избирать своего старосту, «наравне со старостами купеческим, мещанским или цеховым». Туземцы, занимающиеся земледелием, если они живут особыми деревнями, «избирают сельских старост». Несколько туземных селений выделяются в «особенную волость», отдельную от русских.

Устав обеспечивает и «свободу в вероисповедании и богослужении»; в частности, не допускается «стеснение инородцев под пре-

длогом обращения в христианство». Наконец, следует отметить заботу Устава и об экономическом благосостоянии туземцев. Помимо того, что за «оседлыми земледельцами» «закрепляются» их земельные владения, малоземельным из них предписывается отводить землю «из ближайших пустопорожжих». Для кочующих организуется (или, вернее, реорганизуется) казенная продажа хлеба, соли, пороха и свинца, имеющая целью «доставление необходимого пособия по продовольствию и промыслам кочующих» и «умерение вольных цен на необходимые потребности». Несколько статей посвящено борьбе с ввозом спиртных напитков.

Мы видим что Устав 1822 г. всячески стремится гарантировать населению Сибири возможность самобытного развития под эгидою русских императоров. Однако, цель эта достигнута не была. Причины неуспеха Устава лежат как в нем самом, так и в общих условиях сибирской жизни XIX века. Устав не избег некоторых внутренних противоречий, в значительной степени ослабивших реальное значение выработанных им требований. Насколько он заботливо относился к обычаям «инородцев, кочующих и бродячих», настолько же его мероприятия в отношении оседлых туземцев неизбежно (может быть, против воли законодателя) ломали установившийся быт и подготовляли слияние его с русским населением. Для «оседлых» не предполагается создавать особого законодательства: «все вообще оседлые инородцы сравниваются с россиянами в правах и обязанностях по сословиям, в которые они вступят; они управляются на основании общих узаконений и учреждений». Даже в тех случаях, когда они получают самостоятельные органы, эти органы действуют, «как подобные русские установления в Сибирских губерниях и областях». И тут мы сталкиваемся с одним очень крупным дефектом Устава. Введение его в жизнь, особенно распределение туземцев по разрядам и, следовательно, установление, какие племена подлежат в качестве «оседлых» уравнению с «россиянами»,—предполагало очень хорошее знание местных условий и быта отдельных народностей Сибири, а такого знания не было ни у составителей Устава, ни тем более у его исполнителей. В результате, в состав «оседлых» попадали племена, совершенно неспособные по господствовавшим у них формам экономического и социального строя приспособиться к условиям жизни русской крестьянской деревни. На этой почве происходили очень грустные явления, когда чисто бюрократическим путем такие племена преобразовались «на общих основаниях» в крестьянские волости. Другим противоречием в Уставе является та большая роль, которая предоставляется в жизни туземных обществ «земской полиции», которая «имеет надзор за инородными управами и родовыми управлениями». Земской

же полиции отводится очень значительная роль и в деле сбора ясака с туземцев. Авторы Устава сами чувствовали опасность предоставления широких прав над туземцами земской полиции; в ряде статей полиции внушается, что она должна действовать «не иначе, как по правилам, относительно инородцев выше постановленным». Недоверие Устава к «земским чиновникам» идет настолько далеко, что в нем даже оговаривается, как часто и по каким поводам они имеют право посещать «стойбища» туземцев и их ярмарки. В жизни широкие правомочия, предоставленные «земской полиции», привели к большим злоупотреблениям, тяжело ложившимся на массу туземного населения.

Но главной причиной неуспеха «Устава» является одно обстоятельство, которого он не мог устранить. Рост капитализма с каждым годом усиливал и ускорял ход русской колонизации на востоке, и в интересах государственного хозяйства было поддержать эту колонизацию. С точки зрения общегосударственных выгод—русский поселенец, русский заводчик, русский купец заслуживали гораздо большого внимания и поддержки, чем сибирский туземец, с его архаичным ясаком. Никакой Устав не мог поэтому спасти «инородца» от разорения и эксплоатации, которыми ему грозило победоносное шествие зарождавшегося русского капитализма на востоке. Устав предвидел эту опасность и мы читаем в нем много любопытных статей, в которых видно желание оградить от нее туземное население: «строго запрещается россиянам самовольно селиться на землях, во владение инородцев отведенных»; «наймы инородцев в частную работу имеют быть производимы с ведома родового начальства»; «ввоз и продажа горячих напитков в стойбищах и на ярмарках кочующих строжайше запрещаются» и т. д. Совершенно воспрещены какие бы то ни было торговые сделки, прямые или через других лиц, «служащим чиновникам». И при всем том Устав не может не итти на известные уступки капиталу. Он разрешает «брать у инородцев места в оброчное содержание» и этим узаконивает практику захвата промысловых угодий русскими предпринимателями под видом взятия в аренду. Еще показательнее тот факт, что им не затронуто совершенно положение американских туземцев, «в зависимости Российской Американской компании состоящих».

Указанные недостатки Устава отнюдь не умаляют, впрочем, высоких достоинств и значания этого законодательного акта и тех прекрасных принципов, которыми были воодушевлены его авторы. В области теоретической Устав остается важным памятником, свидетельствующим о добросовестной попытке урегулировать жизнь туземных масс в Сибири и их отношения с русскими колонизаторами.

Обложение туземцев XIX в.

Как же на практике воплотилась новая политика в отношении сибирских туземцев, сложившаяся в XVIII и в начале XIX в. и провозглашенная манефестом 1763 г. и Уставом 1822 года? В первую очередь, как отразилась она на налоговом бремени туземцев?

При Екатерине II в целях упорядочения и облегчения ясака в 1763 году была организована особая «Комиссия о расположении ясака» (обычно именуемая «ясачной комиссией» Щербакова), которая после нескольких лет работы в Сибири установила основания, на которых впредь должен был производиться ясачный сбор. Оклад ясака был фиксирован в невысокую сумму—1 р. 50 к. с человека; самим плательщикам было предоставлено на выбор право платить либо соболями, либо другим зверем (по твердой расценке), либо деньгами. Не приходится говорить, что эта реорганизация ясака являлась очень существенным облегчением для туземцев. Однако, она открывала широкое поле и для злоупотреблений чиновников, которые могли всегда производить различные невыгодные и для ясачных, и для казны, но прибыльные для них комбинации с переводом мехов на деньги и обратно. Для борьбы с этим злоупотреблениями Сперанский создал чрезвычайно сложную бюрократическую систему сбора ясака, но эта система не только не обеспечила большей добросовестности при приеме подати, но, наоборот, ухудшила дело, образовав слишком много инстанций, прохождение ясака через которые сопровождалось, при отсутствии действительного контроля, новыми притеснениями плательщиков и хищениями.

В 1827 году были вновь образованы две ясачные комиссии—одна для Западной, другая—для Восточной Сибири, не внесшие впрочем значительных изменений в порядок уплаты ясака «кочующими и бродячими инородцами», который оставался незыблемым в течение всего XIX века. Вместе с тем продолжалив отдаленных углах Сибири иметь место те злоупотребления при сборе ясака, которые исторически сложились в условиях сибирской жизни.

Зато «оседлые инородцы» в отношении обложения были Уставом 1822 года поставлены в несомненно гораздо худшее положение, чем раньше. За исключением рекрутских наборов, они были в отношении повинностей уравнены с государственными крестьянами и, вместо легкого Екатерининского ясака в 1 р. 50 к., принуждены были платить крестьянский оклад по 11 руб. с души. Непосильность этого обложения выразилась в постоянном росте недоимок. В 1832 году недоимка, числившаяся на тобольских татарах, достигала, по расчетам Ядринцева, суммы свыше 620.000 руб. и должна была быть сложена; в 1875 г., однако, недоимки по четырем округам той же губернии равнялись 480.234 руб. Беспощадное взыскание податей и недоимок, сопровождавшееся продажей с торгов имущества недоимщиков и принудительной «от-

дачей их в заработки промышленикам», привело некогда богатые татарские волости в Западной Сибири в полное разорение. Особенно тяжело отразился перевод на крестьянское положение тех полукочевых племен, которые в момент реформ Сперанского фактически еще далеко не освоились с земледельческим хозяйством и в состав «оседлых земледельцев» попали по недостатку точных сведений об их быте.

Родовое «самоуправление» туземцев в XIX в.

Мало благотворно отразилась опека русской власти над родовым самоуправлением туземцев. В этом вопросе государственная власть крепко держалась унаследованной от XVII в. практики поддержки родовой знати. При Екатерине II мы наблюдали даже попытку ввести эту знать в состав «благородного сословия»— российского дворянства. Императрица охотно жалует «патенты» на дворянское звание остяцким «принцам крови», ведущим свое происхождение от князцов, боровшихся с русскими в XVI в.; она открывает для представителей туземной знати двери в Комиссию об Уложении. С своей стороны туземная знать очень легко соблазняется перспективами, которые перед нею раскрывает правительство: якутские князцы начинают хлопотать о поголовном предоставлении всем им дворянского звания и об организации в Якутской области чего то подобного русскому дворянскому самоуправлению, с «областным головой», который должен был исполнять функции предводителя дворянства. Это заигрывание правительства с туземной знатью при Екатерине носит, впрочем, характер скорее романтического увлечения экзотическими народами, пребывающими еще в состоянии «естественного права», чем серьезной системы и было прекращено Уставом 1822 г., который воспретил дальнейшее предоставление дворянских прав «инородцам». Однако, реформы Сперанского отнюдь не изменили дела по существу. Попрежнему русское правительство хотело властвовать над туземцами посредством наследственных родовых князцов и старшин. Мы видели, что на них зиждилось по Уставу все управление «кочующими и бродячими инородцами». На них возлагается весь сбор ясака в первой его стадии. Ясачные комиссии, установив «классную» систему уплаты ясака для некоторых туземных племен, способствовали значительному усилению экономической мощи знати, допустив неравенство землепользования под условием уплаты высшего размера ясака. Якутские тайоны воспользовались этим порядком, чтобы, переведя на себя ясак с маломощных сородичей, завладеть их землями, принимая таким образом в отношении беднейшей части улуса обязанности помещика по уплате его крепостными податей.

Используя туземную знать для организации сбора ясака и производства суда, правительство пользовалось ею и для удержания

ее подчиненных в повиновении. Когда в 40-х годах XIX в. вспыхнуло восстание среди обдорских самоедов, то на помощь русскому гарнизону явились остяки обдорского князца Тайшина. Однако, для сибирской администрации аристократическая форма управления «инородцами» имела и свои отрицательные стороны, создавая несменяемость туземных властей и способствуя до известной степени их независимости. Поэтому принципу наследственности на практике стремятся противопоставить принцип выборности, а, при возможности сильного давления со стороны «земской полиции» на выборы, дело фактически принимало характер простого назначения по благоусмотрению начальства. В общем итоге стремление Устава 1822 г. оградить родовой быт туземцев от посягательств со стороны администрации не достигло результатов. С одной стороны, в той мере, в какой это было удобно для администрации, туземной знати предоставлялись новые права и значение, каких она не имела до тех пор, в ущерб беднейшей части улуса, с другой—там, где это было неудобно, администрация вмешивалась совершенно откровенно во внутри-родовые отношения. В итоге, вместо самостоятельности туземного «самоуправления», создавалась покладистая и низкопоклонная низшая туземная администрация, зависимая от русской власти и привязанная к ней страхом потерять свое привилегированное положение.

Экономическое положение туземцев в XIX—XX в.

Что касается экономического благосостояния туземцев, то правительство уже в XVIII в. обратило внимание на эту сторону дела. При Екатерине II мы видим заботу об ограждении земельных владений «инородцев» от поползновений со стороны русских колонистов. Эту цель преследовало и начавшееся в это время межевание земель в Сибири. Землеустроительную деятельность в отношении туземцев продолжал и Сибирский комитет Сперанского. С другой стороны, в целях борьбы с эксплоатацией туземцев частным капиталом, учреждены были «казенные магазины», снабжавшие их по удешевленным казенным ценам хлебом, солью, порохом и свинцом. Принимались известные меры также к прекращению спаивания «дикарей» водкой, и была совершенно воспрещена продажа им алкоголя. Делались слабые попытки ограничить возможность захвата русскими предпринимателями принадлежавших туземцам угодий. Наконец, в целях улучшения быта туземцев и сокращения среди них голодовок и смертности, администрация довольно энергично способствует переходу «кочующих и бродячих инородцев» к земледелию, в котором видели «лучшую отрасль продовольствия инородцев». Знаменитый Лоскутов внедрял «хлебопашество» среди бурят, и в 1839 г. ими засевалось уже $84^1/_2$ тыс. десятин. Такие же попытки усилить хлебопашество делались и среди якутов, для чего в 1846 г. в Никольской

слободе была даже основана показательная колония ссыльнопоселенцев, которые по мнению начальства «могут быть хорошими руководителями (туземцев) в земледелии» и т. д.

Приводила ли эта система «просвещенного абсолютизма» в вопросах экономического быта туземцев к каким-либо серьезным улучшениям в этой области? В этом отношении не могут не возникнуть серьезные сомнения. Деятельность центральной власти в этой области в XVIII и XIX вв. и до самой революции продолжала оставаться бессильной против того потока русской колонизации, который вторгался вглубь туземных волостей и стойбищ, нарушая на каждом шагу права и интересы местного населения. Никакие межевания не могли спасти туземцев от проникновения на их территорию хищных захватчиков. Усиление переселенческого движения сопровождалось часто фактической экспроприацией земель туземцев. С одной стороны, поселенцы самовольно «вдираются», по картинному выражению одного документа, в их владения; с другой—администрация, заинтересованная в развитии земледельческой колонизации, путем отбирания «порожних земель» в колонизационный фонд все более и более стесняет территорию, занятую кочующими «инородцами». Такие явления приводят неоднократно к столкновениям между колонистами и коренными владельцами земли. Упорно борются якуты с надвигающейся на них угрозой русской колонизации. Их князцы уже в первой половине XIX в. протестуют против отчуждения в пользу колонистов земель в Якутской области, заявляя, то вся она должна принадлежать якутскому народу. При вселении скопцов имели место даже вооруженные столкновения. Принципиальный вопрос восходил в 1893 г. до Сената, который, однако, признал законность наделения землей колонистов за счет тех земель, которые якуты считали своей собственностью, и тем открыл возможность для дальнейшего обезземеления этого племени. Особенно остро борьба за землю ощущалась на юге, во владениях киргиз-кайсаков, которые упорно отказывались уступать свои степи русскому крестьянину, то на законном основании, то самовольно проникавшему все глубже и глубже в их кочевья, стесняя передвижение и пастьбу скота кочевников. Наиболее трагическим моментом этой борьбы является восстание в Семиреченском крае в 1916 г., подавление которого сопровождалось,—главным образом, вследствие участия в нем русских колонистов,—жесточайшей резней и грабежем киргизов и привело к выселению в пределы Китая более четырех тысяч семей; земли киргизов были захвачены и розданы поселенцам. В этой борьбе за землю в XIX и XX вв., как и в XVII в., наиболее активное участие принимала самая колонизующаяся масса, но в отличие от старой Москвы XVII в. правительство и администрация теперь всецело стояли на стороне коло-

нистов и были заинтересованы в сокращении туземного землевладения в пользу русского. Развитие капитализма заставляло все дальше отступать от «гуманных» принципов Устава 1822 г., и на кочевников смотрели, как на носителей низших форм культуры, которым нет места при новом экономическом строе. Поэтому экспроприация туземных земель в XIX в. принимала по мере развития переселенческого дела все большие размеры и принимала иногда такой кровавый характер, как это имело место в Семиречьи в 1916 году.

Если в вопросе о земле правительство откровенно отказалось от политики покровительствования туземному землевладению, если уже в XVIII и в начале XIX в. заботы об «ограничении» земель кочевников в значительной степени объясняются стремлением определить состав колонизационного фонда, находящегося всецело в распоряжении казны, то в вопросе об охране туземцев от торговой эксплоатации русскими власть просто оказалось бессильной. Водкой торговали все без исключения—одинаково купцы и чиновники; за водку в руки торгашей переходила за бесценок вся добыча туземца-охотника. Казенные магазины работали плохо и сами были источником злоупотреблений и эксплоатации «дикарей» со стороны лиц, ими заведовавших, и неграмотные туземцы, всецело предоставленные в жертву частных торговцев, попадали в безысходную кабалу, вынужденные покупать предметы первой необходимости по самым невероятным ценам. Долги никем не записанные переходили с одного года на другой, от отца к сыну, нагромождались, опутывали туземцев сетью обязательств, лишая их результатов их промыслов и превращая их в батраков крупных фирм, которым они за ничтожные выдачи товаров должны были сдавать всю упромышленную пушнину. Эти факты недавнего прошлого настолько общеизвестны, что, может быть, нет нужды на них останавливаться. Вся тундра была в кабале у скупщиков пушины, и спаивание туземцев принимало грандиозные размеры. С другой стороны, лучшие рыболовные угодия уходили за бесценок в руки русских капиталистов, которые собирали с них тысячные барыши, уплачивая туземным обществам ничтожную аренду, иногда несколько рублей в год. Все эти явления происходили на глазах у администрации, отмечались в прессе, и, тем не менее, они допускались, так как не хотели или не умели вести рационнальную борьбу с злом.

Итак, в области экономической политики под давлением новых условий, создавшихся в связи с капиталистической эксплоатацией Зауралья, правительство за столетие, истекшее за время от издания Устава 1822 года до революции 1917 г.,—частью сознательно отступило от системы покровительствования туземцам, частью не могло бороться за их интересы, не нарушая тем более близких ему интересов русских колонистов и торговцев.

Культурно-просветительная деятельность правительства в XVIII—XX вв.

Наиболее энергично проводилась правительством начиная с первых годов XVIII в. политика по подъему культурного быта туземцев. Под этим подразумевалась, в сущности, их руссификация. С того момента, как ясачный человек перестал интересовать администрацию, как таковой, прекращается своекорыстная, но по существу мудрая политика старого Московского государства, политика невмешательства в самобытную жизнь туземцев. Государство XVIII в., воспринявшее с Запада идею «просвещенного абсолютизма», не могло равнодушно относиться к существованию под его эгидой значительных масс людей, пребывающих в «идолобесии». Начинается, в значительной степени принудительное, обращение шаманистов в христианство. Петр I предписывает у остяков «огнем палить и рубить» «их прелестные боги шайтаны» и «капища их разорить» под угрозой смертной казни ослушникам. К этому времени относится энергичная миссионерская деятельность митрополита тобольского Филофея, при котором имело место массовое крещение остяков, вогуличей и татар-шаманистов. С своей задачей митрополит-миссионер справился, повидимому, не только силой слова; ему оказывала в этом содействие и светская власть: с одной стороны, новокрещены получали известные льготы в уплате податей, с другой—имело место в некоторых случаях и прямое принуждение. Филофей таким образом положил начало довольно неразборчивой христианизации туземцев, которая продолжалась в последующее время до самого кануна революции. Приемы пропаганды оставались прежние: при почти полном отсутствии достаточно образованных миссионеров, дело сводилось к чисто внешнему причислению язычников к христианам. Пропаганда христианства нередко заменялась простыми, часто наивными, мерами принуждения. При таких условиях о каком-либо серьезном воздействии христианской культуры на туземцев не могло быть и речи: они оставались язычниками, свято берегли в потаенных местах свои кумиры и лишь официально числились крещеными.

Более сильным средством культурного подъема туземцев была бы правильно поставленная школа. Однако, в этом отношении сделано было в XIX в. очень мало. Первые школы, основанные русскими для туземцев, тоже преследовали преимущественно цели миссионерские. Таковы были училища при монастырях, например, школа, открытая в 1801 г. при Спасском монастыре в Якутске, или школа-интернат при Кондинском монастыре. Но эти школы, резко конфессиональные, плохо обеспеченные, влачили жалкое существование и обслуживали ничтожное количество учеников. В 1847 г. в Сибири всего числилось 9 училищ для туземцев с 71 учеником. Во второй половине XIX в. количество школ для туземцев повысилось, но преимущественно

миссионерский их характер сохранился. Довольно значительную деятельность в области народного образования развила, например, Алтайская миссия; к концу 80-х годов она имела 29 училищ с 582 учениками. То немногое, что делалось для образования туземцев, совершенно не соответствовало потребностям. Достаточно сказать, что среди такого способного и склонного к приобретению знаний народа, как якуты, в 1897 г. было только 2% грамотных, и этот ничтожный процент падал почти исключительно на население городов. Образование выше начального было уделом немногих: в 1897 г. якутов, обучающихся в учебных заведениях выше первой ступени, было всего 172 человека. Но якуты были поставлены в сравнительно более выгодное положение: нищие племена остяков, самоедов и другие «малые» народности были совершенно лишены школы.

Так же мало удовлетворялись потребности туземного населения и в области общественного здравия. Русские занесли в Сибирь ряд заразных болезней,—оспу, сифилис, которые косили поголовно целые роды и племена туземцев. Врачебная же помощь даже в XX в. была поставлена чрезвычайно слабо. Достаточно сказать, что в 1910 г. в Тобольской губернии 1 врач приходился на 25 тысяч человек и обслуживал территорию почти в 36 тысяч квадратных верст, в Енисейской губернии 1 врач обслуживал $12^1/_2$ тысяч человек и территорию свыше 93.000 кв. верст, в Якутской области—25 тысяч человек и 348.250 кв. верст. К этому надо прибавить, что большая часть этого ничтожного по количеству мед. персонала сосредоточивалась в городах и что области, населенные туземцами, оставались таким образом почти без врачебного надзора.

Итоги. Итак, в течение XVIII и XIX веков экономическое положение туземцев подверглось значительному ухудшению несмотря на благожелательные постановления законодательства; во внутреннем быту они были подчинены воздействию низшей администрации и духовных миссий, благодаря чему постепенно утрачивали свою племенную самостоятельность и культурную самобытность; но, разрушая старый быт туземцев, русская власть мало заботилась об улучшении условий их духовной и материальной жизни. Результаты индифферентизма власти к судьбам туземного населения Сибири нашли себе выражение в отмечаемом в XIX в. вымирании туземных племен. Общее ухудшение условий существования, вызванное эксплоатацией со стороны русских, частые голодовки, доводившие нередко голодающих до людоедства, наконец опустошительные эпидемии—все это привело к значительному сокращению численного состава туземного населения северной Азии. На основании детального изучения вопроса, С. Патканов пришел в 1911 году к заключению, что «инородческое» население

северных округов трех западных губерний не отличается жизнеспособностью: в некоторых районах (Нарымский край, Енисейский округ) оно вымирает, в других (три сев. округа Тобольской губ.) оно остановилось в росте и, наконец, в Туруханском крае оно показывает небольшой положительный прирост. Вымирает бродячее население и в Колымском округе Якутской области, а в Охотском округе, уменьшившись в числе до IX ревизии (1851 г.), оно с тех пор, повидимому, почти не изменилось в числе.

Есть еще один показатель неудовлетворительного состояния туземцев при прежнем режиме: это те восстания, которые тревожили Сибирь еще в недавнее время. Достаточно вспомнить безумную попытку самоеда Ваулы Пиетомина в 40-х годах прошлого столетия завладеть Обдорском и Березовом, напоминающую старые времена XVII века, и, особенно, восстание киргизов в Семиречье в 1916 году.

Тяжелое положение туземного населения привлекало уже давно внимание русской интеллигенции. Н. М. Ядринцев и С. С. Шашков выступали с яркими, с публицистическим оттенком, исследованиями истории и быта сибирских туземцев. Ядринцев обращался к обществу с горячими и горькими словами упрека за его «непростительное равнодушие» к судьбе «этих медленно, трагически умирающих людей, умирающих иногда разом целой семьей». С. Патканов свое исследование «о приросте инородческого населения Сибири» заканчивает такими словами: «Теперь самое время помочь горю и своевременным вмешательством, ввиде целого ряда разумных мер, с одной стороны остановить хищническое расхищение природных богатств страны и с другой стороны, упорядочить промыслы и урегулировать всю жизнь северных инородцев, именно,—организовать для них дешевый кредит и пункты для вольной продажи наиболее необходимых для них продуктов и предметов по сходным ценам, в видах освобождения их от кабалы со стороны торговцев, поднять их самодеятельность и содействовать их духовному и умственому просвещению, улучшить их санитарное положение и т. д., а на первом плане оградить их от ввоза к ним спирта. Лишь при этих условиях можно будет без опасения за дальнейшую участь этих пасынков нашего отечества взирать спокойным оком на триумфальное шествие культуры для завоевания всего мира». Такова программа мероприятий для улучшения быта туземцев, которая намечалась лучшей частью русского общества в начале XX в. и которая не могла быть проведена в жизнь, вследствие общих неблагоприятных условий тогдашнего политического строя.

Ламут верхом в Сеимчане, верховья Колымы; 22 мая 1905.

Б. М. Житков

О ПУТЯХ СООБЩЕНИЯ НА СЕВЕРЕ

I

Для сообщений по суше наш крайний север, область тундры и полярных островов, имеет трех домашних животных—оленя, собаку и лошадь. Из них первый употребляется в качестве упряжного животного на всем пространстве тундр от Лапландии до Тихого океана, а в качестве животного верхового и вьючного—только восточнее Енисея. Собака широко применяется для езды и перевозки грузов только в восточно-сибирской тундре; к западу от Енисея ездовой собакой пользуются мало. Лошадь в небольшом числе распространена спорадически, преимущественно там, где есть оседлое русское и якутское население,—на берегах Чешской губы и на нижней Печоре, в низовьях Оби и Енисея и местами на севере Якутской республики.

Каждое из перечисленных ездовых животных имеет свои достоинства и недостатки в качестве живого орудия сообщения. Лошадь, превосходящая оленя силою и выносливостью в работе, требует сравнительно больше забот для своего прокормления и дома, и в пути. Олень при современных условиях жизни и сообщений в тундре особенно удобен своей способностью жить в те-

чение круглого года на подножном корме. Зимними ягельными пастбищами ограничены распространение оленьих стад и те линии или анасные дороги, по которым возможны перекочевки стад и передвижение обозами или «на легких». И всюду, где достаточно ягеля, передвижение на оленях на большие расстояния не требует запасов корма, которые необходимо брать с собой при движении на собаках. На собачьих упряжках можно передвигаться при надобности быстрее, чем на лошадях или оленях. Имея нужные запасы корма (обыкновенно юколы т. е. вяленой рыбы), можно ехать на собаках по всякой территории,—берегом океана, где часто нет ягеля, или по морскому льду. Так как собака—животное плотоядное, то-есть возможность при удаче пополнить запасы корма охотой. И в то же время расстояние, которое можно проходить на собаках, не имея опорных пунктов, ограничено размерами того бесполезного груза (корма), которому по условиям пути и целям путешествия необходимо уделить место на пассажирских или грузовых нартах.

Дальний север для надобности местного населения будет долго еще пользоваться ездовыми животными. Сообщение водой ограничено и местом, и временем; о развитии сообщения машинами по суше (рельсовые пути и автомобили) пока нельзя думать. Воздушное сообщение в первый период своего развития будет иметь целью связь между отдаленными культурными и торговыми пунктами (центров Европы с центрами восточной Азии и Тихоокеанского побережья Америки; городов южной Сибири с немногими торговыми пунктами севера). И в связи с тем значением, которое имеют и будут иметь на отдаленных северных окраинах ездовые животные (олень имеет, как известно, кроме того и промысловую ценность),важность и срочность получает вопрос о хозяйственном и зоотехническом изучении этих животных, о поддержке существующих рас и выводе новых.

Миддендорф в своем обширном отчете о путешествии на Таймыр описал замечательные качества и удивительную приспособленность к условиям крайнего севера якутской лошади. С тех пор повидимому никто не занялся подробным изучением распространения, расовых признаков и хозяйственных качеств этой интересной породы. Нельзя сказать даже, уцелела ли эта раса до настоящего времени в чистом виде, или, подобно многим эндемическим расам наших домашних животных, о которых не позаботились во-время, смешалась и потеряла типичные признаки. Полярные путешественники пользовались для передвижения на крайнем юге и севере маньчжурскими пони. Нужно думать, что якутская лошадь более пригодна для таких надобностей. Но она мало известна культурному миру,и достать ее трудно. Понятно, что главное значение ее не в исполнении таких заданий экстренного характера, а в обслуживании нашей северной береговой

линии и всей обширной полосы тундры. Вполне вероятно, что якутская раса лошадей могла бы получить широкое распространение среди оседлых поселенцев крайнего севера на всем пространстве от Мурмана до Берингова пролива.

Подбор и вообще зоотехнические методы вовсе не коснулись еще оленя на нашем севере. Олени домашних стад—ездовые и назначенные на убой—все одинаковы и все почти не отличаются от оленей диких. Только отличные по цвету формы (белые и пестрые) прокидываются иногда в стадах. На Аляске наметились уже в результате подбора крупная и тяжелая мясная и более легкая ездовая расы оленей. У нас различные требования предъявляются к оленям упряжным, вьючным и дающим мясо и шкуру. Понятно, что всем этим надобностям должны служить расы с определенными признаками и качествами. Весьма вероятно, что в виде животных упряжных, вьючных и ездовых отобранные и выведенные для этого породы могли бы работать несравненно продуктивнее, чем работают современные олени. Особый интерес для сообщений в тундре, как и в тайге, имеют так называемые «избенные» олени, т. е. животные в большей мере одомашненные и приученные к разнообразной пище в виде сухого корма и отбросов хозяйства. Такие олени более удобны, чем обычные пастбищные, для условий оседлого быта; при возможности иметь некоторые запасы корма, они пригодны для переездов по льду и вообще по территориям, лишенным ягеля. Отбор и вывод «избенных» оленей—одна из важнейших задач опытных оленьих станций, которые проектированы, а частично и осуществлены уже в связи с культурными базами Комитета содействия народностям северных окраин или как самостоятельные учреждения. Опыты с выводом избенных оленей велись в последние два года и по инициативе Комитета северного морского пути.

На Новой Земле, где передвижение людей и грузов ведется исключительно на собаках, в упряжках встречались собаки различных рас и типов, так как туда присылались они без разбору из Архангельска и уже на месте приспособлялись самоедами к езде. В упряжках можно было видеть и пуделя, и густо обросшего, озлобленного тяжелой жизнью пойнтера, грозно рычащего на соседей. Западнее Енисея возят то воду в поселках, то охотничью нарту, и разнотипные охотничьи и пастушьи лайки. Но настоящие ездовые собаки северо-востока Сибири, сходные по типу с эксимосскими, способны отлиться в стойкую расу, выдающуюся по силе, выносливости и быстроте бега. Между тем без должных забот о ней и эта «дикая», но уже сложившаяся раса может смешаться с привозными собаками, расплыться и потухнуть.

Этим кратким описанием ездовых животных я хотел пояснить то несомненное по моему мнению положение, что забота о сухопутных путях сообщения на крайнем севере должна, пожалуй,

в первую очередь выражаться хозяйственными и культурными мерами, посвященными ездовым животным. К примеру говоря, всякие стеснения и налоги, затрудняющие разведение оленей и собак, были бы большой ошибкой в тундре, для экономического оживления районов которой в первую очередь необходимо увеличение числа ездовых животных.

Сухопутных дорог в настоящем значении этого слова нет ни на полярных островах, ни в тундре, ни в северных областях тайги. Летом движение по суше трудно даже для пассажиров и тем более для грузов. Но зимой пути открыты всюду и лишь в немногих, преимущественно северных, местностях затруднены для оленного сообщения отсутствием ягельных пастбищ. В тех областях тундры и прилежащей полосы тайги, где стойбища туземцев стоят относительно тесно, возможно очень быстрое передвижение от чума к чуму на переменных ездовых животных. В местностях пустынных (преимущественно в северной полосе тундры, откуда кочевники уходят в октябре и куда возвращаются в апреле) все же вполне возможен путь «на долгих»—с запасами корма для собак или с чумом и достаточным числом оленей.

Неглубокий, прибитый ветрами снеговой покров тундры делает путь в большинстве случаев достаточно удобным. С хорошими проводниками возможно бывает итти в любом направлении и по любым урочищам. Но всюду на севере, в европейской тундре и в Сибири, существуют издавна привычные пути, соединяющие отдельные торговые и оседлые пункты или области летних и зимних стоянок кочевников. Так, например, с нижней Печоры давний торговый тракт идет через низкие перевалы северного Урала и долину Соби на нижнюю Обь и в Обдорск. Отсюда тракт идет к востоку на Надым и Таз. Далее с нижнего Енисея на Хатангу и т. д. Только немногие из таких трактов, проходящие преимущественно между северными городками и селениями и играющие роль почтовых дорог, отчасти оборудованы примитивными станциями (поварнями). На других путешественник предоставлен своим средствам (чумы, палатки или «болки»—закрытые, обращенные в возки или кибитки нарты). Но передвижение возможно почти всюду, быстрота же и удобства его, как и жизненность и экономическая сила района вообще, зависят от запасов ездовых животных, т. е. от достатка местного кочевого и оседлого населения.

II

Сокращение в числе оленей, которое за последнее десятилетие испытало хозяйство некоторых групп туземцев (как кажется, более заметное в европейской и западносибирской тундре), местами ухудшило положение сухопутного транспорта. Зато некоторые благоприятные перемены наступили в общей картине реч-

ного транспорта, развитие которого так важно в бездорожной северной Сибири. Правда, число судов на Оби и Енисее сильно сократилось и не может быть очень быстро восстановлено. Операции Комитета северного морского пути испытывают затруднения и ограничены по размерам преимущественно из-за нехватки речного тоннажа. Но зато как раз ежегодные и успешные товарообменные экспедиции Комитета открывают широкие перспективы

Оленный поезд у ст. Хатычнах, озерная область к западу от Абыя, бассейн Индигирки; 1 ноября 1905.

развитию речного пароходства на Оби и Енисее в ближайшем будущем. Здесь большое значение имеет наличность морского пароходства к устьям. Еще большее значение имеет морское судоходство для развития движения по текущим в Ледовитое море рекам, верховья которых находятся много севернее земледельческой полосы Сибири и чрезсибирской железной дороги,— таким как Колыма, Индигирка, Яна. С точки зрения интересов развития речного транспорта нужно отчасти рассматривать и оценивать заботы о развитии морского каботажного плавания вдоль северных берегов Сибири. В то же время, отчасти в связи с основанием и постройкой по инициативе Комитета содействия народностям северных окраин культурных баз, небольшие суда с двигателями начали проникать местами в глухие притоки больших рек и в северные реки второстепенного значения (Нижняя Тунгуска, Колыма). Побочное, но довольно важное значение для будущего развития речного судоходства в северной Сибири имели и неко-

торые гидрографические работы последнего десятилетия. Так, в связи с товарообменными экспедициями Комитета северного морского пути, были выполнены (отчасти специальными экспедициями Комитета, отчасти Убеко Сибири) съемки берегов и гидрографические работы в Обской губе и низовьях Енисея. Летом 1925 года описана также северная половина Тазовской губы,— района, очень важного в рыбопромышленном отношении, но мало доступного для промысловых судов вследствие почти полной неизвестности берегов и вод. Несомненно, что все правильно поставленные географические исследования на севере служат этапом и правильным путем к постепенному оживлению и экономическому подъему обширного края, который, нужно думать, имеет еще важные и незатронутые не только эксплоатацией, но и исследованием, естественные богатства. И развитие в будущем речных путей тесно связано с увеличением населения и экономическим подъемом края.

III

Едва ли не еще большее, чем речные пути, значение для крайнего севера (а вместе с тем и для обширных бассейнов всех впадающих в Ледовитое море рек) имеют морские сообщения. По отношению к развитию морских путей и условиям мореплавания обширное пространство прибрежных вод от норвежской границы до Берингова пролива может быть разделено на четыре части: 1) область вод Баренцова моря от Мурмана до Новой Земли и проливов Карские ворота и Югорский шар; 2) часть Карского моря от Новой Земли и проливов до Енисейского залива и порта Диксон; 3) область прибрежных Карских и Сибирских вод от Енисея до Лены и 4) часть моря от Лены до Берингова пролива.

Баренцово море, где с отдаленных времен развивалось плавание русских промышленников до берегов Новой Земли и Груманта, и где с половины XVI века периодически появлялись западноевропейские морские экспедиции, доходившие до Новой Земли и проливов в Карское море, не ставит больших препятствий судоходству. К западу от Белого моря путь свободен круглый год; к востоку—в течение второй половины лета и осени обычно не бывает непроходимого льда на путях к Печоре, Югорскому шару и западным берегам Новой Земли до 75°—76° сев. широты. И здесь бывали зимние плавания из Белого моря к берегам Канина и Чешской губы. При усилении технических средств период обычных теперешних срочных рейсов (на Колгуев, Новую Землю, в Печору и Югорский шар) может быть, нужно думать, удлинен. Для всей жизни Канинского и Самоедского побережья (от горла Белого моря до Югорского шара) и для оживления промыслов на этом побережьи большое значение имело бы развитие каботажного плавания мелких судов с заходом их в ряд береговых

становищ и поселков. Существующие теперь срочные рейсы пароходов связывают только немногие отдаленные пункты. Для того, чтобы население наших северных европейских окраин смогло вернуться к морю, которое оно в последнее столетие постепенно покидает, необходимо увеличение численности населения береговой линии и сверх того экономическое и культурное развитие достаточно широкой, прилегающей к побережью полосы суши. Только опираясь на такой плацдарм, население сможет овладевать морем по линиям меридианального направления.

Второй участок прибрежных морских вод, занимающий западную половину Карского моря, доступен для судов менее и в течение более ограниченного времени. Еще в конце 60-х годов прошлого столетия случайные плавания нескольких норвежских тюленебоев и экспедиция русского морского офицера П. П. Крузенштерна, прошедшего на парусной шкуне от Югорского шара к берегу Ямала, разрушили сложившееся у географов и моряков представление о полной непроходимости Карского моря. Известно было также, что русские промышленники с Печоры и Мезенского побережья в XVI и начале XVII века совершали торговые экспедиции морем в Обскую и Тазовскую губы. Английский капитан Виггинс и шведский натуралист Норденшельд окончательно проложили судоходный путь от проливов до низовьев Оби и Енисея. С тех пор, с половины 70-х годов XIX в. и до последнего времени, торговое плавание через Карское море в устья западносибирских рек непрерывно развивалось.

Путь от Югорского, а в некоторые годы от Маточкина шара, до острова Белого обычно делается вполне или легко проходимым только в осенние месяцы, в большинстве случаев не ранее сентября. Благоприятные для плавания годы, когда лед исчезает значительно раньше обычного срока и море подолгу бывает открытым, сменяются годами, в которые проход судов встречает особо тяжелые препятствия от льдов в проливах или на пути от проливов до Обской губы.

Для облегчения судоходства в Карском море в 1913—15 гг. поставлены были министерством путей сообщения станции искрового телеграфа на входах и путях до Енисея (станция в Югорском шаре—16 kw; в Карских воротах—1,5 kw; на берегу Ямала в Мора-сале—2 kw; на Диксоне—16 kw). С 1919 года начаты были ежегодные товарообменные экспедиции в устья Оби и Енисея на пароходах, зафрахтованных в Англии. Руководивший экспедициями Комитет северного морского пути содействовал с одной стороны гидрографическим изысканиям на пространстве пути в Карском море, с другой—постройке новых станций беспроволочного телеграфа. Между 1919 и 1924 годом построены станции в Обской губе в Новом порте (вновь найденной гавани, где происходит перегрузка товаров с речных на морские пароходы

и обратно, и которая лежит на западном берегу губы несколько севернее бухты Находка, под 67° 42′ сев. широты), в Обдорске, в Дудинке и в Усть-Енисейском порте. Последней построена была станция у восточного устья Маточкина шара, соединенная с метеорологической и магнитной обсерваторией.

В ближайшем будущем должны быть построены еще 2 станции: на северной оконечности Новой Земли и на острове Белом. С окончанием их постройки замкнута будет сплошная цепь станций вокруг западной половины Карского моря.

Комитет северного морского пути за время своей деятельности производил разнообразные исследования, связанные с нуждами морского и речного транспорта. Положена была вновь на карту береговая линия между устьями Обской губы и Енисейского залива; снято все протяжение течения реки Пясины; обследованы залежи каменного угля, лежащие вблизи Норильских озер; начата эксплоатация и экспорт графита на Курейке. Обмен товаров в отдельные годы достигал почти миллиона пудов, и плавания флотилий по Карскому морю протекали без больших задержек и аварий. Только в 1921 году на возвратном пути из Оби потерпели крушение от столкновения со льдами два старых парохода. Речные суда—пароходы с баржами и лихтерами (последние частью специальной постройки по проекту К. К. Неупокоева) также благополучно достигали Нового порта или порта Усть-Енисейского, где происходит перегрузка.

Участок морских вод от порта Диксона до устья Лены наиболее трудно проходим. Здесь узкий, обычно набитый льдами пролив между Таймыром и Северной Землей и вообще все пространство вод вдоль побережья, некогда описанного Великой северной экспедицией, суда проходили только 4 раза: «Вега» Норденшельда в 1879 году, «Фрам» Нансена в 1893 г., пароходы-ледоколы гидрографической экспедиции морского министерства «Таймыр» и «Вайгач» в 1915 году—с зимовкой у Таймыра—и судно «Мод» экспедиции Амундсена 1918—19 годов, также с зимовкой. Из этих судов «Вега», «Таймыр» и «Вайгач» и «Мод» прошли весь северо-восточный путь, первое и последнее с запада на восток («Мод» с двумя зимовками на пути), а «Таймыр» и «Вайгач» в обратном направлении, от Берингова пролива в Баренцово море. Несомненно, что условия льда на этом участке северо-восточного пути относительно наименее благоприятны для плавания. Берега, воды и условия движения льдов здесь к тому же мало изучены, и препятствия для прохода судов во всякое время года могут быть велики и к тому же неожиданны. Опыт плавания упомянутых выше судов все же показывает, что и этот участок северо-восточного пути при благоприятных условиях проходим.

Часть береговых вод от устья Лены до Берингова пролива доступнее для плавания. С августа, а иногда и ранее, здесь обычно

исчезает непроходимый лед. С 1911 года начались плавания из Владивостока в Колыму, при чем за ряд лет (1911—1914) до войны ходивший ежегодно в устье Колымы пароход только раз претерпел вынужденную зимовку у северных берегов Сибири. Рейсы в Колыму возобновлены были в последние годы. В 1927 году отправлены из Владивостока два парохода—«Ставрополь» в Колыму и «Колыма» в устье Лены. «Колыма» имела на борту 2 гидроплана, которые летали на остров Врангеля. Удача рейса в Лену, к устью которой «Колыма» пришла в начале августа, будет иметь большое значение для развития морского судоходства в эту громадную реку, протяжение бассейна которой делает морские сообщения к ее устью особенно нужными и важными экономически.

Отрицательной стороной организации морских сообщений в Колыму за все время с 1911 г. и вновь начатых плаваний в устье Лены нужно считать посылку в эти рейсы пароходов довольно значительного тоннажа, не соответствующего потребностям грузооборота теперешнего времени. При этом тоннаж парохода используется не полностью, угля сжигается много, и самое судно мало приспособлено к борьбе со льдом и к условиям вынужденной зимовки. На линию Берингово море—устье Лены должны быть в ближайшем будущем поставлены специальные суда типа, примерно, промысловых яхт,—деревянные с ледяной обшивкой, с двигателями внутреннего сгорания и помещениями, приспособленными для зимовки. Такие суда полезно было бы иметь для каботажного плавания—в пределах надобностей данного момента—вдоль всего северного и северо-восточного берега от Белого моря до Берингова. Только большие товарные рейсы в Обь и Енисей требуют пароходов в 3—4.000 тонн (суда большего тоннажа мало удобны для движения во льдах). На прочем пространстве северного побережья важно пока лишь поддерживать береговые промыслы и жизнь становищ и таким образом постепенно создавать условия, в силу которых численность населения береговой линии, в настоящий момент очень малочисленного, могла бы постепенно увеличиваться.

По выяснившимся до настоящего времени условиям важнейшей стороной всего нашего северного мореходства и важнейшей его задачей нужно считать развитие плавания по морскому пути из Баренцова моря до устья Енисея. Препятствия со стороны льдов на участке от проливов до устьев Оби и Енисея первоначально, при малом еще знакомстве с Карским морем, преувеличивали. Предложены были даже проекты разнообразных сооружений для обхода, при товарных сообщениях Европы с Западной Сибирью, Карского моря. Таковы проекты (или, вернее, идеи) каналов между течениями Щучьей и Подараты или через Ямал, на месте древнего торгового волока между Мутной (Се-яга) и бассейном

Обской губы. Также поднимался вопрос о постройке чрез уральского рельсового пути от нижней Оби к одному из пунктов самоедского берега (Хайпудырская губа, устье Печоры, Индига) западнее Югорского шара. Но метеорологические, а отчасти и почвенные условия крайнего севера делают и постройку канала, и, тем более, его использование чрезвычайно затруднительными. Большие трудности представляет и эксплоатация железнодорожной линии, проложенной за полярным кругом, в местностях совершенно ненаселенных, при зиме, продолжающейся 9 месяцев. От тех же причин заглох и другой более грандиозный проект железнодорожного строительства на дальнем севере,—рельсовый путь от Берингова пролива внутрь Сибири.

При лучшем знакомстве с метеорологическими и гидрографическими условиями Карского моря и при возможности получать постоянные сведения о движении льдов с целой сети станций, проход Карского моря в определенные месяцы года в громадном большинстве случаев вполне свободен или во всяком случае не особенно затруднителен. Падение стоимости фрахтов и страховых расходов, приводимых в отчетах Комитета северного морского пути, показывает, что дело судоходства в Обь и Енисей упрочивается. Значение развития этого пути для экономического преуспеяния Сибири очевидно, так как выход на мировые рынки громоздкого сырья из Сибири возможен только водными путями. Уже при теперешнем, пока еще относительно слабом, использовании пути через Карское море выяснилась практическая возможность экспорта леса с Енисея (в последние годы отправляли морским путем до 1.000 стандартов в год) и вывоза графита.

IV

При оценке и современного, и будущего значения морского судоходства вдоль берегов Сибири нельзя не принимать в расчет, что плавание здесь ограничено в течение года кратким сроком в 2—3 месяца. В развивающемся с чрезвычайной быстротой воздухоплавании скорее можно предвидеть средство, которое окончательно победит все трудности сообщений как в самых северных областях старого материка, так и внутри полярного бассейна, обширные области которого доныне еще недоступны и не исследованы.

Для того, чтобы ясно представить себе значение сообщений по воздуху в высоких широтах и в частности вдоль северных берегов Сибири, нужно только вспомнить, что градус параллели у экватора имеет в длину около 111 *км*, а один градус 70-ой параллели—около 38 *км*, т. е. втрое меньше. Поэтому и прямой путь от Атлантического океана до Тихого, сделанный с запада на восток через Африку и южную Азию или даже через Европу и южную Сибирь, будет значительно длиннее, чем расстояние

между теми же меридианами, пройденное вдоль северных берегов Сибири. Сравнительно малая зависимость воздушных судов от устройств, находящихся на земле, расход топлива и изнашиванье машин делают для воздухоплавания важным проложение наиболее прямых и коротких путей между пунктами, связанными рейсами.

При пользовании современными дирижаблями с ходом до 150 *км* в час путь в Японию или Сан-Франциско из Европы через Мурманск и Ном может быть пройден в 5 суток. Правда, широкое развитие грузового транспорта силами воздушного флота еще невозможно. Но для пассажирских передвижений, для транспорта почты и особо ценных и легких грузов, вроде пушнины, драгоценных металлов или лекарств, уже и при современной технике аэронавтики открываются большие перспективы. По размерам подъемной силы и способности проходить большие расстояния без спуска и причала дирижабли более удобны для отдаленных сообщений в областях крайнего севера. Уже во время европейской войны крупнейшие немецкие цепеллины строились с корпусами длиною около 200 *м*, объемом около 70.000 кб. *м* и с 4-мя машинами в 2.000 сил в общем. На высоте 1 *км* подъемная сила 1 кб. *м* водорода, наполняющего корпус корабля, равняется приблизительно 1 *кг*. Общая полезная (грузовая) подъемная сила дирижабля указанного размера достигает поэтому 50.000 *кг* (валовая подъемная сила—около 80.000 *кг*). Скорость полета таких дирижаблей достигает 130 *км*. В настоящее время строятся воздушные суда большего объема и большей мощности машин. Ангары нужны только на основных базах; на промежуточных пунктах—для приема пассажиров, почты или грузов—корабли могут пользоваться причальными мачтами.

Нужно заметить однако, что успехи в конструировании аэропланов, рост их размеров, мощности машин, быстрота полета и расстояния, которые могут они проходить без спуска, сделают их спустя уже короткое время пригодными для самых трудных и отдаленных сообщений. Полеты к полюсу Амундсена, достигшего со Шпицбергена 87° 43′ сев. широты, и Берда, покрывшего расстояние от Шпицбергена до полюса и обратно без спуска в $15^1/_2$ часов, показывают возможность сообщений на аэропланах и прямо через полярный бассейн. Нашим летчикам также принадлежит честь выполнения весьма трудных заданий по полетам над Северным полярным морем. Как кажется, первым летал над льдами у берегов Новой Земли Нагурский на самолете, бывшем на судне Главного гидрографического управления, посланном для поисков пропавших экспедиций Брусилова и Русанова летом 1915 года. Весьма трудная воздушная экспедиция на остров Врангеля выполнена двумя самолетами Осоавиахима, бывшими на пароходе «Колыма», который в начале августа

1927 года достиг устья Лены. По сообщению начальника экспедиции Красинского, перелет на о. Врангеля сопряжен был с значительными техническими затруднениями. Сборку аппаратов производили на льдине, и самолетам пришлось подниматься с двигающегося льда. Остров был окутан туманом, и при первом полете от мыса Северного его не удалось открыть. Самолеты вернулись и принуждены были опуститься при трудных условиях. При втором полете один из самолетов достиг острова. В начале августа самолеты обследовали Быковскую протоку, затем достигли благополучно Булуна, Жиганска и, наконец, Якутска.

На основании описания Амундсеном тех трудностей и опасностей, с которыми сопряжена посадка на морской лед и подъем с него, можно сделать заключение, что летчиками, управлявшими самолетами экспедиции лета 1927 г., благополучно выполнена задача, требовавшая большого мужества и большого уменья. И можно надеяться, что опыт этот даст много для развития сообщений на аэропланах в мало доступных местностях северного побережья Сибири и в прибрежной полосе моря.

Как известно, в 1926 году Амундсен на дирижабле совершил перелет от Шпицбергена в Аляску через область полюса. Метеорологические условия (туман и намерзание льда на корпусе воздушного корабля) сделали перелет довольно трудным. В области, примерно, 70-го градуса сев. широты условия в весенние и летние месяцы должны быть более благоприятны для полета. И для СССР, конечно, является более важной возможность развития воздушных сообщений между Западом и Востоком именно по этому пути, вдоль северного побережья Сибири, согласно многократно обсуждавшемуся проекту Брунса, поддержанному авторитетом Нансена. Важно при этом, что на линии проектированного пути от Мурмана до Тихого океана, даже и на северном побережье Сибири, есть и населенные пункты, и значительная сеть станций беспроволочного телеграфа. Кроме перечисленных уже выше станций, окружающих Карское море, можно отметить еще следующие станции: Иоканка (Кольский залив)—68° 58′ сев. широты и 33° 05′ вост. долготы; Цып-Наволок—69° 45′ и 33° 06′; Канин нос—68° 39′ и 43° 18′; Средне-Колымск—67° 10′ и 157° 10′; Анадырь—64° 45′ и 177° 33′; Усть-Камчатск—56° 12′ и 162° 26′; Петропавловск—53° 00′ и 158° 39′; остров Беринга—55° 12′ и 165° 59′; Наяхан (Охотское море)—61° 55′ и 158° 59′; Охотск—59° 21′ и 143° 17′.

Для будущего развития воздушных рейсов вдоль северных берегов Сибири и в частности для проложения мирового пути между Европой и Тихим океаном,—развития, в котором доминирующая роль в конце концов должна принадлежать тому государству, по территории которого проходит путь,—весьма

важную роль должны играть следующие обстоятельства общего значения: 1) хорошее знакомство с физическими и в частности метеорологическими условиями северных областей Сибири и прилежащих к ним пространств моря; 2) увеличение количества населения прибрежных и вообще северных областей материка и поднятие его экономического состояния; 3) закрепление прав владения государства на острова Полярного моря и их подробное исследование.

Успехи техники и изменяющиеся условия жизни обыкновенно быстро опровергают взгляд на те или иные территории, как на бесполезные в государственном отношении, и показывают, что научные обследовании таких территорий должны производиться неустанно и заблаговременно. Канада недавно официальным актом отменила термин «Barren Grounds» (бесплодная область) и заменила его термином «Northern Plain» (северная равнина). Наши приполярные окраины также отнюдь не бесплодны в экономическом отношении и требуют полезных затрат и неустанного изучения.

Сентябрь 1927 г.

Собачья упряжка, Камчатка.

Чукотские яранги в долине р. Большой Баранихи, северный берег Чукотской земли; слева впереди видны две жертвенные кучи; 31 августа 1905.

С. В. Керцелли

ОЛЕНЕВОДСТВО РСФСР

Оленеводство, эта своеобразная отрасль северного животноводства, имело издавна наибольшее распространение в РСФСР у туземных племен севера европейской и азиатской частей Республики. Кроме РСФСР, оленеводство существовало также в Швеции, Норвегии и Финляндии у живущих здесь лопарей, а на наших глазах оно, начиная с 1890 годов, было перенесено на Аляску и теперь развивается там так успешно и быстро, что в очень недалеком будущем можно ожидать занятия Северной Америкой первого места по размерам своего оленеводства среди остальных оленеводческих стран.

В Советской республике район распространения оленеводства охватывает не только весь север от границ Финляндии до Берингова моря, но в Сибири простирается к югу до границ наших с Китаем и Монголией. Наиболее южные районы захватывает оленеводство карагассов, живущих в Саянском хребте по границе с б. Урянхайским краем, теперь—Тана-Тювинской республикой.

Число оленей в Швеции—276.000; Норвегии—142.000; Финляндии—125.000; в Северной Америке—Аляске и Канаде—свыше 300.000 голов.

Интересно, как американцы завели у себя оленеводство.

Когда на Аляске начались благодаря открытию золота горные работы, а потом и рыболовство, американцы почувствовали необходимость подвести более прочный экономический фундамент, чем охота, под туземных обитателей Аляски—эскимосов, тлинкитов и др. индейских племен и решили дать им более полезное и продуктивное домашнее животное вместо собаки, которая только и была знакома этим туземцам.

Они обратили взоры на оленеводство.

Ведомство просвещения, которое занялось этим делом, выписало первоначально оленей из Сибири, где было закуплено довольно значительное количество, кажется, около тысячи голов, но все они по дороге погибли.

Тогда решили везти оленей с Чукотского Носа, и в 1890 году оттуда были доставлены на Аляску первые олени в количестве около 130 голов. В последующие годы эти привозы продолжались и всего было перевезено около 1.200—1.300 голов. В дальнейшем—примерно с 1895 года—оленей на Аляску больше не ввозили, но зато ввезенные олени отлично акклиматизировались и весьма успешно множились; в общем стада на Аляске удваиваются в 3 года.

Главная трудность однако была не в том, чтобы достать оленей, а в том, что туземцы Аляски совершенно незнакомы были с оленеводством и их нужно было обучать всей технике оленеводства: ловле оленей, уходу за стадом и новорожденными телятами, способам запряжки и езды на оленях и проч. и проч.

Американцы выписали из Норвегии лопарей и устроили оленеводные школы в тех пунктах, где содержались привезенные казенные олени.

Туземцы поступали в эти школы, и лопари, которые вместе с тем выпасали государственные стада, обучали местных жителей технике оленеводства. Кроме оленеводства, туземцы должны были в этих школах пройти грамоту и начатки арифметики настолько, чтобы уметь в своей записной книге вести записи и учет оленей и регистрировать рождения, смерть и случаи продажи оленей.

После сдачи соответствующего экзамена в присутствии правительственного инспектора туземец получал из казенного стада некоторое число оленей, которые поступали ему однако не в собственность, а только в пользование, и которые продолжали находиться под наблюдением правительственного инспектора.

Из приплода своего стада туземец, получивший оленей, возвращал определенную часть правительству, после чего он становился уже полным собственником имеющегося у него стада. Таким образом американцы насадили оленеводство среди туземных племен Аляски и в настоящее время имеют там свыше

300.000 голов оленей, но рассчитывают довести их количество не менее, как до 4 миллионов голов.

Сколько находилось оленей в России и сколько находится в настоящее время в РСФСР?—Ответить на этот вопрос довольно затруднительно, так как наше оленеводство очень мало изучено до настоящего времени.

В дореволюционное время официальная статистика определяла число оленей около 1.500.000 голов. Цифра эта до очевидности мала и совершенно не соответствовала действительности: достаточно указать хотя бы на то, что в Архангельской губернии считалось официально меньше 200.000 голов, между тем одной оленьей замши производилось до 110.000 штук. По более точным подсчетам можно полагать, что в б. Архангельской губернии число оленей доходило до 600.000 голов и из них около 500.000 находилось в Печорском уезде.

Сведения о количестве оленей получались из соответствующих волостных правлений. Никто никогда этих цифр не контролировал и не проверял, ибо в те времена оленеводством никто не интересовался и на него не обращали никакого внимания. Только немногочисленные исследователи, работавшие на севере, главным образом этнографы и немногие зоологи, посвящали в своих работах отдельные страницы оленеводству и призывали к поддержке этой важной отрасли северного хозяйства.

Во всяком случае большинство исследователей, писавших об оленеводстве, считали, что в России было не меньше 3 миллионов голов оленей, а некоторые допускали даже, что число их доходило до 5 миллионов.

Оленеводство это носило вполне первобытный, натуральный характер и служило только удовлетворению непосредственных нужд оленеводов, при чем все, что оленевод должен был приобретать для своего хозяйства на стороне, приобреталось им по большей части в обмен на пушнину, отчасти на рыбу и только в меньшей степени на продукты оленеводства, главным образом на одежду из оленьих мехов, всегда очень ценившуюся среди всего населения севера, и на шкурки новорожденных телят, так наз. пыжиков, которые имели всегда некоторый спрос внутри государства в качестве меха.

Для других мелких оленеводов олень имел значение только, как ездовое животное, при помощи которого туземец переезжал с места на место в тайге для промысла пушного зверя.

Крупные оленеводы кочевали в безбрежных тундрах Севера, переходя весной из таежной полосы, где они обычно зимовали, в безлесную тундру, подвигаясь к лету по возможности дальше на север, где меньше жалящих насекомых, с тем, чтобы осенью опять двинуться к югу в лесистую полосу, где они проводили зиму.

. Владелец стада убивал ежегодно немного оленей, только необходимых ему для пропитания семьи и для шкур на одежду, пыжики для торговли получались от павших телят. Стадо из года в год возрастало, пока какая-нибудь болезнь не выкашивала в одно лето большую его часть, и тогда снова начинался процесс накопления.

Мелкие оленеводы тайги передвигались на своих оленях по тайге, промышляя всякого зверя, их стада обычно были так незначительны, что приплода хватало только на поддержание стада, но не на его увеличение. Так велось оленеводство десятки и даже сотни лет.

Большое изменение в ведение оленеводства внесли зыряне, когда они в своем распространении к северу дошли до районов самоедского оленеводства и, освоившись с ним, сами стали оленеводами.

В конце первой половины прошлого столетия один из русских жителей низовьев Печоры, Пустозерской волости, выписал из Галича Костромской губернии мастеров замшевого дела и открыл на Печоре замшевый завод, на котором стал выделывать оленьи шкуры.

Однако у русских это производство не привилось, но им заинтересовались предприимчивые зыряне-ижемцы, которые первоначально также выписывали мастеров из Галича, но потом сами переняли от них это искусство, стали обходиться своими силами и создали на Ижме крупное замшевое производство, большая часть продукции которого экспортировалась за границу.

Обеспеченный сбыт, который имели телячьи (оленьи) шкурки на замшевых заводах, перевернул все ижемское оленеводство и перевел его из стадии натурального хозяйства в промышленную стадию, приобщил его к общему товарному обороту и позволил регулировать размер стад, не допуская их чрезмерного увеличения, благодаря возможности излишек приплода обращать в деньги.

Замшевое производство придало ижемскому оленеводству, а отчасти и самоедскому—в Большеземельской и Малоземельской тундрах б. Архангельской губ.—прогрессивный характер. Правда, что в этих тундрах торговый капитал, который явился организатором замшевого производства, по отношению к оленеводам, особенно более мелким, был жестоким эксплоататором и все барыши от перехода оленеводства на промышленную основу клал себе в карман, так что оленеводам оставались крохи, но все же это замшевое производство несомненно явилось прогрессивным фактором в деле Архангельского оленеводства, позволяя регулировать его и подводя под него вполне определенный хозяйственный базис. В других районах оленеводство продолжало оставаться в своем первобытном натуральном хозяйственном

положении, но с тем существенным отличием, что оленеводы подвергались все большей и большей экономической эксплоатации со стороны торгового капитала, который за два последние столетия проник постепенно во все тундры и к концу прошлого века не успел вполне овладеть только Чукотским краем.

Торговый капитал, проникающий в тундры, нигде не вносил ничего организующего в жизнь туземного населения,—он являлся везде наглым хищником, разрушающим те натуральные туземные хозяйства, с которыми он сталкивался.

Даже в тех районах, где развивающаяся золотопромышленность могла бы создать для оленеводства известную здоровую экономическую базу, предъявляя большой спрос на перевозочные средства для нужд приисков и на мясо для питания приискового населения, она этих условий развития не создавала, а только вызывала к жизни в самой резкой форме проявление «первоначального накопления», объектами которого становились туземцы оленеводы. За их счет обогащались небольшие кучки представителей торгового капитала.

Обычно при этом отдельные туземные районы по молчаливому соглашению торговцев поступали в безраздельное пользование отдельных купеческих династий, которые и эксплоатировали туземцев своего района, как хотели, не брезгая ничем в своем стремлении к наживе. Факты этой эксплоатации еще так памятны и так живы, что перечислять их я не буду—они слишком общеизвестны: спаивание, обсчитывание, обман, дикие цены на товары, продаваемые туземцам и т. п.

Туземцы разорялись, оленеводство их сокращалось, и там, где, по свидетельству прежних путешественников: Маака, Шренка, Миддендорфа и друг., у туземцев насчитывались тысячные стада оленей,—редкостью стали даже сотенные. Количество безоленных туземцев везде увеличивалось.

Положение в прошлом столетии ухудшилось еще тем, что в тундрах все чаще и чаще стали повторяться массовые падежи.

В прежнее время туземное население жило изолированно, сношения его с внешним миром были крайне ограничены, каждый род имел свои обособленные территории для промысла и для кочевок.

Однако условия эти постепенно все больше и больше изменялись: с одной стороны колонизация продвигалась все дальше и дальше на север, в результате чего многие туземцы были вытеснены из своих владений и должны были нарушить установившиеся границы кочеваний других туземцев, с другой—проникновение торгового капитала и его представителей в самые глухие углы тайги и тундры нарушали изолированность туземцев. Все эти причины влекли все большее и большее соприкосновение местного населения с пришлым, чуждым ему элементом, а это в свою

очередь влекло за собой как развитие эпидемий среди туземного населения, так и возникновение болезней среди оленей и распространение их на большие районы.

С развитием сношений в тундре развивались и падежи.

Императорское правительство относилось к этому совершенно равнодушно.

Туземцы и их хозяйство не интересовали никого. И если отдельные исследователи Севера подымали свой голос в защиту туземцев, то в ответ им обычно ссылались на «закон природы», по которому низшие расы при столкновении с высшими неизбежно обречены на вымирание.

Только в конце 90 годов власти под влиянием нескольких грандиозных падежей в тундрах Европейской России, обративших на себя внимание заграничных государств, заинтересованных в санитарном состоянии нашего севера, решили наконец заняться вопросами оленеводства и начали снаряжать отдельные экспедиции для выяснения причины падежей.

Вначале эти экспедиции были разрознены, случайны и дали малые результаты. Любопытно однако то, что само население осознало необходимость начать планомерную борьбу с падежами и провести ряд мер для подъема оленеводства.

В самом конце прошлого столетия или в начале настоящего в Ижме среди оленеводов возникла мысль об образовании общества оленеводов для отстаивания своих интересов и для выработки и проведения мер по оздоровлению оленеводства и его развитию.

Оленеводы собирались много раз, выработали устав общества и послали его на утверждение. По уставу предполагалось обложение оленеводов и, насколько я помню, довольно высокое, чуть ли не до 20 коп. с головы, для образования денежного фонда, за счет которого и могли бы проводиться проектируемые меры.

Общество предполагало приглашать за свой счет специалистов бактериологов для изучения болезней оленей,—и ветеринарных врачей для организации прививок, ибо, хотя никем и не было доказано еще в то время, что падежи вызываются сибирской язвой, оленеводы были убеждены в этом и особенно настойчиво стремились к организации противо-сибиреязвенных прививок.

Устав лежал в губернском правлении, возвращался обратно к оленеводам для проработки и изменения, изменялся, вновь возвращался в губернское правление, был даже в министерстве внутренних дел, но все же утвержден не был и в 1908 году находился еще на руках у оленеводов.

В конце концов оленеводы потеряли терпение и бросили затею образования общества.

Так погибло хорошее начинание, которое могло принести большую пользу оленеводству.

В 1908 году начинается более серьезное и систематическое изучение оленеводства не потому, чтобы правительственные взгляды на оленеводство изменились, а просто потому, что во главе ветеринарного управления в то время оказался высококультурный человек Нагорский, а с другой стороны в 1906 году произошел снова грандиозный падеж в Большеземельской тундре, на который реагировали иностранные государства, что и дало возможность Нагорскому добиться необходимых ассигнований на мероприятия по оленеводству.

После целого ряда экспедиций в Архангельскую губернию, в конце 1909 г. была открыта бактериологическая лаборатория на Печоре, прекрасно оборудованная с хорошо подобранным персоналом. Лаборатория должна была стать центром по изучению оленеводства. Предполагалось в дальнейшем прикомандировывать к лаборатории ветеринарных врачей и бактериологов из других областей Севера для практического ознакомления с методами работы в тундре с тем, чтобы постепенно расширять организацию тундряной ветеринарии по главным оленеводческим районам. Лаборатория начала интенсивную работу как в тундрах, так и чисто лабораторную. У персонала лаборатории установились вполне дружеские, исполненные доверия отношения с оленеводами.

Несколько оленеводов предоставили лаборатории свои стада для опытов, заручившись единственным обещанием со стороны персонала лаборатории, что рискованных опытов, могущих повлечь большую гибель животных, производить без согласия владельцев не будут.

Одним из крупных достижений лаборатории явилась работа т. Бауц, которому удалось наконец доказать бактериологически, что сибирская язва действительно существует в тундре и что по крайней мере часть массовых падежей обусловливается ею.

Удачно были проведены и противо-сибиреязвенные прививки, и успешно было вакцинировано около 12—15 тысяч оленей.

К сожалению работы лаборатории в самом начале были бессмысленно прерваны, и самая лаборатория была уничтожена. Архангельский губернатор Бибиков усмотрел крамолу среди персонала лаборатории, в чем ему деятельно помогал заведующий лабораторией Байздренко—бывший ссыльный, начавший «делать карьеру».

Большая часть персонала лаборатории была изгнана, и, как курьез, можно отметить, что некоторым лицам из ее персонала был запрещен въезд в Архангельскую губ.

Разгон этот произошел в 1911 году осенью, а весной 1912 года прививки производились вполне политически благонамеренными вакцинами, приготовленными заведующим станцией господином Байздренко.

Результатом этих прививок была почти поголовная гибель всех привитых оленей (несколько тысяч голов) [1].

Наехали комиссии, производили расследования, но изменить создавшуюся обстановку они не могли, и дело было погублено в самом начале. Станцию пришлось закрыть, имущество ее было перевезено в Архангельск, где и была основана обычная губернская ветеринарная лаборатория, окончательно расхищенная в период, когда Архангельском владели белые.

История эта вызвала в свое время большой шум и была подробно освещена в левой столичной печати.

Так погибло еще одно начинание в деле помощи оленеводству, и дальнейших попыток в этом направлении министерства земледелия и внутренних дел не предпринимали.

Оленеводство было забыто и брошено на произвол судьбы.

Быть может в дальнейшем пришлось бы опять заняться оленеводством, но подошла мировая война, и тут уж конечно царскому правительству было не до оленеводства.

Война в общем отозвалась на оленеводстве весьма пагубно.

Непосредственный, так сказать, ущерб понесло оленеводство Архангельской губ., где оленеводы зыряне и лопари были мобилизованы и призваны на службу в армию. Так как было мобилизовано все молодое население, то благодаря этому значительно ухудшился надзор за стадами, и это повлекло усиленную гибель новорожденных телят.

На Мурмане, быв. Александровском уезде, дело осложнилось тем, что начался ввоз военного снаряжения через Александровск и до окончания Мурманской железной дороги для перевозки прибывающих военных грузов были мобилизованы и привлечены к перевозкам все оленеводы уезда.

За перевозки грузов, правда, оленеводам платили, но так как перевозки шли по одному тракту Кола—Кандалакша, то весьма скоро все пастбища по этой дороге были сильно выбиты.

Оленям нечем было кормиться, и они массами гибли, кроме того и вообще требования по перевозкам были непосильны для оленей.

Урон, нанесенный этими перевозками, отразился особенно пагубно на мелком лопарском оленеводстве, которое сократилось больше, чем на половину.

В других районах оленеводства таких непосредственно действующих причин, вызванных войной, не было, но все же косвенное влияние войны сказалось и на них отрицательным образом.

---

[1]) За погибших оленей деньги не были уплачены несмотря на то, что оленеводам за отход от прививок была обещена уплата. В данном случае, ввиду слишком большой гибели оленей министерство внутренних дел, в ведении коего находилось ветеринарное дело, решило денег не платить.

Прекратилось совершенно снабжение северного промыслового населения, в том числе и оленеводческого, огнеприпасами и рыболовными орудиями, что повлекло за собою значительное падение охотничьего и рыболовного промыслов; прекратилось также снабжение населения мукой, сухарями, чаем, мануфактурой.

Все это сильно сократило жизненные рессурсы оленеводов и заставило их усиленно убивать оленей как для пропитания, так и для одежды. Снабжение товарами промыслового населения по мере развития войны, в силу все увеличивающейся в центре экономической разрухи, все более и более сокращалось, а с началом революции и в дальнейшем течении ее свелось к нулю.

Падение промыслов имело еще то отрицательное значение для оленеводства, что не только значительно повышало непосредственное потребление оленей, но кроме того способствовало возрастанию числа волков, охота на которых совершенно прекратилась.

Увеличение числа волков особенно сильно сказалось в эпоху гражданской войны, которая докатилась даже до отдаленных тундр Якутии и Чукотско-камчатского края. Везде при продвижении отрядов как красных, так и белых, пути следования их отмечались большим или меньшим количеством павших обозных животных, а так же убитых в боях. Это множество падали также способствовало размножению волков, и во многих местах волки сделались для оленеводства серьезной угрозой, которая к сожалению не изжита еще до сих пор.

В некоторых местах волки настолько размножились, что потери, причиняемые ими, доходили до 30—40% всего количества оленей. Такой высокий процент объясняется не столько большим количеством непосредственно задранных волками оленей, сколько гибелью телят, которые в панике убегали, терялись и гибли при нападениях волков на стадо.

В период гражданской войны много оленей погибло и потому, что они захватывались как для перевозки отрядов, так и для их прокормления. Известно например, что только на Охотском побережье одни банды Пепеляева съели больше 1.000 голов оленей, а сколько погибло их при передвижениях Пепеляева, Коробейникова и проч. белых,—учесть невозможно.

В течение революционного периода, в первые его годы, много оленей, что уже отмечено в нашей печати, погибло благодаря неумелым и несоответствующим особенностям Севера действиям пришлых властей.

В период военного коммунизма во многих районах пришлые администраторы, совершенно незнакомые с Севером, подходили к оленеводству с навыками и воззрениями, вынесенными ими в центральных губерниях, и в силу этого, встречая оленевода

со стадом в 100—200 и больше голов, рассматривали его, как кулака, капиталиста, «владельца сотенного стада рогатого скота».

Благодаря этому происходили неоправдываемые обстоятельствами реквизиции и национализации стад, которые вселили в оленеводов неуверенность в своих правах на оленей, что повлекло за собою усиленное истребление их, прекращение всякого ухода и присмотра за стадами и сильно повлияло на падение их численности. На почве этих реквизиций происходило много анекдотических курьезов [1]).

Как только закончилась гражданская война, и Республика приступила к залечиванию своих ран и восстановлению своего хозяйства, пришлось обратить серьезное внимание и на Север и его промысла, а значит и на оленеводство.

Учесть точно, насколько пострадало наше оленеводство, не представляется возможным как потому, что у нас и до войны не было ясного, вполне точного представления о нем, так и потому, что до сих пор еще не удалось вполне выяснить его современное положение, но во всяком случае можно утверждать, что состояние оленеводства в большинстве районов в данный момент более или менее определилось, и его главнейшие нужды уже настолько выяснены, что можно уже приступать к работе, имея довольно точное представление о том, что нужно делать и как делать.

По сведениям с мест можно утверждать, что положение оленеводства во многих районах представляется весьма и весьма безотрадным. Особенно много для выяснения положения туземного населения и его экономики сделано Комитетом содействия народностям северных окраин и его местными отделениями.

По отдельным районам падение оленеводства, насколько возможно судить, не равномерно, и современное положение его рисуется в следующем виде.

В Мурманской губернии оленеводство сократилось особенно сильно у лопарей, в меньшей степени у зырян, и в настоящее время можно полагать, что у первых осталось не больше 10—15 тысяч голов—25—30% количества, которое было в 1914 году—50 тысяч голов; у вторых имеется около 30—35 тысяч, а до войны имелось тысяч 60. Сокращение оленеводства наблюдается и в Архангельской губернии—на Канинском полуострове, где было 53.000 голов у самоедов и зырян, а в настоящее время (данные за 1925 год) имеется самоедских оленей около 20.000—22.000 голов, в среднем по 100—130 голов на хозяйство; зырянских оленей 6—7 тысяч голов, что дает в среднем на хозяйство 300—350 голов.

---

[1]) С. В. Керцелли. Производительные силы района Мурманской железной дороги 1923 года. Оленеводство Мурманского края. Стр. 88 и след.

Относительно области Коми сведения довольно противоречивы. Есть отдельные исследователи, которые утверждают даже, что зырянское оленеводство уже вполне оправилось и показывает некоторое увеличение против довоенного состояния, но это представляется на основании показаний большинства местных административных и хозяйственных органов весьма сомнительным и вернее будет допустить, что зырянское оленеводство области еще не достигло довоенного размера (500 тыс. голов) и вряд ли превосходит 450 тыс. голов. Значительно пало и самоедское, и русское оленеводство в Большеземельской тундре.

Сильно сократилось оленеводство Уральской области, но здесь повидимому пострадали главным образом мелкие полуоседлые оленеводы лесной полосы. На некоторых речках Сургутского района, а также некоторых притоках Оби, положение совершенно катастрофическое.

Положение жителей на этих речках, населенных преимущественно остяками, было очень тяжелым и в довоенное время, а теперь представляется совершенно безвыходным.

Вследствие сильного падения промыслов рыболовного и охотничьего остяки были вынуждены съесть своих оленей и местами в настоящее время они лишены возможности выезжать на промысла и вынуждены промышлять по близости своих юрт.

По реке Югану у остяков осталось только 200 оленей, в среднем по 2,3 на хозяйство, а нужно—по самым скромным подсчетам—не менее 1.100 голов, если считать на хозяйство только по 12 оленей, общая же нужда полуоседлых оленеводов Сургутского района не меньше, как в 10.000 голов оленей.

Спрос на оленей так велик, что за оленя в этом районе платят до 150 белок, чем и пользуются кочующие здесь оленеводы—ижемцы, которые закупают оленей в Обдорском районе по 20—25 рублей и продают их в Сургутском не дешевле 60 белок и даже до 150 белок.

Неважно обстоит дело и в Кондинском районе у вогулов.

Сохранилось вполне оленеводство у казымских остяков, и этот район заслуживает крайне бережного к себе отношения, ибо здесь остяки экономически сильны и олень этого района по своим высоким качествам является выдающимся животным не только для Тобольского севера, но вероятно и для других районов. Олень этот очень сильный, большой; средний вес его доходит до 256 *кг* (15 пуд.).

В общем все же нужно признать, что Тобольский север пострадал сравнительно мало, и если отдельные районы его крайне нуждаются в срочных мерах для поддержания своего хозяйства, то все же здесь положение не такое печальное, как в лежащем восточнее Туруханском крае, где некоторые районы находятся буквально на краю гибели.

В особенно бедственном положении находятся тунгусы Илимпейской тундры, где наблюдается крайне быстрое, прогрессивное падение оленеводства.

В 1924—25 годах здесь насчитывалось еще около 8.000 оленей, а в следующем уже только 7.300 голов. Ежегодный дефицит в оленях доходит до 1.200 голов. Положение особенно осложнилось благодаря колоссальному распространению чесотки; почти половина оленей заражена этой болезнью, и ежегодно большое количество их гибнет от нее.

Местные власти считают весь Норильский район очень сильно обедневшим и запретили в этом районе всякие закупки оленей пришлому населению.

Всех оленей по Туруханскому краю около 150.000 голов.

Между прочим есть сообщения из этого края, что якобы в за-Хатангской тундре живут крупные оленеводы якуты, у которых очень большие, сильные олени, отличающиеся своей комолостью.

Быть может сообщение о необычайном росте, весе и комолости этих оленей и не соответствует действительности, но во всяком случае появление таких сведений показывает, насколько мало изучено наше оленеводство и сколько еще остается места для чисто экспедиционного изучения этой отрасли северного животноводства, для выявления характерных черт его по отдельным районам.

Пало повидимому оленеводство и в Нарымском крае, что впрочем представляется довольно естественным, ибо оленеводство края в массе своей всегда было мелким, а, насколько можно судить вообще, во всех районах особенно сильно пострадали мелкие оленеводы. Оленеводство Нарымского края почти совершенно необследовано, считают, что здесь в среднем приходится около 10 голов на хозяйство, но есть, говорят, остяки, имеющие по несколько сот оленей, а один даже 3.000 голов.

Падение оленеводства отмечается и в других местах бассейна Енисея и Лены.

Меньше кажется пострадала Якутская область, в которой имеется тысяч 200 оленей, хотя и там несомненно должны были пострадать мелкие оленеводы юга и юго-востока области, которые были также охвачены гражданской войной и где начинали свою деятельность банды Пепеляева, потом перебравшиеся в Дальне-восточную область в Охотский край.

Очень сильно пало оленеводство многих районов Дальневосточной области.

По официальным сведениям, например, на Охотском берегу осталось всего не больше 20.000 голов, а до войны их было свыше 60 тысяч. Таким образом, вместо 300—400 голов на хозяйство, как было раньше, теперь сохранилось только 30—50 голов.

Очень сильное падение оленеводства наблюдается и в Сретенском округе, где значительное распространение получила чесотка и где из 100 слишком хозяйств с 15.000 голов осталось только 36 оленных, имеющих всего 550 голов.

Тоже самое наблюдается и в Зейском округе, где одна треть туземных хозяйств совершенно лишилась оленей; значительное сокращение числа оленей отмечено и в Амурском округе.

Полный упадок оленеводства наблюдается и в Николаевском районе.

Все эти округа являются районами мелкого оленеводства, где оленеводство является подсобным занятием в охотничьем и рыболовном промыслах,—«подсобное верховое оленеводство охотничьих племен» [1]).

В районах первобытного, натурального оленеводства также наблюдается с 1914 года сокращение числа оленей, но далеко не такое значительное, во всяком случае эти округа имеют еще довольно большое количество оленей и в Петропавловском, Гижигинском, Анадырском и Чукотском районах насчитывается еще около 800.000 голов.

Во всяком случае, как бы ни пало наше оленеводство за годы войны и революции, все же можно думать, что у нас имеется около 3 миллионов голов оленей.

Комитет Севера считает, что у нас до $2^1/_2$ миллионов голов [2]).

В 1913 г. также насчитывалось около 3 миллионов голов, поэтому, если даже считать, что и теперь имеется тоже число оленей, то все же это указывает на крайнее неблагополучие в положении оленеводства и на необходимость принятия самых решительных мер для поддержания и дальнейшего развития этой отрасли северного животноводства.

Многое в указанном направлении и делается. С момента окончания гражданской войны и начала восстановления экономической жизни Республики на оленеводство впервые было обращено серьезное внимание, и началось плановое проведение мер по его улучшению.

---

[1]) С. В. Керцелли, Материалы к изучению оленеводства. Опыт классификации оленеводства. Труды Северной Научно-промысловой экспедиции. Выпуск 13, Ленинград, 1921 г.

[2]) Настоящая статья написана в 1927 г.; в настоящее время по данным Северной переписи 1926—27 г. округляя цифры и принимая во внимание установленные для разных районов цифры прироста, можно считать на 1 октября 1928 г. в тысячах голов: в Мурманской г.—60, в Архангельской г.—120, в Автон. обл. Коми—от 315 до 460, в Уральской обл.—365 в Сибирском крае—217, в Якутии—100, в Бурято-монгольской АСР—$1^1/_2$ и в Дальневосточном крае—942, а всего не менее 2.265.000 голов. На Дальнем Востоке и в европейской тундре за последние годы падение числа оленей прекратилось и уже заметен рост их числа.

Примечание редакции.

В первую очередь обратились на борьбу с болезнями оленей и главным образом с теми массовыми падежами, которые губят иногда в течение нескольких недель сотни тысяч оленей.

Стали строить тундровую ветеринарию и создавать центры изучения оленьих болезней. Были организованы две большие бактериологические лаборатории: одна в области Коми в Ижме, а другая на Оби в Обдорске. Эти две лаборатории должны стать теми научно-практическими центрами, в которых должны не только изучаться болезни оленей, но вместе с тем должны вырабатываться практические меры борьбы с этими болезнями и проводиться непосредственно в жизнь.

Для этого к бактериологическим институтам привязана и сеть тундровой ветеринарии. Нужно впрочем заметить, что сеть тундровой ветеринарии расширена и за пределы непосредственной деятельности бактериологических институтов (Ижемского и Обдорского) и в настоящее время организуется уже в Туруханском крае. Тундровая ветеринария в области Коми и в Обдорском районе занялась в первую очередь организацией прививок [1]) против сибирской язвы.

Вполне естественно, что правительство в лице Наркомзема обратило главное внимание на организацию планомерной борьбы с оленьими болезнями. Это наибольшее зло и на преодоление его нужно направить главные усилия, ибо о каких мерах рационализации и интенсификации оленеводства можно серьезно говорить, когда олени сотнями тысяч гибнут от массовых эпизоотий, когда чесотка медленно, но верно буквально уничтожает оленей в целых районах, когда, наконец, олени гибнут от каких-то никому неизвестных и неведомых болезней. Нужно было в первую очередь хотя бы довести массовые падежи до терпимых

---

[1]) Насколько я знаю, прививки эти дают известные результаты, но далеко не такие благоприятные, как получаемые при прививках других домашних животных. Я не решаюсь высказываться вполне определенно по данному вопросу, но все же думаю, что станции (Ижемская и Обдорская) не проявили в данном вопросе всей инициативы, какая могла бы быть проявлена, и остановились в своей работе на уже имеющихся вакцинах, не пытаясь, насколько мне известно, выработать новую. Между тем есть основания допускать, что существующие вакцины не вполне подходят и что работа была бы успешнее с новыми вакцинами, приготовленными из оленьего вируса. Думаю, что обоим институтам следовало бы уделить этому вопросу больше внимания и привлечь к этой работе, если им она не подсилу, центральные лаборатории Москвы и Ленинграда.

Не занимаясь специально этим вопросом, я все же решаюсь поднять его потому, что он имеет слишком большое значение для оленеводства, и некоторые специалисты бактериологии, с которыми мне приходились говорить о прививках в тундрах (противо-сибиреязвенных), высказывались категорически за необходимость выделения для оленей новой вакцины. Это и дает мне смелость выдвинуть этот вопрос, чтобы привлечь к нему внимание компетентных специалистов и подвергнуть его обсуждению на страницах специальной печати и в заседаниях бактериологических обществ.

размеров, начать с ними серьезную борьбу, и только после этого можно было заняться проведением других мер улучшения оленеводства.

При исследованиях оленеводства удалось ясно выявить, что в деле улучшения и рационализации оленеводства, кроме ветеринарно-санитарных мер, необходимо провести и широкий ряд экономических, а также и зоотехнических мероприятий, ибо оказалось, что мы очень мало, вернее—ничего не знаем о расах оленя, об его питании, о площади, потребной для выпаса оленя, о способах подбора производителей, а между тем олени мельчают и вырождаются, часто гибнут от безкормицы, пастбища истощаются и т. д. и т. д. Оказалось также, что оленеводы во многих местах страдают от неурегулированности землепользования, что сбыт оленьих продуктов крайне незначителен, что цены на них весьма низки, что обработка всех продуктов убоя столь первобытна и несовершенна, что не дает сколько-нибудь годных товаров и т. п.

Все эти нужды были выявлены теми исследованиями оленеводства, которые производились как до войны, так и после революции, и трудами местных работников, которые настойчиво указывают на неотложность принятия срочных мер для улучшения оленеводства. Наркомзем под давлением этих указаний и настойчивых требований начал проводить в тундрах помимо ветеринарно-санитарных мер еще организацию стационарных зоотехнических пунктов для зоотехнического обслуживания оленеводства.

Пункты имеются уже на Мурмане, в Ижме, Обдорске, организуются таковые и в других тундрах, и в настоящее время уже разработан план устройства их по всему северу до Берингова моря.

При чем пункты эти с лабораториями и отдельными помещениями начали организовываться совершенно самостоятельно даже в тех местах, где есть уже бактериологические лаборатории ветеринарного управления.

Мне кажется, что в целях экономии средств следовало бы избегать такого параллельного устройства двух лабораторий в одном пункте. Хотя задачи зоотехнической и бактериологической лабораторий и не совпадают, но тем не менее организация таких лабораторий под одной крышей могла бы сберечь много средств и сил, ибо многое в таких лабораториях могло бы быть общим не только в обстановке, но и в задачах, подлежащих изучению, и объединение их в одном учреждении дало бы возможность избегнуть параллелизма в работе и в снаряжении.

При ограниченности средств, которые государство может выделить на обслуживание нужд оленеводства, и при колоссальности этих нужд, накопившихся веками, следует относиться крайне

бережливо к расходованию этих средств, стараясь получить максимальный эффект от каждого ассигнования.

В настоящее время чисто практическая работа зоотехнического персонала, приложимая непосредственно к оленеводству туземцев, на мой взгляд не может быть большой, ибо еще очень не велика в большинстве случаев доходность оленеводства, и в силу этого у туземцев не может быть серьезного стимула для улучшения своего оленеводства, для повышения производительности оленя. Туземец будет вполне доволен в ближайшее время тем, что его олень не будет подвержен ежеминутной опасности погибнуть от болезни, и о дальнейшем улучшении его он заботиться не будет.

Тем не менее работа, лежащая на зоотехническом персонале, и те вопросы, которые требуют скорейшего точного разрешения, так велики, что потребуют очень и очень интенсивной работы многих лиц, и я думаю, что в настоящее время нет еще необходимости широко раскидывать в тундрах целую сеть зоотехнических пунктов, а достаточно иметь два—три—четыре пункта, но хорошо оборудованных в смысле обстановки, с достаточным персоналом и большими (300—400 голов) стадами оленей для постановки опытов.

Из первоочередных задач, стоящих перед тундровой зоотехнической организацией, является вопрос об определении питания оленя в естественной (современной) обстановке, о необходимой для прокормления одного оленя площади тундры, о выработке методов подбора производителей и регулирования случки при теперешних способах стадного оленеводства и о возможности получения и использования улучшенных производителей для повышения производительности оленя.

Эти задачи стоят весьма остро, и без разрешения первых из них нельзя приступить к землеустройству оленеводов Севера, а между тем, как это ни будет некоторым казаться странным, вопросы землеустройства (и водоустройства) на Севере во многих местах стоят не менее остро, чем в центральных губерниях.

Вопросы эти требуют серьезного, стационарного изучения, и для разрешения их нужно иметь немного, но прекрасно оборудованных стационарных зоотехнических пунктов с высоко квалифицированным персоналом (хотя бы одно—два лица на пункт), большим стадом для опытов и многочисленными ездовыми быками и другими средствами передвижения (моторные лодки, аэро-сани и т. п.) для беспрепятственных разъездов.

Для дальнейшего улучшения оленеводства необходимо на первых порах иметь более или менее ясное представление и об особенностях оленеводства в разных районах (расы оленя, техника самого оленеводства, его экономика), чтобы при проектировании

мер для его подъема и тех организационных форм, в коих эти меры будут проводиться, избежать возможных ошибок. Это более или менее беглое, но точное, хотя не углубленное, не детальное изучение оленеводства разных районов должно еще в настоящее время производиться экспедиционным путем. Самые экспедиции не должны быть громоздкими,—достаточно посылать одного—двух человек, которые могут присоединиться к оленеводам данного района и, покочевавши с ними 8—10 месяцев, смогут дать хорошее, вполне точное описание оленеводства этого района. Такая работа также должна быть возложена на зоотехническую организацию.

Есть еще одна сторона в жизни туземцев оленеводов, которая требует для своего разрешения непременной и интенсивной зоотехнической работы—это снабжение оленями мелких оленеводов таежной полосы, многие из которых ведут полуоседлый образ жизни.

Дело в том, что олень в мелком, подсобном оленеводстве охотничьих и рыболовных племен значительно отличается от кочевого тундрового оленя и не может быть удовлетворительно заменен в случае надобности последним.

Во многих местах эти оленеводы совершают перекочевки в очень небольшом районе, выходя летом на пески для рыбной ловли, а зимой передвигаясь в лесах в поисках зверя и дичи. Олени их должны быть привычны к летней жаре и жалящим оводам, так называемому—гнусу. Тундровой олень совершенно этим условиям не удовлетворяет: лето он проводит далеко на севере, часто у берегов океана, он страдает от жары и оводов и, переселенный в тайгу, обычно летом погибает.

Между тем за последние годы (10—15 лет) особенно сильно пострадало это мелкое оленеводство, и во многих районах (Туруханский край, некоторые районы Тобольского севера и Дальневосточного края) в хозяйстве туземцев осталось 2—3—5 оленей, т. е. такое количество, которое не дает возможности самостоятельной жизни, и здесь острейшим вопросом стоит—немедленное снабжение безоленных и малооленных хозяйств оленями с тем, чтобы довести в них число оленей до 20—30 голов.

Тут-то и возникает затруднение, где взять для этого подходящих оленей. Таежное оленеводство слишком мелкое и необходимого количества животных не может выделить, а тундровый олень для этого мало пригоден.

Остяки многих районов Тобольского севера давно уже обнищали и еще до войны лишились оленей, но попытки восстановить это оленеводство путем приобретения оленей у кочующих в тундре самоедов или много-оленных остяков терпели полную неудачу, ибо обычно летом купленные олени или убегали, или гибли в неподходящих для них условиях жизни.

Создание в этих районах мелкого оленеводства подходящих стад, из которых можно бы вести снабжение мелких оленеводов оленями, является весьма важной и неотложной задачей в деле восстановления не столько оленеводства, сколько экономической жизни туземных охотничье-рыболовных племен [1]).

Мне кажется поэтому, что Наркомзему не зачем теперь стремиться к созданию в оленеводных районах большого числа зоотехнических пунктов. На первое время нужно 3, не больше 4 центральных пунктов для широкой стационарной работы, далее нужно ежегодное экспедиционное обследование отдельных районов и кроме того создание в нужных районах по указаниям мест достаточных стад для снабжения оленями мелких оленеводов таежной полосы. При таком направлении деятельности Наркомзема и тесной увязке работы его зоотехнического и ветеринарного отделов, я полагаю, может быть достигнут больший эффект, чем при всяком другом образе действия, и с меньшими затратами.

Если в зоотехнической области на первых порах предстоит главным образом научно-исследовательская деятельность, за исключением работы по снабжению оленями мелких безоленных туземцев тайги, то в области экономической открывается почти безграничное поле в чисто практической работе, которая должна вестись для успеха дела в тесном контакте как кооперативными, так и государственными торговыми организациями.

Меры экономического воздействия на оленеводство будут иметь большое значение для качественного и для количественного его роста, но не следует только забывать, что в силу той тесной зависимости, которая существует на севере между охотой, рыболовством и оленеводством, проведение каких-либо экономических изолированных мер мало достигает цели и при проведении их нужно всегда учитывать весь комплекс этих промыслов и сообразно этому действовать.

Оленеводство, имея, пожалуй, доминирующее значение в жизни туземцев севера, всегда отличалось тем, что в большинстве районов своего распространения имело главным образом только потре-

---

[1]) Для быстрого создания таких стад необходимо зимой закупить в тундре достаточное количество важенок и молодых быков у тех оленеводов, которые не заходят слишком далеко на север, и перегнать их в обильный кормом таежный район. Хоров (производителей) необходимо приобрести у оленеводов в тайге. Летом купленные животные должны быть под постоянным надзором ветеринарным и зоотехническим. За лето, так как на животных работать не будут, их погибнет немного и они уже несколько акклиматизируются. Осенью важенки разделяются на группы и случаются по группам с подходящими самцами. Осенью быки, проведшие уже лето в тайге, могут быть розданы оленеводам; а важенки остаются до второй осени и после второй случки, вместе с первыми телятами также частью поступают для снабжения, а часть их и телят остается для поддержания стада.

бительную, так сказать, ценность для туземного населения при весьма малой товарности, и в силу этого туземцы сравнительно только небольшую часть необходимых им товаров, не производившихся в их хозяйствах, приобретали в обмен на продукты оленеводства. Большую товарность оленеводство имело только в быв. Архангельской губ. В некоторых районах оно служило солйдным источником дохода благодаря использованию оленей для перевозки товаров и почты, как это имело место в Якутии и на Охотском побережьи.

В настоящее время как товарная производительность, так и гужевое использование оленеводства сократились очень значительно, что вместе с падением рыбного промысла повело к сильному возрастанию значения пушнины для туземцев, а с другой стороны—к проеданию оленей, особенно резко сказавшемуся в мелком оленеводстве.

Таким образом, для приведения экономической жизни туземного населения в некоторое равновесие и избавление от пушного рабства, если позволено мне так выразиться, необходимо улучшить и повысить рыболовство, значительно увеличить товарность оленеводства и вообще, поскольку это возможно, усилить промышленное (гужевое) использование оленя.

Последнее будет повышаться вместе с общим развитием экономической жизни на Севере: увеличение добычи рыбы, горные работы, организация кустарных промыслов и т. п., создавая новые грузы, будут требовать и больших транспортных средств, а это несомненно повысит и использование оленя в качестве перевозочной силы, хотя бы для подвозки грузов к пароходным пристаням для дальнейшего их транспорта.

Но не в этом основа повышения доходности оленеводства.

Увеличение доходности должно базироваться главным образом на повышении товарности самих оленьих продуктов.

Это повышение товарности будет иметь громадное значение не только непосредственно для Севера и его населения, но для всей экономической жизни Республики, так как оленеводство может давать продукты не только внутреннего потребления, но и весьма значительные массы экспортных товаров.

Бывшая Архангельская губ., имевшая около 500 тысяч оленей, давала для экспорта ценностей свыше чем на 1 миллион рублей.

Если считать, что в настоящее время в Республике имеется около 3 миллионов голов оленей, то из этого количества далеко не все олени могут быть вовлечены в товарный оборот.

Хозяйства с малым числом оленей не смогут ничего дать в виде товарных ценностей, так как вся продукция их оленеводства пойдет на покрытие собственных потребностей в мясе, одежде и обуви.

Из осторожности я допускаю, что только 2 миллиона оленей смогут дать товарные ценности, а миллион голов даст только продукты, потребляемые непосредственно в хозяйстве оленевода.

Однако вовлечение только этих 2 миллионов голов оленей в общий товарооборот Республики представляет благодарную задачу по той массе ценностей, которые могут быть получены, но вместе с тем и весьма сложную и трудную, благодаря громоздкости многих продуктов, плохим путям сообщения и отсутствию соответствующих организаций и приспособлений для использования продуктов оленеводства.

Товарность оленеводства пала значительно по сравнению с довоенной даже в области Коми и не достигает в настоящее время половины ее, в других же районах она совершенно ничтожна. В Уральской, например, области заготовки оленьих продуктов производились на сумму меньше 100.000 рублей при размерах оленеводства области свыше 500.000 голов.

Нельзя не отметить впрочем того обстоятельства, что до последнего времени не только ничего не делалось для использования и увеличения товарности оленеводства, но государственные торговые и кооперативные организации отказывались даже от заготовок оленьих продуктов.

В довоенное время товарность Архангельского оленеводства была построена главным образом на использовании оленьих шкур (телячьих) в замшевом производстве и, повидимому, и в настоящее время намечается такая же тенденция, как в области Коми, так и в тех районах, в которых поставлен на очередь вопрос о товарности оленеводства.

Мне это кажется весьма не рациональным. Правда, замша представляется очень ценным продуктом, но для ее изготовления идет только телячья шкурка, кроме того замша все же имеет более ограниченное потребление, чем другие сорта кожи, и поэтому не следует так односторонне ставить кожевенное производство из оленьих шкур, а нужно теперь же выяснить, какие еще сорта кожи могут изготовляться, и соответственно организовать производство.

Выяснить же это очень нетрудно, стоит только отправить несколько десятков или сотен шкур на соответственно оборудованный кожевенный завод, где и произведут нужные опыты.

Но вообще в деле повышения товарности оленеводства необходимо с самого начала стремиться к возможно полному использованию всех продуктов убоя оленя, а не только одной шкуры.

Ведь и мясо оленя может иметь потребление не только внутри Республики, оно имело вполне обеспеченный сбыт на рынках Англии, Дании и Норвегии и вероятно могло бы сбываться и в других странах, так же как и оленья шерсть, получаемая

как побочный продукт при переработке оленьих шкур в кожу.

Шкурки молодых телят (пыжики) дают очень недурной мех и во Франции в прошлом сезоне были в большом спросе для выделки имитаций.

Кишки, рога, копыта—также могу служить предметом экспорта.

Экспорт мяса встречает затруднения в отдаленности оленеводческих районов от удобных путей сообщения, но тут необходимо не упускать из виду северный морской путь, который дает возможность экспорта оленьих продуктов с Оби и Енисея.

Оленье мясо из Архангельской губ. экспортировалось в мороженном виде, так наз. оленьи зады, зимой. При использовании северного морского пути пришлось бы устроить в пунктах убоя небольшие холодильники с ледяным охлаждением, что по климатическим условиям не может вызывать больших расходов.

Кроме того следовало бы испробовать приготовление оленины в виде консервов, которые также могут иметь вполне обеспченный сбыт за границей, благодаря широко развитой привычке населения пользоваться ими.

Организация небольших консервных заводов на Севере облегчается тем, что эти заводы могут быть комбинированными и готовить не только консервы из оленины, но и из дичи, рыбы и даже ягод, что обеспечит им более полную нагрузку.

В деле вовлечения оленеводства в товарный оборот и повышения таким образом его рентабельности доминирующая роль должна принадлежать интегральной кооперации Севера, которой открывается здесь широкое поле деятельности.

Кооперируя оленеводческое население и организуя ряд заведений по переработке оленьих продуктов, начиная с бойни и кончая кожевенным и консервным заводом, кооперация создаст благоприятные условия для заготовки оленьих продуктов.

Самые заготовки и потом сбыт должны вестись на строго кооперативных принципах, на комиссионных началах.

Также, как и при операциях с пушниной, заготовки проводятся по определенным заготовительным ценам, но после реализации тех или иных продуктов убоя оленевод должен получать бонус на все сданное им количество оленей, при чем кооперация должна довольствоваться только небольшим комиссионным процентом.

Что касается заготовительных цен, то они, особенно вначале, не должны быть слишком низкими, ибо чрезмерно низкие цены, существующие теперь (ниже или не превосходящие довоенных), при высоких ценах на привозные товары не создают стимула для оленевода к сдаче своих оленей или продуктов их убоя.

Эти низкие цены, установленные госторговлей и кооперацией, ведут к тому, что их заготовки меньше, чем заготовки

частников в тех же районах, что ясно указывает на ненормальность этих заготовок.

Интегральная кооперация должна сразу же поставить дело на правильную ногу и полностью охватить все заготовки.

При том предположении, которое я сделал, что из 3 миллионов голов оленей только 2 миллиона могут дать товарные ценности, вся товарная продукция оленеводства может достигнуть суммы 4.900.000 руб., при чем экспортные товары дадут до— 3.700.000 руб., и товары для внутреннего рынка—1.200.000 руб. Конечно, таких цифр достичь в первые годы невозможно и достигнуты они могут быть только при условии вовлечения всех оленей в товарооборот, чего можно добиться не так скоро.

Но не следует упускать из виду и того, что при постепенном вовлечении в товарооборот все больших и больших количеств оленей будет возрастать, в результате тех мер, которые проводятся для интенсификации оленеводства, и продуктивность его, и поэтому будут расти и цифры его товарной продукции, а также и общая доходность.

Следует заметить, что при всех вычислениях я подходил очень осторожно к определению доходности, беря по возможности, минимальные цифры, не превосходящие довоенных, и не учитывая изменения стоимости рубля [1]).

Для повышения современной товарности оленеводства придется проделать ряд сложных подготовительных работ, которые вызовут большие капитальные затраты, сами же заготовки также потребуют больших затрат, особенно принимая во внимание медленную оборачиваемость капитала на севере. Кооперация этих средств самостоятельно затратить не сможет, и она должна получить для этого кредит.

В настоящее время по сельскохозяйственному кредиту отпускались уже известные суммы на операции по восстановлению оленеводства, но ни кооперативные организации, ни местные административные органы не желали использовать эти кредиты и от них отказывались.

Отказ от этих кредитов организаций, работающих на севере, не должен впрочем никого удивлять, так как кредиты эти, хотя и считались долгосрочными, но они были такими только по условиям банковского кредита, выдаваясь на срок 3—5 лет.

---

[1]) Я не привожу здесь всех расчетов, они помещены в «П у ш н о м д е л е» № 11 за 1927 г. в статье моей «К вопросу о товарности оленеводства». В этой статье я оценил собственное потребление оленеводов в 1.100.000 руб. Возможно, что я несколько приуменьшил долю собственного потребления оленеводов и что ее придется несколько увеличить за счет уменьшения товарной части продукции. Во всяком случае расчеты мои не могут считаться преувеличенными, принимая во внимания, что Архангельская губ. при 500 тысяч голов оленей вывозила оленьих товаров больше, чем на 1 миллион руб. Я же всю экспортную товарность определяю в 3 миллиона руб.

По условиям банковского кредита ссуда на 3—5 лет может быть и считается долгосрочной, но в условиях жизни Севера это будет краткосрочная ссуда.

Меры восстановления и рационализации оленеводства требуют действительно долгосрочного кредитования, но таким на севере может считаться только 10—15-летнее.

По уставам банков они не могут выдавать ссуды на такой длинный срок, а потому необходимо из госбюджетных ассигнований образовать специальный фонд, из которого могли бы выдавать долгосрочные ссуды на мероприятия по оленеводству.

Какого развития можно ожидать от нашего оленеводства при плановом проведении всех мер, которые намечаются для этой цели?

Несомненно, что по тем пространствам, которые пригодны для оленеводства, оно может быть во много раз больше, чем теперь, но, не увлекаясь фантастическими расчетами возможного развития, расчитанного только по одним размерам тундр, возьмем за основу расчеты американцев.

Они рассчитывают довести число оленей до 3—4 миллионов голов. Наши тундры превосходят размеры Аляски более, чем в 8—10 раз. Не будем брать этих пределов и допустим, что наши тундры будут населены оленями только в половину так густо, как американские, тогда мы можем смело расчитывать довести число наших оленей до 15—20 милл. голов.

Но олени могут жить и фактически живут не только в тундрах, но во всей таежной полосе северной Азии, и здесь открывается громадное поле деятельности по насаждению оседлого, избенного оленеводства, которое может сыграть большую роль в деле колонизации наших безбрежных таежных пространств.

Однако я не буду останавливаться на перспективах развития этого вида оленеводства, но если даже мы ограничимся только рационализацией существующего оленеводства и несколько заселим наши тундры оленями, то мы можем рассчитывать на 15—20 милл. голов.

Такого количества оленей достичь не трудно; стада, поставленные в хорошие условия, удваиваются в 5—6 лет (в Америке—в 3 года), таким образом через 6 лет мы бы могли уже иметь 6 милл. голов.

А по 15-летнему плану развития тундрового хозяйства мы можем смело расчитывать больше, чем на 12 милл. голов.

Из-за этого стоит стараться и трудиться.

Сушка пушнины. Камчатка.

С. А. Бутурлин

КАК ОХОТЯТСЯ НА СЕВЕРЕ

Житель дальнего севера может обходиться совершенно без охоты только в том случае, если он владеет стадом оленей от 500 голов и более. Только такое стадо позволяет за счет годового прироста и кормить, и одевать всю семью, и иметь еще достаточно выпоротков и «постелей» для обмена на чай, сахар, табак и муку. Но таких крупных стадовладельцев давно уже почти нет в таежной полосе и очень мало остается в тундрах.

Значение охоты для туземца и государства.

Все остальное население Севера неизбежно должно заниматься охотой, добывая себе мясо на пищу, кожи на одежду, пушнину—как товар для обмена на чай, порох и прочие привозные продукты и изделия. Даже население низовьев великих северных рек и богатой рыбою Камчатки, занимаясь рыболовством, в тоже время не меньше занимается и охотой.

Ребята, едва поднимающие ружье, уже приучаются стрелять, настораживать черканы, расставлять силки. С 14—15 лет, иногда и раньше, они становятся уже заправскими «промышленниками». Девушки часто не отстают от братьев, это бывает и у тунгусов, и у самоедов, и у чукчей.

Охота до такой степени въелась в кровь и плоть северянина, что и на чужого, пришлого человека он смотрит подозрительно и недоверчиво только пока он не убедится, что пришелец—настоящий охотник, хороший стрелок. Тогда сразу оказывается почва для искренних, близких отношений.

Подробный перечень добываемой пушнины и других продуктов, их ценности, бюджетов охотника, описание разных охотничьих орудий—не входят в программу этого очерка. Обо всем этом можно найти в специальных изданиях и исследованиях. Задача этого очерка—дать бытовые очерки охоты, показать на действительных, из жизни взятых примерах те труды, лишения и иногда опасности, которым ежедневно подвергает себя промышленник Севера, чтобы прокормить свою семью и чтобы дать возможность женщинам Нью-Йорка, Лондона, Парижа, да и наших городов носить у себя на шее песца или лису.

Здесь достаточно только отметить, что в сумме нашего официального экспорта пушнины за последние годы наши северные так называемые промысловые районы участвуют в размере приблизительно 20—25 процентов, что составляет по мировым ценам около 15—20 миллионов золотых рублей. Это показывает, что, так называемая дефицитность северных районов очень условна: северное население освобождено от общегосударственных и местных налогов, но дает государству валютного товара по реализационной цене на 15—20 миллионов рублей, по конвенционным лимитам заготовительных цен на 7—9 миллионов, а в действительности получает товарами по себестоимости местных центров не более, как на 3—4 милл. руб. (Север в тех пределах, как он понимается в этой книге, дает, конечно, не 20—25%, а более половины всей пушнины).

Всю охоту севера можно разделить на охоту на сухопутного зверя, как копытного, так и пушного,—на охоту на пернатую дичь, и наконец—на морской зверобойный промысел.

ПУШНОЙ ПРОМЫСЕЛ

Пушнина по своей легкости и дороговизне выдерживает перевозку на всякие расстояния и любым способом, поэтому понятно, что при необъятных пространствах бездорожного севера она является главным и в сущности единственным значительным товаром северного хозяйства.

Песец. Основная пушнина тундр—белый песец; голубой попадается на материке как редкое исключение и только на острове Кильдине—на крайнем западе нашей страны и на Командорах, на востоке он является обыкновенным. Гораздо реже попадается в тундрах лиса. Волк и россомаха добываются здесь сравнительно редко, но горностай и ушкан (заяц-беляк) годами бывают многочисленны.

Песец, как и лиса, местами добывается летом путем р а с к а п ы в а н и я н о р или постановкой у нор капканов. Пойманная молодежь выкармливается в небольших ямах со срубами или сарайчиках и бьется зимою на шкурку. При этом значительная часть зверей погибает от болезней, выживающие бывают малорослы, с плохой, обтертой в тесноте и грязи шкуркой. Таким образом этот способ промысла несомненно очень вреден.

Местами, как например у зырян на Усе, может быть, при надлежащем инструктировании и устройстве кооперативных питомников его и можно было бы упорядочить.

Еще вреднее широко одно время применявшееся на Мурмане и в Туруханском крае о т р а в л е н и е песца и лисы стрихнином. И разбросанная отрава, и сами травленные звери нередко поедаются другими зверями и становятся при стойкости стрихнина источником отравления массы зверей даже и в то время, когда их шкурка уже не имеет цены. Однако широко распространенное мнение, будто отравленная шкурка лезет и потому малоценна—неверно. Лезет волос на всякой подопревшей шкурке, и отравленного зверя, и задавленного пастью, и даже стреляного, если зверь до съемки шкурки долго провалялся и подвергался оттепелям. На французских питомниках серебристо-черных лисиц их обычно убивают, впрыскивая раствор стрихнина шприцем Праваца, и никакого ослабления волоса на шкурках при этом не замечается.

Местами травят песца л а й к а м и, пока снег еще не очень глубок. Но все эти способы не являются широко распространенными и еще реже применяется охота с ружьем.

Главная масса пушнины в тундре добывается всякого рода с а м о л о в а м и. и при огромных пространствах тундры и отсутствии в значительной ее части каких-либо естественных укрытий—это вполне естественно. Кроме того снежно-белый мех песца, горностая, ушкана слишком пачкается кровью при стрельбе и трудно отбеливается.

Из самоловов местами употребляются железа, т. е. капканы, на Чукотке—американские, в других местах самодельные, но при редкости и дороговизне железа несравненно распространеннее пасти—самодельные сооружения из жердей и бревен плавника, т. е. носящегося по Ледовитому океану и выбрасываемого на берега леса, выносимого по веснам реками из тайги.

По первому снегу едут промышленники настораживать свои пасти рыбьими головками, кусками юколы и другими сподручными наживками. У энергичных, предприимчивых промышленников, к тому же имеющих достаточное количество ездового скота (оленей или собак) для дальних разъездов, бывают расставлены многие десятки, иногда сотни пастей, и в общем почти все побережье Ледовитого океана, кроме безлюдных берегов Таймыра, так

обставлено пастями, что от одной видны справа и слева другие.

Затем несколько раз в зиму промышленник объезжает свои линии пастей, вынимает задавленных зверей и снова настораживает и наживляет пасти, при последнем же, весеннем объезде оставляет их спущенными (к сожалению не всегда).

Темная, бессолнечная полярная зима с леденящими морозами и режущими ветрами открытой тундры далеко не делает эти объезды приятной прогулкой. При длинной линии не одну и не две ночи придется провести на снегу, при чем добыть плавнику на костер из-под глубокого снега морского заплеска нельзя, если промышленник еще летом не позаботится сложить его так, чтобы он торчал из-под снега.

То пурга, то подледный лов рыбы, то нехватка корма для собак или откочевка с оленями часто делают промежутки между объездами слишком длинными, и много пойманного зверя поедается или портится другими голодными зверями—таким же песцом, волком, россомахой, горностаем, вороном, а в лесах еще колонком, кукшами и т. д.

Горностай и опасность от него.

Горностай ловится главным образом черканом—настороженным над входом в нору лучком, стрела которого оканчивается поперечной дощечкой и придавливает зверька.

Необычайная изворотливость и проворство горностая, его живучесть и дерзость прямо поразительны. Северяне любят шутить, что собака не может поймать горностая, так как едва она раскроет пасть, чтобы его схватить, как он вскакивает ей в рот и прячется ей же за щеку.

Это, конечно, только ходячая шутка, но очень характерная. Но совсем не шутка—то, что горностай местами губит больше людей, чем например медведь.

Дело в том, что в необъятных дельтах великих северных рек все летние сообщения (нередко даже из одного жилья селения в другое) совершаются главным образом на берестянных или досчатых «ветках» или на долбленых из одного бревна «каюках». Посудины эти гораздо менее устойчивы, чем широко разводимые волжские «душегубки» (многозначительное не обманчивое наименование), именно потому, что гораздо уже их. Гребут на них, сидя лицом вперед и держа за середину одно длинное двухлопатное весло, поочередно правым и левым концом его.

В годы, богатые горностаем, часто видишь их (особенно в полую воду), переплывающими через рукава и виски (озерные стоки) дельты с одного островка на другой. Далеко не каждый промышленник, особенно из молодежи, видя «пушнину», хотя и в летнем наряде (в ростополь, впрочем, еще в зимнем), да при том имея с горностаем счеты за попорченные шкурки в пастях и за другие проделки (горностай нередко на севере поселяется в подпольях

на правах наших крыс и мышей),—может удержаться от искушения прихлопнуть зверька своим длинным веслом. Это не удается никогда.

В восьми случаях из десяти горностай увернется и весло ударит рядом с ним. В двух остальных оно хлопнет по зверьку и только. Убить его веслом на водяной подстилке невозможно: поленом на деревянном полу и то убиваешь его с большой возней и трудом, так как все удары, попадающие не прямо на череп, производят такое же впечатление, как если бы они падали на литой гуттаперчевый мяч.

Горностай отнюдь не принадлежит к сторонникам непротивления злу, да и знает, что на воде ему скрыться некуда. Он с молниеносной быстротой хватается за ударившее по нем или близ него весло и по веслу моментально вскакивает в челнок и, не задумываясь ни на мгновение, с яростным цирканьем кидается в лицо пловца, сидящего на дне челнока и держащего обеими руками весло. Эта бешеная атака естественно вызывает неизбежный рефлекс—попытку быстрым движением хотя бы одной руки прикрыть лицо или отбросить яростного зверька.

Но всякое внезапное, резкое движение в ветке или каюке с роковой неизбежностью влечет за собою следующее логическое звено событий: челнок опрокидывается кверху дном и неосторожный промышленник вываливается в ледяную воду. В такой воде и умелому человеку в одежде и сапогах плыть трудно, но на севере никто не умеет плавать. И если пловец не схватился за челнок или за свисающие с берега тальники, то он тонет.

Таежная пушнина. В лесной, таежной полосе песца уже нет, здесь на первый план выступает белка (кроме Камчатки, островная фауна которой лишена кроме того и сохатого, и изюбря, и козы, и рябчика, и мн. др.). Ее местами добывают самоловами-плашками, но редко. В огромном большинстве случаев стреляют, частью тупыми стрелами из луков, но несравненно чаще пулькой из винтовки или небольшим зарядом дроби из малокалиберного дробовика.

Стрельба эта не трудная: стреляют белку, неподвижно сидящую на расстоянии каких-нибудь 15—25 шагов, да при том всегда с сошек или с иного упора. При этих условиях и нормальном зрении попасть белке в голову вовсе не требует большого искусства. Но бродить с утра до ночи неделями и месяцами по тайге во всякую погоду при температуре, на месяцы обращающей ртуть в твердое тело—труд, конечно, не легкий.

Самострелы, опасность от них. В таежной полосе на лису, да и на многих других зверей, вместо пастей ставят нередко самострелы. Натянутый лук со стрелой или винтовка с поднятым курком укрепляются в стороне от звериной тропы на высоте сердца данного вида зверя, а нить от насторожки про-

тягивается через тропу с таким расчетом, чтобы линия выстрела пришлась сейчас позади лопатки, т. е. в сердце, как только передняя часть груди зверя дернет нить и тем спустит тетиву или курок. Реже настораживают тяжелое копье так, чтобы оно упало на зверя сверху.

Конечно, на тропе при этом делают и не доходя, и пройдя самострел какие-нибудь знаки, не обращающие внимание зверя, но обращающие внимание охотника. И все-таки с зашедшими в чужие угодия людьми случаются несчастия, а иногда бывает и обиднее.

Так, в 1905 году появилась пониже Средне-Колымска превосходная черная лиса. Все окрестные промышленники устремились за этой драгоценностью, но лисица оказалась старою и очень опытной.

Через несколько недель охотники решили, что дешевой, но бесхитростной белкой за это время они собрали бы больше, чем недающейся в руки драгоценностью, и бросили погоню. Только один, еще довольно молодой якут обиделся за свою репутацию лучшего промышленника округа и объявил, что он таки доймет черную лису.

Действительно, он подметил ее манеру, попутавшись немного, уходя от преследования, выйти затем на след охотника и ходить вне выстрела и видимости по его же собственному лыжнику уже сзади него, не утомляя себя ходьбой по немятому снегу. Он решил это использовать. К бывшим у него самострелам он добавил еще десятка полтора или два, позаняв у всех соседей запасные винтовки и наделав луков, и решил гонять лису между этими самострелами и, пользуясь только что упомянутой ее хитростью, навести ее на предательскую нить.

Дело однако кончилось тем, что в азарте преследования он сам сбился среди бесконечных петель своих старых и новых лыжниц и налетел на собственный самострел. С пробитой пулей берцовой костью он едва дополз до своей юрты и долго провалялся больной, а черная лиса так и отвертелась.

Драгоценный с о б о л ь на дальнем севере почти уже неизвестен и добывается в сколько-нибудь заметном числе на Камчатке, да на севере Пермского Урала. Главная же добыча его— уже в южной половине тайги (Саяны, Забайкалье, бассейн Амура). Добывают его и плашками, и петлями, и стрельбой с собакой, и обметом т. е. сетью с собаками же, но все это очень хорошо и не раз описано.

Г о р н о с т а й и другие, уже упомянутые для тундры звери, также добываются и в тайге. Кроме к о л о н к а—рыжего сибирского хорька—здесь присоединяется еще и р ы с ь, которая однако в самой северной части тайги (как и колонок) редка и вообще крупной роли в промысле не играет.

Медведь, добыча рогатиной.

Большее значение, чем рысь имеет медведь. Хотя весной он охотно выходит в голую тундру даже до самого Ледовитого побережья, отъедаясь после зимы на пищухах и евражках (сусликах), но это все-таки чисто лесной зверь. Якуты его очень боятся, вероятно потому, что, будучи сравнительно недавними пришельцами из центрально-азиатских степей, не видали там хищника крупнее волка, никогда—вопреки сказкам и рассказам—на человека нормально не нападающего.

Тунгусы, юкагиры и многие другие северяне бьют однако медведей при всяком удобном случае, так как медведь дает много отличного мяса, да и шкура его имеет широкое применение на Севере, как постель, и в значительном числе вывозится вместе с другой пушниной.

Бурый медведь в разных местах обладает разным характером. В Забайкалье он зол и дерзок, на севере же Якутии и на Камчатке (где он чрезвычайно многочислен) он очень миролюбив и смирен, может быть потому, что чрезвычайное изобилие рыбы и ягод делают его всегда сытым. Он никогда не трогает скотины, не говоря уже про людей, и если его обвиняют в чем-либо, то лишь во взламывании рыбных амбаров, да в том, что, вытаскивая осенью подледные сети и выедая из них попавшуюся рыбу, он не трудится ставить сети обратно, но бросает их комком на лед, где они примерзают до невозможности вырубить без повреждений.

Этот образ действий местные люди объясняют исключительно озорством и ленью, а не неуменьем сделать такую простую вещь, как расстановка сети, и очень на это обижаются.

Из тысячи добываемых на Севере медведей лишь немногие бьются пулей. Огромное большинство, как совершенно ясно видно на шкурах, колется холодным оружием, именно пальмой—северной рогатиной, состоящей из ратовища около $1\frac{3}{4}$ метра длиной и сантиметра в 4 толщиной с насаженным на него широким ножом.

Всякому вероятно известен по бесчисленным картинам и иллюстрациям вид медведя, стоящего на задних лапах с оскаленной пастью и злобно наблюдающего, как смелый охотник втыкает ему обеими руками в брюхо рогатину величиной с хорошую оглоблю. Так этого не бывает и быть не может. Медведица с медвежатами, наткнувшись летом на человека и желая отпугнуть его, действительно становится на дыбы, ревет и даже очень ловко плюется; но преследуемый медведь вовсе не так глуп, чтобы плясать перед охотником на задних лапах. В 95 случаях из 100 он думает только о том, чтобы удрать, что несравненно проще делается на четвереньках. При этом и медведица зимой очень легко бросает своих новорожденных медвежат.

В тех же случаях, когда медведь, рассерженный беспокойством, вздумает напасть на человека (это тоже бывает, но не часто,— если медведь не ранен), то он бросается тоже на четвереньках, как это делает, например, нападающая собака, сбивает с ног и начинает кусать и драть. Нападение же на дыбах является исключительной редкостью.

И во всяком случае медведь, при неуклюжей внешности, настолько проворный, ловкий и могучий зверь, что всегда выбьет у охотника оглоблевидную рогатину из рук раньше, чем тот успеет ударить его ею.

Не своей силой и не массивностью рогатины берет промышленник в рукопашном единоборстве со зверем, а умом, спокойной смелостью и ловкостью. Он держит свою легкую пальму́ в одной правой руке, ближе к ножу, и тщательно скрывает ее от глаз зверя, прикрывая своим телом и становясь к зверю более левым боком. Только в самый последний момент, когда зверь уже «в пределах досягаемости», охотник быстрым и верным движением наносит удар правой рукой и, схватившись за ратовище и левой, глубже втыкает пальму в зверя, одновременно опираясь на нее, чтобы легче отскочить в сторону.

Удар наносится не в брюхо и не в грудь, которых медведь не станет демонстрировать, а в гораздо более убойное место и притом ближе доступное, именно в основание шеи перед плечом, при чем легко перерезываются сонные артерии. Для того, чтобы ударить сюда зверя, охотник становится сбоку у самого «чела» или выхода из берлоги, пока собаки одни или с товарищем-охотником будят и поднимают зверя. Чаще всего для большей безопасности при этом нарубают молодых елок, пихт или иных деревьев и запихивают их вершиной вперед в отверстие чела. Часто медведь, не желая зимой вылезать из теплого гнезда, сам затаскивает эти деревца глубже в берлогу, а когда наконец ему это надоест и он хочет выскочить, ветви, имеющие естественный наклон от вершины к комлю, не позволяют быстро вытолкнуть обратно деревца, и так как они загораживают чело, то медведь сравнительно медленно выбирается из него и дает более шансов нанести верный удар.

Но при всем том бить один на один или вдвоем крупного хищного зверя железной пальмой—дело не шуточное, тем более, что зверь не всегда выскакивает в чело берлоги, да не всегда в зарослях и буреломе можно и разобрать, где именно настоящее чело.

В хребтах бьют еще т а р б а г а н а, или горного сурка. Бьют, подкарауливая у нор с винтовкой как для шкурки, так и для мяса, очень жирного и вкусного. Это охота летняя и раннеосенняя, так как зимой тарбаган спит глубоко в норе. Главная масса тарбаганьих шкур идет, впрочем, из Монголии.

ДОБЫЧА КОПЫТНОГО ЗВЕРЯ

Из непушных, копытных зверей для северных промыслов имеют значение четыре.

К а б а р г а—крошечный безрогий олень—дает мясо, плохую шкурку и мускусную железу самцов. Их бьют с собаками из ружей, а чаще добывают самоловами. На настоящий север кабарга проникает лишь в Верхоянский хребет и к верховьям Индигирки и Колымы.

Горный баран или ч у б у к идет по хребтам гораздо далее на севере; недаром на чукотском Ледовитом побережьи имеются мысы: Малый Баранов и Большой Баранов и река Большая Бараниха. Изредка чубук заходит даже до мыса Дежнева. На Камчатке он водится в огромном количестве, да и в Тас-Хаях-Таге (водораздельный хребет между Яной и при-Индигирской озерной областью) и в Верхоянском хребте почти каждый проезжающий видит их, в особенности на грандиозной скале над чудной тополевой рощей Тсёл-Тыряхской поварни.

Чубук дает прекрасное мясо и легкую и теплую шкуру. Рога его, которые так ценились бы в музеях и спортсменских коллекциях, по тяжести и громоздкости обычно бросаются в горах, реже идут на мелкие поделки. Охота на этого легкого и чуткого горного зверя нелегка. Собаки загоняют его преследованием на отдельные каменные столбы («кекуры») или недоступные скалы и охотник бьет его пулей.

«Дикарь».

Гораздо большее распространение и большее значение для северянина имеет д и к и й с е в е р н ы й о л е н ь. Во многих местах слишком настойчивым преследованием он уже почти уничтожен, как например на Новой Земле, где еще лет 30 назад его добывали многими сотнями в год. Но и до сих пор местами можно видеть тысячные стада «дикарей» и, подстерегая их на осенних переходах из приморских, бескомарных частей тундры в леса, в то время, как происходит «п л а в» стада через большую реку, можно вдвоем на легком челноке заколоть пальмой 10—20, а то и 30 штук.

При валкости челна требуется огромное искусство и от того, кто правит веслом, и от того, кто колет зверя, чтобы не опрокинуться в воду. И случаи гибели охотников в воде не так уж редки.

Конечно, бьют «дикарей» и в течение зимы по следу с собаками, и весною п о н а с т у, когда промышленник легко скользит на лыжах по твердой корке, образовавшейся от солнца на снегу, животное же проваливается и сильно устает, а часто и режет и обдирает себе ноги. Тут даже не приходится стрелять, а загнанное животное или даже стадо режут ножами или колют пальмой.

Такие охоты по насту, когда самки уже тяжелы, в наших широтах считаются варварством и справедливо запрещаются законом.

Но на севере весна—голодное время, и промышленнику с семьей обыкновенно нечего бывает есть кроме того, что удастся так или иначе промыслить в лесу.

Даже и летом, когда стада диких оленей снова уходят из лесов ко взморью (а южнее поднимаются в безлесные хребты), их тоже подстерегают и бьют с к р а д о м, из ружей.

Выдержка и расчетливость промышленника.

Выдержка и неподражаемое терпение северного охотника проявляются наглядно и тут. Встретив весной на тундре бедную тунгусскую семью, пропадавшую с голоду из-за поломки единственной винтовки, я дал тунгусу свою запасную берданку и патронов и показал действие затвора.

Несколько недель спустя, следя на челноке вдоль одной из больших висок за крупным стадом диких оленей, я увидел в сильный свой бинокль тунгуса с моей берданкой. Он лежал между кочками низменной тундры на брюхе прямо в ледяной воде, а сотни оленей бродили кругом него. Было совершенно ясно, что не только одного, но и пару оленей на одну пулю он легко может взять в любой момент. Я естественно подумал, что либо тунгус испортил затвор, либо забыл, как с ним обращаться. Тем не менее спугнуть оленей было бы не по охотничьи, и я потихоньку отъехал версты за полторы и занялся мирными наблюдениями.

Только через несколько часов услышал я выстрел своей берданки. Оказалось, что тунгус ничего не испортил. Он только сообразил, ознакомясь за эти недели с боем берданки, что на близком расстоянии боевая ее пуля наверняка пронизывает поперек трех оленей. Ну, а в тундре свинец дороже денег, зачем же ему зря пропадать.

И вот, имея десятки случаев убить сразу двух, и несколько раз—трех оленей, тунгус с терпением истинного охотника лежал без движения в полуоттаявшем болоте и выждал-таки момент, когда на одной линии сошлось четыре оленя. Расчет был верен, и он не только взял одной пулей четырех зверей (по убегавшему стаду он, конечно, не стрелял), но и с гордостью показал мне вырезанную из четвертого зверя пулю.

Сохатый и опасность от него.

Огромный сохатый или лось в тундру не идет, но доходит до северных пределов тайги. По огромности своей и чрезвычайно прочной коже он является еще более ценной добычей, чем олень. Но и истребляется и исчезает он, пожалуй, еще быстрее. Такие глухие и богатые прежде сохатыми пространства, как долины и водоразделы между Ангарой, Подкаменной и Нижней Тунгусками, в настоящее время повидимому совершенно лишены этого зверя.

Сохатого стреляют и летом, подстерегая ночью при купаньи или наезжая на челне, когда он прячется от гнуса в воде. Бьют

и осенью во время гоньбы, подманивая на рев как бы другого быка—соперника. Преследуют по снегу с собаками, а когда снег глубок или есть наст—заганивают на лыжах.

Устраивают и самострелы, для чего иногда делают в лесу длинные плетни, оставляя в них время от времени проходы. Или в этих проходах вместо самострела устанавливают на весу бревна, в роде шлагбаума навыворот: перешагивая через него и стронув насторожку, зверь позволяет упасть противоположному концу, а ближний конец бревна, поднимаясь, бьет его в брюхо большим острым ножем.

Охоты на оленей и лосей представляются делом сравнительно мирным, но надо сказать, что лось, по крайней мере старый бык, иногда и сам первый нападает на человека, а раненый делает это вряд ли реже, чем медведь. И тогда он много опаснее. Удар его ноги с острым копытом пробивает насквозь тепло одетого человека (как это было под Любанью с егерем прис. повер. А. М. Чичагова), легко сбивает сырорастущую оглобельную березу. А при длине его ног, его морды и рогов—ножом или пальмой, как медведя, его не возьмешь [1]).

Промысел обнищавших родов:

Но есть при зимних охотах и другого рода трудности и опасности. Трехсотлетний гнет и жадная эксплоатация туземцев довела многие их роды до совершенного обнищания. Без достаточных орудий промысла, без домашних оленей трудно запастись настоящей теплой одеждой. А изношенная до потери волоса, голая кожа оленя или иного зверя без белья на теле не может служить защитой при 40—50—60 градусных морозах.

Беру для примера юкагиров Ушканьего рода, кочующих в районе рек Нелемной и Поповки верховьев Колымы, частью и по Коркодону. Они были в нищете уже в 1905 г. и вот как им приходилось кочевать для промысла [2]).

...«Двигаются вверх в горы долиной какой-либо реки небольшими партиями из нескольких семей (так как нередко на 2—3 семьи есть лишь 1 ружье и 1 рыболовная сеть, как я и сам видал), без «урасы» (род кожаной палатки), так как оленей и собак у них нет, а женщинам едва под силу тащить сани с детьми, котелками и скудным запасом провизии (в тундре нужно и дрова возить, но там обыкновенно 2—3 семьи сохранили несколько оленей для возки). Разводят огонь и греются около него, затем самый сильный и выносливый собирается с духом, вскакивает, пробегает

---

[1]) Автор статьи несколько раз подвергался таким нападениям и дважды был при этом на волосок от внезапного окончания своей охотничьей карьеры. Так как это было не на Севере, то подробности здесь неуместны.

[2]) Беру эту выписку из моего «Отчета» по снабжению продовольствием в 1905 году Колымского и Охотского края, 1907 г. СПБ, стр. 32, так как это издание редко попадается и мало известно.

шагов 100—200 и коченеющими руками разводит новый костер; когда он разгорится, перебегают к нему и другие. Так передвигаются в морозе полярной ночи, пока не найдут возможным срубить из жердей легкую урасу на несколько дней, когда мужчины, пользуясь уменьшением мороза и собрав с нескольких лиц достаточно одежды на одного, разойдутся на охоту».

ПРОМЫСЕЛ ПЕРНАТОЙ ДИЧИ

Охота на пернатую дичь имеет на севере значение главным образом, для непосредственного потребления.

Весенний промысел.

К весне, когда проедено все, что было запасено из мяса и рыбы с осени и добыто в течение зимы, насты уже кончились и начинается обычная голодовка, в это время из глубины тайги начинают возвращаться в тундру стайки белых куропаток, и старый и малый деятельно протягивают в подходящих местах волосяные и нитяные силки, в которые в немалом числе попадается эта довольно бестолковая птица. Кто же владеет дробовиком—бьют по бродящим стаям просто с подхода.

Неделями тремя-четырьмя позже на первых проталинах южных склонов появляются первые стайки гусей-гуменников и белолобой казары. Если на этих проталинах нет кустиков, то втыкаются на них прутья и между ними протягиваются бичевочки с волосяными петлями. Устраивают также вблизи шалашки и стреляют по кормящимся гусям.

Еще недели через 2 наступает валовой прилет всякой водяной и болотной дичи. При этом местами молодежь бьет плавунчиков, турухтанов и других смирных куличков, просто бросая в них удобными дубинками. А у чукчей северного побережья идет в ход орудие, известное в Южной Америке под именем «болас»: к одному камню привязывается несколько других, каждый отдельным ремнем около метра длины. Сделав несколько круговых размахов этими камнями, держа средний из них в руке, бросают весь снаряд в стаю невысоко идущих над берегом гаг или других уток. Пролетая сквозь стаю сомкнуто, снаряд этот редко сбивает утку, но, падая обратно, камни успевают разлететься и образовать из связывающих их ремней сеть, которая далеко не каждый раз, но все же от времени до времени накрывает и сваливает какую-нибудь из уток.

Еще прилет идет, а у некоторых птиц уже оказываются первые яйца, и будут ли они утиные, гусиные, гагарьи или чаячьи—их с одинаковым рвением отыскивает изголодавшееся население.

Гоны подлини.

Лето подвигается вперед, настает время линьки водяной птицы. Гуси, лебеди, утки всех родов в это время почти сразу теряют маховые перья, а с ними и спо-

собность летать. И вот промысел этой подлини является на Севере важным делом, так как тут не только удовлетворяется голод, но и делаются запасы на зиму.

Места, где собирается ленная птица большими массами, хорошо известны и до поры их тщательно обходят, чтобы не распугать птицу. Но в нужное время собираются целыми партиями с женщинами и ребятами и устраивают целые облавы, сгоняя птицу с целых участков тундры или с целого ряда лесных озер и в конце-концов загоняя их в растянутые невода или даже в деревянные заграждения, устроенные из плавника на тундрах на целые километры.

Согнанную подлинь—будут ли то гуси, казара, или «турпаны», т. е. разные, главным образом нырковые, утки,—бьют дубинками, утыканными гвоздями или поломанными лезвиями ножей, просто палками, стреляют из луков; на гусей, а чаще на лебедей употребляют местами (например на Колыме среди смешанного русского и обруселого юкагирского населения) «о с а ч и н у» [1]), орудие несомненно очень древнее и встречающееся еще, сколько знаю,—на островах Океании. Это метательная доска около полуметра длины с прорезью для указательного пальца у одного конца и с выдолбленным упором для тупого конца копья у другого конца. С помощью этой доски бросают легкое копье или дротик около 2 метров длины с многозубцем или острогой на конце, при чем метательная доска служит для усиления размаха.

Значение этих гонов ленной птицы понятно из следующих цифр.

На острове Колгуеве в начале девятисотых годов проживало несколько менее сотни самоедов (по моему подсчету в 1902 г.— 94 обоего пола). На этом клочке тундры всего около 3.500 *кв. км.* площадью гусиные гоны устраивались не менее, как в 4-х местах, при чем в один загон добывали от 3 до 7 тысяч гусей, а всего на острове около 20.000 штук в год.

Гусей этих, не ощипывая, ставят хвостами на тундру, заполняя площадь круга метров 6—7 в поперечнике и обкладывая кругом и сверху пластами дерна. Сверху ставят второй слой, его также покрывают дерном, затем еще, так что получается округленный холм метра полтора или больше высотой.

При крайней медленности разложения в тундре и при антисептических свойствах сфагнового дерна гуси отлично без порчи и дурного запаха сохраняются в этих кучах не только до морозов, но даже и до следующей осени, если не съедены ранее.

Нельзя не сказать, что истребление г а г на мясо очень не экономичная вещь. Не трогая их и собирая с должной осторожностью

---

[1]) На нижне-колымском диалекте «шатина».

их п у х (но не яйца), конечно можно выручить за этот драгоценный пух столько, что окупится привоз какого угодно мяса.

Когда приходит осень и идет отлет птицы, то иногда производится охота на пролетающих стаями куропаток и гусей, но в общем осень—время менее голодное и более занятое и рыбной ловлей, и охотой на оленя или сохатого, и птица менее привлекает внимание.

Вывозная дичь. Как т о в а р, из птиц преимущественное значение имеет рябчик, затем тетерев и куропатка, менее—глухарь. Но для вывоза добывание производится поздней осенью и зимой, чтобы дичь можно было заморозить. При этом вывоз возможен только из мест сравнительно близких к железной дороге, а не из далеких, глухих мест Севера.

Даже из Зырянского края нередко вывозились лишь сотни тысяч к р ы л ь е в белой куропатки, на которые в Париже всегда есть спрос—они легко окрашиваются в любой цвет и ставятся на дамские шляпки. Тушки же этих птиц просто бросались, так как стоимость их мяса не могла окупить перевозки.

Добыча всей этой дичи производится главным образом сетями, силками и самоловами различных других типов.

МОРСКОЙ ЗВЕРОБОЙНЫЙ ПРОМЫСЕЛ

Морской зверобойный промысел исстари причисляется к рыболовству и потому здесь упомянем о нем коротко.

Для туземцев Севера он имеет значение, прежде всего для эскимосов, береговых чукчей и коряков, т. е. по берегам северной части Берингова моря, частью Охотского, и по побережью Ледовитого океана от Берингова пролива до устьев Колымы. Далее некоторое значение он имел в Енисейском заливе, им занимаются самоеды северной части Ямала и, наконец, население Новой Земли, Колгуева и Канина.

Китами, включая и белугу (обычно в книгах именуемую «белуха», что неправильно) туземцы по неимению достаточного оборудования, обычно не занимаются. Но разного рода тюлени (нерпа, заяц, сивуч и др.), моржи и белый медведь или ошкуй составляют главную массу добываемого зверя.

Чукчи давно уже забыли те остроумные и весьма действительные приспособления из спирально, как часовая пружина, согнутого острого по концам китового уса и замороженного жира, которыми всего 100 лет назад на глазах у Врангеля они добывали ошкуя.

23 года назад я еще застал на Колыме людей, которые били ошкуя в молодости стрелами, и всего за 5 лет до того один отчаянный промышленник (Егор Шкулев) на пари влез в берлогу и заколол там белую медведицу ножом. Теперь конечно их бьют из ружей, обычно с собаками.

Промысел нерпы Промысел тюленей ведется различно. Не мало их бьют из ружей. В конце лета по южному побережью Чукотки то и дело видишь сидящих на берегу и на камнях у берега эскимосов и чукчей с их винчестерами и саведжами, и как только в 100—200 метрах подымется круглая голова нерпы, чтобы перевести дух, в нее летит оболочечная пуля. Это крайне трудная стрельба «на вскидку», как называют охотники, но все же нередко пуля попадает удачно, и тогда надо проворно стащить кожаный каяк в воду и лететь к зверю, чтобы подхватить его гарпуном. В это время (летом) он не очень жирен и может потонуть.

Зимой и ранней весной по льду также стреляют тюленей, но уже иначе. К ним обыкновенно подползают, подражая движению тюленя, пока они дремлют на льду близ своих отдушин. Подползать надо поближе, так как даже битый в голову наповал зверь легко соскальзывает по наклонной поверхности смоченного кровью льда в отдушину, при чем обыкновенно уходит по инерции так далеко в воду, что его не достанешь.

Весной, когда поверхность морского льда покрыта лужами или тающим снегом, такое медленное и осторожное подползание, чередующееся с разными проделками (когда тюлень глядит в вашу сторону)—занятие вовсе не забавное.

При неимении ружей или в то время, когда тюлени еще не охотно вылезают на покрытый снегом лед, их добывают или гарпунами, или сетями, обязательно с помощью собаки.

Собака чутьем находит те места на льду, где под снегом имеется небольшая—$1^1/_2$—2-сантим. - продушина, книзу конечно расширяющаяся, через которую тюлень время от времени дышит воздухом. Тогда ножом снимают большую часть снега над продушиной, всовывают в нее костяную спицу и ждут, иногда часами, так как у тюленя в округе не одна продушина. Как только спица поднимается, колют острогой (гарпуном) с силою прямо в продушину.

Или же несколько расширяют продушину и сквозь образовавшуюся лунку расставляют сеть, сплетенную из тонких ремешков на складной деревянной раме квадратной формы, около 4 кв. метров.

Желая вздохнуть, тюлень обходит кажущееся ему случайным препятствие, когда поднимается в продушину. Но переведя дух, он имеет привычку бултыхаться прямо вглубь головой вниз и при этом запутывается в сеть.

Но и эта охота с сетью нелегка. От берега до тех мест, где море достаточно глубоко и держатся тюлени, приходится нередко итти километров 10—15 и более. Между тем именно близ берегов подвижки льда производят гряды торосьев, своего рода ледяные горные хребты. Три-четыре довольно широких ряда таких нагро-

мождений приходится пересечь в лучшем случае. Даже налегке, без добычи, это поистине каторжная работа.

Надо лезть на гладкие, почти отвесно торчащие куски льда в 4, 5, 6 и более метров высоты, втаскивать туда собак и нарты, затем спускать все это осторожно с острого гребня вниз и самому спуститься, при чем оказываешься в яме, откуда ничего не видно, кроме следующего тут же поднимающегося такого же подъема. Оглядеться, чтобы держать направление, можно только с вершин более высоких из этих льдин. При этом каждую минуту рискуешь или сорваться, или попасть ногой или рукой в клиновидную трещину и ущемиться там с поломкой кости или повреждением сухожилий. Легко также провалиться в воду между торосьями.

Безусловно нет нигде более адской ходьбы, чем по сильно торосоватому льду. А если к этому присоединяется многодневная жестокая пурга, да голодный желудок и неудачный промысел, то очень легко совсем пропасть там на льду.

Промысел моржа. Промысел моржа представляет особую важность для берегового населения, так как мясо и жир этого громадного зверя служит здесь основною пищею и для людей, и для ездовых собак.

Добывают его и на береговых лежбищах, и в пловучих льдах гарпунами, а чаще стрельбой. При этом кожаные байдары эскимосов, чукчей и (несколько иной формы) коряков очень удобны, так как по упругости своей мало боятся толчков от льдин, а по крайней легкости их легко втаскивать на лед и перетаскивать через него. С другой стороны их нельзя сильно нагрузить, когда была удачная охота, и нередко часть добычи поэтому пропадает, да и далеко в море при свежем ветре ходить на них опасно. Для этого нужны палубные промысловые боты и небольшие шхуны.

Морж—зверь не только могучий, но и далеко не безобидный. Разбить карбас или вельбот ему ничего не стоит. Своим стальным лбом он легко разбивает лед четверти в полторы толщиной.

Лет тридцать назад штормом разбило в начале января лед вокруг Колгуева, и среди разбитых льдин показались и тогда уже довольно редкие там моржи. Двое братьев самоедов отправились на небольшой лодке промышлять. Сидевший на корме греб вдоль края льда, а бывший на носу имел винтовку. Подъехали близко к моржихе с моржонком, и самоед выстрелил ей в голову.

Моржиха бросилась на карбас и в тот момент, когда гребец, опершись на весло, выпрыгнул на край льда, она разбила карбас и стрелок, как был в меховом совике и с винтовкой, вывалился в воду. Моржиха схватила его подмышку и так стиснула, что он и духа перевесть не мог, и нырнула с ним на дно морское, которое у южного конца Колгуева, правда, имеет всего 5—6 морских сажен, т. е. около 9—10 метров глубины.

Но кровь видимо стала ей заливать легкие, она сейчас же опять выбросилась на поверхность, забилась здесь, и неудачный стрелок, уже считавший себя покойником, выскользнул из ее объятий, ухватился за протянутое ему братом весло и был вытащен, после своего «крещенского купанья» почти под 69° сев. шир., на лед. Карбас и ружье пропали.

Надо думать, что раненая моржиха приняла в воде самоеда в меховом совике за своего моржонка и «спасала» его таким образом. Но от этого ему, конечно, было не легче.

Много трудов, лишений и опасностей приходится переносить охотнику севера. Много их гибнет в этих трудах. За то, говоря словами охотника-поэта:

«С глухих лесов, с пустынных рек
Сбирая дань свою,
Окреп туземный человек
С природою в бою»,

и все-таки он любит и свой край, и свою охоту. Наше же дело позаботиться о том, чтобы в отношении снабжения его орудиями охоты и в отношении использования продуктов ее он был поставлен в такое положение, при котором охота может быть и легче, и экономически производительнее, и бережливее в отношении использования естественных запасов зверя и птицы.

Ламут Евдоким Ковалев с семьей, его ураса у устья р. Мякыт, приток р. Гырбы, верховье Колымы; 2 мая 1905.

Лов сельди в Авачинской бухте, юго-вост. ч. Камчатки.

А. А. Клыков

РЫБНЫЕ ПРОМЫСЛЫ

Природа, обделив туземцев севера в климатическом отношении и через это лишив их возможности заниматься земледелием и другими сельско-хозяйственными культурами, постаралась возместить это отрицательное явление тем, что громадные, почти необъятные пространства северной Азии, тянущиеся широкой полосой вдоль побережья океана, пересекла мощными глубоко-водными реками.

Само направление рек Севера к Ледовитому океану через тайгу и тундру является исключительно благоприятным условием для существования жизни на крайнем севере и далеких восточных окраинах. Если бы водные пути не перерезали территорию Сибири с юга на север, то все побережье океана было бы почти мертво за трудностью просуществовать в данных природных и климатических условиях.

Теперь же, являясь естественными путями, связывающими полярные страны с культурными областями средней части Азии и востока европейской части Союза,—реки с их притоками ка-

ждый год несут на север вместе с весенней полой водой все необходимое туземцу и в самих водах своих хранят богатые рыбные запасы, которые являются одним из главнейших источников существования жителя тундры и полярной полосы побережья.

Там, где нет рек или озер,—там почти нет человека и его жилья. Как только освободятся от зимнего льда реки и озера, туземцы начинают производить рыболовство неводами-сельдевками, сетями, стараясь в первую очередь заготовить рыбу, когда ее много, для продажи или обмена, для собственного продовольствия и на корм собакам.

С наступлением же зимнего времени лов рыбы, менее добычливый—служит единственным средством для поддержания существования оседлого туземца крайнего севера, не имеющего оленей и не занимающегося охотой.

Если охота и оленеводство в тех местностях, где ими можно заниматься, дают туземцу деньги, то рыболовство кормит туземца и его собаку.

Продовольственный характер рыболовства Сибири и восточных окраин достаточно может быть охарактеризован, если указать, что 150.000 туземцев крайнего севера с их собаками питаются главным образом рыбой в течение круглого года.

Произведя соответствующий подсчет, мы увидим, что рыбы, идущей для удовлетворения продовольственных нужд местного населения и собак в течение года, должно быть добыто не менее 149 милл. кг, т. е. 9 млн. пуд. На ряду с этим, до войны, с проведением Сибирской железной дороги и развитием судоходства по Оби, Енисею, Лене и другим рекам, а также развитием рыболовства на Дальнем Востоке (Камчатка, Охотское побережье, Сахалин, Амур и побережья до залива Петра Великого включительно)—некоторая часть уловов поступала в переработку и служила предметом вывоза на внутренний и внешний рынки.

Если подсчитать промысловый улов бассейнов рек Оби, Енисея, Лены озер и рек, разбросанных по северу Азии, то общая цифра улова выразится для довоенного времени в среднем за год в 40 млн. кг. или 2.400.000 пуд. Производительность же Дальнего Востока, считая общий улов без японского, была 117—133 млн. кг. или от 7—8 млн. пуд., кроме рыбы, идущей для потребления туземного населения.

По характеру самого промысла у берегов Тихого океана во время короткого, но очень интенсивного хода рыбы в реки из моря, благодаря необходимости иметь на короткое время хорошее рыболовное вооружение, флот, много рабочей силы, соли, которой всегда не доставало на Востоке, и других материалов,—промысел этот оказывался не под силу туземному населению, еле существовавшему в довоенное время, а мог производиться лишь предпринимателями с крупным капиталом.

Это мы и видим на примере развития рыбного дела на Дальнем Востоке до войны, где рыбным промыслом занимались японские или русские капиталисты.

На долю же туземного населения оставалось право, без средств, без помощи со стороны государства в отношении кредита денежного и материального, заниматься «кустарным» ловом рыбы почти исключительно для собственного потребления или в лучшем случае сдавать рыбу сырцем за бесценок тем же предпринимателям. При этом в иные, мало уловистые годы население не раз было под угрозой голодовок из-за отсутствия рыбы, которая вылавливалась и увозилась находящимися в лучших условиях предпринимателями-капиталистами из вод, по берегам которых жили туземцы. В частности японский промысел окреп в дальневосточных водах с 1907 года, после заключения с Японией рыболовной конвенции, по условиям которой японцы-предприниматели в «конвенционных водах» (кроме рек, 34 бухт и заливов) были приравнены в правах рыболовства к русским гражданам и добывали рыбу ежегодно 50—67 млн. кг. ики от 3 до 3,5 млн. пуд., т. е. почти столько же, сколько и русские промышленники. Предметом лова в дальневосточных водах были: кета, горбуша, кижуч, сима, чавыча, красная (нярка), навага, сельдь, корюшка, треска, налим, скумбрия, осетр, калуга, сазан, красноперка, палтус и крабы, а также некоторые морские водоросли и моллюски. Туземное население, в том числе и крестьяне, будучи по указанным причинам принуждено пользоваться иными рыболовными угодьями, развивало лов рыбы в Никольском районе—между г. Хабаровском и с. Мариинским, по западному побережью о. Сахалина (гиляки), в Пенжинском заливе, по рекам западной Камчатки, в Гижигинской губе, в бухтах и заливах (16) Восточно камчатского района к северу от м. Лопатка до устья р. Анадыря. Туземное население как оседлое, так и кочевое, занималось рыболовством в продовольственных целях, а по р. Анадырю, заливу и устью было промышленное рыболовство кеты.

Орудиями рыболовства местного населения—ламутов, айн, гиляков, гольдов и орочей служили закидные невода, ставные невода («тате-ами» и «заездки»)—неподвижные с ловушкой загородки (гиляцкого типа), запоры и сети.

Заготавливалась уловленная рыба местным населением путем просушки несоленой, разрезанной и без башки рыбы,—так наз. «юкола». Надо сказать, что в этом крае, как и вообще в Сибири кроме бассейнов Анадыря и Хатанги, всегда ощущался недостаток соли. «Юкола» на Камчатке, по р. Анадырю и побережью Охотского моря шла как для людей (в том случае из рыбы удаляется позвоночник) так и для собак—незаменимых помощников туземца в его хозяйстве; затем квасили рыбу в земляных ямах, и эта «кислая» рыба предназначалась уже исключительно для собак.

В соседнем Чукотском районе и по бассейнам рек Колымы, Лены, а также Индигирки и Яны до войны рыболовство почти не имело промышленного значения, за исключением Анадыря и низовьев р. Лены. В Ленских устьях и нижнем течении

В соседнем Чукотском районе и по бассейнам рек Колымы, Лены, а также Индигирки и Яны до войны рыболовство почти не имело промышленного значения, за исключением Анадыря и низовьев р. Лены. В Ленских устьях и нижнем течении добывалось около 2,5 млн. кг. или 150 т. пуд., а вывозили оттуда от 600—900 тыс. кг. или 35 до 55 т. пуд. соленой рыбы (1914, 1915) якутские рыбопромышленники, в руках которых до войны находились главнейшие «пески»—тони.

Организация рыболовства по остальным рекам и озерам была большей частью артельная. Рыба поступала исключительно на продовольствие туземцев и их собак, при чем не редко бывали голодовки населения из-за плохого улова. В то же время известно, что в 1912—13 гг. Колымский промысел давал свыше 3,3 млн. кг. или 200 т. пуд.. Время летнего рыболовства благодаря крайне суровому климату ограничивалось тремя месяцами, не больше. Ловили главным образом муксуна, чира, кондевку, гольца, сельдятку (сиг), омуля, нельму, налима, стерлядь, осетра и др.. Подо льдом на реках ловили «сельдей», на озерах чира и пелядь, а также омуля. Последнего с начала зимы по рр. Новой и Немкова ловили в устьях, а затем у моря уже промышляли всю зиму.

Ловили артелями на «запорах» или неводами. Сети употреблялись большей частью из волоса, невода же из волоса, нитки, или тальника. «Сельдятка» по р. Индигирке шла исключительно на корм собакам. Чир же считался лучшим сортом местной рыбы. Мороженая рыба зимой под названием «строганина» употреблялась в пищу в сыром виде, нарезанная ломтиками. Из местных рынков значительную роль играли золотопромышленные районы, в особенности Ленские прииски, которые ежегодно потребляли местной рыбы 1 млн. кг. или от 50 до 60 т. пуд.

Кроме рыболовства в Чукотском районе в довоенное время добывали моржа и нерпу, в среднем за год около 1.000 штук моржей на сумму до 34.000 рублей. Мясо моржей служит главным продуктом питания оседлых туземцев, а кожа и клыки являются предметом торговли или товарообмена. Моржей бьют из ружей, а нерпу ловят в особые, сделанные из ремней сети. Рыболовство производилось на лодках (карбасах, байдарах, ветках, каюках, «этвотах»), сделанных из дерева или кожи моржа и оленя.

Следующий—Енисейский край охватывает реки: Енисей, Ангару, Катангу (Подкаменную Тунгуску), Нижнюю Тунгуску и ряд других рек и озер. Распадается вся эта территория на ряд рыбопромысловых районов, из которых главнейшими являются Туруханский край и Приангарье.

До 1907 г. в низовья р. Енисея не было государственных пароходных рейсов и поэтому вывоз рыбных товаров был крайне затруднителен. Это явление в свою очередь отразилось на развитии рыболовства края и экономическом благосостоянии местных тузем-

цев—юраков, остяков, самоедов, долган и тунгусов, которые находились в полной зависимости от нескольких капиталистов-скупщиков рыбы, являвшихся монополистами в данном районе. Промышленное рыболовство начало расти с открытием по р. Енисею казенного пароходства, когда в первый же год (1907) было вывезено свыше 1,6 млн. кг. или 100 т. пуд. соленой рыбы, главным образом муксуна, омуля, сига, сельди и нельмы. Позднее, в 1911 г. было вывезено свыше 2,5 млн. кг. или 150 т. пуд., но, несмотря на возможность значительной эксплоатации р. Енисея в нижнем течении, его дельты и залива, рыбный промысел развивался крайне медленно. В то же время туземное население, зависящее в своем существовании от рыбного промысла почти целиком, вылавливало для себя и для продовольствия собак не менее 2,8—3,4 млн. кг. или 170—200 т. пуд. рыбы. Особенно надо отметить важную роль, которую играл рыбный промысел для туземцев, кочующих и живущих в нижнем течении р. Енисея и по заливу. В отношении Приангарья же, где рыбаки русские, надо отметить факт громадного сокращения улова осетровых вследствие вылова их на местах нереста и во время икрометания, а также зимой на местах их залегания (ямах). Орудиями рыболовства служили волосяные ставные сети («пущальни»), крючковая снасть всякого рода, морды, котцы и аханы, орудие, которое привезли с собой казаки с р. Урала. Вся заготавливаемая летом к вывозу рыба солится стоповым посолом плохой солью, или в бочках, при чем качество товара очень плохое. Хороший товар бывает только зимой, когда рыба замораживается естественным холодом.

Далее, в Обском районе рыбный промысел для туземцев, кроме оленеводов-самоедов (каменных) и остяков-охотников, был также главнейшим источником существования.

Рыбу здесь ловили в реках и «сорах», что, видимо, неблагоприятно отражалось на состоянии естественных запасов ее, потому что вылавливали громадные количества молоди осетра и сига между Березовым и Обдорском, перегораживая зимой течение рек и притоков. Как и на р. Енисее, рыбный промысел здесь распадался на капиталистический—промышленники и мелкий—туземцев—для продовольствия. До войны отсюда, главным образом из Обдорского уезда Тобольской губ., где был крупный промысел с наемной рабочей силой, вывозилось свыше 5,8 млн. кг. или 350 т. пуд. соленой и 5 млн. кг. или 300 т. пуд. мороженой рыбы и вырабатывалось консервов до 600 тысяч банок (1914 г.). Такое же количество рыбы вылавливалось туземцами для продовольствия. Нарымский же край давал до войны около 5 млн. кг. или 300 т. пуд. разной рыбы.

Орудия рыболовства в Обском крае весьма разнообразны и многочисленны—зимой одни, летом другие. На разную рыбу—разные орудия лова: невода, переметы, гимги, самоловы, ставные сети,

рукава и проч. Ловилась здесь рыба местная: «сосвинская сельдь», окунь, щука, налим, а также «проходная»—осетр, нельма, муксун и сырки разного рода. Высокое качество проходной рыбы послужило толчком организации в районе Волдназа и Б. Яров консервного производства, которое давало хорошего качества рыбные консервы. Хотя водные угодья здесь всегда принадлежали туземцам, тем не менее туземное население само эти воды, как это мы видели и в других районах, не эксплоатировало, а сдавало за бесценок, при отсутствии конкуренции, капиталистам-промышленникам. Поэтому туземцы всегда находились в «кабале» у промышленников, получая низкую плату за сырье и платя высокие цены, назначаемые предпринимателями на доставляемое ими снаряжение и предметы первой необходимости. Вывозимая рыба была вся соленая летом и мороженая—зимой. Кроме посола рыба готовилась также «юколой», сушкой («поземь» и «кущак») и немного консервами.

Итак, для довоенного периода наиболее характерными общими для всего севера Азии условиями промысла являлись: полная зависимость туземного населения, владеющего рыбными угодьями, от капиталистов-рыбопромышленников, являвшихся благодаря культурной отсталости и неорганизованности туземцев фактическими хозяевами рыболовных вод; отсутствие связи с внутренними европейскими рынками; отрезанность этой громадной территории, простирающейся от Уральских гор до Тихого океана, от всего остального мира, если конечно иметь в виду промысел туземца Сибири, а не капиталистический промысел в водах Тихого океана; затем относительно слабое развитие крупного промысла и в особенности отсутствие капитального его оборудования во всех прочих бассейнах Севера—на Лене, Енисее, Оби и других реках; недостаток необходимых для рыбного промысла материалов, например доброкачественной соли в большинстве районов, плохая обработка рыбы и отсюда крайне низкое качество продукции северных промыслов, за очень редкими исключениями в виде консервного производства на Оби. Наконец, операции с рыбой по всему Северу носили главным образом товарообменный характер. Отдельно для Дальнего Востока надо отметить начавшееся до войны и продолжающееся падение уловов в р. Амуре лососевых рыб. Так, уловы осенней кеты с 7 млн. штук с 1907—1913 г., упали в среднем до 3 млн. штук в 1914—1920 г. Горбуша же стала ловиться только по четным годам в количестве, в среднем, 8 млн. штук, а по нечетным—в количестве 600 тысяч штук. На Камчатке же горбуша ловилась по четным годам по 15 миллионов штук, а по нечетным—по 5 миллионов штук, в среднем.

Период гражданской войны и, на Дальнем Востоке, интервенции отразился губительно на рыболовстве Севера. За это время почти разрушился крупный русский промысел. Кустарный

же промысел туземцев подпал под влияние иностранного (на Д. Востоке) капитала благодаря продаже по дешевым расценкам рыбы в обмен на продовольствие и предметы первой необходимости, или сократился, например в бассейнах Лены, Енисея и Оби, до минимума, размеры коего не удовлетворяли даже продовольственную нужду населения. Такое значительное уменьшение размеров промысла произошло вследствие сокращения подвоза необходимых материалов и припасов. Особенно тяжелые в этом отношении были 1921 и 1922 годы. Имеющиеся за эти годы цифры вылова рыбы по Д. Востоку (главным образом Николаевский район) показывают, что населением было добыто в 1921 г. 12 млн. кг. или немного больше 700 т. пуд., а в 1922 г.— 30 млн. кг. или 1.800.000 пуд. В то же время надо отметить, что добыча моржа на Чукотке за 1920—1922 гг. не упала, а даже несколько повысилась. Так, в 1922 г. моржа было упромышленено 1.344 шт., на сумму 47.000 р.; объясняется это тем, что чукчи имели снаряжение и припасы для боя моржа.

По Сибирскому краю и в особенности в тех районах, где рыболовство имело не только продовольственный характер, произошло резкое сокращение числа рыбаков, их артелей, а благодаря отходу от промысла населения, сократились и уловы. Например, в Туруханском крае годовой улов сократился более, чем вдвое, и за годы гражданской войны общий годовой улов не превышал 1,33 млн. кг. или 80.000 пуд. (в 1919 г.).

Нарымский край за 1923—24 годы давал только около 800 т. кг. или 50 т. пуд. разной рыбы.

Главнейшими причинами упадка рыбного промысла здесь явились военные действия, отсутствие орудий рыболовства, неорганизованность туземного населения, расстройство транспорта, в особенности для летнего периода времени, играющего исключительно важную роль в промышленных заготовках рыбы, и наконец общие условия жизни периода гражданской войны. При громадной территории, редком населении, малочисленности городов и крупных промышленных центров с организованным пролетарским населением, недостатком людей и средств как финансовых, так и материальных, вполне естественно здесь, на Севере, ожидать сокращения, а в иных районах и прекращения рыбного промысла.

Так оно и оказалось на самом деле.

Гражданская война в Сибири закончилась окончательным укреплением советской власти и дальневосточные рыбные промыслы были объявлены имеющими общереспубликанское значение. Тогда же в силу особых условий японским рыбопромышленникам наравне с гражданами РСФСР и иностранными подданными других стран было предоставлено возмездное право производства рыбного промысла в советских территориальных

водах. В то же время советское правительство начало организацию рыбного хозяйства на плановых началах, для чего был выполнен ряд мер по выяснению рыбных запасов, выделению промысловых участков, установлению норм вылова рыбы для каждого участка и проч., а также организовало Д. В. государственную рыбную промышленность—Дальгосрыбпром, теперь Дальгосрыбтрест. Интересы туземного населения в этом районе были обеспечены в отношении рыбного промысла рядом мероприятий со стороны советской власти, при чем главнейшим из них было разрешение туземному населению лова рыбы в реках, начиная от их устья, для собственного продовольствия.

В остальных районах Сибири рыбоугодья были национализированы и промысел был признан имеющим общереспубликанское значение. Таким путем был положен конец операциям капиталистического характера частных рыбопромышленников. На их место был призван к рыбозаготовкам кооперативный аппарат и государственные организации. Так например в 1920 г. распоряжением Сибревкома после национализации рыбных промыслов на тобольском севере все промысловые заведения, в том числе и консервные заводы, были переданы сначала Центросоюзу. Затем с течением времени, пройдя ряд организационных форм, рыбное дело перешло в руки образованного для этой цели Обь-Иртышского государственного рыбного треста (в 1920 году).

Ленские же рыбные промысла после образования Якутской АССР поступили в эксплоатацию государственного Ленского рыбного треста.

В остальных районах Сибири дело восстановления рыбного промысла вначале было передано в ведение кооперации в лице губернских союзов. Последние, занимаясь заготовкой рыбы, одновременно приняли на себя заботу о снабжении туземного населения солью, орудиями рыболовства, продовольствием и предметами первой необходимости.

Впоследствии эксплоатация рыбугодий в большинстве районов была передана районным исполнительным комитетам, а последние уже от себя стали сдавать угодья в аренду туземным промысловым артелям по участкам или допускали местных рыбаков ловить рыбу по выборке билетов на право рыболовства.

Одновременно в целях сохранения рыбных запасов вводились правила рыболовства, которые предусматривали ограничения рыбного промысла. Эти функции впоследствии вошли в задачу деятельности местных земельных органов. На ряду с процессами организационно-хозяйственного характера шло и кооперирование местного рыбацкого населения как русского, так в меньшей степени и туземного.

Если к этим явлениям мы прибавим, что цены на рыбу и рыбные товары по всему Северу значительно повысились и даже на некоторые сорта мороженой рыбы перешли довоенные, что со-

здало импульс к занятию рыбным промыслом,—если укажем, что несмотря на повышенные цены на рыбу имеется все же большой, непокрываемый предложением спрос на рыбные товары, то такова, приблизительно, картина современного состояния рыбного промысла Севера.

Особо приходится отметить развитие работы, после Октябрьской революции, Енисейской (теперь Сибирской) ихтиологической лаборатории в г. Красноярске, которая имеет целью изучение биологии промысловых рыб Сибири, техники добывающего и, что весьма важно в современных условиях хозяйства, обрабатывающего промысла и экономики рыбного хозяйства. А также организацию в 1925 году в г. Владивостоке с теми же целями Тихоокеанской научной станции.

Итак, как мы видим, в результате Октябрьской революции были созданы предпосылки для свободного развития рыбного промысла туземного населения Сибири и сметены препятствия и капиталистические формы, связывающие естественный рост производительных сил и стоявшие на путях этого развития.

Созданными условиями туземное население поставлено перед необходимостью проявить собственную инициативу в устроении своего рыбного хозяйства. Перед туземцем стоит задача—путем организации и при посредстве государственной и общественной помощи направить рыбное дело по пути его дальнейшего развития в новых формах.

Какие же пути ведут к наилучшей организации рыбного промысла крайнего Севера для увеличения продукции, улучшения ее качества и рационализации промысла? Что надо сделать для осуществления этой задачи? На этот вопрос последний расширенный пленум Комитета Севера при Президиуме ВЦИКа на своем заседании весной 1927 года ответил определенным решением: во-первых, предусмотрено проведение в законодательном порядке положения о закреплении рыболовных угодий Севера в трудовое пользование туземного населения и водоустройство его с разверстанием тоней («песков») по отдельным родам и селениям. До сего времени туземное население в точности не знало, на какие рыболовные угодья распространяются его права; за туземными родами, равно как и за крестьянами не были закреплены участки, принадлежащие им, что создавало на местах нежелательные взаимоотношения между этими группами населения. При отводе же рыбоугодий туземцам и крестьянам, где таковые имеются, естественно отпадает причина недоразумений между ними на почве права эксплоатации рыболовных участков.

Во-вторых, намечен ряд мероприятий как по охране рыбных богатств и зверя Севера, так и по изучению биологии, техники и экономики промысла, что весьма важно для ведения плано-

вого рыбного хозяйства. Наконец обращено внимание на организационную сторону дела и снабжение на льготных условиях туземного населения необходимыми рыболовными материалами, а низовой кооперативной сети—необходимыми оборотными средствами.

Проведение в жизнь указанных мероприятий создаст предпосылки для восстановления рыбного промысла на Севере и дальнейшего его развития, но не устраняет, по понятным причинам, значительных препятствий процессу рационализации промысла.

Главнейшими из них в ближайшее время могут оказаться плохие пути сообщения, вследствие чего наш Север отделен от вне сибирских рынков, свой же рынок в будущем не окажется в состоянии поглотить всю ту продукцию, которую может дать перестроенный промысел. С другой стороны положение осложняется конкуренцией со стороны дальневосточных рыбных товаров, которые, как например соленая кета, даже в верховьях р. Лены на золотых приисках начинают вытеснять местную рыбу. Затем вопросы снабжения промыслов солью в тех районах, где нет «своей» соли, и материалами для орудий рыболовства. И наконец, способы обработки рыбы и ее продуктов, практикуемые в данное время на Севере вследствие отсутствия навыков у туземного населения в усовершенствованных методах приготовления рыбных товаров.

Если в вопросах связи, путем ли усиления транспортного флота на сибирских реках или проведением новых железнодорожных линий, развитие рыбного хозяйства Севера зависит от ряда условий, лежащих вне влияния и инициативы самого туземного населения, то устранение других препятствий во многом зависит от проявления самодеятельности и усилий самого населения, конечно при возможной помощи со стороны Советского государства.

В самом деле, при правильном снабжении населения солью, орудиями рыболовства и другими необходимыми материалами через кооперацию при содействии банков,—кооперированное туземное население сможет довести производительность промыслов не только до размеров довоенной продукции, но и превысить таковую путем эксплоатации таких водоемов, которые до войны не использовывались с промышленными целями. Гарантией же того, что с одновременным увеличением добычи не будут подорваны основные рыбные запасы, служит наличие Сибирской и Тихоокеанской ихтиологических станций, в задачу деятельности которых также входит сигнализирование о предельных уловах рыбы в данном водоеме или предупреждение наступления момента истощения рыбы в рыбугодьях путем искусственного рыборазведения или мерами ограничения рыболовства.

Следующим вопросом стоит улучшение обработки рыбных товаров Севера, не считая заготовки рыбы в мороженном виде, и здесь,—при наличии в реках Севера высокого качества сырья в виде лососевых и сиговых рыб, а с другой стороны при обеспеченном количестве добавочного к рыбному мясного сырья (в сезон ослабления лова), каким является дичь: рябчики, куропатки и пр.,—вполне правильна мысль об организации в Сибири сети мелких консервных заводов комбинированного типа.

Хотя мороженая рыба является товаром наиболее желательным для потребителя в силу своих питательных качеств и в то же время, благодаря высоким ценам на нее и малой утечки при заготовке, несомненно рентабельна для рыбной промышленности, тем не менее при рационализации и перестройке обрабатывающего промысла в данном случае ее приходится поставить на второе после консервов место. Массовый лов рыбы на Севере в громадном большинстве районов приходится на летние, теплые месяцы, когда по естественным условиям заготовка и перевозка мороженой рыбы связана с холодильными установками и соответствующим жел.-дор. транспортом, а также организацией на местах сбыта холодильных складов, где могли бы храниться мороженные товары и откуда бы они поступали на местный рынок. Можно думать, что при громаднейших расстояниях северной Азии стоимость оборудования холодильного транспорта, складов, холодного хранения и сама перевозка не покроются теми средствами, которые могут быть вырученными от продажи продукции рыбного промысла в мороженном виде. Тем более, что летний период заготовок и перевозок в Сибири в три раза короче холодного периода, когда мороженую рыбу можно перевозить гужевым путем и в красных (обыкновенных) вагонах.

Столь же значительный спрос на хорошие рыбные консервы особенно из лососевых рыб, являющихся главными объектами промысла сибирских водоемов, как и на мороженую рыбу, и удобство перевозки продукции заставляют оказывать предпочтение в условиях севера выработке жестяночных консервов.

Есть и еще соображения в пользу организации по Северу сети мелких консервных заводов. В этом случае мы направляем развитие рыбной промышленности Севера по пути его индустриализации, отходя от кустарных методов обработки. Затем туземное население, будучи кооперировано, участвует непосредственно во всех стадиях промышленно-торгового процесса от лова рыбы вплоть до реализации продукции со своего завода. При всяком же другом положении вещей туземец являлся бы в лучшем случае вольным ловцом, передающим организованным путем добываемое им сырье обрабатывающим организациям. В данном случае создаются импульсы к самодеятельности мест-

ного населения и повышению его инициативы в силу непосредственной заинтересованности в экономических процессах, связанных не только с добычей и обработкой сырья, но и с реализацией продукции.

Консервные заводы, как промышленные ячейки, должны сыграть еще и роль культурных центров, около которых начнет группироваться и о с е д а т ь кочующая часть туземного населения и следовательно они помогут развитию процесса перехода туземного населения к новому оседлому быту, при котором только и возможно дальнейшее продвижение по пути к культуре и социализму. Только таким путем возможно здесь провести принцип индустриализации края, планирования рыбного хозяйства в целом.

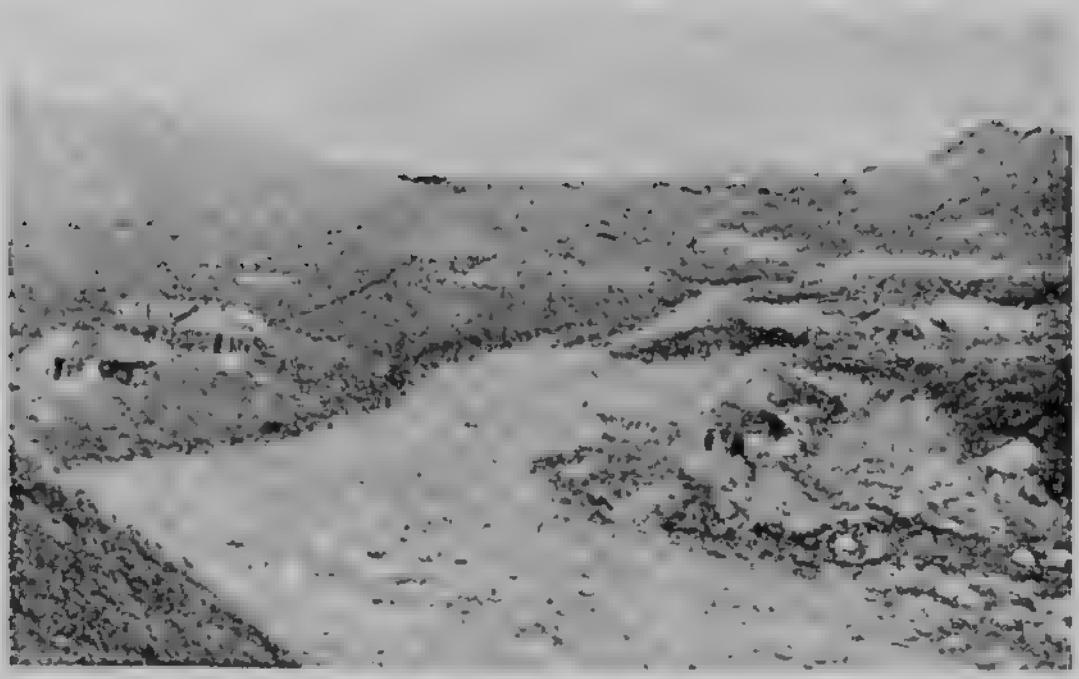
Безоленные чукчи мечут сеть шестом близ мыса Бол. Баранова, сев. берег Чукотской земли; 3 сент. 1905.

Одновременно облегчится разрешение вопросов снабжения туземного населения и обучения его улучшенным методам лова и обработки рыбы путем инструктирования через кооперативные объединения при содействии научно-промысловых учреждений и станций.

Освободившись таким образом от некоторой зависимости от организаций, занимающихся скупкой и обработкой рыбы, кооперированное туземное население в тех районах, где работают государственные предприятия, могут конечно путем генеральных договоров передавать часть или даже все сырье гос-

предприятиям, пока это будет признано плановыми органами государственно целесообразным. Естественно, что и в областях, родственных рыбному промыслу, т.е. в морском промысле зверя, должен быть проведен тот же принцип индустриализации промысла и, следовательно, в Чукотском районе необходимо одновременно со снабжением туземного населения оружием, ботами и моторными шхунами, устройство небольших обрабатывающих сало, моржевую и тюленью кожу, клыки и пр. заводов и заготовительных ледников, где консервировалось бы и хранилось мясо моржей.

Особое положение, в котором находится рыбный промысел Охотско-камчатского края в силу взаимоотношений между СССР и Японией, очевидно обусловит и на будущее время существующий характер эксплоатации дальневосточных вод.



Селение Яндагай у бухты Лаврентия в юго-вост. ч. Чукотского полуострова; 5 сент. 1925.

Г. Д. Махоткин

МОРСКОЙ ЗВЕРОБОЙНЫЙ ПРОМЫСЕЛ СЕВЕРА РСФСР

Приступая к описанию морского зверобойного промысла, необходимо подчеркнуть то колоссальное значение, которое он имеет для народного хозяйства страны, так как, невзирая на чрезмерную интенсификацию боя ластоногих в некоторых районах, его продукция не может покрыть всех потребностей современной промышленности, хотя при планомерном использовании стад европейского и азиатского севера возможно не только насытить внутренний рынок, но и вывозить названное сырье в весьма значительном количестве.

Конечными продуктами зверобойного промысла являются тюлений жир—ворвань и шкуры в виде мокро-соленых кож, составляющие по данным ассистентов Научного рыбного института—С. Ю. Фреймана и С. Дорофеева, по весу от всего промысла гренландского тюленя: жир 78,3%, шкуры 21,7%.

Шкуры в товарном отношении делятся на: 1) тяжеловесные: лысун, утельга, крупный серун—в мокро-соленом виде свыше

5 *кг* штука; 2) легковесные: мелкий серун, серка, хохлуша—от 2,5—5 *кг* в просоленном виде и 3) бельки, идущие как меховой товар. Крупные шкуры реализуются на внутреннем рынке по цене (1926 г.) 6 р. 90 коп. за пуд франко склад Архангельск. Белек, а также все легковесные шкуры скупаются Госторгом для экспорта по ценам (1926 г.): белек I-го сорта 6 р. шт., хохлуша и серка I-го сорта 2 р. 40 к. шт., 2-й сорт дешевле на 25%.

По данным В. Мейснера («Перспективы зверобойного промысла и жировая проблема», журн. «Бюллетень рыбного хозяйства» № 4, IV—1927 г., 1—2), основным потребителем тюленьего жира является кожевенная промышленность, требования которой вплоть до настоящего времени не удовлетворяются продукцией беломорского и каспийского боя, что является одним из главнейших тормозов к ее развитию.

В жире заинтересована не только отмеченная индустрия, и если до сих пор была невозможна утилизация его для мыловарения, то исключительно из-за высоких цен на указанное сырье, вследствие чего мыло изготовлялось почти полностью на австралийском сале, а в настоящее время на растительных жирах, но несомненно, что перед мыловаренной промышленностью, особенно в условиях современности, должен встать вопрос об изыскании новых источников необходимого жирового сырья.

Одним из основных поставщиков жира являются морские звери: киты, дельфины, тюлени и пр. ластоногие, водящиеся в наших водах. Использование их велось весьма нерационально и при том только частично; например на Дальнем Востоке нами самими не производится непосредственной эксплоатации сивучей и тюленей, и бой таковых ведут лишь туземцы для своих надобностей, а добывание белухи носит случайный, неорганизованный характер. Данное явление наблюдается (относительно дельфина) в Белом, Баренцовом, Карском и Сибирском морях, где он используется спорадически или остается вовсе неиспользованным.

Главным местом добывания жира в значительных размерах является горло Белого моря, где Беломорская Обласрыба совместно с Главрыбой получила в 1922 г. в свое распоряжение 6 ледоколов и добыла 477.000 пуд. морского зверя, а в настоящее время Госпароходство в лице Северной конторы Совторгфлота использует для этого 4 парохода ледокольного типа. Данное дело организовано довольно правильно, так что использована даже воздушная разведка лежбищ и установлена радио-связь судов как между собой, так и с аэропланом.

Средние размеры промысла таковы: по данным Фреймана и Дорофеева, годовая добыча гренландского тюленя за последнее довоенное десятилетие = 31.000 голов (наименьшая—19.000, наибольшая—57.000).

Согласно материалам архангельского ГИКа («Наша работа и наши задачи», отчет за 1925/26 г.), кустарями-промышленниками добыто следующее количество:

Годы промысла	Колич. промышл.	Добыто морского зверя			
		Штук	Пудов	Центнеров	На сумму руб
Средн. за довоен 10 лет.	1.296	11.523	23.046	3.774,9	41.572
1913	1.044	12.684	25.368	4.155,3	52.495
1923	—	4.415	6.623	1.084,8	—
1924	736	8.566	16.315	2.672,4	70.704
1925	867	17.284	33.453	5.479,6	116.354
1926 Мез. рыб	617	19.029	35.170	5.760,9	235.221
гроч	360	2.240	4.480	733,8	

Упромышлено с ботов

Годы.	Колич. голов добыт. зверя	Вес добычи		Добыча голов на судно			Число ботов.
		Пуд.	Цент.	Наим.	Наиб.	Средн.	
1914 . .	17.741	—	—	10	5.000	1.365	13
1920 . .	3.353	5.275,5	864	—	—	3.353	1
1922 . .	3.500	—	—	—	—	3.500	1
1923 . .	612	1.093	179	33	408	153	4
1924 . .	792	1.165,3	191	152	369	158	5

Зверобойные промыслы Совторгфлота (ледокол).

Годы	Число промышлен.	Добыто.			Стоим. эксп. в рублях	В т. ч. отнести на аренду судов	Стоим. добычи по средн. заг. цен. послед. 10 л. (5 р. 90 к. за 1 пуд сала на шкуре)
		Голов	Пудов	Цент.			
1923	300	47.908	82.534	12.864	—	—	466.492
1924	402	70.697	122.818	20.118	564.882	228.272	729.539
1925	400	97.693	168.976	27.679	627.658	157.789	1.003.717
1926	472	117.950	245.096	40.148	752.667	227.680	1.455.870

В 1925 г. реализовано на 1.104.100 р. и осталось на 629.658 р. (по себестоимости, в том числе выдано промышленникам 177.342 рублей).

Размеры зверобойного промысла Совторгфлота в горле Белого моря на ледоколах в 1924/25 г. («Статистический сборник по Архангельской губ. за 1925 г.», § 100, стр. 173, 1926 г.) были таковы:

Добыто.			Себестоимость добычи в рублях	В т. ч. выдано промышлен.
Сала на шкурах (взросл.)		Бельков.		
Штук	Пудов	Штук		
94.223	168.976	3.460	629.658	177.342

Заготовка продуктов морского зверобойного промысла, произведенная в указанном районе госорганизациями и кооперацией в 1924/1925 г. (по данным Губвнуторга) выразилась в следующих цифрах (там же § 101):

Наименование организаций.	Шкур (штук)	Сала (пудов)	На сумму рублей.
1) Архсоюз	9.349	15.700	76.084
2) Севгосрыбтрест	10.736	12.695	40.270
Итого	20.085	28.395	116.354
То же в % по всему весу в сумме (ко всем продукт. рыбн. и зверобойн. пром.)	17,3	24,4	17,5

Добыча морского зверя Совгорыбтрестом (там же) была такова:

Годы	Штук	Пудов	Цент.
1923	612	797	131
1924	792	915	150

Распределение архангельских морских зверобойных промыслов и доход от них в 1924/25 г. представлены приводимой таблицей (по приблизительным подсчетам Губстатбюро (там же § 108):

Название промыслов (районы)	Занято хозяйств	Занято человек	Условно-чистый доход на хозяйство	Валовой доход на хозяйство	Доход со всех промыслов	
					Условно-чистый	Валовой
Архангельский.						
С лодок.	155	170	38—30	42—70	5.936	6.618
На ледоколе	200	200	366—28	366—28	73.256	73.256
Онежский.						
С лодок.	35	40	54—62	60—90	1.912	2.132
Мезенский.						
С лодок.	362	507	140—21	156—33	50.756	56.591
На ледоколе	200	200	520—43	520—43	104.086	104.086
Печерский.						
С лодок.	107	150	66—42	74—05	7.107	7.923
Всего по губернии						
С лодок.	659	867	97—61	108—33	65.711	73.264
На ледоколе	400	400	366—26	366—26	177.342	177.342

Фрейман и Дорофеев исчисляют добычу гренландского тюленя за последние годы в следующем размере:

Годы	Добыто голов			
	Русск. суд.	Кустар.	Норвежск. суд.	Всего
1923	49.300	4.400	120.000	173.700
1924	71.500	8.500	200.000	280.000
1925	97.700	17.300	273.000	388.000
1926	117.900	21.270	130.000	269.170

По данным НКЗема норвежский зверобойной промысел представляется в таком виде:

Годы	Добыча в штуках	Общая валовая стоимость	Концессионные платежи		% плат. к стоимости добычи
			Долларов	Руб. (с пер. по курсу 1,95)	
1923. . .	120.000	1.260.000	20.000	39.000	3,1
1924. . .	200.000	2.100.000	40.000	78.000	3,7
1925. . .	273.000	1.579.500	25.774	50.259	3,2
1926. . .	130.000	—	—	—	—

Работа 1 зверобоя за последние годы была такова:

Годы.	Средняя добыча на 1 зверобоя.		Средний заработок зверобоя.			
	В голов.	В %%	В пуд. муки.	Деньги		В %%
				Руб.	Коп.	
1923.	247	100	157	—	—	100
1924.	176	73,3	112	183	71	71,3
1925.	244	101,7	171	385	52	108,9
1926.	250	104,2	—	424	70	121,0

По Мейснеру упромышленное только с одних ледокольных промыслов превышает среднюю довоенную добычу в 2 раза.

Названный автор подчеркивает, что данное дело не может иметь будущего, так как: 1) ледоколы использованы исключительно потому, что они в период промысла свободны от навигации и 2) названные суда быстро приходят в ветхость и в самом непродолжительном времени выйдут из строя, вследствие чего данное предприятие, являющееся для Совторгфлота чисто подсобным, случайным, ликвидируется, а в результате получится дефицит 30—40% поступающего на рынок жира.

Существующий теперь на европейском севере кустарный зверобойный промысел весьма незначителен и реального значения иметь не может.

В конечном итоге недостаток жира будет покрываться усиленной эксплоатацией гренландского тюленя в горле Белого моря, регулировать которую в том направлении, чтобы с усилением нашего убоя уменьшался норвежский, мы не в силах, а использование беломорского стада уже и теперь переходит границы рациональной добычи, так что встает вопрос о прекращении указанного хищничества.

Вследствие этого надлежит искать новые источники получения жира в бое белухи в Белом и Карском морях, у Канина, а равно и в дальневосточных водах.

Главнейшим препятствием для развития данного дела является отсутствие необходимых средств.

Что касается объектов морского зверобойного промысла, то в водах европейского севера имеются следующие представители описываемой нами фауны. (С. В. Аверинцев «Рыбные и звериные промыслы нашего севера», материалы к перспективному производственному плану, журн. «Рыбное хозяйство», кн. IV, 1923 г., стр. 50—83):

Гренландский тюлень, кожа или лысун (Phoca groenlandica), являющийся одним из наиболее типичных видов зверя, кочующего в наших водах. Гренландским он называется потому, что по свидетельству целого ряда ученых приходит в наши воды от берегов Гренландии.

По данным капитана дальнего плавания И. Ануфриева («О тюленьем промысле в Белом море», журн. «Северное хозяйство», № 1—2, 1/II—1927 г., 33—37) в Белом море он появляется в середине января, в очень редких случаях на месяц раньше. Уходит в конце мая, т. е. остается в наших водах 4—$4^1/_2$ мес.

Районы его дальнейших откочевок неисследованы.

Тюленьи стада, появляясь около береговых «припаев» «загребают» вдоль берегов горла Белого моря, а затем и в открытое море в поисках удобного для залежек льда.

Питаясь в указанное время исключительно рыбой, тюлень становится очень жирным, так что его шкура с салом тянет до 5—7 пудов.

В конце февраля самки вылезают на лед рожать детенышей, которых бывает обычно 1, редко 2. Период помета длится около месяца. Новорожденные «бельки» питаются молоком матери, вследствие чего 1-е залежки называются «бельковыми залежками».

В это время в водах около льдов скопляются стада холостых, преимущественно самцов, которые кормятся рыбой, но на лед не вылезают.

Молодняк растет очень быстро, при чем их волосяной покров, вначале очень короткий и редкий, зеленовато-белого цвета, превращается через 1—$1^1/_2$ нед. в длинную густую белоснежную

шерсть, которая затем желтеет и грубеет, и в это время белек называется «хохлушей». Еще через 1—1½ недели желтый волос у них выпадает и заменяется гладкой, короткой черной шерстью; в данной стадии он называется «серкой».

Брачный период у тюленей начинается с середины марта и длится около месяца, так как появление мальков на свет и дальнейшее превращение их в хохлуш и серков происходит не одновременно, но длится недели четыре, а самка спаривается исключительно в то время, когда ее детеныш вырос настолько, что стал серком.

Период течки—самое оживленное время около «детного» льда, потому что тогда там кишат взрослые самцы, самки и молодняк, при чем звери в то время весьма подвижны.

После этого наступает линька взрослых особей, которая длится с конца марта до конца мая. Тогда тюлени становятся вялыми и залегают на лед для спячки.

1-е залежи крупных животных не велики и в это время они очень чутко реагируют на выстрелы и пр. звуки, но с удлинением дня и усилением солнечных угревов зверь становится менее сторожким, и тогда происходит массовой промысел.

Серка в начале лежит спокойно на льду, питаясь собственным жиром, но с отощанием, примерно к концу апреля, начинает сходить в воду для добывания пищи.

Место для линьки они избирают, сообразуясь с толщиной и густотой льда, направлением ветра и безопасностью от различных хищников, главным образом, конечно, человека.

Беломорские тюленьи промыслы, насчитывающие 800 с лишним летнюю давность, в значительной мере изменились за указанный период. Так например, известны 3 передвижки залежек. По самым ранним источникам, тюлень загребал в Двинский залив. Согласно документам XVII—XVIII—XIX вв. залежки были в самом Белом море и, наконец, в последнее время—в районе Инцы-Моржовец, Сосновец—Орлов.

Причины указанных перемен не изучены, но доподлинно известно, что залежки бывают вдали от прибрежных деревень, а с появлением норвежских зверобойных судов, русских промышленников и ледоколов на тюленьих промыслах, они перемещаются в район о. Моржовца на Белом море.

По исследованиям Данилевского в 1840—1860 гг. в Белом море насчитывалось до 30.000 зверобоев, а согласно статистическим данным за 1907 г. («Памятная книжка Архангельского статистического комитета») их было около 20.000.

Данилевский утверждает, что в Мезенском заливе добыто в 1841 г. около 70.000 голов морского зверя, а в 1849—59.560. По данным 1907 г. общая добыча за зимний сезон колеблется между 19.000 и 67.000 голов.

Необходимо оговориться, что приведенные цифры относятся к прибрежному промыслу со льда и лодок, не считая упромышленного с морских зверобойных судов, начавших плавать у льдов Белого моря со стороны океана приблизительно с 1900 г., при чем русских было:

в 1901	г.	3 судна.
1904	»	5 »
1905		15 »
1907	»	10 »
1910	»	7 »

а норвежских в последнем указанном в таблице году—около 80.

В мировую войну, т. е. в 1914—1918 гг. зверобойный промысел заглох, и к 1919 г. в значительной мере упал прибрежный промысел, совершенно прекратившийся в некоторых районах, но с этого же года началась реорганизация русского промысла путем применения моторных судов и паровых ледоколов. Норвежцы продолжают плавание на тех же судах, но более совершенного типа.

Русских зверобойных судов было снаряжено следующее количество:

в 1919	г.	4 судна,	добывших	17.322 головы
» 1920	»	6 суден,	»	50.717 голов
» 1922	»	11 »	»	61.028 »

Приведенные цифры весьма красноречиво говорят о прогрессивном увеличении добычи зверя со стороны океана и падении прибрежного промысла.

Норвежцы упромыслили в 1922 г. на 40 судах 104.027 голов, при чем после сдачи им в концессию части Белого моря промысел в значительной степени усилился.

По утверждению поименованного автора, убой тюленей за целый ряд десятилетий, даже столетий довоенного времени значительно не увеличился, но начиная с 1919 г. добыча тюленей колоссально возрастает, достигая рекордных цифр, что видно из приводимой таблицы:

Годы	Прибрежный промысел в среднем	Промысел русск. зверобойных судов	Промысел норвежцев в рус. водах	Итого
	Количество голов			
1919 . . .	50.000	17.322	—	—
1921 . . .	50.000	50.000	—	—
1922 . . .	50.000	61.028	104.027	215.055
1923 . . .	50.000	90.278	120.000	260.278
1924 . . .	50.000	100.000	—	—
1925 . . .	50.000	112.000	150.000	312.000
1926 . . .	50.000	121.000	200.000	371.000

Ежегодный убой в среднем—по 50.000 г. в течение стольких десятилетий, а может быть и столетий, не оказал особенного влияния на численность стад, но с периода 1919—1920 гг. по наблюдениям старых зверобоев тюлень перестал загребать внутрь Белого моря и «детинные» залежки крупного зверя поредели.

Размеры их определяются обычно на глаз путем оценки длины залежек, и, сообразуясь с густотой среднего количества зверей на 1 *кв. км*, производится подсчет животных на всей залежке.

Наблюдения ведут с мачты или сторожевой бочки, пользуясь сильной зрительной трубой или 25-кратным призматическим биноклем, в который можно ясно видеть тюленей на льду за 12—15 *км*.

По многолетним наблюдениям указанного автора, подтверждающимся показаниями старых опытных мезенских зверобоев, густота залежек колеблется от 2.000—5.000 голов на 1 *кв. км*.

Таким образом, приняв за среднюю густоту залежки в 3 тыс. голов на 1 *кв. км*, им был произведен ряд наблюдений и подсчетов с ледокола.

Залежки наблюдались 3-х родов: малые—в 1—3 *кв. км*, средние—5—7 *кв. км*. и большие—20—25 *кв. км*, при чем число малых залежек было ежегодно 5—7, средних—3—5, больших—2—3 в одно время.

Считая число одновременных больших залежек—3, величину каждой из них в 25 *кв. км*, а среднюю густоту в 3.000 голов, получится общая масса тюленей на льду—225.000 голов.

Имея в виду, что около кромки льда у залежек всегда бывают тюлени на воде, выводится общее число беломорского стада в 450.000 голов.

Согласно осмотра результатов убоя, число самок равно 50%, при чем среди них имеется значительное количество яловых.

Из общего числа самок следует считать, по мнению проф. Н. А. Смирнова, не менее 33% яловых.

Следовательно, из всего количества самок в 225.000 голов плодовитых будет не более 150.000, столько же и молодняка, а все тюленье стадо + приплод ко времени ухода из Белого моря исчисляется в 450.000 + 150.000 = 600.000 голов. Если вычесть оттуда 371.000 голов, добытых в 1926 г. + погибших подранков, затертых льдами и павших от др. причин, то общую убыль стада в 1926 г. можно принять в круглых цифрах за 400.000 голов.

По его случайным подсчетам промысла отдельных судов (не ледокольных) и зверобойных артелей получается, что в феврале и начале марта добывается до 40% мелкого зверя, в конце марта и начале апреля 20% и в конце апреля и в мае 10%. В среднем за весь сезон—23% мелкого и 77% крупного.

В ледокольном промысле данное соотношение изменяется, так как ледоколы могут, хотя и не всегда, достигать детных залежек, и поэтому 1-й убой у них (февраль—март) бывает часто с преобладанием мелкого зверя. Например в 1925 г. ледокол «А. Сибиряков» добыл в 1-й рейс 85%, а во 2-й—6% мелкого зверя. В 1926 г. в 1-й рейс снова 85%, а во 2-й—12% мелкого зверя.

В феврале и марте 1926 г. юго-западные ветры вынесли детный лед вместе с молодым зверем из горла Белого моря к мысу Канину и далее в океан, где его обнаружили наши ледоколы и до 50 норвежских зверобойных судов.

В конечном итоге молодняк в то время был истреблен настолько, что к концу рейса попадался в непромысловом количестве, тогда как первоначальная залежка его была не менее 30 *км* в длину и 3—10 *км* в ширину.

Вследствие этого, в приведенные процентные соотношения необходимо внести коррективы и считать убой мелкого зверя в 33% и крупного в 67% из общего числа, а следовательно из 400.000, уничтоженных в стаде, было 132.000 голов молоди и 268.000 взрослых.

Данные исчисления весьма неточны, но за неимением более положительного материала приходится ими пользоваться.

Тот же автор полагает, что общая ситуация такова:

1. беломорское стадо хищнически выбивается, особенно молодняк;

2. в случае продолжения подобного хищничества в ближайшие годы оно будет уничтожено полностью;

3. для предотвращения этого надлежит срочно провести в жизнь целый ряд мероприятий, из коих главнейшие:

I. Воспрещение убоя молодняка—белька, хохлушки и серки до конца апреля.

II. Установление заказной зоны в районе горла Белого моря до конца апреля.

III. Воспрещение промысла с зверобойных судов (наших и иностранных) до конца апреля.

IV. Установление фактического контроля для надзора за соблюдением законов о бое морского зверя (число судов, места, сроки, способы и пр.).

Следующими промысловыми морскими зверьми, водящимися в водах европейского севера (Мурманском, Канинском, Колгуевском, Беломорском, Новоземельском, Печорском районах), по данным Аверинцева будут:

Нерпа (Phoca **foet**ida)—представитель обычной прибрежной фауны как в Баренцевом, так и в Белом морях. Вдали от берега чувствует себя скверно, так как плавает и ныряет хуже гренландского тюленя и потому с трудом добывает себе пищу, состоящую из ракообразных и рыб.

Щенится на льду в марте. Далеких кочевок не предпринимает.

Морской заяц (Erignathus barbatus)—самый крупный из наших северных тюленей. Живет обыкновенно в одиночку, правильных кочевок не имеет, чаще всего попадается на мелководьях и у льдов. Известен и в Белом море, и на Мурмане, но главным образом обитает в восточной части Баренцева моря. Питается преимущественно ракообразными и мягкотелыми.

Щенится в мае. Встречается также вместе с нерпой и моржем в Карском море.

Белуха (Delphinapterus leucas)—ходит стадами до 100 и больше штук. Часто проникает в заливы Мурманского берега и Белого моря, иногда поднимается довольно высоко по рекам, например, по Северной Двине. Чаще всего их можно встретить в губах Новой Земли.

Морж (Trichechus rosmarus)—крайне редко попадается зимой и ранней весной среди льдов между Святым и Каниным носами, позднее передвигается на северо-восток к северной оконечности Новой Земли и оттуда в Карское море, чтобы осенью снова отправиться на запад.

Питается преимущественно некоторыми мягкотелыми (Mya, Buccinum и др.) нахождением которых главным образом обусловлено его распространение.

Щенится в мае—июне. Мать кормит детеныша в течение 2-х лет, так что спаривание происходит не ежегодно, в связи с чем повидимому стоит быстрое уменьшение моржей в наших водах. Встречается у нас по преимуществу в Карском море и у северной оконечности Новой Земли.

Главное место звериного промысла в Беломорском районе находится в центральной части моря и в его горле.

Промышляют обыкновенно с берега материка или острова, имея с собою шлюпку, по большей части так называемую «осиновку». Затем отправляются на промысел также и на парусных яхтах, которые ходят вдоль кромки льда и, наконец, на паровых и моторных судах, порою даже ледокольного типа, имея тем самым возможность свободно забираться во льды, что представляет конечно громадные преимущества.

В январе—феврале, иногда даже с начала декабря бьют зверя «на водах», вследствие чего самый промысел называется «стрелебным», а также «ранним». Для этого уходят по льду недалеко в море, взяв с собой лодку.

Что касается судов, то промысел этот может обычно производится только с тех из них, которые в состоянии заходить во льды (промысел очень прибыльный по количеству сала на каждом звере).

В течение марта идет промысел «детный», иначе называемый «выволочным», являющийся главным по своему экономическому

значению. Здесь бьют зверя на льду не только из ружья, но и багорками. На этот промысел собираются (до 1.000—2.000 человек и более) на о-в Моржовец, а также и на материке в Кедах, верстах в 30 от Моржовца, и у м. Инцы в горле Белого моря.

В марте начинается промысел парусных яхт, не могущих забираться во льды при входе в горло. Они начинают бить серку, уходящую из Белого моря, а позднее и появляющихся более старых зверей.

В апреле производится менее рентабельный «загребный» промысел линяющего зверя (незначительное количество сала при плохой шкуре), лежащего на льду, который сосредоточивается в Мезенском заливе и в Понойском колобу.

В мае—июне промышляют морского зайца и отчасти моржа во льдах Канинско-Колгуевского района.

В 1913 г. добыто на Мурмане (кожи, нерп и морских зайцев): 6.610 + 557 + 100 = 7.267 шт.

Возвращаясь к способам промысла можно сказать следующее.

Звериный промысел представляет так много общего, что разбивать его по отдельным районам не представляется возможным, и потому мы приведем цифры, касающиеся одновременно всего Севера.

Главным видом промысла, как отмечалось выше, является добыча гренландского тюленя, которого в 1913 г. было взято 59.954 шт., затем идет нерпичный промысел, давший в том же году 6.521 штук. Всего зверя в 1913 г. было добыто 67.213 шт.

Можно было бы объявить беспощадную войну гренландскому тюленю и поднять добычу на несколько лет до очень больших размеров, примерно до 500.000—700.000 шт. ежегодно, но это совершенно не рационально. Прежде всего, гренландский тюлень проходит в наших водах в то время, когда он питается меньше всего, а если и питается, то главным образом сайкой, пока не имеющей никакого промыслового значения, следовательно за рыбные запасы тревожиться особенно нечего. Не надо забывать также, что гренландский тюлень накопляет себе жир, материал для которого он получает в тех широтах (от Новой Земли до Шпицбергена и Ян-Майена), где для нас нет никакой надежды его использовать. На наших Канинских и Мурманских рыбных уловах истребление тюленя почти не отразилось бы в смысле их увеличения. Таким образом, имея в своем распоряжении громадные запасы жиров, мы должны строить их эксплоатацию с большим расчетом. Нам надо помешать истреблению зверя в наших водах норвежцами, и самим использовать то, что и раньше и сейчас брали себе они. Этого повышения промысла будет для нас вполне достаточно, но не надо забывать, что Норвегия посылает иногда свыше 50 яхт в Баренцово море для добычи зверя.

Звериный промысел не в кустарной, а в крупно-капиталистической форме должен начинаться в феврале, при постепенной перемене района может продолжаться до июня—июля и даже несколько дольше.

На Мурманском берегу, особенно в западной его части, звериный промысел может производиться отдельными ловцами или артелями (при некотором пособии от органов, занимающихся скупкой) с помощью звериных сеток. Такую же организацию может иметь и беломорский выволочный промысел. Наибольшую же добычу зверя должны дать паровые зверобойные суда ледокольного типа, которые не будут высматривать зверя, ходя вдоль кромки льда, как яхты, а начнут разыскивать его залежи, заходя во льды.

Новоземельские промыслы зверя в районе Баренцова и Карского морей должны базироваться на тюленях, белухах и моржах; для их лова необходимы парусно-моторные суда с соответствующим вооружением и специальные сетки для запора белух в губах. Вместе с этим, не лишнее будет заняться и промыслом гольца. Время последних промыслов со 2-й половины июля по 1-ю половину сентября.

Общая добыча морского зверя на Мурмане в прибрежном промысле с помощью ставных сетей и выволочным промыслом в горле Белого моря достигала до 30.000—40.000 шт., дававших до 60.000 пуд. шкуры с салом, а в чистом виде до 30.000 шт. белька, нерпы, лысуна и т. п. и до 40.000 п. ворвани.

Добычливость на промышленника достигала в сезон (2—3 мес.) от 10—15 п. зверя в среднем (за различные годы) и, принимая во внимание, что пуд зверя дороже пуда рыбы, этот вид промысла давал приблизительно те же экономические результаты на ловца, что и рыбный.

Ледокольно-зверобойный промысел, практикуемый уже в течение ряда лет на морских ледоколах, обычно обслуживающих транспортные нужды, при участии от 100—150 челов. зверобоев, давал весьма значительные результаты. Надо иметь в виду, что судовой промысел зверя по норвежскому методу производится на сравнительно слабых и небольших (80—150 реч. тонн) парусно-моторных судах, которые, обходя льды и кромки, бьют зверя (тюленя, моржа и т. п.) из винтовок, выезжая в лед на специальных шлюпках (18—20 фут. длиною).

В противоположность этому способу ледоколы заходят в гущу льдов, скапливающихся в горле Белого моря, и переходят с места на место, спуская людей за зверем прямо на лед. Опыт показал, что добычливость этого метода промысла выше и, главное, постояннее, чем мелкосудовый. Последний, будучи связан с состоянием льдов и погоды, дает из года в год весьма различные результаты—от значительной выгодности до полной убыточности.

Заканчивая описание беломорского промысла, надлежит указать, что им, по данным Фреймана и Дорофеева, занимаются жители селений Зимнего берега—Зимнезолотницкая и Ручьевская волости, Мезенского берега—Койденская, Долгощельская и Несская вол., а также целый ряд селений, расположенных по системе рек Кулоя и Мезени и с Летнего берега. Часть зверобоев идет на ледоколах, а некоторые занимаются кустарной добычей зверя на о-ве Моржовце и на лодках в южной части горла Белого моря.

Общее участие Мезенского и Архангельского уездов в 1927 г. выразилось следующим образом: на ледоколах—467 человек, кустарей около—590.

Относительно Сибири следует еще раз отметить, что там морской зверобойный промысел по преимуществу является кустарным, вследствие чего точного учета не имеется, так как экономическое значение его не велико и добыча в своем большинстве идет на нужды местного населения. Тем не менее, даже отрывочные сведения гласят о довольно большой емкости зверя в указанных водах, о чем свидетельствуют ниже приводимые данные (П. А. Русанов, Перспективы рыбного хозяйства Дальне-восточного края, журн. «Экономическая жизнь Дальнего Востока», № 3, 1927 г.)

Добыто морского зверя (шт.):

1913 г.	77.450 шт.	тюлени, нерпа, акиба, лахтак, моржи, ушастые тюлени (сивуч, морской котик).
1922/23	75.103 »	
1923/24	74.905 »	
1924/25	75.205 »	
1925/26	71.200 »	
1926/27	71.300 »	

Китов убито в 1926 г. о-вом Вега 286 шт.

Последний указанный промысел, по данным К. Русского (Китобойный промысел в Дальне-восточных водах, журн. «Бюллетень рыбного хозяйства», № 2, Москва, 1927 г., р. 10), принадлежит к одним из древнейших и начало его относится чуть ли не к X ст.

В Дальне-восточных водах, Охотском и Беринговом морях он получил особое развитие во 2-й половине XIX в. и вследствие хищничества иностранцев (американцев, норвежцев и др.), китобойная флотилия которых достигала до 300 судов, пришел в совершенный упадок.

После этого 1-я удачная попытка эксплоатации морского зверя была произведена в 1891 г. Кейзерлингом, промышлявшем в Японском море и намеревавшимся перейти в Охотское, но с начала Русско-японской войны это дело заглохло.

В 1923 г. Советское правительство заключило концессионный договор сроком на 15 л., до 1/1—1938 г., с норвежской фирмой Христенсен (затем Вега), которой было предоставлено право боя всех родов китов, а равно их переработки в зоне 12-мильной полосы северного побережья Д. В. от м. Сердце-Камень (67° сев. широты до м. Лопатки (50° сев. широты).

Фактическая работа концессионера началась с июля 1925 г. посредством судна-фабрики и 4 малых китобоев, так что итоги первого года выразились в 286 упромышленных китах, а в 1926 г. в 284, тогда как по смете было предположено убить 400 шт.

Китоловный сезон в наших водах—с середины апреля до начала октября, но не позднее 15/X, т. е. около $^1/_2$ года.

Самым емким районом является Командорский и восточное побережье Камчатки (бухта быв. Моржевая). В 1-м за период с начала июня по конец августа и с 8 по 27/IX было упромышлено 110 китов.

Наиболее часто встречается в наших водах беззубый кит, так называемый «полосатик», затем спермацетовый, черный, японский и др.

Размер китов 50—65 фут. длины при весе 24—48 тыс. килогр. (1.500—3.000 пуд.).

В сезоне 1926 г. лов китов в наших водах производили 5 небольших паровых китобойных катеров с тоннажем 65—70 *m* и ходом до 12 миль.

Судно-фабрика «Командорен I» само не охотилось, а исключительно занималось обработкой упромышленных китов.

Ясно, что в условиях плавучей морской базы не могло быть и речи о полном использовании кита—по причине морского волнения, отсутствия необходимого помещения и пр., вследствие чего большая часть добычи попадала за борт.

Более рентабельной является береговая база, так как в последней кит может быть утилизирован полностью.

Главный продукт обработки—морской жир, которого киты дают (в наших водах) от 65—150 10-пудовых бочек, т. е. $10^1/_2$—24 тыс. килогр. (650—1.500 пудов).

Китовый жир делится на 4 сорта, из них 1-й идет на изготовление китового маргарина (искусственного масла), а низшие—на свечи и пр. технические надобности.

Из мяса и костей, оставшихся после вытопки жира, получается великолепный тук, а из остатков жиротопления—клей.

Фабрикация всевозможных поделок из китового уса концессионером совершенно не учитывается. По его словам, данный промысел как будто уничтожен конкуренцией изобретенного во Франции искусственного китового уса, изделия из которого значительно дешевле.

По его данным средний валовой доход от одного кита—1.500—2.000 р. на морском промысле, а на береговом, которого у нас не имеется—до 3.000 р.

Таким образом, результат работ 1925 г. выразился в сумме—286 × 1.500 = 429.000 р., а в 1926 г. приблизительно та же сумма.

Для рационализации промысла надлежит воспретить бой китов в 12-мильной полосе от Командоров, потому что зачастую китобои во время погони за китами приближаются на расстояние до $1^1/_2$ миль от котиковых лежбищ и местонахождений бобров, которых очень тревожит происходящая во время охоты пальба из пушек, вследствие чего они уходят в открытое море, бросая свои лежбища.

Кроме того можно указать еще на целый ряд отрицательных моментов, например разложение и запах остатков неразделанных китов и пр.

Для полноты картины отметим еще и котиковый промысел. По данным пушного отдела НКТ РСФСР предположено упромыслить в сезон

1926/27 г.—789 шт.
1927/28 г.—983 шт.,
против 47.145 шт. 1910 г.

Кладовая безоленных чукчей из плавучего (выкидного) леса, у устья р. Антошкиной, за Колымой; 7 сент. 1905.

Последние цифры слишком показательны и поэтому не нуждаются в дальнейших комментариях.

Из приведенной сводки материалов по морскому зверобойному промыслу можно вывести заключение, что данное дело, находившееся до войны в самом хаотическом состоянии, теперь начинает постепенно налаживаться. Тем не менее промысел пока что находится в стадии почти полной неизученности, и поэтому следует соблюдать сугубую осторожность при эксплоатации с тем, чтобы таковая, в связи с намечающейся тенденцией интенсификации добычи, не вылилась в формы, явно убыточные для народного хозяйства.

Следовательно для рационального использования стад морских зверей необходимо ограничить всеми мерами количество убоя и увеличение его производить только после накопления исследовательского материала, указывающего на возможность усиления лова, иначе морской зверобойный промысел станет под угрозой полного упадка.

Могила чукчи. Чукотский полуостров.

Ф. Р. Богданов

МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ МАЛЫМ НАРОДНОСТЯМ КРАЙНЕГО СЕВЕРА

В области наших знаний о крайнем севере РСФСР, о малых народностях, разбросанных небольшими группами на громадных пространствах от Мурманской губ. до далекой «Чукотки» на Камчатке и от островов Северного Ледовитого океана до Забайкалья, можно насчитать не мало этнографических работ, явившихся результатом целого ряда научных экспедиций и отдельных поездок. До некоторой степени освещены также и отдельные экономические вопросы. На ряду с этим обращает на себя внимание почти полное отсутствие в нашей литературе специальных работ в отношении медико-санитарного состояния крайнего севера. Всего лишь 3—4 работы дают далеко к тому же не полные сведения об отдельных районах. Да и не могло быть иначе, если в дореволюционное время туземные северные районы не видели ни одного медицинского квалифицированного работника, за исключением одиночек-врачей политических ссыльных, положивших начало делу оздоровления крайнего севера и впервые сообщивших правдивую картину медико-санитарного состояния отдельных районов, жуткую и требующую принятия неотложных решительных

мер. Данные же о других районах были в большинстве случаев построены лишь на предположениях и, как показали результаты произведенного за последние годы медико-санитарного обследования, далеко не соответствовали действительности.

Малые народности крайнего севера, будучи оттесненными в силу исторических условий в наиболее отдаленные северные районы, принуждены были и в дальнейшем под натиском политического и экономического гнета завоевателей уходить все глубже и глубже в малодоступную тундру и тайгу.

Отдельные культурные мероприятия в виде школ, медицинских пунктов, на которые так скупо было царское правительство вообще, а для таких отдаленных мест в особенности, находили себе место исключительно в более заселенных пунктах, далеко отстоящих от районов кочевания туземцев. В наследство от этих времен остался нам ряд таких фельдшерских пунктов, заполненных в большинстве случаев невежественными ротными фельдшерами, обслуживающими исключительно ближайшее оседлое население. Огромные же пространства тундры и тайги с освоившими их малыми народностями оставались без всякой медицинской помощи в полном подчинении и зависимости от «злых духов», приносящих по мнению туземцев болезнь и смерть людям и уничтожающих оленные стада. Единственными заступниками от этих «злых духов» являлись шаманы, вера во всемогущество которых в настоящее время так быстро исчезает под влиянием новых людей, впервые пришедших на помощь туземцу лишь после Октябрьской революции, людей, облеченных другой силой, силой врачебных знаний, способных оградить и уберечь туземцев от повальных эпидемий и смерти.

В годы войны была разрушена и та слабая медицинская сеть на крайнем севере, которая существовала в дореволюционное время. Восстановительный период в силу понятных причин здесь задержался. При постоянной дефицитности местного бюджета можно было лишь медленно восстанавливать разрушенное. Медицинскую же помощь малым народностям нужно было строить заново. При чрезвычайной отдаленности районов и трудности сообщения с ними, при высокой оплате квалифицированного персонала стоимость новых специальных мероприятий для туземных районов была не под силу местному бюджету. Необходима была немедленная государственная помощь.

Впервые к организации медицинской помощи в туземных северных районах приступлено было с момента образования при Президиуме ВЦИКа Комитета Содействия малым народностям северных окраин. Общество Красного Креста РСФСР, откликнувшееся первым и приступившее к работе в этих отдаленных районах с начала 1924 г., в том же году уже получило для развертыв-

вания начатой работы первые ассигнования из резервного фонда СНК РСФСР, и с этого момента РОКК работает на ряду с Народным комиссариатом здравоохранения РСФСР в общем плановом порядке, разрабатываемом в особой оздоровительной комиссии при Комитете Севера.

При разбросанности на огромном пространстве кочевого населения, неизвестности путей и сроков кочевания и почти полном отсутствии сведений о наиболее распространенных в данном районе заболеваниях необходимым условием для правильной плановой организации здравоохранения на крайнем севере было проведение в первую очередь, попутно с оказанием медицинской помощи, специального медико-санитарного обследования туземных северных районов и выявление наиболее целесообразных организационных форм дальнейшей медицинской помощи.

Поэтому и были организованы врачебно-обследовательские отряды РОККа. Уже по истечении первого года существования Комитета Севера (в 1925—26 г.) насчитывалось 11 таких врачебно-подвижных отрядов РОККа, работавших в районах, установленных планом оздоровительной комиссии Комитета Севера при Президиуме ВЦИКа.

В 1926—27 г. общее число врачебно-подвижных отрядов РОККа было увеличено до 17 (из них 2 на местные средства РОККа).

В течение 3 лет работой врачебно-обследовательских отрядов охвачен ряд более или менее крупных групп малых народностей, и получен ценный материал, на основании которого теперь уже представилось возможным перейти к углублению медицинской работы путем организации врачебно-подвижных пунктов (главной задачей которых является уже оказание лечебной помощи). Эти врачебно-подвижные пункты, имея свои постоянные базы со стационарами на 5 коек в центре экономического тяготения данной группы туземцев, ведут разъездную работу в обслуживаемом ими районе, следуя в большинстве случаев вместе с оленеводами-кочевниками.

Вполне понятно, что деятельностью этих врачебных организаций РОККа можно было охватить лишь незначительную часть обширных пространств крайнего севера. Целый ряд районов попрежнему оставался необследованным, а необходимость перехода к стационарной деятельности, суживая радиус работы врачебных пунктов, требовала значительного увеличения этих лечебных учреждений.

Недостаточность числа существовавших отрядов РОККа на крайнем севере признана была СНК РСФСР, и уже летом 1925 г. на отпущенные по ходатайству Комитета Севера и НКЗдрава из запасного фонда СНК средства Наркомздравом были заброшены на крайний север и с осени 1926 года там работали уже 9 врачебно-подвижных пунктов.

Таким образом с июля 1924 г. по 1 октября 1927 г. было произведено первое медико-санитарное обследование самых отдаленных туземных северных районов, в том числе: Канинская, Тиманская, Малоземельская тундры Архангельской губ., Большеземельская тундра области Коми, Обдорский, Березовский, Сургутский районы Тобольского округа, Туруханский край Красноярского округа (Большая и Илимпийская тундра, Тазовский район Елогуя и Сыма), Приангарский район Канского округа, бывш. Нарымский край Томского округа (Александро-Ваховский, Каргасокский, Парабельский районы и район р. Васьюгана), туземные районы Киренского и Иркутского округов, Карагасский район Тулуновского округа, Булунский и Усть-Майский районы Якутской АССР, Тигильский район на Камчатке, туземные районы Сахалина, Охотское побережье, туземные районы Николаевского, Хабаровского, Благовещенского округов ДВК.

При этом в 1926—27 г. в большинстве этих районов уже был осуществлен переход от обследовательской работы к оказанию действительной медицинской помощи врачебно-подвижными пунктами НКЗдрава и РОККа.

В настоящее время сеть этих врачебно-подвижных пунктов увеличена, и с 1927—28 б. г. в туземных районах крайнего севера помимо существующей местной лечебной сети будут функционировать 19 врачебно-подвижных пунктов Наркомздрава РСФСР и одна Пастеровская станция, 22 врачебно-подвижных пункта и 2 фельдшерских пункта РОККа.

Кроме того с осени настоящего года начали функционировать больницы на построенных и организованных Комитетом Севера при Президиуме ВЦИКа трех культурных базах: в области Коми (самоедская культбаза на р. Хоседа-Хард), в Туруханском крае (тунгусская культбаза в устье р. Туры на Н. Тунгуске), на Чукотском полуострове (чукотская культбаза в заливе Лаврентия).

Десятки лет взаимоотношений с пришлыми людьми научили туземца относиться к ним с большим недоверием. В силу этой привычки туземец в большинстве случаев встречает и теперь всякого чужого с некоторой подозрительностью. Поэтому в некоторых случаях и по отношению к врачам при первом их появлении среди туземного населения можно было наблюдать известную долю недоверия. Однако при более близком знакомстве, когда туземцы убеждались в том, что врачи приехали помочь им без всякой корыстной цели и что с них ничего не будут брать «ни сейчас ни перед отъездом», между медицинским персоналом и туземцами обычно устанавливались дружеские отношения. Можно с особым удовлетворением отметить, что на всем протяжении работы врачебные пункты пользовались исключительным доверием со стороны туземного населения. Они охотно давали себя обследовать, раздевались без прину-

ждения, охотно давали прививать себе оспу, а там, где убедились уже, что эти прививки спасают население от гибели, встречали врача: «а нет ли у вас прививок, вот оспу бы надо мальчишкам привить». В большинстве случаев туземцы принимают лекарство с особенным удовольствием и с полной верой в его силу. Правда, объяснить больному, как нужно принимать лекарства—дело очень трудное и нередки случаи, когда перепутывали данные лекарства.

Целый ряд полученных от туземных съездов приветствий и благодарностей за оказанную медицинскую помощь, а также личные впечатления врачей указывают на то, что туземцы доверчиво и радостно встретили эту культурную помощь и требуют ее углубления.

Результаты трехлетней работы врачебных отрядов и подвижных пунктов НКЗдрава и РОККа в туземных северных районах дают возможность сделать ряд предварительных выводов и заключений относительно наиболее распространенных среди малых народностей заболеваний.

Инфекционные эпидемические заболевания являются главной причиной колоссальной смертности на крайнем севере, ставящей малые народности под угрозу вымирания. Волна эпидемий, проносясь по тундре и тайге, уносит с собой огромное количество жертв и наводит на туземцев панику. Ни один шаман не берется излечить инфекционные заболевания, он бессилен изгнать «злого духа». Тем более беспомощным чувствует себя туземец под угрозой распространившегося в тундре заболевания и стремительно уходит со своими стадами от того места, где имеются инфекционные больные. Особенный страх внушает туземцам натуральная оспа, не раз опустошавшая туземные стойбища. Слух о появившейся эпидемии оспы быстро распространяется по тундре и терроризированное этим заболеванием население чрезвычайно настораживается. В таких случаях, приближаясь к чужому стойбищу, кочевник сначала посылает разузнать, нет ли здесь оспы, и только после того, как убедится в том, что ее нет, входит в общение с жителями этого стойбища. Достаточно ему узнать, что здесь имеется какое-либо инфекционное заболевание, и уже через 5 минут туземца не будет на этой стоянке.

В 1920 г. в Приангарском районе вымерло от оспы до 75% туземного населения. В Северо-Байкальском туземном районе Бурято-монгольской АССР еще в 1900 г. количество тунгусов доходило до 1.100 ч., в 1914 г. эпидемия оспы унесла 15% всего туземного населения, а от эпидемии сыпного тифа умерло в 1920 году еще 25% оставшихся. И еще совсем недавно, в 1926 г. оспа унесла в одном районе р. Кухтуя 200 чел. туземцев.

Такая колоссальная заболеваемость и смертность от оспы не удивительна: ведь в большинстве районов всего огромного про-

странства, о котором идет речь, никогда, до появления отрядов РОККи, не была привита оспа. В более доступных районах оспа прививалась в дореволюционное время. Однако даже в таком сравнительно близком районе, как Охотское побережье, по сведениям отряда РОККа оспа была привита 20 лет тому назад и таким образом, все население до 20-летнего возраста жило под угрозой заболевания и смерти от оспы.

В задачи врачебно-подвижных пунктов РОККа и НКЗдрава входило поголовное оспопрививание. Так, в районе Аян—Охотск была привита оспа всему населению в возрасте от 2 месяцев до 98 лет, и проверка дала благоприятные результаты. К сожалению детрит не во всех случаях бывает удачен, а неудачи в этом отношении подрывают в первую очередь авторитет оспопрививателей, а отнюдь не относятся за счет качества детрита.

Корь, это сравнительно невинное среди русского населения заболевание, дает на Севере колоссальный процент смертности. Нередко туземцы уходят с товарообменных пунктов в глубь тайги и тундры, унося с собой болезнь в инкубационном периоде и уже там заболевают в своих чумах. Раз забравшись в чум, корь обычно валит всех его обитателей. Некому ухаживать за больными, некому добыть даже топлива для очага, а помощи ждать нечего, так как случайно наткнувшийся на такой чум кочевник в панике уходит от «заразы», не заглянув к заболевшим. В таких условиях корь неизбежно осложняется пневмонией и зачастую сопровождается гибелью всего чума. Не дальше как зимою 1926—27 г. наблюдалось массовое заболевание корью в Туруханском крае. За весну и зиму 1927 г. в Илимпийской тундре переболело корью несколько сот человек, из них зарегистрировано умерших 120 чел. Эпидемия внесла в жизнь тундры колоссальное потрясение: население, спасаясь от кори, в панике разбежалось по тундре, оставшиеся без призора олени разбрелись, а весенняя вода погребла навсегда брошенные в озерах сети; в результате бедняцкие и даже немало зажиточных хозяйств разрушились окончательно.

Причины других заболеваний и широкого распространения этих заболеваний среди малых народностей крайнего севера связаны с условиями их существования и глубоко заложены в условиях их быта.

Глазные болезни особенно распространены на крайнем севере. Сюда относятся главным образом тяжелые формы конъюнктивита. Существовавшее мнение о том, что среди туземцев чуть ли не поголовно распространена трахома—неверно. Объясняется это тем, что непосвященная публика всякое заболевание глаз, особенно в таких тяжелых формах, какие встречаются на крайнем севере, принимает за трахому.

Постоянный дым в чуме, систематически раздражающий слизистую оболочку глаза, пребывание в полутемноте чума, освещенного слабым огоньком камелька, с одной стороны, и поразительной яркости белизна снежного покрова, освещенного ярким солнцем с другой стороны, делают конъюнктивит почти поголовным. Мелкий волос меха, которым укрываются обычно тезумцы, попадая в глаз, еще больше раздражает их, а окружающая грязь и отсутствие обычных культурных навыков превращает невинные коньюнктивиты в гнойные формы. Распространенный среди туземцев способ лечения глаз путем вылизывания может лишь дополнить картину. В результате постоянного раздражения наблюдается весьма большое распространение катаракт. Заболевание роговой оболочки глаз является своего рода профессиональным заболеванием туземца. Охота с огнестрельным оружием при той изношенности и неисправности винтовок, которую можно сейчас наблюдать у туземцев, ведет к частым ранениям глаз порохом. Эти ожоги глаз дают гнойные кератиты, а последние уже, будучи предоставлены сами себе, ведут к рубцеванию роговицы—отсюда лейкома, катаракта, стафилома.

Подобные заболевания глаз, нужно главным образом, отнести к мужской части населения, причем заболевание правого глаза, открытого при прицеливании из ружья, встречается значительно чаще. Постоянные раздражения глаз, ослабляя конъюнктиву глаза, облегчают доступ трахоматозному микробу. Привычка лезть грязными руками в слезящиеся глаза, общее полотенце, имеющее вид грязной тряпки, которым утираются как трахоматозные, так и здоровые—все это дает благоприятную почву для распространения трахомы.

Трахома особенно распространена среди самоедского и зырянского населения области Коми, где глазным отрядом РОККа констатировано 47,8% этого заболевания. Среди остяков Березовского района трахома составляет 45,3% заболеваний. Среди енисейцев-кето (остяков)—26%. Явных случаев трахомы в районе Подкаменной Тунгуски насчитывается 5%. В Каргаосском и Парабельском районах Нарымского края—2,9%, в Васьюганском районе—9,9%, по реке Тыму—19,7%, по Кети—1,55%[1]). Обследование Северо-Байкальского района на ряду с наличностью кератитов и конъюнктивитов показало полное отсутствие трахомы. То же самое можно сказать относительно района рек Амура и Анюя в то время, как среди якутов и тунгусов ЯАССР процент заболевания трахомой чрезвычайно высок.

Особенно обращают на себя внимание глазные заболевания у учеников школ. Дальнозоркий глаз без большого напряже-

---

[1]) Проценты вычислены относительно числа всех наблюдавшихся заболеваний.

ния смотрит вдаль. При чтении же и письме такому глазу приходится приспособляться, напрягать внутренние мышцы глаз для увеличения выпуклости хрусталика и приближения ближайшей точки ясного зрения и в то же время «сводить глаза»—конвергировать. Непривычно длительная для туземца аккомодация и конвергенция глаз при чтении и письме утомляет глаза—буквы начинают сливаться, конъюнктивы краснеют, веки зудят и школьник невольно «чешет глаза», прививая различные глазные заболевания.

В отдельных случаях туземцы крайне нуждаются к коррекции глаз стеклами. Обследования встречали туземцев, носящих странные очки с неизвестно откуда взятыми стеклами в самодельной оправе. Без коррекции глаз промысел становится затруднительным. Необходимо поэтому, чтобы все врачебно-подвижные пункты имели соответствующий подбор стекол и оптические стекла. Еще больше внимания должно быть уделено снабжению туземцев консервами для защиты глаз от сильного ветра и раздражающего влияния яркого блеска снежного покрова.

Чрезвычайно распространены среди малых народностей желудочно-кишечные заболевания и в первую очередь заболевания глистами. Можно смело сказать, что процент заболевания глистами по сравнению с другими заболеваниями у малых народностей Севера является наиболее высоким.

С глистами свыклись, их не замечают туземцы, но они распространены почти поголовно среди населения большинства северных районов. Рассадником широкого лентеца является главным образом рыба, которую туземцы едят в сыром или полусыром виде. Употребляемая в большом количестве на крайнем севере строганина (тонко нарезанные ломти сильно промерзшей рыбы или мяса) без сомнения служит носительницей зародышей глистов. В некоторых же районах слегка подогретую на огне промерзшую рыбу съедают вместе с внутренностями, в то время как именно во внутренностях глисты встречаются чаще всего. Сырое мясо может служить также распространителем этих «вредителей», но надо отметить, что там, где население редко питается рыбой в сыром виде, процент заболевания глистами резко падает. Случаи изгнания глистов, имевшиеся в большом количестве во врачебной практике подвижных пунктов и обычно легко протекавшие, неизменно производили большой эффект у туземцев и врач сразу становился в их глазах «большим шаманом».

Острые гастриты, хронические катарры желудка и различные кишечные расстройства объясняются как своеобразной диэтой туземца, так и неравномерностью приема пищи. Слегка пропеченные в золе, в большинстве случаев полусырые лепешки, мерзлое сырое мясо, а в других районах не первой свежести сушеное мясо (уликта),—все это вместе с характерной для туземцев

способностью съедать все, что имеется, сразу, не заботясь о завтрашнем, зачастую длительном полуголодном существовании, объясняет частые жалобы на разнообразные желудочно-кишечные расстройства.

Чрезвычайно интересным является вопрос о заболевании туземцев цынгой. Вопрос этот еще почти не изучен и безусловно нуждается в научной проработке. Целый ряд данных, касающихся различных районов, указывает на то, что малые народности крайнего севера, о которых идет речь, не болеют цынгой, в то время как пришлое население весьма часто подвергается этому ужасному заболеванию. Особенно тяжелые формы цынги наблюдаются у лиц, недавно поселившихся в туземных районах. Безусловно, главной причиной частых заболеваний цынгой пришлого населения являются непривычно одностороннее питание и отсутствие в пище необходимых витаминов. Особый иммунитет туземца по отношению к цынге отнюдь нельзя отнести за счет каких-либо расовых особенностей, ибо в некоторых районах, как например в районе Охотского побережья и в др., все же отмечались случаи цынготных заболеваний у туземцев. На Новой Земле, где до настоящего времени не было оленей, самоеды также болели цынгой и умирали от нее, как и русские колонисты-промышленники. Не вдаваясь в более глубокое обсуждение этого вопроса, можно все-таки отметить, что эти сравнительно редкие случаи заболевания туземцев цынгой чаще всего наблюдаются в тех районах, где благодаря заметному уменьшению оленьих стад, свежее оленье мясо в определенные моменты становится для туземца сравнительно редким кушаньем. Повидимому кровь свеже убитого оленя служит носителем противоцынготных средств [1]) и любимое лакомство туземцев—свежее оленье мясо с кровью—в известной степени избавляет их от этого заболевания.

Кровь убитого оленя является большим лакомством для всех туземцев крайнего севера. Совершенно особенное впечатление производит туземец, когда он, только что убив оленя, вскрывает ножом сонную артерию и жадно пьет кровь совсем теплого, еще вздрагивающего животного. И туземцы сами считают кровь только что убитого оленя противоцынготным средством. Мнение это настолько распространено на крайнем севере, что с ним надо определенным образом считаться и повидимому в этом искать причину иммунитета туземцев к цынге. Многочисленные же случаи заболевания цынгой пришлого русского населения, в первую очередь служащих государственных аппаратов, и значительный процент смертности от цынги требуют от организаций, сна-

---

[1]) Кроме сырого мяса и свежей крови туземцу не откуда получить витаминов.

бжающих продуктами крайний север, и соответствующих органов здравоохранения совместной выработки ассортимента необходимых для завоза на крайний север продуктов питания с учетом их калорийной и противоцынготной ценности.

Экономическая отсталость туземцев, доходящая в некоторых местах до нищеты, объясняет зачастую полудикий образ жизни этих народностей. Загрязненность кожи туземца понятна уже потому, что последний никогда не моется зимою, а многие из них даже не умываются, считая, что это понижает выносливость тела. О банях конечно не приходится и говорить. Нательного белья в большинстве случаев туземцы не носят, одевая непосредственно на тело меховую одежду. Правда, за последние 12—15 лет у некоторых групп туземцев уже можно отметить появление нательных рубах, однако последние, как правило, никогда не стираются и носятся до тех пор, пока не истлеют под меховой одеждой и не свалятся с плеч. Многие, как например каменные самоеды, тазовские самоеды и остяки, еще до настоящего времени носят длинные волосы ниже плеч, заплетая их в две косы. Волосы эти почти никогда не моются и в большинстве случаев кишат паразитами. Одежда так же служит хорошим убежищем для вшей. Вшивость, особенно зимой, почти поголовная. Отсюда становится понятным то обилие расчесов, которое отмечается при обследовании, а вместе с тем и целый ряд кожных заболеваний.

Из кожных заболеваний чрезвычайно распространена чесотка, принимающая иногда настолько тяжелые застарелые формы у туземцев, что последние делаются неработоспособными. По временам можно отмечать известные вспышки распространения чесотки. Вообще, чесотка—постоянный гость всего необъятного Севера. Туземцы редко ее лечат и обычно ждут пока она «исчешется». Все же иногда становится не под силу терпеть раздражающий зуд и тогда туземец начинает «лечить» чесотку по-своему. Так, сымские тунгусы натирают пораженные чесоткой места жвачкой из внутренних слоев лиственницы (ла-панамунгам—сосучья трава), остяки извлекают из трубки никотин и употребляют его, как лекарство.

Нельзя не отметить того обстоятельства, что при наличии чесотки, постоянных расчесов тела, исключительно грязном состоянии кожи и одежды, случаи экземы у туземца встречаются довольно редко. Да и вообще указанные выше предпосылки отчасти заставляли ожидать большего числа разнообразных вульгарных кожных поражений, чем это оказалось в действительности. Очевидно, что закаленная к разным внешним влияниям кожа все-таки мало восприимчива к этим заболеваням. Небольшое распространение среди малых народностей экземы можно также объяснить довольно частыми периодическими голодовками ту-

земцев, что вполне совпадает со взглядами дерматологов на происхождение некоторых форм экземы.

Нельзя не отметить и того обстоятельства, что несмотря на полное отсутствие гигиены тела у карагасс, последние почти не знают чесотки.

Колоссальное количество разнообразных рубцов на теле туземца являются результатом ожогов от постоянного общения с огнем (камелька и т. д.). Многие из этих рубцов, чаще круглой формы, представляют из себя следы применяемого туземцами своеобразного «лечения». Лечение это заключается в том, что на больное место (высыпи или фурункула) ставится кусок «чаги» (вроде нашего трута) и верхний конец ее поджигается. Нужно отличаться особым терпением, чтобы выдержать эту горящую чагу, пока она не выжжет все больное место. Часто применяемые в Якутии отвлекающие мушки оставляют также навсегда свои следы. Для приготовления этих мушек берутся стебли и листья чернобутыльника, старательно высушиваются и после некоторого измельчения смешиваются с порохом. Получающийся трут в результате становится таким же «термокаутером», хотя в данном случае на него, как на мушку, возлагаются другие надежды. Эти отвлекающие мушки дают ожоги 2—3 степени и лечатся в дальнейшем довольно примитивным способом.

На ряду с этим должно быть отмечено обилие всяких травматических повреждений. Грибковые заболевания отмечаются редко.

Существовавшее прежде мнение о значительном распространении среди малых народностей венерических заболеваний и в особенности сифилиса, не будучи основанным на каких-либо фактических данных, исходило, повидимому, лишь из сопоставления отдельных наблюдений. Отдельные медицинские обследования туземцев в дореволюционное время в большинстве случаев касались близлежащих районов, где в массу туземного населения было вкраплено более «культурное» русское, якутское, бурятское население. Это население, получив само от новых колонистов первые «дары культуры» в виде венерических заболеваний, естественно обогатило этим и туземцев. Данные случайных обследований этих смешанных районов прежде произвольно распространялись на все малые народности. Наблюдения некоторых непосвященных людей, принимавших всякую сыпь за сифилитическую, «подтверждали» предположение о почти поголовном распространении сифилиса среди малых народностей.

Однако три года работы РОККа и НКЗдрава среди малых народностей крайнего севера в корне изменили это ложное мнение. Подтвердилось лишь, что во всех районах, где туземное население переходит или уже перешло на оседлость и до некоторой степени начинает смешиваться с оседлым населением (русским,

якутским и т. д.), процент заболевания сифилисом довольно значительный. Особенно обращают на себя внимание такие районы, как Каргасокский, Парабельский Томского округа (части Нарымского края), где зарегистрировано 6,11% сифилиса, целый ряд зырянских волостей в автономной области Коми, через которые периодически проходит самоедское население, Кондинский и Сургутский районы Тобольского округа и др. По только что полученным сведениям сифилис имеет большое распространение на западном побережьи Камчатки в районе Тигиль-Хайрюзово среди оседлого населения ительменов (камчадалов) и отчасти среди ламутов, кочующих в данном районе.

Останавливаясь на некотором более заметном по сравнению с другими районами распространении сифилиса среди остяков Каргасокского района Томского округа, надо отметить, что большинство больных сифилисом относится к более пожилому возрасту, даже старческому: свыше 32 лет—29,5%, свыше 42 лет 48,5% и 33% наследственного сифилиса. За последнее же время распространение сифилиса значительно упало. Это без сомнения говорит о том, что когда-то с оживлением торговли в Нарымском крае предприимчивыми купцами, нахлынувшими сюда за обменом пушнины, был занесен сифилис. Последний, попав в среду остяков, дал определенный процент заболеваний. Условия быта кочевников как будто давали возможность для расцвета бытового сифилиса. Однако массовое распространение сифилиса в значительной степени предотвращается тем обстоятельством, что остяки, бродя по тайге за белкой, большую часть года проводят вдали от семьи и таким образом не имеют общения с ней в течение известной части своего заразного периода.

Кроме того остяки всегда видели в этой «русской болезни»— дурную болезнь, от которой надо лечиться особой «дорогой травой» (корень сарсапариллы). Все свои свободные средства остяк отдает за эту траву (15 р. за фунт) и пьет до тех пор, пока явления не стихают. В прежнее время некоторые врачи делали попытки применять корень сарсапариллы и получали известный эффект, однако в медицине лечебное действие его не является признанным. Заметное падение сифилиса объясняется тем, что эпидемии последних лет унесли в первую очередь зараженных сифилисом, уменьшив таким образом общее количество этих больных. В настоящее время общее количество больных сифилисом в этих районах достигает 6%. В Туруханском крае количество больных сифилисом не превышает 2,8%, в Приангарском районе Канского округа—4%.

Несмотря на то, что при обследовании не производилась серодиагностическая реакция, все же, благодаря особо внимательному подходу к разрешению этого вопроса, можно сказать с уверенностью, что сифилис не распространен среди малых народ-

ностей. Распространенный сифилис не может остаться незамеченным.

В Северо-байкальском туземном районе БМАССР среди орочон не обнаружено ни одного случая сифилиса (к счастью эти орочены мало общаются с бурятами). Среди самоедов Большеземельской, Малоземельской тундр и Ямальского полуострова случаи сифилиса единичны. Также незначительно распространен сифилис в ряде районов Дальневосточного края. В частности гиляки вследствие существовавшего у них запрета всяческого общения с пришлым населением были прежде совершенно свободны от венерических заболеваний. Однако за время японской оккупации обстоятельства изменились, и в гиляцкой среде появились первые свежие случаи этого заболевания. Туземцы, больные сифилисом, весьма охотно лечатся и уже уверовали в исключительное действие неосальварсана. Уже после нескольких сеансов вливания больной чувствует большое облегчение и исчезновение мучивших его явлений. Беда в том, что у туземца, живущего промыслом и ведущего кочевой образ жизни, нет времени для длительного систематического лечения. «Хлеппа нету, промышлять нато»—говорит такой больной, когда ему указывают на необходимость довести лечение до конца, и в этом «хлеппа нету» лежит срыв благотворного влияния неосальварсана. Ряд любопытных наблюдений к сожалению не может быть приведен в данной статье и потребует специального освещения. Сифилис не угрожает туземцу вырождением. Вырождения от сифилиса нет, а большая детская смертность имеет ряд совершенно других причин. Часто наблюдающаяся среди малых народностей детская смертность до 2-х месячного возраста наводила также на мысль о врожденном сифилисе. Однако обследованием установлены лишь одиночные случаи выкидышей и незначительное количество мертворожденных, что противоречит понятию о наследственном сифилисе.

Вопрос о том, вырождаются ли малые народности крайнего севера, существует ли катастрофическое падение численности населения, давно уже поставлен на разрешение и до настоящего времени еще не разрешен окончательно.

Врачебно-обследовательскими отрядами установлен колоссальный процент детской смертности, в некоторых районах доходящий до 70—75% рождающихся. Причинами такой большой смертности являются как эпидемические заболевания, так и окружающие детей условия. Во многих случаях выяснить более близкую причину детской смертности оказалось совершенно невозможно.

Так, у остяков в районе рр. Сыма и Елогуя (Красноярского округа) из 341 чел. детей умерло 169, из них 69,5% от неизвестной причины. При выяснении причин смерти детей остяки часто отвечают: «Так, свой остяцкий немощь». Есть и «русская немощь»,

куда относятся главным образом инфекционные и венерические заболевания. Врожденная слабость детей (отсутствие в них жизнеспособности), а главное чрезвычайно тяжелые условия, в которых находятся дети, являются действительно не только «остяцкой немощью», но с таким же успехом и тунгусской, юкагирской немощью, немощью всех малых народностей.

Уже на 2—3 день после родов, протекающих в крайне антисанитарных условиях, новорожденный должен, так сказать, освободить мать от особых забот о себе, ибо роженице надо зачастую на следующий же день приступить к своей тяжелой работе в юрте или же продолжать вместе с новорожденным свою кочевку. Первый год жизни ребенок проводит в особой зыбке, подвергаясь большим колебаниям температуры. На 5—6 месяце ему предлагают кровь оленя, размоченные сухари, икру, а после года—сырую рыбу и мясо. Женщины обычно кормят своих детей грудью до 3-х, а иногда и 4-летнего возраста. Описан случай, когда 2-летняя девочка, отрезав для себя большим ножом кусок сырой оленины и справившись с ним, забралась к матери на колени и стала сосать грудь. Весьма часто ребенок 3—4 лет, только что сосавший грудь, важно раскуривает трубку, как взрослый. Детские и проч. эпидемии, а также безусловное незнание основных правил ухода за ребенком— все это вполне объясняет причины громадной детской смертности.

К сожалению нет еще достаточных данных о естественном движении туземного населения (результаты всесоюзной переписи еще не проработаны в этом отношении). Отдельные данные говорят о том, что в некоторых районах среди отдельных племен имеется естественный прирост. Так, среди затундринского населения в Туруханском крае средняя рождаемость в год за последние 10 лет (включая 1905 г.) равняется 41,4 в то время, как средняя смертность в год за те же годы равняется 30,1. Несмотря на большой процент детской смертности в данном районе все же наблюдается естественный прирост, что объясняется как значительной плодовитостью населения, о котором идет речь, так и тем, что в этом районе давно уже не было большой эпидемии.

Но достаточно бывает появиться значительной эпидемии в подобном районе, и весь естественный прирост населения за десяток лет уносится этой эпидемией и даже создается отрицательный баланс. Еще хуже обстоит дело с естественным приростом населения в тех районах, где количество мужчин по численности превосходит количество женщин, а такое соотношение полов встречается на крайнем севере весьма часто. Лишь та народность может рассчитывать на свое количественное увеличение, у которой женщин больше, чем мужчин. О каком же приросте может

быть речь среди ительменов на западном побережьи Камчатки, где в силу недостатка женщин сплошь и рядом мужчина в 17—18 лет женится на 60-летней старухе, и бывают случаи, что женщины приобретаются в набегах на соседнее село. Это исключительный случай, но ненормальное соотношение полов отмечается в ряде др. северных районов и уже этого одного достаточно, чтобы поставить под большое сомнение возможность естественного прироста во всех подобных районах. А смертность берет свое.

Табак и водка—это огромное зло, которое начинает отравлять туземца чуть ли не с колыбели. Курят все мужчины и женщины от мала до велика и курят много, все время сплевывая на землю и загрязняя тем свое невзрачное жилье. Д-р Кытманов приводит следующую таблицу собранных им в Туруханском крае сведений по этому вопросу:

в возрасте от одного года до 10 лет курят	32,2%
» » » 10 » 15 » »	100 %
» » » 15 » 20 » »	77,7%
» » » 20 » лет и старше курят . .	95,6%

Несмотря на запрещение ввоза спиртных напитков во все туземные районы самогон а также и водка довольно легко проникают к туземцам, имеющим какое-либо соприкосновение с русским, якутским или зырянским населением. Туземцы весьма падки на водку и готовы дать за нее все, что имеют. Эта слабость туземцев используется пришлым населением и пагубно отражается на бюджете туземца. С этим часто бывает связано систематическое недоедание туземцев. А систематическое частичное недоедание больше подрывает организм человека, чем временное полное голодание.

На задаваемый тунгусу вопрос, пьет ли он водку, последний отвечает: «водку пью я, тунгус век пьет, было бы только чего»? К сожалению этот «век» все еще не удалось окончательно искоренить и это ужасное зло—одна из причин той самой «остяцкой немощи»—врожденной слабости, подготовляющей хорошую встречу для инфекции.

Благодаря существующему теперь запрещению ввоза спиртных напитков на крайний север, некоторые районы в силу своей отдаленности перестали получать водку и это сразу дало блестящий эффект в смысле подъема хозяйства туземцев. Нужно надеяться, что точное выполнение установленного запрета, борьба с контрабандой в туземных районах, близких к оседлому населению, поможет бороться за оздоровление малых народностей крайнего севера.

Весьма распространены на крайнем севере ревматические заболевания и, как следствие этих заболеваний,—обилие сердечных больных.

Условия, в которых живет и трудится туземец, сами по себе объясняют причину этих заболеваний. Пороки же сердца как результат ревматических заболеваний—обычное явление.

На ряду с этим широко распространены такие простудные заболевания, как трахеиты и бронхиты.

Среди кочевого населения наиболее отдаленных районов количество зарегистрированных больных туберкулезом незначительно. Отсутствие заметного распространения туберкулеза среди кочевников тундры и тайги может быть до известной степени объяснено постоянно происходящим промерзанием (своеобразной дезинфекцией) как одежды, так и всего домашнего скарба туземцев. Конечно в условиях подвижной работы врачебных пунктов была исключена возможность ранней диагностики туберкулезного заболевания, и без сомнения первичная стадия туберкулеза осталась просмотренной.

Среди групп туземного населения, которые ведут полуоседлый образ жизни или уже окончательно перешли на оседлость, условия для распространения туберкулеза более благоприятны. Переход от кочевой жизни в тесное, загрязненное, никогда не дезинфецируемое помещение, где рядом с хозяином и всей его многочисленной семьей пребывает и домашний скот, создает условия для инфецирования физически слабого, не приспособленного к сопротивлению туберкулезной инфекции организма туземцев.

Так например, среди бродячих тунгусов-орочон Северо-байкальского туземного района Бурято-монгольской АССР, переходящих к полуоседлому образу жизни, туберкулез легких имеет весьма большое распространение: из 478 человек, прошедших через врачебно-подвижной пункт Наркомздрава, туберкулезное поражение легких обнаружено у 283 человек или у 60% осмотренных (из них 23% имеют субкомпенсированную и декомпенсированную форму). Борьба с туберкулезом среди подобных групп населения представляет значительные трудности, и в этом направлении надлежит продумать специальные формы медицинской помощи.

Обращают на себя внимание весьма распространенные на крайнем северо-востоке, а именно в Колымском округе Якутской АССР, своеобразные формы нервно-психических заболеваний. Д-р Мицкевич, С. И., работавший в этом районе во время своей ссылки в Якутию в 1898—1902 г., в своей статье «Истерия, мэнэрик и эмирячение в Колымском округе» (изд. Всесоюзной Академии Наук) подробно описал эти заболевания и дал их научное толкование.

Различные психо-неврозы весьма распространены как среди якутов, русских, так и среди ламутов и юкагиров, населяющих Колымский округ, при чем особенно распространены они у жен-

щин. Д-р Мицкевич говорит, что почти у всех женщин Колымского округа можно отметить в анамнезе, начиная с 12—15 лет, своеобразные припадки «тарымта», сопровождающиеся замиранием и болью в области сердца, учащенным пульсом, globus histericus («шар подкатывает»), болью под ложечкой, иногда рвотой, у других к этому присоединяется еще невралгия в области мочевого пузыря и клитора. У одних эти припадки постепенно исчезают, у других же они развиваются в особую тяжелую форму истерии—мэнэрик.

Эмирячение по мнению С. И. Мицкевича представляет собою своеобразный симптомокомплекс, развивающийся также на почве истерической конституции. Подобные больные под влиянием одного неожиданного окрика, стука легко впадают в своеобразное гипноидное состояние, в котором они начинают бессознательно выполнять все, что им прикажут, и подражать тому, что видят. Подобное состояние заканчивается иногда обморочным состоянием, судорогами, истерическими припадками.

Необходимо отметить, что подобные заболевания не остаются единичными. В 1899—1900 году наблюдалась среди юкагиров, кочующих в северо-восточной части Колымского округа, настоящая психопатическая эпидемия мэнэрик, охватившая $^2/_3$ всего населения. По слухам нечто подобное наблюдалось в 1902 г. и у Гижигинских (Камчатских) коряков и ламутов.

Распространены ли описанные выше формы нервно-психических заболеваний по всему крайнему северу или же они являются характерными лишь для крайнего северо-востока Азии, и можно ли сказать, что малым народностям крайнего севера свойственна вообще неустойчивость нервной системы? Этот последний вопрос предстоит разрешить врачебным пунктам НКЗдрава и РОККа путем более длительного изучения в их стационарной работе.

Нечто сходное с болезненными явлениями «тарымта», «мэнэрик» отмечается и среди женского населения Большеземельской и Малоземельской тундр Архангельской губ. с тою лишь разницей, что у этих больных припадки менее выражены и обычно начинаются икотой. Подобные больные здесь в противоположность Колымскому округу встречаются редко и не производят вообще того особенного впечатления, которое производят эмирячки Колымского округа. В других районах подобные формы заболевания не отмечены.

Заслуживает особого внимания специальное изучение нервно-психического состояния шаманов, а с ними вместе и вообще более внимательное изучение неустойчивости нервной системы туземцев, которые нередко под влиянием камлания шамана сами невольно начинают шаманить.

Малые народности, освоившие крайний север в течение тысячелетий, приспособились к жизни в невероятно трудных условиях и накопили опыт в использовании огромных пушных и др. богатств Севера. Никто другой в данное время, в данных условиях не может заменить настоящих обитателей тундры и тайги. Необходимо придти на помощь к этим народностям, обеспечить их квалифицированной медицинской помощью и спасти от угасания.

Состоящая на местном бюджете сеть лечебных учреждений крайнего севера и до настоящего времени находится в плачевном состоянии. Местному бюджету в ближайшие годы предстоит затратить большие средства на новое больничное строительство, на укрепление существующей сети лечебных учреждений, на привлечение квалифицированного медицинского персонала и приближение медицинской помощи к туземному населению. Без государственной помощи местному бюджету не под силу справиться с этой трудной, дорого стоящей задачей. Деятельность всех существующих врачебных пунктов Наркомздрава и РОККа также в значительной части парализуется отсутствием приспособленных помещений. Обеспечение этих пунктов зданиями остается ближайшей неотложной задачей.

Несмотря на значительный рост сети госбюджетных медицинских учреждений на крайнем севере, существующих врачебно-подвижных пунктов совершенно недостаточно для обслуживания малых народностей, разбросанных отдельными группами на огромных пространствах крайнего севера. В частности ни одна туземная школа-интернат не должна быть оставлена без медицинской помощи. Лишенный медицинской помощи интернат в случае появления среди детей какого-либо эпидемического заболевания всегда рискует потерять на продолжительный период времени то доверие, которое он завоевывает у туземцев.

Организация акушерской помощи, широкая борьба с угрожающими размерами детской смертности, борьба за новый здоровый быт является ближайшей неотложной задачей советской медицины на крайнем севере.

Эскимосские дети в бухте Провидения, южн. н. Чукотского полуострова; 26 августа 1925 г., теперь живут на острове Врангеля.

Н. И. Леонов

ТУЗЕМНЫЕ ШКОЛЫ НА СЕВЕРЕ

I. ТУЗЕМЦЫ И ШКОЛА

О начале своей работы в Юганской остяцкой школе учительница так вспоминает:

— Когда я приехала в школу, то сразу обратилась к председателю туземного совета. Пришла и говорю: «Ты председатель совета, а я приехала учить ваших остяцких ребят». Председатель ответил на это:—«Учи своих русских. А мой сын и без ученья белку промышлять будет. Не стоит его учить».

— Почему не стоит?—спрашивает учительница.

— Андрюшка Кусмачев учился?—спрашивает председатель.

— Учился.

— Жулик стал? Кооператив обокрал?

— Обокрал,—подтверждает учительница.

— Васька учился? Юган бросил?

— Бросил.

— Учиться в Тобольск поехал? обратно погнали?

— Погнали.

— Промышлять не умеет? Разучился?

Учительница молчит.

— Так зачем я буду Ваньку учить?—торжествующе спрашивает председатель.

Эта яркая колоритная сценка прекрасно рисует ту толщу недоверия, через которую с трудом пробиваются ростки признания нужности школ и для туземца.

В другой раз он так ответил учительнице:

— «Когда не буду председателем, тогда, может, и отдам сына. А сейчас нельзя. Корить меня за это станут».

Сынишке председателя, Ваньке, хотелось учиться, и он бегал к учителю тайком от отца в баню. За зиму научился грамоте.

На что могла рассчитывать учительница, встретившая столь «благожелательное» отношение к учебе со стороны самого председателя туземного совета? Только на свою инициативу, на свое уменье подойти к туземцу.

Ребят-учеников в Югане не оказалось. Сидеть и ждать, когда ребят станут привозить в школу, было безнадежно. И вот учительница отправляется пешком в юрты. Остяки съезжались в это время для рыболовного промысла. Учительница решила начать занятия в юртах, если не с ребятами, то со взрослыми в целях агитации за школу.

Один из остяков, имевший трех ребят школьного возраста, дал учительнице рыбы, хлеба, юрту. «Все удобства были налицо»,—говорит учительница. Три сына этого остяка послужили первым ядром школы. Начались занятия. Население приглядело, стало отпускать ребят в школу. Со временем юрта, предоставленная учительнице, оказалось тесной. Надо было кочевать в Юган, в постоянную школу. Но Юган—русское село, а туземцы в русское село отпускать детей не захотели.

«Если вы хотите обучать детей грамоте,—говорили остяки,—то обучайте в юртах. Зачем вы хотите тащить ребят в русское село? Чему они там научатся? Мы знаем, что русские плохо себя ведут».

После долгих уговоров только остяк Кирилл, отец троих первых учеников, согласился двух отпустить в Юган.

Следом за ними стали прибывать и другие дети—всего набралось одиннадцать человек. Первое время дети очень скучали в интернате, плакали. Один мальчуган остался условно «на две недели», потом попросился на месяц. Мало-по-малу привык, как и другие, и проучился весь год. Нелегко было начинать дело юганской учительнице. Но, кроме этих одиннадцати человек в интернате, учительница насчитывает еще девять учеников, живущих в юртах. В юртах учащихся было 18, но в Юган решились отпустить из 18 только 9. Девять же человек остались в юртах. Работа с ними продолжалась—желание учиться было большое.

Учительница стала выезжать из Югана по субботам на воскресенье и в юртах проводить воскресную школу. Но к весне эти выезды прекратились. И воскресная школа превратилась в заочную. Ребята писали в школу, о чем им вздумается; иной раз

о своей жизни (по-русски и по-остяцки), иной раз просто перепишет стихотворение. Пишут эти заочные ученики через строку. Написанное посылают в школу. Учительница зачеркивает неправильно написанные слова и сверху надписывает правильно. Получая исправленные тетради, юртовские заочные ученики еще раз переписывают текст в исправленном виде и так, не теряя связи со школой и учительницей, с которой начали заниматься в юртах, за год научаются грамоте.

Это говорит о большом желании учиться со стороны туземных ребят; надо лишь подумать о том, чтобы приблизить школу к населению, перенести школу в самую гущу обитания туземцев (там, где это возможно, т. е. в среду оседлого и полуоседлого населения). Мало-по-малу лед недоверия туземного населения к школе всюду пробивается. Часто бывает, что враждебное отношение создается на почве агитации со стороны русского населения. Русские противятся учебе туземцев; они запугивают туземцев тем, что грамотных будут брать в солдаты, увезут из родных мест, а в школу они являются с таким заявлениями о бесполезности просветительной работы среди туземцев: «Туземцы не хотят учиться, а вы ходите по юртам и собираете. С такими собаками не стоило бы возиться».

В Югане, как мы видели, учительнице пришлось проявить немало энергии, чтобы преодолеть предубеждение части туземцев против школы. Произошло это отчасти в связи с тем, что население Юганского района, оттиснутое от административных центров русскими, не ощутило повседневной, насущной потребности в грамотных людях. Там же, где туземное самоуправление пустило более глубокие корни, где туземцы лицом к лицу столкнулись с необходимостью сегодня же своими силами принять участие в строительстве, там потребность в грамотных людях побуждает население проявить живую инициативу в деле организации школ.

Одним из наиболее ярких примеров может служить возникновение и рост Тельвисоченской самоедской школы. Самоедскому кооперативу «Кочевник» нужны свои культурные работники, свои грамотные люди. И вот съезд туземцев еще в 1922 году постановил: «прибыль кооператива отчислять на создание школы».

Так волею населения возникла одна из наших лучших туземных школ, руководимая опытным работником И. А. Димовым.

Первый год в школе было 12 человек, во втором году—22 чел. В третьем году учащихся стало 33 чел. Четвертый год не дал увеличения учащихся, но это произошло в силу стихийных обстоятельств, весьма характерных для условий, в которых приходится работать туземной северной школе: позднее установление зимнего пути, эпидемия кори и, особенно, массовый выход

песца. (В охоте на песца дети-подростки принимают участие). Доверие же самоедов к своей школе не падает.

Сочувственное отношение населения к школе наблюдалось в другом конце северной окраины—на крайнем востоке, у гольдов. Гольдская Найхинская школа обладала хорошим помещением (здание бывшего миссионерского училища), но в школе ощущалась острая нужда в писчебумажных принадлежностях и пособиях. Гольдский туземный кооператив не на словах, а на деле пришел на помощь школе. Кооператив снабдил учащихся Найхинской школы письменными принадлежностями.

Для характеристики того, насколько сильна бывает тяга к просвещению среди туземцев, мне хочется также привести пример ламутов.

Грамотных среди ламутов—не более пяти человек на сотню. Читать и писать они научились частью в школах (Тигильской и Хайрюзовской), частью же по урасам у грамотных ламутов.

В последние годы тяга к просвещению проявилась в том, что палатку-церковь превратили в школу. Но в палатке заниматься было неудобно. Тогда ламуты решили построить настоящее здание для школы. За постройку дома ламуты взялись с средины 1925 г. Подрядили плотников и пильщиков, а сами стали заготовлять лес. Благодаря усердной работе, лес ламутами был заготовлен. Но по неопытности они нарубили лес, негодный для постройки (5—6 дм.). Плотники заготовленный лес забраковали. Пришлось ламутам валить лес заново. Неудача не обескуражила ламутов. Они снова взялись за дело. И к осени 1926 года школа была выстроена. За работу плотникам уплатили деньгами, мясом, одеждой. С помощью Райисполкома поставили печи, оборудовали школу мебелью.

А учитель около строящейся школы развел опытный огородик. С лета текущего года ламуты, глядя на успехи школьного огорода, решили и сами взяться за посадку овощей. Так возникли сразу и школа, и опытный огород.

Во многих местах, как мы видим, туземцы не только соглашаются на открытие школы, но и сами всячески содействуют ее организации.

Но из ряда отрадных фактов не следует еще заключать, что идея просвещения всюду восторжествовала. Напуганные туземцы подходят и до сих пор к школе нередко с опаской.

Самая идея школы еще далеко неясна всем туземцам. В Яновом Стане (на р. Турухане) среди енисейцев-кето коренится убеждение, что туземный подросток своим пребыванием в школе делает большое одолжение учителю, РИКу, кооперации и т. д. Выставляя свои требования к учителю, учащиеся туземцы угрожают покинуть школу. Смысл учения им как будто еще непонятен. Только самоотверженная работа (как в Яновом Стане

работа этнографа-педагога Г. Н. Прокофьева) начинает пробивать толщу непонимания.

Бывает и так, что работе туземной школы мешает озлобленная предубежденность русского населения против туземцев. В качестве примера можно указать, что работа Кетского интерната для остяков в д. Курья была едва-едва не сорвана недоброжелательным отношением населения. Недоброжелательство это вызывалось отказом принимать в туземный интернат на пансион русских детей. Прием детей туземцев вызвал зависть. Помимо того, во многом здесь виноват укоренившийся взгляд на туземца, как на представителя низшей расы, как на дикаря, как на животное, а не на человека. Для успешной работы туземных школ необходимо вести широкую работу со взрослым населением как туземным, так и русским.

Сочувствие населения к школе является благодарной почвой для развертывания школьной работы. Учитывая это обстоятельство, пленум Комитета Севера постановил: «признать необходимым дальнейшее расширение туземной школьной сети для тех малых народностей или в тех туземных районах, где таких школ еще нет, или где само туземное население проявляет инициативу в деле их создания».

А примеры проявления подобной инициативы бывают нередко. Здесь мне хочется привести лишь заявление Горинского туземного сельсовета (Николаевск. окр.).

«У нас есть в стойбище Коцдон школа, выстроенная в 1912 г., очень хорошее здание. Мы очень желаем учить детей... Учителя у нас в школе нет 9-й год. Без учителя дети все неграмотны. Мы очень желаем учиться. Мы темные люди, всякий нас обижает... Помогите, если можете,—пишут туземцы,—пока не поздно. Мы раньше (хорошо) жили, всего хватало. Охота была очень хорошая, продукты были дешевы. А сейчас за целую зиму... поймаешь какого-нибудь зверя, купишь только кое-как один пуд муки. Вот так мы живем и просим свету».

Но трудны не только организационные моменты в смысле преодоления недоверчивого отношения туземцев к школе. В повседневной работе, в быту школы есть множество опасных моментов, которые заставляют учителей туземных школ быть постоянно настороже. Едва ли не самое страшное это появление эпидемических заболеваний в школе. В Тельвисоченской школе в 1926—27 учебном году в течение трех дней все ученики поголовно (31 человек) заболели корью. Школа превратилась в лазарет. Учителя облеклись в халаты, чтобы ухаживать за ребятами. Корь в наших условиях довольно безобидная болезнь, но на Севере почти всегда сопровождается осложнениями. Чуть ли не три четверти заболевших корью ребят перенесли воспаление

легких. Несмотря на все старания врача (врач имеется по соседству со школой) трое ребят умерло.

Учителя пришли в уныние. Им стало казаться, что смерть троих ребят смутит самоедов, и они в дальнейшем не решатся доверить своих детей школе.

Будущий год покажет, насколько основательны были их опасения. Но уже есть признаки, что школа завоевала доверие. Отец одного из умерших ребят, живя во время болезни сына близ школы, имел возможность наблюдать за жизнью и работой интерната продолжительное время. Уезжая в тундру, он привел второго своего сына в школу и сказал:

«Петр помер, так возмите этого».

Оказалось, что в тундре, в чумах смертность от кори была значительно выше, чем в школе.

В Юганском интернате эпидемических болезней не было, но заболевание даже одного ребенка в туземном интернате может погубить дело. И вот что случилось на Югане. Антошка, племянник остяцкого шамана, через три недели пребывания в интернате серьезно заболел. Положение его несмотря на уход не улучшалось. Предстояло везти заболевшего к врачу в районную больницу. Но в это время происходил остяцкий съезд. Остяки всполошились и запротестовали: «Затем в школу брали, чтобы в больницу свезти? Пропадет в больнице Антошка». Убеждения учительницы в необходимости обращения к врачу ни к чему не приводили. Учительница решила на свой страх везти больного: «Умрет, буду отвечать».

Отправить больного без надзора не решилась. Отвезла больного сама и умолила врача уделить больному особое внимание. «Поддержите Антошку хоть до весны. Лишь бы он умер не прямо из стен школы. Если сейчас умрет Антошка, меня могут убить». В самом мрачном состоянии духа вернулась в школу учительница. Через месяц учительница получила записку: «Приезжайте за Антошкой. Антошка здоров».

Отношение остяков резко изменилось. Хорошо, что так обошлось. А если бы Антошка умер? Председатель Тузсовета приобрел бы еще один аргумент против школы.

Много надо сил и такта, чтобы шаг за шагом крепить доверие туземцев к школе.

II. ТУЗЕМЦЫ В ШКОЛЕ

В настоящее время невозможно подводить какие бы то ни было итоги тем результатам, которые достигаются туземными школами на Севере в целом. Подход к оценке работы туземных школ должен быть индивидуальным, особым к каждой школе. Каждую школу по новизне дела и своеобразию работы приходится оце-

нивать как школу опытную. Всюду, куда мы не заглянем, работа идет на свой манер, и каждый учитель ищет того пути, который является единственно верным в среде, окружающей его школу, и может быть неповторным, не применимым в другом месте.

Туземцы Севера являют собою весьма сложный конгломерат народностей, сложный как в смысле своих расовых, языковых и хозяйственно-бытовых особенностей, так и в смысле степени обруселости, приближения к оседлому быту, в степени овладения русским языком и початками русской культуры.

Смело можно сказать, что для пятидесяти северных наших школ необходимо в настоящее время иметь пятьдесят вариантов программ как по содержанию, так и по объему материала. Конечно, это не значит, что мы не должны в центре работать над улучшением единого северного варианта ГУСовских программ и над созданием учебных книг (это необходимо и без этого дело не двинется). Но во всяком случае нам приходится считаться с тем обстоятельством, что в настоящее время к северным туземным школам невозможно предъявлять единообразных требований и что каждая школа требует особого, индивидуального к ней подхода.

Поэтому, говоря о достижениях, о характере учебной и общественной работы школ, приходится назвать по имени ряд школ, бегло очерчивая то окружение, в котором данной школе приходится работать.

Едва ли не лучшей, не наиболее крепкой туземной школой на Севере является школа для самоедов в селе Тельвисочном (Арх.г.) Школа находится в русском селении Тельвисочном. Но это селение в то же время является (и это очень важно отметить) реальным центром и для самоедов. В Тельвисочном происходят туземные съезды, там же пребывает туземный РИК, в Тельвисочном же развертывается работа туземного кооператива «Кочевник»; в этом же селении находится и школа, созданная по инициативе и отчасти на средства самих самоедов. Тельвисочное—центр туземной общественной и хозяйственной жизни.

Большинство (подавляющее) учащихся привозится из тундры, верст за пятьсот, за шестьсот от школы, по первому зимнему пути. Как только подстынут тундровые озера и речки, так и везут самоеды своих ребят. Привозят в школу из чумов ребят, одетых нередко в меховые одежды прямо на голое тело.

Русского языка ребята не знают. Преподавание же в школе ведется на русском языке.

Поэтому «с первых дней появления ученика в школе,—рассказывают учителя,—мы сразу приступаем к изучению русского языка. Мы стремимся меньше говорить на самоедском языке и больше на русском. Делаем это вот из каких соображений: первая наша цель подвести ребенка к изучению азбуки,

научить читать. Для этого надо научить ребенка русскому языку. Сами самоеды настаивают на скорейшем и твердом изучении русского языка школьниками, чтобы ребята смогли служить им переводчиками при всевозможных сношениях с районным центром, так как и в РИКе и в кооперативе большинство служащих туземным языком не владеют. Дети-переводчики поднимают авторитет школы. Появление летом в родном чуме ребят, говорящих и читающих по-русски, вызывает полное одобрение со стороны самоедов.

Вторая цель нашей школы,—говорят учителя,—настолько подготовить ребят, чтобы они могли по окончании начальной школы в Тельвисочном итти учиться дальше, а для этого им надо хорошо владеть русским языком».

Изучение русского языка в Тельвисоченской школе (также и знакомство с азбукой) ведется с помощью особых рисунков, приготовляемых энтузиастом-педагогом, заведывающим школой И. А. Димовым. Начинают обучение с самых понятных слов. «Первые понятия, первые слова, с которыми приходится знакомить ребят это «чум» и «школа». Вторыми словами являются «ученик»—«учитель». За предметными словами идут слова действия—«встань», «садись», «иди». Все это проходится с помощью ярких, самодельных таблиц. «Каждое слово должно быть иллюстрировано. Иначе оно остается ребятам непонятным»— говорят учителя.

Таким же способом ведется работа по ознакомлению детей с числами, с нумерацией.

Обучение грамоте ведется по звуковому методу (да и может ли быть иной метод при обучении грамоте не на родном языке?). Азбука проходится в Тельвисоченской школе опять-таки с помощью особых, изготовленных тем же т. Димовым ярких таблиц. Многие из этих таблиц очень спорны. Основная мысль составителя таблиц заключается в том, чтобы дать такие картины, при виде которых у ребят являлось бы желание издать соответствующий звук, а сами предметы, изображенные на картине, по мысли Димова, должны своими формами походить на букву, изображающую данный звук.

Так например, для буквы О на таблице нарисовано: самоед катит к чуму бочку (с сухарями); «Здесь развивается такая мысль,—поясняет учитель,—что самоедам нередко приходится, вследствие плохих путей сообщения на Севере, сидеть без хлеба. И вот на картинке изображаются самоеды. У них нет хлеба. Входит самоед и катит бочку сухарей и жена кричит—О-О-о (сколько сухарей). Круглое дно бочки напоминает самоеду букву «О». Существуют такие же таблицы на все буквы. «Вторая буква А. Ранней весной самоед убивает утку и говорит А-А-А (?), и как раз утка по форме напоминает а (??)».

Таблицы эти очень спорны. Но недаром говорят, что лучший метод обучения тот, которым учитель лучше всего владеет.

А мы знаем, что Димову с товарищами удается достигать в школе весьма хороших результатов. При нашей постановке дела дети быстро научаются читать и по прошествии пяти-шести месяцев (а учебный год там краток—с конца ноября по май) научаются уже немного говорить, читать и писать по русски. Мне лично пришлось видеть комплекты школьных тетрадей всех трех групп школы, и я должен подтвердить, что «при существующей постановке дела» самоедские школьники в Тельвисочном достигают больших успехов. Но это не значит, что я взял бы на себя смелость рекомендовать методы обучения Димова всем школам: методы обучения Димова хороши в его школе, он и его помощники этим методом хорошо владеют.

Совсем иной подход применяется в школе на Яновом Стане учителем-этнографом Прокофьевым. Также, как и в Тельвисочном, учащиеся попадают в школу на Яновом Стане без знания русского языка. Учитель Прокофьев, изучивший язык, составил остяко-самоедский букварь. Обучение грамоте ведется по этому букварю, т. е. на остяко-самоедском языке. С помощью этого букваря, дети овладевают знанием двадцати пяти букв-звуков (за исключением В, Ш, Щ, Ц, которых нет в остяко-самоедском языке) и в дальнейшем, мало-по-малу усваивая русский язык, переходят к чтению на языке русском. От букваря на туземном языке переходят к чтению букваря русского.

Но в отличие от школ, где дети приезжают в школу без знания русского языка, есть школы, где учащиеся-туземцы в достаточной мере овладевают знанием русского языка до школы (например Кетский остяко-самоедский интернат имени Свердлова). В таких школах обучение грамоте ведется на русском языке, а параллельно с этим ведутся беседы с ребятами на родном языке (один из учителей вполне хорошо владеет местным наречием остяко-самоедского языка).

В отношении усвоения ребятами навыков к счету до сих пор нет единообразного мнения. Есть учителя,которые приводят примеры весьма большой ограниченности туземных ребят в области математических представлений, но другие говорят о повышенной развитости туземных ребят по сравнению с русскими детьми именно в области счета.

В чем тут дело?

Оказывается, что дети-туземцы, которые могут легко справляться с весьма большими числами, названными на родном языке, становятся втупик от самых простых задач, произнесенных на языке русском. Учительница Тетюцкая рассказывает, что в ее школе на Югане был один ученик, который весьма

свободно решал в уме сложные задачи.« Дашь ему задачку,— вспоминает учительница,—и он начинает решать ее по-остяцки. Если спросишь:—что ты бормочешь?—Спиридошка ответит:— не знаю, как это тебе по русски сказать.—Но конечный ответ даст правильный. И так быстро он устно решает сложные примеры, что никто из нас так быстро не решит их»,—говорит Т е т ю ц к а я.

Мне кажется, в этом ключ разногласных оценок математических способностей в туземном ребенке.

В кратких чертах мне хотелось бы отметить одаренность туземных ребят в отношении изобразительных искусств. Карандашные рисунки в школьных тетрадях изобличают в туземном ребенке весьма наблюдательного, зоркого графика. Его линия тверда и выразительна. Особенно удаются детям изображения животных и некоторых движений. Часть рисунков туземных детей-самоедов, остяков, чукчей воспроизведена в книге «Наш Север». Когда-нибудь мы более подробно остановимся на характеристике рисунка у детей северных туземцев. Здесь же мне хочется отметить еще одну особенность в детях-туземцах. В этом году до нас впервые дошли рисунки детей-туземцев в красках. Подбор этих рисунков изумляет смелостью и яркостью колорита. Летнее северное небо, пылающее круглые сутки самыми разнообразными красками и оттенками, нашло свое отражение в колористических особенностях детского туземного творчества. Нет ни одного рисунка, где бы небо было закрашено сплошным синим цветом. Да синие цвета вовсе и не преобладают в окраске неба. Небо у самоедских детей окрашивается чаще в зеленоватые, оранжевые, сиреневые тона. Почти всегда это небо изображается окрашенным вечерней или утренней зарей. Характерно также, что из отверстий остроконечных чумов дым поднимается не черный, а лиловый или сиреневый. Лиловые тона севера очевидно очень близки маленьким туземцам, художникам-колористам. Следовало бы собрать этот ценнейший материал, отражающий маленького туземца в совокупности его графических и колористических дарований.

Что же является объектом изучения в туземных школах Севера? Огромное большинство учителей связывает на деле учебную работу с тем, что окружает ребенка. Школа выявляет опыт подростков в дневниках, записях, воспоминаниях. В этих школьных записях выявляется с несомненностью, что десятилетний туземец прекрасно осведомлен в вопросах хозяйственной жизни родных становищ. Для примера можно привести хотя бы запись на тему: «Какие бывают оленьи шкуры и на что они употребляются». (III гр. самоедской школы в Тельвиске).

«Шкура теленка после родов около двух месяцев остается черного цвета и называется «пыжиком», его употребляют для

шапок, на обшивку сюма [1]) и для одежды. Потом от лучей солнца шкурка принимает красноватый цвет и называется «пендук»; теперь она идет для подкладок под шапки и на туфли.

После летней ленки у теленка снова шерсть нарастает и делается опять черная, но уже толще пыжика и называется «неблюй», идет для шитья дох. Шкура на теленке неблюем бывает около 2 месяцев. После шерсть делается длиннее и светлее и называется «маличной постелью», что бывает около месяца, и употребляется для шитья малиц. После «маличных постелей», когда шерсть будет еще толще, эти шкуры самоеды продают; из них выделывают замшу. С совершенно взрослого оленя шкуры идут на шитье совиков и на покрышку чума».

Весьма подробно осведомлены дети также о ценах на «олений» товар, и цены эти их живо интересуют. В туземном подростке крепко сидит самостоятельный добытчик и участник родового хозяйства. Все важные вопросы хозяйственной жизни обсуждаются в их присутствии. И не только обсуждаются. Вот как описывает свою жизнь маленький карагасский мальчик:

«Раньше я с отцом весной промышлял. Одного сохатого убил, а на третий день убил трех глухарей.

Нас было три юрты—Арактаева, Ингуштаева и наша. Это было весной. Росли оленята. Потом расстаял снег. Мы собирали орехи. Собрали мы пудов 50 орехов. Ингуштаев говорит: надо кочевать. Арактаев говорит: можно кочевать. Поехали по тайге кочевать.

Стали мы жить на берегу озера. Потом наступила осень. Люди стали промышлять. Я убил 100 белок. Мой брат убил 235. Отец убил девять соболей и 50 белок».

Конечно, школа не только помогает туземным детям осознать и упорядочить их жизненный опыт, но и знакомить детей с теми улучшениями, которые возможно ввести в жизнь.

Натерпелись в свое время туземцы от купцов, спаивавших и обиравших простодушных туземцев и оленеводов. Теперь на смену купцу-частнику организуются кооперативы. В школе дети осмысливают значение и выгоды кооперативов. Потом они являются деятельными членами туземной кооперации.

Вот как самоедский подросток понимает значение своего кооператива «Кочевник» (в с. Тельвиске на Печоре).

«Пищу самоеды могут получать в тундре: оленье мясо и мясо птиц. А одежду—одни только постели (оленьи шкуры). Остальную же пищу и одежду им приходится покупать. Покупают они: мануфактуру, муку, масло, чай, соль, мыло, сахар, ружья, дробь, порох, пистоны, чайные чашки, табак, бумагу, керосин.

---

[1] Сюм—шапка, пришитая к малице.

Все эти товары раньше они получали от частных торговцев, которые часто обсчитывали неграмотных самоедов. С 23 апреля 1925 года самоеды открыли свой кооператив «Кочевник» в Печорском уезде.

С открытием кооператива самоедам стало жить легче. При открытии членов было 768. На 1 октября 1925 года состояло уже 830 человек полных пайщиков. Вступная плата—50 коп. и членский взнос—5 рублей». (из ученической тетради Тельвис. сам. школы).

Как видно из приведенных примеров, краеведный уклон в преподавании имеется налицо. Значительно слабее обстоит дело в тех случаях, когда учителя должны дать детям в руки книгу. Книги эти до настоящего года были детям совсем чужими.

Рассказывалось в них о вещах непонятных. В тетрадях учеников, наряду с записями явлений, им близких, наряду с прекрасными рисунками оленей, белых медведей, охотничьих сцен и пр., встречаются неуместные, списанные из книг фразы о молотилках, сноповязалках и о прочем чуждом, непонятном и ненужном им сельскохозяйственном инвентаре.

С 1927—28 года туземные школы Севера получили две учебные книги, построенные на северном материале: Букварь (на русском языке) проф. В. Г. Тана-Богораза и книгу для чтения в туземных школах «Наш Север», составленную Н. И. Леоновым и П. Е. Островских.

В дальнейшем необходимо создать такую книгу, которая помогла бы школьнику-туземцу в понимании окружающей жизни и расширила бы кругозор ребенка за пределы привычной жизни. На третьем и четвертом годах обучения необходимо знакомить детей с тем, как живут и как работают люди за пределами северной зоны. Книга для туземных школ должна также стремиться к тому, чтобы через школу дети подготовлялись принять участие в улучшении окружающей жизни, в улучшении техники северного хозяйства.

Первым шагом в деле методической помощи туземным школам было составление специальной учебной программы для туземных школ северной зоны РСФСР (издана в 1926 г.). Составители программы направляли все усилия на то, чтобы создать программы, наиболее пригодные к своеобразным условиям быта северных туземцев. «Величайшей ошибкой было бы думать, что мы должны в нашей работе,—говорится в «Учебных программах»,—стремиться к передаче туземцам наших привычек, столь чуждых их быту, стараясь изменить их быт на наш лад. С большой чуткостью и осторожностью должны мы подходить к устоям туземной жизни, сломать эти устои нетрудно, но это только приведет туземца к гибели. Туземная школа должна давать только такого рода образование, которое не оторвет туземца от его хозяйственной об-

становки, не отучит от обычной его трудовой деятельности, но в значительной степени облегчит ему тяжелую ежедневную борьбу с суровыми условиями северной природы и, вооружив его достижениями высшей материальной культуры, удержит его в родной тайге и тундре».

Большинство туземцев-школьников живет в интернатах, в обстановке, совсем не похожей на жизнь в чумах. Порядок в интернатах поддерживается особыми правилами. Остановим наше внимание на правилах гигиены. Мы уже знаем, что из тундры дети приезжают немытыми, без всякого белья, в одних грязных, вшивых малицах. Подушка, матрац, одеяло и простыня—им в диковинку. Поэтому в самый план работы школы было включено: «Приучить умываться. Практически показать, как мыться в бане. При еде не лезть в чашку руками и т. д.». И мало-по-малу дети приобретают ряд необходимых навыков. В напоминание себе развешивают плакаты (в Ухтинской гиляцкой школе):

1. Не забывай мыть лицо и руки.
2. Застегивай пуговицы, не забывай подпоясываться.
3. Не плюй на пол.
4. Не клади под подушку портянок и грязного белья и пр.

Необходимо отметить, что гигиенические навыки, приобретаемые детьми в школе, начинают просачиваться через ребят и в семьи (из опыта карагасской школы).

И если мы у себя в деревенской школе гордимся воздействием школы на взрослое население в отношении распространения некоторых санитарных навыков, то тем более оснований у нас имеется считать крупной победой воздействие туземной школы на туземную среду. Заставить умываться в туземном быту—это целая революция.

Надо приучить детей не только убирать постель, проветривать комнаты, обращаться с одеждой, но и есть с помощью ложки, вилок, ножей. Не даром на плакате в столовой красуется: «За едой не лезь в чашку руками».

Дети приучаются в интернатах также вести самостоятельно свое интернатное хозяйство, учитывать запасы и распределять продовольствие.

«В гиляцком интернате установлены дежурства по хозяйству. Все ученики по очереди дежурят на кухне. Они помогают в отвешивании провизии на день. Все, что будет выдано за день, дежурные записывают.

Хозяйственная комиссия ведет продуктовый лист. Члены комиссии отбирают у дежурных записки, что выдано за день, и отмечают на особом листе.

Потом хозяйственная комиссия подсчитывает, сколько выходит продуктов за неделю, а мы ей все помогаем.

Одни считают, сколько вышло муки, другие мяса, третьи соли и т. д.

Потом мы составляем подсчет, сколько нужно продуктов на месяц, на три месяца, на все учебное время.

Кроме того хозяйственная комиссия ведет учет книг, письменных принадлежностей: бумаги, карандашей, перьев, ручек».

В другом интернате при образовании артелей охотничьей и рыболовной хозяйственная комиссия взяла на учет всю снасть: ловушки, капканы, сети. «От этого больше порядку».

Необходимо отметить, что самоуправление в туземных школах интернатах Севера играет огромную роль.

Мы знаем ряд примеров, когда даже в первый год пребывания в школе ребята весьма быстро сживались в дружный, деловитый коллектив.

Так на пример мне хотелось бы указать, что в интернате Верте-Кос (на Оби), где занятия начались лишь 19 декабря 1926 года, уже в марте, в апреле 1927 года имелся налицо спаянный детский коллектив.

Благодаря неудачному подбору персонала, дело в этом интернате поставлено было очень скверно. (Это нашло отражение в печати и соответствующими органами приняты меры к устранению виновных лиц). И вот мы видим, что даже в условиях, весьма не подходящих для успешной работы, детский коллектив в форме общего собрания и хозяйственных артелей делает ряд усилий, чтобы наладить интернатскую жизнь.

Я позволю себе привести здесь ряд выдержек из протоколов общих собраний школьников.

Вот: «Протокол № 3 общего собрания воспитаников интерната Верте-Кос от 13 марта 1927 года. Присутствовали все ученики.

1. О подготовке к 18 марта.
2. Выборы товарищеского суда.
3. Разное.

1. Слушали предложение учительницы. Постановили выбрать комиссию для подготовки к празднику (выбрали четырех).

2. В товарищеский суд выбрали... (три человека).

3. Разное.

а) О воде. У нас каждый день Козин (сторож) ругается из-за воды и говорит, что сторожиха велит воду таскать нам. Сапыряев Николай говорит, что когда Козин уезжал там куда-нибудь, мы сами возили воду и дрова. Так у нас больше было воды и никакого спору. Теперь постановили, чтобы самим возить воду и дрова, просить об этом.

б) Ребята недовольны, что Козин ругал их вчера за то, что ездили на экскурсию в Прорытову (деревня в семи верстах от интерната—ездили на праздник в русскую школу) и замучили лошадь. Козин материл ребят и сказал, что, если он захочет,

даст ребятам (лошадь), а если не захочет, не даст... слушайте меня, а не учительницу. Потом третьего дня нам привез воды полкадки и потом на третий день он пришел к нам и говорит: «почему вам воды не хватает?» поднял опять пыль, скандал. Михаил Пырчин говорит, что наверное скоро нас бить будет Козин под пьяну руку.

Предложение учительницы: позвать Козина на собрание. Его нет дома, а потому оставить до другого собрания, на которое позвать Козина.

Председатель Мих. Пырчин.
Секретарь Петр Пилятчиков.

Так юные воспитанники интерната пытаются своими силами уладить интернатские непорядки.

Маленьким туземцам вообще присущ хозяйственный подход к делу.

24 июня (протокол № 13) ребята собираются для выбора делегатов от учащихся на собрание служащих интерната. Любопытен наказ, данный общим собранием ребят выбранным делегатам: «Велеть выборным на заседание спросить, когда у нас будут сети. Нам охота промышлять, надоело есть одну кашу».

Очевидно это заявление ребят не встретило должного отклика в завед. интернатом, и 29 июня на новом общем собрании, собранном для утверждения нового распорядка дня (предложенного на предыдущем собрании), было заслушено предложение Михаила Пырчина: «осмотреть невод, который долгое время лежал на дожде». Постановили «пойти на склад и осмотреть невод». Ребята обсуждают и постановку учебного дела. Так 21 июня их занимал вопрос о бумаге. «Говорим про бумагу. Три недели бумаги нет. Разучимся писать. Постановили: просить заведующего выдать бумагу».

Мне лично пришлось убедиться, что за пять-шесть месяцев в ребятах, совершенно не привыкших к каким бы то ни было правилам школьного общежития, крепко внедрились новые навыки. Я привез в интернат детские книжки с яркими красочными рисунками. Мы сидели в классе, рассматривали новые невиданные книжки. В это время в соседнюю комнату вошли посторонние интернату люди. Тогда ребята вскинулись и сейчас же вспомнили, что есть правило, запрещающее посторонним входить в здание интерната. Но они не закричали на вошедших, а между собою спросили: «Кто дежурный?» Дежурный встал и попросил посторонних выйти из интерната. Эта маленькая деталь очень красноречиво говорит за то, что в течение года удалось ввести ребят в интернатское русло.

Деятельность ребят по самообслуживанию почти всюду протекает вполне организованно.

III. ОБЩЕСТВЕННАЯ РАБОТА ТУЗЕМНЫХ ШКОЛ

Если вообще верна мысль, что «хороша та школа, которая умеет воспитывать ребят таким образом, что им будет дело до всего общественного», то особенно верно это звучит для школы туземной.

Всякий окончивший школу туземец будет головой выше, в силу своей технической грамотности, и сильнее своих сородичей. Долгое время эти грамотные люди будут насчитываться единицами. Необходимо вложить в них желание использовать приобретенные ими знания на пользу своих сородичей, а не на приобретение личных выгод. Но одного желания вести общественно-полезную работу недостаточно. Необходимо, чтобы школа не только воспитывала в учащихся желание употребить приобретенные знания на общую пользу, но чтобы в то же самое время школа дала юному туземцу навыки к общественной работе.

В направлении общественно-полезной работы школы учитель северной зоны поставлен в особые, непохожие на наши, условия.

С одной стороны эта работа может показаться более трудной— мы знаем, что туземная среда во многих отношениях может показаться более отсталой, более невежественной.

Но вместе с тем самая простота социальных отношений, самая примитивность быта делает работу туземной школы и более необходимой и более возможной.

Работа туземной школы с населением действительно общественно-необходима, и я бы даже сказал—общественно-неизбежна. Учителю туземной школы не придется измышлять, какие существуют виды общественной работы, которые могут быть применены в данной обстановке. Вся жизнь, весь быт туземцев представляет собою богатое поле для общественной работы школы. В силу этого простое сопоставление: «школа—чум», «больница—шаман»—уже дает огромный толчек к вмешательству в окружающую жизнь.

Если появление русских школьников на выборах сельсовета или в кооперативе может вызвать снисходительно-поощрительное: «пускай присматриваются», то в туземной среде ребята-школьники становятся желанными, нужными и даже, скажу, необходимыми помощниками. Большинство самоедов Большеземельской тундры (как и других туземцев) не говорит по-русски. Ученики школы, научившиеся говорить по-русски, помогают взрослым в качестве переводчиков. «Самоеды очень ценят это уменье ребят говорить, читать и писать по-русски», отмечает в своем докладе учитель Тельвисоченской школы.

Но ребята служат не только техническими переводчиками; они являются в то же время и проводниками новых знаний. Во

время туземных съездов школьники ставят спектакли, пересказывают интересные статьи, прочитанные в классе; играют на музыкальных инструментах (Тельвисочное).

В одной из школ в день 1 мая решили устроить большой советский праздник. Собрали школьный совет и решили устроить праздник на горе, которая была местом жертвоприношений, шаманства у вогулов.

Вначале учителя не решались, но родители-вогулы, входящие в школьный совет, нашли, что это затея вполне возможна. Праздник устроили с угощением. Все население жертвовало: кто мясо, кто икру и пр. Школа поставила три пьески, ученики пели хором, были игры и упражнения на воздухе. После доклада о Первом Мая угощали ребятишек, стариков, старух. Многие вогулы специально приехали на праздник из других поселков. Всего было 101 человек.

Население осталось очень довольно праздником. Участие ребят, говоривших стихи, произвело очень хорошее впечатление.

Но ребята вмешиваются в окружающую жизнь не только в моменты праздников.

Учитель Ламбин рассказывает:

Ребята в школе получили сведения по гигиене жилища, одежды, употребления пищи и пр. Приходя домой, ребята-школьники старались почище вымести пол, учили взрослых пользоваться отдельной ложкой.

Школа также принимала участие в медицинском обследовании Карымского поселка.

В Юганском интернате ребята начали следить за собой в отношении чистоты, и даже летом Нюша (одна из воспитаниц интерната, очень неряшливая), приехавшая в школу с насекомыми, дома летом моет рубашку в реке и выстирала матери платок.

Это дается с большим трудом, а не редко борьба за внедрение нового в туземный быт связывается даже с опасностью для учителей, как это было в описанном уже случае с заболевшим Антошкой на Югане.

Но учителей это не может остановить. Учительница карагасской школы разсказывает, что ребята-школьники убедили взрослых, что артелью работать лучше, и уговорили покос не делить, а скосить артелью. Взрослые решили в 1927 г. летом все покосы скосить артелью.

Перебирая тетради, прочитывая стенгазету, из бесед с ребятами Широковского интерната ясно видишь, что здесь растут первые грамотные туземцы, из которых вырабатывается кадр первых культурных общественных работников из туземцев. Самая яркая черта туземцев-школьников—это их сплоченность и общественность, их острое и внимательное отношение к общему делу и ко всему, что творится кругом.

Вот несколько примеров. Стала было одна из крестьянок поселка по соседству с интернатом самогон гнать, да, спаивая самогоном охотников-туземцев, выманивать у них беличьи шкурки.

Встрепенулись маленькие граждане, целую войну подняли. Песню сложили про самогонщицу и распевали ее, бродя по поселку.

«Самогонку Дунька гонит»...

В стенной газете появилась заметка: «Не мешало бы сельсовету,—говорилось в этой заметке,—обратить внимание на пьянство», писали ученики. А сельсовет под боком. Приходилось читать и «обращать внимание». Но всего сильнее подействовали на самогонщицу звонкие голоса, распевавшие сочиненную мальчиками песенку:

«Наварю я самогону,
Остяка я влоск спою;
Возьму белку и бруснику
Я за малую толику.
А уважу тунгуса—
Еше больше барыша:
Ведь тунгус-то редкий гость,
С него белок возьму горсть».

На выборах, когда собирались выбрать в члены сельсовета мужа самогонщицы, кто-то из школьников крикнул: «самогон гонят», и мужика забаллотировали. Помогло. Пришлось самогонщице прикрыть производство. «Настойчивые ребята»,—говорит про школьников секретарь сельсовета.

Всюду на стенах амбаров и в школе на плакатах «заповеди охотника:» «Дай вешней птице покой—осенью соберешь с лихвой», «Собака друг и помощник охотнику—не калеч собаку, глупо верить, что с отрубленным хвостом или ухом собака станет лучше». [1]).

Яркими краскими пестреет плакат: «Как узнать глупого охотника».

Тому, кто не наблюдает запретных сроков или кто зря изводит птицу или зверя,—спуску ребята не дадут.

Случилось как-то, что завхоз интерната (уроженец Москвы) разорил гнездо лебедя. Ребята возбудили целое дело. В стенгазете появилась заметка о нем под заголовком: «Дикарь из Москвы». На общем собрании постановили: «лишить завхоза права пользоваться казенными ружьями и обласком». Завхоз просил прощения.

Из школы же по юртам летят ярко раскрашенные листки-плакаты с указаниеми—как надо держать в чистоте жилище и тело, чтобы избегнуть болезней, а также о вреде алкоголя.

---

[1]) Есть поверье, что отрубание хвоста утончает нюх.

Перед затмением в июне 1927 года в ближайшие юрты ребятами были разосланы пояснительные листки, предупреждавшие о затмении.

Все эти ребячьи писания, снабженные ярко раскрашенными картинками (ребята любят рисовать и раскрашивать), с большой любовью и тщательностью развешиваются в родных юртах и, раз прочитанные детьми, навсегда врезаются в память.

Особенно ценят туземцы практически-полезные знания и навыки ребят. Быт туземца примитивен, и часто в туземной среде нет ни одного человека, который умел бы шить нитками, или же вязать сети. Поэтому те школы, которые нащупали необходимую почву под ногами, неизбежно должны уделить внимание развитию в детях ремесленных навыков.

Недаром одна из наиболее чутких учительниц отмечает, что в школе чувствовался недостаток в мастерских. Если бы ребята получили навыки к слесарному делу, туземцы были бы очень довольны. Всякое рукоделье, изученное детьми, ценится остяками.

Ребята научились в школе вязать пояски. Туземцы гордятся этими поясками и говорят: «Вот что ребята наши сделали»...

Обучение ремеслам укрепляет школу.

В вогульской школе в с. Карым мальчики с помощью ножа и топора делали скамейки для сидения.

Девочки вязали чулки и рукавицы из шерсти. Все девочки учились вязать. Вогулы чулок вязать не умеют. Население было довольно, что ребята приобретают одновременно с грамотой навыки, полезные и для всей семьи.

А в Тельвисоченской самоедской школе обратили внимание на еще более существенную помощь школы—научить население вязать сети—т. е. изготовлять орудия промысла.

Большинство самоедов занимается рыболовством, но ни один из них не умеет вязать сетей, а покупает их в готовом виде и сильно за это переплачивает. Школа ставит себе целью научить ребят самих вязать сети, а через ребят приобщить к этому и взрослое население.

То же самое приходится сказать о пошивке одежды. Самоеды покупают только готовую одежду, мануфактуры не покупают.

Цель школы—научить ребят самих ш и т ь н и т к а м и белье из тканей.

К труду дети относятся хорошо, за все берутся с охотой.

На очереди стоит вопрос о планомерном снабжении северных туземных школ промышленным и ремесленным инвентарем с тем, чтобы школа наряду со знанием несла в туземную среду полезные технические навыки. Такая школа будет признана своей школой, и туземцы оценят помощь школы во всей полноте.

Помещения волостного революционного комитета в Карагинской бухте, сев.-вост. ч. Камчатского полуострова; август 1925.

Н. И. Леонов

ТУЗЕМНЫЕ СОВЕТА В ТАЙГЕ И ТУНДРАХ

I. КАК ЭТО БЫВАЕТ

а) Оповещают о суглане

Тайга покоится в снежном убранстве. Изредка проглядывает солнце. В его лучах сверкает и переливается кухта—тяжелые хлопья снега, облепившего темные ветки елей и пихт.

Снег на полянах слепит своей нетронутой белизной. Лишь кое-где темнеют отметины—тонкой стежкой прострочила лисица, да белка припечатала легкие свои следы.

От горы к горе, едва заметно, протоптана тропка. Тишина. И вдруг—шорох. Кто это?

Сквозь кустарник, обивая рогами густую кухту, показываются рога оленей. На спине одного из них виден всадник. Это тунгус Чукчанча.

Чукчанча спешит. Чукчанча едет с важным поручением в чум своего сородича Пампуни. Оба они из одного почтенного рода Панкагырь. Да и не к одному Пампуне спешит Чукчанча. Ему надо оповестить всех своих сородичей о том, что в день первого полнолуния после весеннего ледохода в истоках Чуни соберется тунгусский суглан (съезд).

Чукчанча обязан оповестить об этом каждый чум в кочевьях рода Панкагырь.

До суглана осталось всего лишь пятьдесят два дня. Вот отчего надо спешить Чукчанче.

Чтобы не сбиться со счета, Чукчанча возит с собой палку. На одной стороне этой палки можно насчитать ровно пятьдесят две зарубки—по числу оставшихся до суглана дней.

Каждое утро Чукчанча срезает ножом по одной зарубке—днем меньше остается в его распоряжении. Надо спешить ему с важной вестью.

На другой стороне палки оповещенные Чукчанчей сородичи делают ножом свои отметки. Смысл такой отметки понятен: «Извещение о суглане получил. Такой-то» (каждый вырезает свой особый условный знак).

Взглянув на палку, Чукчанча может сообразить, сколько осталось дней до суглана и сколько сородичей осталось ему оповестить. Их имена он держит в памяти.

Вот и долина Таймуры. Летом здесь травы по пояс, а зимой—снегу по горло. Вот и чум Пампуни.

Появления Чукчанчи никто не ожидал. Оттого насторожился Пампуня. С удивлением слушают Чукчанчу домочадцы.

Отвечая на расспросы сородичей, Пампуня вытаскивает лист бумаги, исписанный мелким почерком (химическим карандашом) с четким оттиском круглой печати. Тунгусы смотрят на непонятную бумагу, на рисунок печати, а Чукчанча рассказывает, что на факторию «Стрелка», что в истоках Чуни, приехал «большой русский начальник». Не без гордости Чукчанча добавляет, что ему, Чукчанче, начальник поручил оповестить всех сородичей о созыве большого родового суглана в день первого весеннего полнолуния. А на суглане будут выбирать вместо прежних князей нового, да не одного, а сразу трех, и будут называть их «родовой совет». На суглане большой начальник расскажет тунгусам, как живут русские, да якуты. Расскажет и о том, как станут закупать оленей для раздачи безоленным тунгусам, строить больницу и школу».

С удивлением, а может быть и с недоверием слушают родичи Чукчанчу.

Они помнят прежние сугланы. Тунгусов созывали для уплаты ясака, да для объявления, чтобы они слушались князя. Но те сугланы были давно. И лет пять уже прошло с тех пор, как никто не созывал тунгусов на сугланы.

Старого князя давно не стало. Не стало и судьи. Много накопилось неразобранных обид и споров. Все радуются суглану. Все дивятся вестям, привезенным Чукчанчей.

Чукчанчу закидывают вопросами. Он отвечает по мере сил. А на утро спешит дальше. Ведь только пятьдесят один день остался

до суглана. Скоро распутица. Не проедешь тайгой. Спешит Чукчанча.

В помощь Чукчанче Пампуня снаряжает сына. Гонцов снабжают сушеным мясом (уликтой).

б) Суглан

Весна началась дружная. Опала кухта. Проступался наст. Но тунгусы, взявшись дружно за дело, помогли Чукчанче. И все были во-время оповещены.

К началу ледохода с фактории «Стрелка» заметили на противоположном берегу реки оленьи рога и пестрые одежды тунгусов. Съезжались участники суглана.

Съезжались они с верховьев реки Таймуры, с Северной, да с Южной Чуни и с реки Лимне. Собрались тунгусы из кровных родов Панкагырь, Коченгиль, Мамоль, Гарболь и Куркагырь. Собирались за тем, чтобы осуществить свое право по-своему устраивать свою жизнь.

«Большой русский начальник», пославший Чукчанчу созывать тунгусов на суглан, оказался председателем Красноярского Комитета Севера И. М. Сусловым. Он привез с собой «Положение о туземных советах»—новый закон для тайги.

Делегаты тунгусского суглана уселись кружком на таежной поляне. Председатель Комитета Севера сел в середину, прочел Положение, разъяснил его по пунктам и поставил на обсуждение.

За триста лет туземцев впервые спросили, как они хотят управляться. Стали обсуждать новый закон. Сам собою встал вопрос об участии женщин в суглане. Тунгусы, согласно родовым обычаям, женщин, приехавших на суглан, лишили права голоса. Таков пока закон Туруханской тайги. Но в целом «Положение о туземных советах» тунгусы одобрили, признали близким к своим обычаям, порешили приступить к выбору советов и судей.

При начале выборов замечено было, что род Чамдаль оказался не оповещенным о собрании. Порешили, что надо дать весть чамдальскому роду о решениях суглана. Илье Мочакугырю поручили передать родовичам Чамдаль обо всем, что будет решено на суглане.

Собравшиеся на суглан делегаты признали, что, ввиду обширности территории, покрытой густыми лесами, пересеченной многочисленными речками, в районе Чуни необходимо организовать не один, а два родовых совета: (Чунско-Таймурский-Куркагырский совет, объединяющий роды Куркагырь, Кочаниль, Мамоль и Горболь, и 2) Чунско-Таймурский-Панкагырский, объединяющий один род Панкагырь. В каждый совет было избрано по три человека, да для каждого района по одному родовому судье, а в помощь судьям намечено было по десять заседателей.

, Выбрав членов своих родовых советов, тунгусы приступили к обсуждению своих дел—самых важных, самых наболевших. Едва ли не самым больным был для всех вопрос о вторжении русских в тунгусские кочевья. Под натиском русских — говорили делегаты,—тунгус покидает свои родовые угодья и могилы предков. Прежде царское правительство запрещало русским вторгаться в пределы тунгусских кочевий. Революция смела царя. Пошатнулся прежний запрет. И с 1925 года началось вторжение русских самовольных засильщиков. Лучшие родовые угодья для охоты по хребтам Лакура, Горбонос и Буркан заняты русскими. Тунгусам приходится уходить. Русские, вторгаясь в тайгу, разоряют могилы предков, обкрадывают туземные лабазы, вытаскивают из тунгусских ловушек лисиц. Собаки русских охотников разгоняют по тайге пугливых тунгусских оленей. Тунгусу-оленеводу приходится много времени терять, чтобы собрать в тайге разбегающихся животных. Это отрывает тунгусов от промысла и тем самым наносится большой ущерб туземному хозяйству. А были случаи, когда русские даже убивали домашних оленей.

Чтобы положить предел продвижению русских, тунгусы стали отходить к северу, выжигая тайгу.

Тунгусы отходили к северу, покуда была возможность отступать. Но теперь распределены все угодья. Дальше Чуни и Таймуры итти некуда. За Таймурой и Чунями начинаются кочевья илимпийских тунгусов.

Так характеризовали делегаты создавшееся положение и постановили просить от имени суглана принять скорейшие меры к защите тунгусов от вторжения русских.

Говорили делегаты и о торговле. Просили они наряду с госторговской факторией открыть кооперативную на слиянии Северной и Южной Чуни, а вверх по Чуне других факторий не открывать.

Делегатами был возбужден также вопрос об открытии фельдшерского пункта. «Хотя бы оспу привили нам—говорили делегаты—да полечили маленько. За лекарства охотно платить будем».

Болеют в тайге не только люди. Еще чаще болеют олени, без которых тунгус словно калекой становится. Без оленя не выйдешь на промысел—как безногим станешь.

Много рассказывали тунгусы о заболеваниях оленей чесоткой, копытницей, даже сибирской язвой.

«Пусть пришлют нам через Госторг мази от чесотки не позднее осени. Деньги Госторгу заплатим».

Говорили на суглане о закупке оленей и о школе. Тунгусы просили построить здание и прислать учителя.

Стали обсуждать вопрос о сроках сбора на сугланы. Жаловались на то, что многие представители торговых и государствен-

ных организаций самовольно распоряжаются созывать собрания. Тунгусы понапрасну гоняют оленей.

— Надо приурочить сугланы к определенным срокам.

И встал вопрос:—В какие же сроки удобнее собираться?

Поспорив, единогласно постановили:

— Малый суглан собирать зимой, а большой суглан собирать весной...

— Весной? Надо точнее сговориться...

— Когда станут зацветать Хорин-чуко (жаркие цветы).

Решение это было скреплено приложением тамг (родовых печатей) к протоколу суглана.

в) После суглана

Закончился суглан. Пять дней сидели кружком на полянке. Обсуждали дела. На слова были скупы. Сдержанно, осторожно высказывали свои мнения. Не привыкли к новым словам, к новому обращению. Выбрали членов советов и родовых судей, не изъявляя своих чувств.

Пугали белые листы бумаги, на которых секретарь непонятной вязью записывал решения суглана. С опаской поглядывали тунгусы на страницы протокола. Непривычно было. Непонятно.

Вечером того дня, как закончился суглан, стали водить хоровод. Во время хороводной игры тунгусы обычно поют по очереди песни. Слова песни поет один, а все хором поют припев. Такова тунгусская игра «ёхарьё».

Разоделись делегаты в лучшие свои наряды. В игре приняли участие и женщины, лишенные голоса во время суглана.

От вечерней зари до восхода солнца играли и пели тунгусы.

Певцы-импровизаторы принялись ритмичными строками рассказывать обо всех вопросах, волновавших тунгусов на суглане.

В песне пелось о том, как ангарцы теснят тунгусов, и о том, насколько сильнее «ученые» русские «темных» тунгусов. И все хором подпевали припев «ёхарьё».

Но вот ворвались новые, бодрые нотки. Один из певцов затянул о начале светлых дней, когда у тунгусов тоже будет своя школа и тунгусы перестанут быть темными. Поют о будущей больнице и обо всем, что слышали на суглане.

Смысл игры состоит в том, что каждому хочется показать перед другими свою ловкость, умение, остроумие.

Вот один из импровизаторов в размеренных строчках отваживается сравнить единоличную княжескую расправу с разбором дел в «родовом совете». Хор дружно подхватывает «ёхарьё, ёхарьё».

Каждый тунгус, в том числе и женщины, могут принять участие в этой игре.

В хор поющих врывается женский голос. Молодая вдова грустно запевает о том, что ее муж умер и не сможет теперь быть выбранным родовым судьей или членом родового совета.

Дошла очередь петь и до шамана Баркауля. Его искусство петь известно по всей Чуне.

Все старательно прислушиваются к голосу шамана. И «Большой русский начальник», только что проведший первый суглан на Чуне, слышит с радостью из уст шамана, почитаемого в округе, оценку всех постановлений суглана. Оценка эта в высшей степени благоприятна. Надо считаться с тем, что слово шамана имеет в тайге большой вес. Оценки Баркауля будут передаваться из уст в уста и создадут благоприятную обстановку для работы вновь избранных туземных советов.

И Суслов записал в своем дневнике:—«Баркауль в песне рассказывает тунгусам все, что говорилось и решалось на суглане. Ах, если бы был фонограф. Сколько здесь слышишь правдивых, здоровых, искренних оценок всех тех мероприятий, которые мы проводим у туземцев». («Двадцать дней на Чуне»—рукопись И. М. Суслова).

Занимается рассвет над Чунской тайгой. Костер, горевший все пять дней во время суглана, затухает. Вокруг потухающего костра на оленьих и лосиных шкурах отдыхают утомленные тунгусы.

Новый день занялся. Брызнули лучи яркого солнца. Тунгусы разъезжаются по родным стойбищам.

II. ВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОБ УПРАВЛЕНИИ ТУЗЕМНЫХ НАРОДНОСТЕЙ СЕВЕРА

Родовые сугланы созываются для избрания родовых советов на основе «Временного положения об управлении туземных народностей и племен Северных Окраин РСФСР», утвержденного ВЦИКом в 1926 году [1]).

Это Положение явилось на смену «Устава 1822 года об инородцах».

В очерке нашем нет нужды подробно излагать сущность указанного «Положения об управлении туземных народностей». Желающие ознакомиться с ним прочтут его в подлинном тексте, напечатанном, кроме официального «Собрания узаконений», в журнале «Северная Азия» № 2 (14) за 1927 год (стр. 85—91).

Мы остановимся лишь на некоторых основных пунктах этого «Положения» с тем, чтобы указать те моменты, которые оказалось целесообразным изменить в соответствии с опытом применения этого «Положения» на практике.

---

[1]) Опубликовано в Собрании узаконений 1926 г., № 73, стр. 575.

Основной смысл «Временного положения» формулирован в ст. 1: «В целях защиты прав и интересов трудящихся туземцев северных окраин, а также в целях вовлечения их в дело управления, наиболее полного и правильного проведения среди них законов советского правительства, для поднятия их хозяйства и культурных условий жизни, организуются органы туземного управления среди народностей и племен Северных окраин РСФСР, ведущих бродячий, кочевой и полукочевой образ жизни и занимающихся главным образом охотой, рыболовством и оленеводством, а также ведущих оседлый образ жизни и занимающихся морским звероловством, поскольку однако эти народности и племена не выделены в особые республики и области».

«Положение» устанавливает в качестве органов туземного управления: а) родовое собрание, б) родовой совет, в) районный туземный съезд, г) районный туземный исполнительный комитет (ст. 3).

Как видно из этого перечня туземных органов управления, «Временное положение» базировало сеть низовых органов на основах родового строя северных туземцев.

На деле оказалось, что принцип организации управления по родовому признаку не везде пригоден. Как на западе у Архангельских самоедов, так и у чукчей на Дальнем Востоке советы организовались по принципу территориальному, а не родовому. В Туруханском же крае большей частью туземцы объединились в советы именно по родовому признаку.

В связи с этим ныне внесено в закон изменение, согласно которому в тех районах и у тех племен и народностей, где родовые связи угасли и уступили место новым территориальным объединениям туземцев, там вместо родовых собраний и советов существуют собрания и советы территориальные, носящие у архангельских самоедов названия «тундровое собрание», «тундровой совет» [1]), а у чукчей малоудачное название «лагерком».

Согласно «Положению» «родовое очередное собрание» (суглан) созывается родовым советом по мере надобности, но не реже одного раза в год (ст. 7) и «составляется из всех членов обоего пола данного рода или другого туземного объединения граждан, кочующих или проживающих совместно в данном районе, пользующихся избирательным правом и достигших восемнадцати лет» (ст. 5).

Как мы видели, на деле это осуществляется не везде (у тунгусов женщины не имеют права голоса и участия в суглане), но несомненно, что в скором времени статья пятая вступит в свои права. У самоедов Архангельской тундры уже в 1927 г. женщина-самоедка была выбрана председателем Канинско-Тиманского самоедского РИКа.

[1]) Соответственно тундрам: Канинской, Тиманской, Малоземельской и Большеземельской.

В разъяснении статьи пятой о лицах «пользующихся избирательным правом», в «Положении» имеется статья шестая, разъясняющая, что ряд категорий лиц не имеет права быть избранными и избирать в советы. Между прочим, пункт г)—говорит, что избирательного права лишаются «служители всех религиозных культов». К этой категории легко могут быть причислены и шаманы, нередко пользующиеся огромным авторитетом у туземцев и до сих пор играющие важную роль в общественной организации туземцев, хотя в действительности между социальным и экономическим положением шамана с одной стороны и священника, ксендза или ламы с другой нет почти ничего общего.

Практика показала, что к вопросу о лишении шаманов избирательного права надо подходить с большой осторожностью.

Таковы поправки, внесенные о п ы т о м применения закона к на деле.

Согласно «Положению», каждый род или другое, соответствующее ему, туземное объединение (п. 5) избирает родовой совет, состоящий из трех лиц, одно из которых избирается—как председатель, другое—как заместитель председателя, и третье—как член родового совета.

Родовой совет избирается сроком на один год и обладает правами юридического лица. Члены родового совета в промежуток времени между заседаниями несут возложенные на них советом обязанности в местах своих кочевок (ст. 12).

Рода или другие туземные объединения, насчитывающие менее ста человек в роду, родовых советов могут не избирать; такие туземные объединения могут управляться общим собранием членов рода непосредственно, избирая в качестве исполнительного органа—председателя родового собрания (ст. 13).

Каждому родовому совету присваивается особое наименование, вытекающее из названия его рода, места обитания или кочевки. В случае изменения этого наименования, родовой совет сообщает о том районному туземному исполнительному комитету, а последний в свою очередь районному (уездному) исполнительному комитету (ст. 14).

Родовой совет ведет учет численности данного туземного объединения и собирает данные о его хозяйственном состоянии. Родовой совет наблюдает за деятельностью всех хозяйственных организаций и предприятий, расположенных на территории данного родового объединения, не вмешиваясь в их работу и о всех недостатках доводя до сведения соответствующего районного туземного исполнительного комитета (ст. 35).

Родовой совет имеет ближайший надзор за порядком и спокойствием в пределах кочевий данного рода (ст. 36).

Родовые советы, согласно «Положению», объединяются в туземные районы.

Рода или другие туземные объединения одноплеменного или родственного состава, обитающие в определенном районе и насчитывающие в общем не менее 400 человек избирают районный туземный съезд.

В отдельных случаях, с разрешения Архангельского губернского исполнительного комитета, окружных исполнительных комитетов Уральской области, Сибирского края, Дальневосточного края и Якутской АССР, областного исполнительного комитета КОМИ и центрального исполнительного комитета Бурятомонгольской АССР,—право избрания районных туземных съездов может быть предоставлено районам, насчитывающим и менее 400 человек (ст. 27).

На территории каждого туземного района районный туземный съезд является высшим органом советской власти в пределах его ведения (ст. 19).

Районный туземный съезд составляется из депутатов, избираемых родовыми собраниями, из расчета одного депутата на каждые 50 человек членов рода, но не свыше 10 депутатов от одного родового собрания. Рода, насчитывающие менее 50 человек, избирают одного представителя (ст. 20).

Районный туземный съезд для постоянной работы избирает туземный районный исполнительный комитет (ТузРИК).

Районный туземный исполнительный комитет состоит из председателя и двух членов, один из коих назначается заместителем председателя и исполняет обязанности последнего за время его отсутствия (ст. 26).

На Районный туземный исполнительный комитет возлагается:

а) руководство и наблюдение за деятельностью подведомственных ему родовых советов;

б) проведение в жизнь постановления высших органов власти и содействие представителям ее в выполнении возложенных на них задач, а равно содействие исполнению решений судебных органов;

в) принятие мер к широкому ознакомлению населения подведомственных ему родов со всеми мероприятиями советской власти;

г) принятие мер к поднятию подведомственного ему района в культурном, хозяйственном и политическом отношениях;

д) принятие необходимых мер по борьбе с азартными играми, пьянством и незаконной продажей и распитием спиртных напитков;

е) наблюдение за тем, чтобы не могли иметь места кабальные сделки, и принятие мер к расторжению таковых в судебном порядке;

ж) выдача гражданам удостоверения личности и других необходимых удостоверений;

з) засвидетельствование договоров и документов и утверждение договоров, заключаемых родовыми советами, как органами власти;

и) принятие своевременных мер против повальных болезней и падежей скота;

к) наблюдение за исполнением правил и сроков, установленных для охоты и рыбной ловли;

л) принятие своевременных мер и забота о здравоохранении и просвещении туземцев;

м) принятие предупредительных мер против лесных пожаров и борьба с ними;

н) принятие своевременных мер и забота о снабжении подведомственного ему района продовольствием, предметами широкого потребления и орудиями охоты, лова и огнеприпасами;

о) содействие организации хлебозапасных магазинов и наблюдение за ними;

п) оказание помощи нетрудоспособным членам данных туземных объединений;

р) наблюдение и принятие необходимых мер по охране порядка и общественной безопасности в подведомственном ему районе;

с) регистрация рождений, смертей, браков и разводов;

т) наблюдение за выполнением правил о торговле и соблюдении установленных регулирующими органами цен;

у) содействие кооперированию населения;

ф) составление годовых приходо-расходных смет, а равно и утверждение смет родовых советов (ст. 41).

Согласно «Временному Положению», ТузРИКи должны были подчиняться Районному исполнительному комитету (т. е. русскому, зырянскому или якутскому РИКу) (ст. 29).

Такое подчинение на деле оказалось неудобным, и в настоящее время выдвигается вопрос о необходимости подчинения ТузРИКов непосредственно окружным и уездным (или даже губернским) центрам.

Таковы те немногие поправки к «Положению», которые до сих пор были выдвинуты практикой его применения.

III. О СЕТИ ТУЗЕМНЫХ СОВЕТОВ

Год за годом развертывается сеть туземных советов. Год за годом туземцы вовлекаются в строительство своей жизни и своего хозяйства. Не везде, как мы уже отмечали выше, родовой принцип организации советов оказался приемлемым. Не везде твердая схема—родовые советы—тузрик—округ осуществилась на деле.

Нижепомещенная таблица содержит в себе сведения о сети туземных советов на крайнем Севере на 28/II—28 г.

Название края, округа, области.	Колич. тузем. насел.	Колич. сущест.		Уже намечено к организации.	
		Тузриков.	Тузсоветов.	Тузриков.	Тузсоветов.
Мурманский окр. . . .	1816	1	11	—	—
Архангельск. губ. . . .	4000	2	7	—	—
Коми область	1292	1	3	—	—
Уральская область. . .	31648	12	—	—	5
Сибирский край:	44815	—	—	2	13
Томский окр. . . .	—	—	6	—	—
Красноярский окр..	—	4	35	—	—
Киренский окр. . .	—	—	4	—	—
Бурято-монг. респ. . .	4259	2	6	—	—
Якутская республика .	18966	9	82	—	—
Дальн.-восточ. край.. .	60000	9	127	26	145
Итого	166796	40	281	28	163

Из таблицы мы видим, что лопари Мурманского округа до сих пор не имеют своих чисто-туземных советов, а охвачены сетью обычных русских сельсоветов и риков, в лучших случаях являющихся смешанными. Активность лопарей в таких советах весьма сомнительна.

Наиболее полно охвачены сетью советов самоеды Архангельской губернии. Сеть эта весьма проста и вместе с тем равномерно охватывает всех самоедов.

На территории Архангельской губернии в данное время существует 4 тундровых и 3 островных совета.

Организовывать новые самоедские советы не требуется, так как существующие вполне справляются с возложенными на них задачами.

Райисполкомов организовано два, один в Мензенском уезде, Канинско-тиманский, обслуживает Канинскую и Тиман-

скую тундры через тундровые советы тех же названий и второй в Печорском уезде — Тельвисочный, обслуживает Малоземельскую и Большеземельскую тундры (последнюю в части, входящей в состав Архангельской губернии).

Самоеды Большеземельской тундры Коми области к настоящему времени объединены в 3 тундровые совета, а советы объединены в один самоедский РИК. Председатели всех советов и РИКа — кочевники-самоеды. Тундровые советы постоянно кочуют, совместно со всеми кочевниками, чем достигается полное и быстрое обслуживание кочевников советами. РИК, временно находящийся в Колве, с постройкой культбазы перейдет в Хоседа-Хард, самый центральный и близкий пункт к тундре.

Развернутую в Архангельской губернии и в Коми-области сеть советов можно было бы считать вполне удовлетворительной, если бы не та путаница, которая имеет до сих пор место в приграничной полосе между Коми-областью и Архангельской губернией.

Существующая административная граница между Архангельской губернией и Автономной областью Коми проведена таким образом, что значительная часть кочевников Большеземельской тундры в зимний период, т. е. большую часть года кочующих на территории Архангельской губернии, на лето откочевывают в пределы области Коми, главным образом в район Югорского Шара, при чем часть из них перегоняют свои стада еще дальше на о. Вайгач, т. е. через Коми опять на территорию Архангельской губернии.

Архангельский ГИК счел необходимым взять на себя организацию самоедов, зимующих в пределах его территории, согласно постановлению бюро Комитета Севера при Президиуме ВЦИКа (при участии представителей Коми-области и Архангельской губернии) от 20 февраля 1926 года о том, что «самоедские родовые советы должны кочевать вместе с их родами и подчиняться туземному исполкому по территории зимовья».

Появление инструктора Носова от Тельвисочекского самоедского РИКа (Арх. губ.) летом 1927 года в Югорском Шаре (Коми-области) вызвало ряд недоразумений, окончившихся арестом Носова. Подобные меры были вызваны опасениями властей Коми-области в том, что работа Носова внесет ряд недоразумений по приписке к Тельвисоченскому РИКу самоедов, летом кочующих около Югорского Шара и приписанных к Коми-области. По мере растущего национального самосознания самоедов возникает вопрос о необходимости выделения всех самоедов европейского Севера в единый национальный самоедский округ. При таком разрешении вопроса пограничные недоразумения будут изжиты, и сеть туземных советов Архангельской губернии и Коми-области будет вполне упорядочена.

Сеть туземных органов управления Тобольского севера приняла несколько своеобразную форму, напоминающую организацию советов на островах Ледовитого океана Архангельской губернии.

На Тобольском севере (Уралобласти) имеется в настоящее время двенадцать райтузсоветов, являющихся порайонными объединениями для более мелких «юртовых управлений», подобно тому, как Островной совет Новой Земли объединяет ряд поселковых управлений. Приведу пример одного из райтузсоветов Тобольского округа.

Казымский райтузсовет организовался в феврале 1926 г. в составе 9 юртовых управлений, с центром райтузсовета в с. Полноват и охватывает территорию р. Казыма и Горной Оси от юрт Сурейских до юрт Ванзеватских (включительно).

Расстояние юртовых управлений от Полновата:

Туг-Яны	30 вер.	Амня.	110 вер.
Полноватское.	0 »	Хуллоры	155 »
Ванцеватское.	90 »	Ильбигор	210 »
Мазь-Яны	35 »	Юильский гор.	285 »
Виргинские.	70 »		

Всего населения в тузсовете 1.629 душ обоего пола, из них русских и зырян 75 д. об. пола, а остальные 1.554 д. об. пола—остяки.

Одним из наиболее слабых районов в отношении советизации являются туземные районы Нарымкрая. В качестве примера, возможно привести два сельсовета по р. Кети Колпашевского района—Широковский и Максимоярский. Оба эти сельсовета относятся к числу смешанных советов, хотя правильнее считать их вполне русскими, так как туземцы активного участия в их делах не принимают.

Секретарь Широковского сельсовета Фотеев (русский, женат на остячке) в ожидании парохода в Колпашеве на Оби рассказывал мне:

«Теснят туземцев. С 1920 года русские стали «приселяться в туземные районы». До революции приселение запрещалось, поэтому туземцы говорят: «Раньше нам лучше жилось».

Теперь «приселяются» русские, жгут тайгу, бьют красную белку. Туземец ждеть пока белка дозреет, а русские бьют недоросшего зверя. Кетское лесничество в 1926 году отдало в аренду русским рыболовные угодья «так что туземцу воды зачерпнуть негде».

«Что русские—председатели сельсоветов—ненавижу» закончил свой рассках Фотеев.

То же самое можно сказать и о Ларьякском совете, который должен был бы обслуживать чисто туземный район реки Ваха. Ларьякский совет—чисто русский.

Такое положение дел тем более не может быть оправдано, что в среде туземцев есть определенное желание иметь свои туземные советы. Для примера приведу постановление остяков, проживающих в юртах Иготкиных Колпашевского района.

Протокол общего собрания в юртах Иготкиных и Тиголовых (с сохранением орфографии).

Праток

Общее собрания гр-н юртах Иготкина и Теголова, участвующих гр-н на общее собрание 60 человек:

Присутствующие собрания. Председатель Собрания Иткумов Андрей П. при секретаре Анисимове Ф. М.

Слушали:

Для установления в юртах Иготкина и Теголова желающие г-рны отделиться от крестьянского с/с и тогоже от Иванк (иных юрт) мы гр-ны желайм самостоятельно свой с/с как инародцы.

Пастоновили:

Пастановили гр-ны общим Собранием ходатайствовали Перед РИК'ом Колпашевским Просим для самостаятельным установления инароческой с/с в юртах Иготкина итеголова.

В чем подписуюся к протоколу Собрания личной подписью.

1 ниграмотны (43 человека) . . . . . В чем подписуются за ниграмотных по личной прозби Петр Тоболкин.

Подпись грамотных гр-н по порядку.

Общих гр-н населения душ 78, малолетних 62 чел. включительно до 8 лет. Просим вас Колпашевский РИК ни отказать в нашей прозби, ходатательстве перед Северно Туземно-Иноросско Управление».

Организация сети туземных советов на Томском севере—одна из основных, давно наболевших задач по Сибирскому северу.

Значительно лучше обстоит дело в Туруханском крае. Принцип советизации туземцев по родовому признаку по географическим и этнографическим условиям Туруханского края признан всеми инстанциями правильным.

Вот сведения о сети родовых советов в Туруханском Крае.

1. Хатангская (Большая) тундра:

1. Авамо-тунгусский,
2. Авамо-самоедский,
3. Боганидо-тунгусский,
4. Ессейско-долганский,
5. Затундринско-крестьянский,
6. Вадеевско-самоедский,
7. Затундринско-якутский,
8. Карасино-самоедский.

2. Илимпейская тундра:

1. Панкагирско-тунгусский,
2. Чапогирско-тунгусский (Мирошко),
3. Чапогирско-тунгусский (Лютак),
4. Чунский-тунгусский,
5. Илимпейский-тунгусский (Турыжский),
6. Ессейско-якутский,
7. Кутарамо-тунгусский (Кирмагирский) быв. III и IV Летн. Упр.
8) Илимпейско-хатангско-агатско-тунгусский (часть Илимпейского, разбитый, вследствие отдаленности кочевий).

3. По Подкаменно-тунгусской лесотундре:

1) Кузьмовско-тунгусский,
2) Пелигусо-тунгусский (Куркантский).

4. По долине р. Сым:

1) Сымско-тунгусский.

5. По берегу р. Енисея:

1) Подкаменно-тунгусско-остяцкий до В. Инбатска,
2) Нижне-имбатско-остяцкий.

6. По долине р. Елогуй:

1) Елогуйско-остяцкий.

7. По Хетско-левобережной тундре:

1) Береговой-юракский,
2) Обдорско-юракский.

В Тазовской тундре существует 4 родовых совета, по числу четырех родов: Баишенских остяко-самоедов, Тымско-каракон-ских остяко-самоедов, Тазовских юраков и Чапогиро-панкаев-ских. Все они объединяются Тазовским Исполкомом, находящимся в Яновом Стане с 1925 года.

Наименее благополучно обстоит вопрос в районе р. Хатанги и особенно к востоку от Хатанги.

Постановлением ВЦИКа прежняя граница между Якутией и Енисейской губернией в 1922 году была перенесена с реки Анабар к западу и проведена по р. Хатанге, вследствие чего Хатанго-анабарский район отошел к Якутии.

Молодая Якутская республика оказалась не в состоянии обслужить отдаленный район и до конца 1925 года в этом районе никакой сети советов не было организовано.

Подобное положение привело к тому, что со стороны Туруханского райисполкома был поднят вопрос о советизации края со стороны Туруханска.

На Хатангу был послан инструктор С., который взялся за дело с большой энергией, не всегда правильно направленной.

Схема сети туземных органов управления туземцам показалась нежелательной и была навязана энергичным инструктором насильно, о чем свидетельствует заявление самоедов Авамской орды, посланное во ВЦИК.

«Когда инструктор С.,—говорится в заявлении, зимой 1926/27 г. пришел в тундру, он ни на Волосянке, ни на Мироновском не говорил нам, самоедам, что будет поставлен вопрос об организации на Хатанге Туземного ВИКа. Придя же на Хатангу, он заявил якутам, что вот самоеды уже дали согласие на организацию ВИКа, и дело-де за вами.

Наш представитель на Хатангский Съезд советов Б е л е пришел на Хатангу по приглашению инструктора, не зная, что там будет. Чута (председатель) почему-то не приехал, и Беле один представлял нашу орду (самую большую в тундре).

Когда инструктор поставил на голосование вопрос об организации ВИКа, Беле руки не поднял. Тогда инструктор крикнул: «Кто не поднимет руки, тому дело будет, штраф будет». Беле так испугался, что рука «сама пошла кверху». На самом деле вся наша орда против ВИКа. Мы не понимаем, для чего его создают и боимся, что он будет орудием в руках долган и якутов для давления на нас, самоедов. Поэтому мы спрашиваем, обязаны ли мы подчиняться беспрекословно инструктору, как раньше подчинялись приставу.

Мы хотели бы остаться при старых, независимых родовых советах, или же иметь ВИК, организованный при участии представителей центра, которые защищали бы наши интересы».

Появление инструктора со стороны Туруханска отозвалось командировкой инструктора со стороны Якутии. В результате параллельной работы образовалась двойная сеть туземных советов, способствующая путанице представления туземцев о новой власти.

Положение это до сих пор не изжито, так как граница 1922 г. не отвечает существу экономического тяготения края к Дудинке, как исходному пункту наиболее выгодного снабжения края, т. е. экономически край тяготеет к Енисею, а не к Якутии. Вопрос о границе необходимо пересмотреть со строгим учетом всех данных не только этнографического, но и экономического порядка. Считаем нужным более подробно остановить внимание читателя на строительстве туземных советов Дальнего Востока.

Состояние советского устройства Камчатских туземных племен в июне 1927 года:

Районы.	Организовано.		Намечено к орган.		Всего.	
	Т/род/сов	Т/рик.	Т/сов.	Т/рик.	Т/сов.	Т/рик.
Чукотский	31	—	17	2	48	2
Анадырский . .	10	—	12	4	22	4
Карагинский . . .	10	—	4	1	14	1
Пенжинский . . .	13	—	10	3	23	3
Тигильский . . .	5	1	14	2	19	3
Большерецкий . .	1	—	—	—	1	—
Петропавловский.	5	1	—	1	5	2
Итого . .	75	2	57	13	132	15

На Командорских островах существуют два алеутских сельсовета: на о. Беринг и на о. Медный.

Есть постановление организовать островной Алеутский туземный район в составе Берингского и Медновского островных туземных советов с центром на о. Беринг.

Низовое управление туземцев Николаевского округа, соответственно составу народностей района и хозяйственным условиям, имеет такие формы:

1) Родовое управление.

2) Смешанное с русскими или др. национальностями.

3) Исключительно туземное безотносительно к родовым признакам.

К первой форме можно отнести районы: Ольский и Охотский.

В остальных районах, за исключением Тугуро-чумиканского, варьируют две последние формы.

В Тугуро-чумиканском районе имеется налицо чисто-тунгусское управление без родового принципа.

Районы.	Туз. и смеш. с/советы.	Смешанные.	Насел. пункт.	Колич. обл. нас. в т. с/с.	% %
Б. Михайлов.	42	16	26	930	45
Н. Тамбовский.	50	24	26	1543	47
Николаевский	38	19	19	970	41
Итого . . .	130	59	71	3443	45%

Родовое управление имеется только в Охотском районе. В Тугуро-Чумиканском районе управление чисто туземное, но без родового признака.

В Ольском районе существующее управление через РИК и с/советы совершенно оторвано от кочующего тунгусского населения. Последнее живет обособленно, управляясь родовыми старостами, и в составе РИКа не имеет своих представителей. В предстоящую весну намечается организация родовых и районных советов.

Что касается Хабаровского округа, то в настоящее время там организовано три самостоятельных туземных сельсовета.

Некрасовский район:

1) Торгонский с/совет—стойбищ 17, р. Амур. Населения—1636.

2) Хорский с/совет—стойбищ 16, р. Хор. Населения—251.

Ленинский район:

3) Олонский с/совет—стойбищ 13, р. Бикин. Населения—345.

На 1927—28 г. Окрисполкомом намечены к организации следующие туземные сельсоветы:

В районе Некрасовского РИК'а:

1) Найхинский с/совет, 2) Дондонский с/совет, 3) Гордоминский с/совет, 4) Дадинский с/совет, 5) Саянский с/совет, 6) Н.-Курунский с/совет.

Советский РИК:

7) Мангухтский с/совет, 8) Хутудатский с/совет.

На ближайшие годы намечается весьма значительное расширение сети туземных советов.

Предварительный проект сети туземных советов предусматривает на Дальнем Востоке организацию всего 272 единиц.

Из всех этих РИКов и тузсоветов часть будет организована взамен существующих общих РИКов (5) и сельсоветов (около 30). Если принять во внимание реорганизуемые учреждения, то получим следующий рост туземной советской сети:

	К началу 1926/27 г.	К концу 1926/27 г.	Должно быть.
ТузРИКов.	5	9	35
Тузсоветов	42	127	272
Итого . .	47	136	307

Такова сеть туземных советов на Дальнем Востоке.

IV. СОВЕТЫ И ТУЗЕМНОЕ НАСЕЛЕНИЕ

Если считать, что главнейшая задача Комитета Севера заключается в пробуждении у туземцев национального самосознания и воли строить самим свою жизнь и свое хозяйство в тайге и в тундрах, то следует признать, что создание туземных органов власти является одним из основных мероприятий. Только участие туземца в работе туземных судов и советов обеспечивает органическое развитие культурной помощи в туземных районах Севера.

Поскольку в туземцах, наученных горьким опытом прошлого, сильно недоверие ко всем мероприятиям со стороны русских, появляющихся в тайге среди туземного населения, нужна особая осторожность в подходе к туземцу. К сожалению во многих районах отдаленного Севера применяются до сих пор приемы и методы внедрения новой системы управления, отпугивающие туземцев от участия в общественной жизни своего туземного района.

Для примера того, насколько важен умелый, осторожный подход к туземцу, я приведу два факта из практики, имевших место на териитории одного и того же енисейского севера (Туруханский край).

В районе Чуни и Подкаменной Тунгуски организатором родового управления у тунгусов явился председатель Красноярского Комитета Севера И. М. Суслов. Этнограф, знающий прекрасно быт тунгусов, сумел подойти к делу с большим тактом, поставив на обсуждение проект самого закона о советах с вопросом: годится или не годится он для тунгусов.

В протоколе общеродового собрания (суглана) тунгусов, кочующих по верховьям рр. Северной и Южной Чуней, Таймуры и Катанги, от 3/VII—1926 года так и записано:

Слушали: Проект Положения об управлении и суде туземных племен Севера.

Постановили: Проект Положения о суде и управлении сев. туз. племен одобрить и считать вполне жизненным, а также имеющим полную увязку с обычным правом присутствующих на суглане кровных родов тунгусского племени. Согласно обычному праву присутствующих женщин лишить права голоса, допустить на суглан с совещательным голосом.

Так было принято «Положение об органах туземного управления» Чунским сугланом. Следом за этим началось обсуждение вопроса о том, как следует применить закон к своему району. И здесь мы видим, что и организатор, и туземцы (под его руководством) подошли жизненно к разрешению вопроса о сети советов—в одном случае они сочли нужным выбрать совет для одного рода, а в другом—один совет для нескольких родов, учитывая малочисленность их населения. Вот как это записано в протоколе того же суглана:

Слушали: Выборы родовых советов и судов.

Постановили: В виду обширности территории, покрытой густыми лесами, пересеченной многочисленными речками, выбор одного родового совета и суда для всех родов (Панкагырь, Кочаниль, Мамоль, Горболь, Чамдаль) считать невозможным по причине трудности управления.

Выбрать два родовых совета и два родовых суда.

1) Чунско-таймурский Куркагырский совет (объединяет кровные роды Куркагырь, Коганиль, Мамоль и Горболь).

Избраны: Председатель Молок Пав. Гр. Онкоуль—45 л., живет на стрелке р. Таймуры; членами род. совета: С. В. Егоров—45 л., живет по р. Тармуч (приток Таймуры), Г. Я. Дохонов—35 л., живет на р. Чиниктакан (приток Сев. Чуни).

Родовым судьей избран В. И. Конор—37 л., живет на р. Урыбу (приток Главной Чуни).

Кроме того, намечено 10 заседателей.

2) Чунско-таймурский Панкагырский родовой совет — объединяет один кровный род Панкагырь.

Избраны: Председатель—М. И. Охчен—43 г., живет на р. Верокон (приток Север. Чуни) члены родового совета: А. П. Улькиго—32 г., живет в верховьях р. Таймуры, П. И. Ойкадан, живет на р. Таймура.

Родовым судьей избран Налего, он же Н. И. Охчен—35 л., живет на р. Таймура.

Кроме того, намечено 10 заседателей.

Присутствовало 42 чел. с решающим голосом и 10 чел. с совещательным голосом, от 33 чумов (семей)—214 душ обоего пола.

Совсем иначе подошел к делу упомянутый уже инструктор Туруханского РИКа С. О действиях ретивого инструктора мы узнаем из заявления самоедов Авамской орды, кочующих по Таймырскому полуострову:

«Нас всего 118 семей,—пишут Авамские самоеды,—но мы все-таки решаемся обратиться к ЦИКу с просьбой выслушать нас и, если мы правы, помочь нам.

Смена управы на родовой совет прошла у нас безболезненно, но последнее время у нас с представителями Туруханского РИК'а начинают возникать недоразумения.

Началось это после приезда в 1926 г. в тундру инструктора Туруханского РИКа С. Приехав на стойбища Волосянка, он сообщил председателю нашего родового совета, Нере Муамбзе, что здесь на Волосянке он намеревается устроить сходку нашего Авамского рода. Нере сказал, что здесь на Волосянке неудобно делать собрание, т. к. большей части орды сюда ехать далеко и нет подходящего помещения. Тогда инструктор предложил открыть старую тунгусскую избу близ Волосянки.

Нере опять заметил, что это дорого обойдется орде и опять таки большинству далеко ехать. Тогда инструктор стал сердиться и резко сказал Нере: «Я здесь хозяин, а не ты». Нере ответил что хозяин в орде он, а инструктор только руководитель или учитель и кроме того ему, Нере, лучше известно расположение стойбищ самоедов; наконец Нере заявил, что считает более удобным сделать общую сходку, а не отдельно для Пясинских и Таймырских самоедов. После отъезда Неры инструктор собрал на Волосянке Пясинскую половину орды, которая выбрала председателем родового совета Чута. Дело в том, что между Пясиной и Таймырской группой самоедов существуют довольно большие трения, главным образом по вопросу о подводной повинности. Выбрав слабого волей Чута, Пясинские надеялись, что теперь им удастся свалить всю тяжесть подводной повинности на Таймырскую группу.

Уезжая уже весною 1927 года из тундры, инструктор спросил Чута: «Ну как, груз таскать будете?» Чута струсил и согласился. Тогда Беле, который дал обещание итти за грузом лишь под давлением, сказал: «Пускай эти, добровольно согласившиеся, и идут за грузом, я и моя Таймырская орда не пойдем». Тогда инструктор сказал: «Ладно, не идите, но за это к вам придет дело». Узнав об этом, вся орда сказала: «Этих членов родового совета мы выбирали под влиянием, они поступили против нашей воли, согласившись итти за грузом, они должны были спросить орду. Таких мы держать не станем в Совете». С этим известием поехали к Нере несколько самоедов от Пясинской группы и сам Чута. Чута отдал печать Нере, на которого и были временно возложены обязанности председателя.

Мы решили на этой сходке остаться без родового совета, потому что считаем его навязанным силою. Но мы на этой же сходке просили всех родичей избегать всяких недоразумений, чтобы отсутствие власти не отразилось на общественном порядке. Мы просим прислать инструктором какое-нибудь другое лицо, но не С. Если приедет в тундру С., то Авамская самоедская орда на сходку не явится...»

Очевидно инструктор С. твердо усвоил себе представление о том, что «в тундре хозяин он, С., а не туземцы», так как не менее решительно он стал действовать и на Хатанге, среди долган. Об этом мы узнаем из заявления группы долган и ламутов, проживающих в Хатангской тундре, очень живо рисующего обстановку создания туземного ВИКа на р. Хатанге.

«В зиму 1925—26 г. инструктор Туруханского РИКа С. начал подготовительную работу по организации в нашей тундре волисполкома Приехав в 1926—27 г., инструктор собрал на Хатанге общее собрание Затундринско-якутского административного рода, где заявил, что в этом году надо сделать ВИК. Мы сказали ему,

что мы еще хорошенько не понимаем, что такое ВИК и что еще не разрешен с Якутской АССР вопрос о границах. Кроме того мы говорили, что при отделении Анабарского края нашей тундры, в которой живет всего лишь около 800 семей, трудно будет выдержать бюджет ВИКа и что лучше будет присоединить нас в административном отношении к Дудинскому ВИКу.

Мы это говорили так потому, что инструктор сказал, что теперь свобода и можно говорить, что думаешь. Мы просили еще раз хорошенько объяснить, что такое ВИК, чтобы потом, разъехавшись, объяснить своим сородичам.

Пока мы там все говорили, инструктор прервал нас, крича: «ну опять заболтали», а когда мы кончили, сказал нам: «вы старики имеете в уме старый закон, богу молитесь и идете против советской власти, если вы еще будете так говорить, то придут из Красноярска сюда солдаты с винтовками и запрут вас в железную коробку». Мы тогда испугались и замолчали, и собрание так и кончилось в молчании.

На другой день инструктор позвал нас, 4 стариков, больше всех говоривших на собрании, к себе. Когда мы пришли, перед ним лежала толстая книга с законами и еще какие-то книжки. Инструктор указал на толстую книгу и сказал: «Вот закон велит ВИК делать, а вы ВИКа не хотите и других путаете, за это здесь,— он показал маленькую книжку,—написано, вас надо посадить в острог. Я вам зла не желаю и потому добром говорю: богу молиться можете, но лучше не говорите против ВИКа, а если будете говорить, то пеняйте на себя. Если я вернусь в Туруханск и меня начальник спросит: «Ну, как сделал ВИК, что я ему тогда скажу, если ВИКа у вас не будет».

Мы так испугались, что в течение часа, пока он беседовал, не проронили слова, а потом даже не хотели итти на собрание и пошли только по просьбе родичей. Но, боясь за себя, мы сидели в молчании. Тогда молодежь стала говорить, почему это старики молчат, а без них мы не знаем, что делать. Тогда один из нас, встал и говорит, что мы боимся. Тогда инструктор сказал: «Ну говорите, чего молчите».

Тогда опять встал один и сказал, что лучше с организацией ВИКа подождать. Через несколько дней происходил волостной съезд. Большинство представителей орд не знало, что будет обсуждаться на съезде, а от нашей орды не было даже полномочных представителей. Но тем не менее на съезде господствовало мнение против немедленного избирания ВИКа.

Между прочим, на одном собрании произошел и такой случай: инструктор, сказав о преимуществах, которые дает ВИК, предложил присутствующим поставить свои танги на листе бумаги (будто бы в доказательство того, что они выслушали его доклад),

а когда это было сделано, то оказалось, что они подписались за немедленное избрание ВИКа.

Окончательное голосование по поводу ВИКа произошло таким образом: было предложено сторонникам немедленного образования ВИКа поднять руки, поднялось всего 4 руки, тогда инструктор крикнул: «кто руки не поднял, будет наказан». Собрание испугалось и подняло руки.

Вот мы и просим ВЦИК, чтобы власть у нас делали бы не ломая сразу наши старые обычаи и чтобы присылали бы к нам в тундру людей лучше из Москвы, чем из Туруханска, которые бы разговаривали с нами по-хорошему».

Активность участия туземцев в выборах органов туземного управления весьма неодинакова. Это обстоятельство объясняется различными условиями быта, близостью к русским населенным пунктам, тактом и умением инструкторов и многими другими обстоятельствами. В среднем активность туземного населения по участию в выборах достигает по Туруханскому краю от 25 до 50%, по Амурскому округу—40—50%, по Камчатке—15—20%. В общем сведения об активности туземного населения не отличаются достаточной полнотой, также как и сведения о персональном составе советов.

Что касается состава советов, то в статье нашей ограничимся двумя-тремя примерами.

Персональный состав самоедских советских органов—самоеды-бедняки и середняки; в советах, где нет грамотных самоедов, работают русские секретари (приемущественно партийцы и комсомольцы, в большинстве по найму, в отдельных случаях избираются в советы в качестве членов).

Все председатели советов—самоеды. В Канинско-Тиманском самоедском РИКе председатель—самоедка М. В. Вылка. Лишь некоторые уполномоченные Новоземельского островного совета в становищах, где смешанное население, из русских промышленников.

При последних перевыборах в тундрах (ноябрь-январь) состав советов обновился на 2/3.

В тундровых и островных советах общими собраниями выделяются исполнители (2—3 чел.) сроком на один год для выполнения поручений совета (оповещения о собрании, вручения повесток гражданам). В некоторых советах (Канинский) исполнители назначаются общим собранием по очереди из числа самоедов, не несущих еще никакой общественой должности.

Тутуро-очеульский тунгусской сельсовет состоит из 5 членов. Один из членов сельсовета—женщина. Работа членов сельсовета за-

ключается в явке на заседания и информации населения о работе сельсовета.

Явка членов на заседание весьма аккуратная несмотря на то, что самый близкий член живет от Верхоленска, где находится с/совет, в 50 верстах, а самый дальний—в 320 верстах.

Этот член—т. Чертовских, аккуратно является на заседания, а он не имеет лошади и ходит пешком, теряя в один конец пути 7—8 дней.

Административные организации среди туземцев северо-западной части Туруханского края находятся еще в зачаточном состоянии. В районе Дерябино-ламовском уцелели даже князья, хотя и с урезанными правами. Но все же они правят и правят в пользу имущих.

Что такое «РИК» в понимании туземца? РИКом называют председателя Районного исполкома. Поэтому фразы: «РИК уехал», «мой отец был в прошл году РИКом»—общераспространенны. У туземца вообще нет ни малейшего понимания принципа, по которому строится советская власть. И настолько в его уме понятие власти вообще связано с понятием индивидуальной власти князя, что уяснить себе, что такое советская власть, он пока не может. РИК, родовой совет, т. е. председатели их, в понимании туземца — прежние князья. «Я—тунгусский родовой совет»,— заявил однажды председатель Тунгусского родового совета [1]).

Еще пример: За месяц до съезда состоялось заседание родового совета Панкагирских тунгусов, где обсуждался больной вопрос о гоньбе. На прошлогоднем съезде делегатов вопрос был решен 14 голосами против 3 следующим образом: тунгусы отбывали гоньбу в трех направлениях: от Янова-Стана, по одному станку в каждом. Собравшиеся заявили, что они об этом решении съезда ничего не знают и будут отбывать гоньбу на оз. Мончек: «И никакого постановления о гоньбе тунгусов не было, я за него не голосовал»—заявил Давиндук—а я сам «тунгусский родовой совет». Он, председатель (князь), не голосовал,—следовательно, постановления не было.

В политическом настроении остяков, по словам этнографа Р. Митусовой, за последнее время произошел значительный перелом: их мысль уже не устремляется в прошлое, старые купцы и царь не интересуют их более. Остяцкое население настойчиво высказывает желание, чтобы к ним прислали новых людей.

20 июля в верховьях р. Тром-Югана состоялся туземный сход. К общественной работе был проявлен заметный интерес. Особенно желают они образовать свой туземный кооператив.

---

[1]) По словам этнографа Г. Н. Прокофьева.

Если подвести итоги тому, как относится туземное население к своим советам, то приходится сказать так: «Тайга и тундра разбужены. Туземцы зашевелились». Необходимо проводить работу по организации советов настойчиво и систематически. На первых порах следует работу советов поддерживать и материально. Средства нужны и на существование и на своего рода представительство членов туземных советов.

Службу по выборам самоеды в большинстве считают тяжелой повинностью. На эту службу выбираются большей частью середняки. Вознаграждение не считается достаточным.

Выборный самоед по обычаю гостеприимства обязан принимать и кормить всякого самоеда, приезжающего по делам в учреждение.

Особенностью построения бюджетов самоедских советов надо считать то, что все советы Архангельской губернии совершенно не имеют приходной части и содержатся за счет дотации уездных и губернских бюджетов.

Самообложение у самоедского населения до сего времени проходит слабо—охватило лишь Малоземельскую и Большеземельскую тундру и выражается в сумме 438 рублей членских взносов в ККОВ и 1.146 руб. дохода от эксплоатации семужьих тоней.

Несмотря на то, что ассигнования по местному бюджету на самоедские РИКи увеличилось в 1927—28 г. вдвое больше предыдущего года, все же быстро развертывающаяся работа этих советов не укладывается в эти финансовые рамки.

Так, смета Канинско-Тиманского РИКа сокращена с 11.000 руб. до 6.000 руб., т. е. на 45%.

Смета Тельвисочного РИКа сокращена с 11.000 руб. до 10.000 руб. По островным советам смета утверждена целиком.

Общие ассигнования Архангельского Губисполкома на нужды самоедов в 1927—28 г. выражаются в сумме более 100.000 рублей.

По мнению Архангельского Комитета Севера и некоторых самоедских советов, было бы целесообразным применить обложение оленных стад крупных оленеводов, которые, пользуясь льготами, непрерывно увеличивают свои стада.

Вместе с тем следовало бы обложить специальным налогом в пользу самоедских советов крупных оленеводов-зырян и русских и передать самоедским советам арендные и билетные сборы за пользование рыболовными и охотничьими угодьями как местного, так и государственного значения, находящимися по побережьям моря и в тундрах.

При отсутствии достаточных средств работа туземных советов не может быть развернута с достаточной полнотой. Чтобы яснее представить себе степень материальной необеспеченности работников тузсоветов, приведем пример Казымского райтузсовета (Тобольского округа Уральской области).

Средства и расходы Казымского райтузсовета.

Приход.		Расход.	
1. Местные сборы	112.07	На хоз. нужды тузсовета . .	150.—
2. Получен. из Березова по Госстраху	40.—	Выдано за павш. животных .	40.—
3. Получен. из Березова на канц. и хоз. расх. . . .	40.—	На заготовку дров	40.—
	192.07		230.—
Перерасход	37.93		

Не получая денег от РИКа, тузсовет несколько месяцев назад занял у ККОВ—40 р. на дрова, но до сих пор не может выплатить за отсутствием средств.

Недополучено жалования служащим Казымского тузсовета на 26/VI—26 г.:

за апрель	14	р. —	к.
» май	89	» 60	»
» июнь	145	» 60	»
» июль	95	» 60	»
	344	р. 80	к.

Из-за отсутствия собственного помещения райтузсовет принужден кочевать из одного дома в другой, так как в каждом доме может поместиться только своя семья.

Если к этому добавить расходы на обычное в северном быту гостеприимство по отношению ко всем приезжающим в тузсовет по своим делам, то вполне понятным будет, почему «туземцы службу по выборам считают тяжелой повинностью».

Чтобы выправить финансовое положение туземных органов власти Комитет Севера на последнем (пятом) расширенном пленуме принял следующую резолюцию:

1) Констатируя, что местные исполкомы не всегда в достаточной степени финансируют туземные исполнительные комитеты, что делает в некоторых случаях невозможной самую организацию туземных советов, предложить Бюро Комитета Севера войти в Президиум ВЦИКа с ходатайством об издании циркуляра местным исполкомам с подтверждением необходимости безусловного выполнения ст. 4 Временного положения об управлении туземных народностей и племен Северных окраин РСФСР.

2) В целях оживления хозяйственной и культурно-просветительной деятельности ТузРИКов, считать необходимым постепенное введение самостоятельных бюджетов ТузРИКов там, где для этого есть соответствующая финансовая база.

3) Доходными источниками самостоятельных бюджетов ТузРИКов могут быть:

а) поступления от 10% отчислений от прибылей, заготовляющих на крайнем севере государственных организаций, согласно постановлению ЦИКа и СНК СССР от 19/I—1927 г.;

б) поступления от отчислений от прибылей местных заготовляющих в районах ТузРИКов торгорганизаций;

в) поступления от сельскохозяйственного, промыслового, подоходного и др. налогов с лиц нетуземного происхождения, подлежащих обложению этими налогами и проживающих в районе данного ТузРИКа;

г) отчисления от прибылей промышленных предприятий, имеющихся в районе данного ТузРИКа;

д) местные подоходные сборы и обложения туземного населения;

е) поступления от сдачи в аренду промысловых угодий местного значения;

ж) доходы от эксплоатации имуществ, находящихся в ведении ТузРИКов;

з) поступления от пеней и штрафов;

и) поступления от фонда воспособления местным бюджетам из государственных пособий;

к) взносы по бюджетам соответствующих исполкомов, в порядке ст. 4 Положения об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР и др. целевые отчиселния по бюджетам вышестоящих исполкомов.

4) Предметами расходов райтузисполкомов из самостоятельного бюджета должны быть:

а) расходы по перевыборам советов;

б) содержание президиумов ТузРИКов и туземных родовых советов;

в) расходы, связанные с выполнением судебных функций туземными РИКами и родовыми советами;

г) все расходы по мероприятиям хозяйственного и культурно-просветительного характера, возложенным на ТузРИКи и родовые советы, согласно Временному положению об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР.

V. КАК РАБОТАЮТ ТУЗЕМНЫЕ СОВЕТЫ

Скудность наших сведений о том, как идет работа в туземных советах, не позволяет нам дать обобщающего очерка. Туземные советы находятся еще в стадии становления, и мы с напряженным вниманием следим за первыми шагами в работе. Нам уже пришлось отметить, что наиболее четкой и крепкой является сеть туземных советов в Архангельских тундрах. О работе самоедских советов мы имеем наибольшее количество сведений благодаря тому, что Архангельский Комитет Севера непосредственно связан с туземными РИКами и тундровыми и островными со-

ветами. В дальшейшем нам придется в значительной степени основываться именно на сведениях о работе самоедских советов.

Тундровые советы ведут текущую работу по учету населения, по приему заявлений от самоедов и разбору их, по выяснению расслоения среди самоедов, по выполнению различных текущих поручений РИКов.

На общих собраниях тундровые советы отчитываются в своей работе. На этих собраниях делаются сообщения о работе кооператива, КОВа и решаются вопросы местного тундрового хозяйства.

Число общих собраний в тундровых советах в 1927 г. было: в Канинском—2 и Тиманском—5, Большеземельском—3, Малоземельском—3.

Посещаемость — 30 — 40% общего числа чумохозяев. На собраниях бывают и женщины (5—10%).

Островные и поселковые советы разрешали главным образом хозяйственные вопросы связанные с оленеводством, промыслами, снабжением, сбытом и т. д. На общих собраниях заслушивались доклады о работе советов, КОВов, агентур Госторга, школы, медпунктов. Число общих собраний в этих советах было: в Колгуевском—10, в Новоземельском—4, в Вайгачском—1.

Районные самоедские съезды и Новоземельский островной съезд проходили с большим оживлением и большим процентом явки.

Работа самоедских советов улучшается, но все же она еще достаточно слаба. Причина этого—культурная отсталость самоедов, их разобщенность, обусловленная бытовыми условиями, недостаток работников. На общие собрания является небольшой процент избирателей (в лучшем случае приезжает по одному представителю от чума). При подборе кандидатов на выборные должности самоеды руководствуются не личными качествами выдвигаемого, а тем, как оно отзовется на его хозяйстве. Желающих занимать выборные должности вообще мало, хотя некоторым стимулом является вознаграждение председателю тундровых и районных советов.

Как правило, выборные в советы самоеды не являются руководителями работы, а лишь консультантами при секретарях советов (русских). Инициатива проявляется ими очень редко.

К недостатком работы самоедских советов нужно отнести:

1) Слабое выполнение плана работы РИКами.
2) Отсутствие плана работы тундровых и островных советов.
3) Техническую неграмотность членов совета—самоедов.
4) Недостаточную посещаемость самоедами общих собраний.
5) Слабость работы среди самоедской бедноты.
6) Текучесть состава аппарата самоедских учреждений.
7) Неблагоприятную для работы обстановку в РИКах и, особенно, тундровых советах.
8) Тяжелые жилищные условия в Несси и Тельвисочном.

9) Недостаточные ассигнования на самоедские советы, особенно на зарплату секретарей советов, на разъезды, на спецодежду при разъездах и пр.

Регистрация актов гражданского состояния в советах проходит слабо. Браки регистрируются самоедами не всегда, причем некоторые браки нельзя и зарегистрировать, так как среди самоедов заключаются иногда очень ранние браки (5—7лет), правда, не фактические. Зарегистрировано 5 разводов—пока среди оседлых самоедов.

Интересно, что понятия об алиментах и правах женщин в этом отношении уже проникает в самоедскую жизнь.

Отношение самоедов к своим органам власти хорошее, со стороны же зырянского и русского кочевого населения—плохое.

Значительно слабее развертывается работа тундровых самоедских советов в Комиобласти.

Большие трудности представляет собою укрепление работы туземных органов власти в тех районах, где туземное население живет вперемежку или в близком соседстве с русскими.

На Тобольском севере, по свидетельству Уральского Комитета, в работе тузсоветов наблюдается определенное засилие русских интересов, неумелое руководство со стороны малограмотных и неподготовленных для туземной работы секретарей.

Пребывание туземных советов в крупных русских селениях создает для туземцев ряд трудностей. Оторванный от родного хозяйства туземец не обеспечивается в достаточной мере из скудных средств, отпускаемых на содержание туземных советов. Самая жизнь в русском селении для туземца, привыкшего к просторам и одиночеству тайги, является очень тяжелой. Естественно, что при первой возможности туземец спешит вырваться из полудобровольной ссылки. Это производится прежде всего за счет дежурств в совете по-очереди. Отсутствие двух членов из трех приводит к тому, что третий член совета, оставшись одиноким становится крайне робким и нерешительным, опасаясь ответственности за единоличное (фактически) решение.

Та же картина наблюдается и в других районах. Туземное население Нарымского края до сих пор не имеет своих чисто туземных советов. В смешанных же сельсоветах они не принимают активного участия. Русское население относится враждебно к претензиям туземцев (если таковые изредка и предъявляются) на участие в работе совета. В апреле 1928 года Комитетом Севера получено письмо с Кети от заведывающего Кетским интернатом о том, что в настоящее время отношение туземцев и русского население чрезвычайно обострились именно на почве втягивания туземцев в активную советскую работу. Создание сети туземных советов в Нарымском крае является наиболее актуальной задачей Томского Комитета Севера.

То же самое явление наблюдается и на Дальнем Востоке.

Смешанные сельсоветы, как общее правило, обслуживают исключительно русское население, а туземцу и его интересам и запросам уделяют недостаточное внимание.

Объединение русских и туземных селений в один сельсовет (например, Троицкий сельсовет, Хабаровский округ), остается формальным.

В свое время, говоря о сети туземных советов в тайге и в тундре, мы упоминали о количественно значительной сети туземных советов по Туруханскому краю.

Но в силу того, что, в связи с отсутствием достаточных средств, в большинстве туземных советов нет ни одного постоянного работника,—работа советов находится в жалком состоянии.

Тот же голос мы слышим и с Дальнего Востока.

Следует отметить, что слабость работы тузсоветов во многом объясняется отсутствием подготовленных и грамотных председателей и секретарей, что стоит не только в связи с недостатком людей, но и с низкой оплатой совработников.

(Председатель—от 17 до 25 руб. и секретарь—от 15 до 20 руб.).

Обращает на себя внимание следующий факт: в Ухтинском тузсовете с населением в 200—300 человек в состав сельсовета входят только 3 человека. Между тем в этот сельсовет входят три удаленных друг от друга стойбища. Естественно, при таких условиях сельсовету трудно вести работу и втянуть в нее население. Выясняется необходимость проработки вопроса об увеличении норм представительства для туземных сельсоветов.

Одним из важнейших вопросов строительства туземных органов в тайге и в тундре является вопрос о подготовке инструкторов—секретарей. Этот вопрос является одинаково больным от Урала до Чукотки. Да самые местные исполкомы (окружные и районные), на которые возлагается организация туземных советов, оказываются далеко не на высоте требований. Работа среди малых национальностей требует особых знаний и осторожного подхода.

Предшествующие и настоящие общие формы работы советских аппаратов округа,— говорится в отчете уполномоченного по туздела Камчатки,—проводимые без учета национальных особенностей и не уделяющие необходимого внимания туземному вопросу, фактически не изживают прежней руссификаторской политики царизма. Вследствие этого проводимая работа не только не помогает туземному населению догнать ушедшую вперед в культурно-хозяйственном отношении остальную массу, но уродует его развитие и его быт.

Сеть туземных советов далеко еще не обеспечена ни соответствующим инструктажем, ни соответствующим контролем.

Из Обдорского РИКа мы имеем весьма более тревожного порядка. Вести эти говорят, что туземные органы власти (вернее,

работники тузсоветов), не обеспеченные соответствующим руководством, будут не только бесполезными и ненужными, но и вредными.

«Работа по охвату советским устройством туземного населения Камчатского района,—пишет К. Я. Лукс,—слабо проведена среди кочующих коряк, чукчей и ламутов. Вместе с неорганизованными коряками (268 чел.) процент неорганизованного туземного населения достигает 39%.

Туземные органы власти, организованные под названием родовых советов, пока что занимались только административной работой, или никакой, т. е., в глазах туземцев, занимались делом непонятным и ненужным».

«Мною были получены от одного инородца сведения,—пишет член Обдорского РИКа Ного,—что председатель Тундринского тузсовета Пакля производит какие то сборы ясака и дров, но куда эти сборы поступают инородцам неизвестно. Сборы эти производились в 1926 году по распоряжению Пакли-Харучи, сыном Ядне Олю. Сообщившему эти сведения известно через самоедов Юк Худи и Ильседа Вануйта, что по пяти чумам было собрано 21 шт. оленей. Кроме этого сбор производился рыбой около местности Мессо.

Сборы эти производились будто бы в пользу беднейшего населения, но таковые беднейшему населению не поступали—это утверждается с уверенностью. На того же Ядне Олю инородцы жалуются, что он распоряжается в тундре от имени тузсовета как ему вздумается, хотя никаких полномочий не имеет».

Такого же рода сведения в отношении других туземцев, присваивающих себе права, подтверждает и зав. факторией Обьтреста т. Левашев.

Когда член РИКа Ного предложил Ядне Олю явиться к нему, то Ядне, повидимому чувствуя себя виновным, моментально скрылся и за все время пребывания Ного на Тазу ни разу не появлялся.

Непосредственным руководителем работы туземных советов должны быть Туземные районные исполнительные комитеты (ТузРИКи).

О работе ТузРИКов мы имеем еще более скудную информацию, нежели о работе родовых (тундровых) советов.

Ограничимся двумя примерами.

Среди ТузРИКов, взявших уже в настоящее время активное руководство работой низовых советов в свои руки, мы опять-таки можем отметить работу ТузРИКов Архангельского севера.

Районные самоедские исполкомы—Тельвисочный и Канинско-Тиманский, кроме текущей работы, занимались главным

образом вопросами руководства работой тундровых советов и самоедских учреждений—кооперативов, КОВов.

Члены РИКов выезжали в тундру для отчетов на общих собраниях о работе РИКов и для инструктирования тундровых советов.

Работа самоедских тундровых советов по сравнению с прошлым годом несколько подвинулась вперед. Можно отметить следующие достижения:

1) Введение плановости в работу РИКов.

2) Выезды членов РИКов в тундры для инструктирования тундровых советов и докладов.

3) Улучшение работы РИКов и тундровых и островных советов, особенно в части руководства самоедскими учреждениями, разрешение хозяйственных вопросов и увеличение числа общих собраний и пр.

4) Усиление благожелательного отношения самоедов к советам.

5) Выдвижение из среды самоедов ряда общественных работников, как например Тыко Вылка (Председатель Новоземельского совета),Хатанзейский А. Ф. (председатель Тельвисочного РКИа), Канюков М. (член Тельвисочного РИКа и председатель кооператива «Кочевник»), Ледков И. В. (бывш. председатель Тельвисочного РИКа), Выучейский Н. Н. (председатель Тиманского тундрового совета), Канюков (секретарь Канинского тундрового совета), Вылка Мария В. (председатель Канинско-тиманского РИКа) и др.

6) Введение института т у н д р о в ы х исполнителей.

В районах со смешанным населением, как мы это видем хотя бы на примере Верхне-михайловского РИКа Николаевского на Амуре округа, активность туземцев в органах власти значительно ниже.

«Ознакомление с работой В. Михайловского РИКа,—говорит в докладе Далькрай РКИ,—дает основание признать, что в области совстроительства среди туземцев и в отношении районного аппарата работа его далеко еще не окрепла. В районе РИКа 36% туземцев, в составе же РИК'а имеется только один представитель от туземцев и другой кандидат.

Вопросам туземным РИК уделяет слишком мало внимания: на 22 заседаниях из 100 слишним вопросов только 9 вопросов касалось туземцев, причем и эти вопросы касались лишь Ухтинской школы-интерната, докладов тузсоветов, инструктажа их и работы по линии политпросвета.

Вопросы экономики и быта туземцев не имели отражения в работе РИКа.

Отсутствуют особые подходы и навыки в работе среди туземцев. Нужда и запросы последних учитываются в недостаточной степени».

То же самое говорится в докладе Далькрай РКИ о работе Некрасовского РИКа Хабаровского округа.

И хотя Корякский ТузРИК на Камчатке не может похвастать развитой работой, но все же следует признать, что в чисто туземных районах работа развивается менее болезненно.

В Корякском ТузРИКе в акте обследования Корякского исполнительного Комитета (районного) от 16/VII—27 г. записано: Работали секретарь и председатель. При важных вопросах приглашается третий член ТузРИКа и ближайшей председатель родового совета. Расширенного пленума за истекший период не созывали.

Председатель руководит всей работой, секретарь—технический исполнитель и активный член ТузРИКа. Третий член совета лишь участвует в заседаниях, особых обязанностей не несет.

Отношение к РИКу туземцев вполне хорошее. Состав ТузРИКа пользуется со стороны туземцев уважением.

Но пока в общей работе ТузРИК для туземцев не организатор-руководитель, а орган административного управления.

Говоря о ТузРИКах, следует сказать, хотя бы в кратких чертах, о районных съездах.

Развертывание работы туземных районных съездов почти всецело зависить от умелого руководства. И здесь с горестью приходится констатировать, что далеко не всегда съезды проводятся умело.

Самое протоколирование происходящего на съездах обнаруживает различную степень внимательности и чуткости к туземцам со стороны руководителей.

Весьма нелегкой задачей бывает извлечь из-под вороха трафаретных (по общесоветскому образцу) фраз живое слово туземцев.

Наибольшую активность на туземных съездах проявляют самоеды Архангельской Губернии. Приведем пример из протоколов последнего (VIII) годичного районного съезда в Тельвисочном.

На съезде присутствовало 103 самоеда, из них 36 человек делегатов и 67 избирателей. Из числа присутствовавших женщин самоедок одна была избрана в Президиум и во время съезда проявляла некоторую активность.

Особенное внимание самоедов привлек проект границ самоедской территории; почти все собрались к карте и долго и горячо обсуждали по-самоедски границы, задавая целый ряд вопросов и внося много ценных указаний и предложений. Идея национального объединения все более крепнет среди самоедов.

Был поднят и старый вопрос об ижемцах. Из слов выступавших выяснилось, что со стороны некоторых лиц области Коми попрежнему ведется агитация против самоедского кооператива «Кочевник» и самоедского Тельвисочного РИКа. Указывалось, что самоедов, приписанных к Тельвисочному РИКу, предста-

вители Коми области сгоняли насильно на собрания, организуемые областью Коми, угрожая штрафом и неотпуском продуктов из складов Коми Госторга.

Самоеды Тельвисочного РИКа, созванные такими приемами, все же от всякого голосования и обсуждения вопросов воздерживались, хотя их и было большинство.

Самоедов занимали на съезде не только дела своей тундры. Между прочим, они прослушали доклад о «международном и внутреннем положении». Любопытны формулировки постановления районного съезда в Канинско-тиманской тундре:

«1) Мы, самоеды, собравшиеся здесь на съезд, а также и все сомоеды Канинской и Тиманской тундр войны не хотим и допускать не надо.

2) В случае нападения на нашу Русь, то нашему правительству надо им давать отпор.

3) Если будут нападать на нашу Русь, то мы, самоеды, будем больше убивать оленей и сдавать свои товары на помощь своему правительству, чтобы этим помогчи советской власти победить врага».

В заключение главы о работе туземных советов следует рассказать о работе некоторых организаций, обслуживающих туземное население тундры и находящихся под непосредственным руководством туземных советов. Мы остановимся на примере Архангельских самоедов, среди которых эта работа является наиболее успешно поставленной.

Комитеты взаимопомощи организованы при обоих РИКах—Канинско-тиманском и Тельвисочном, при Колгуевском островном и двух тундровых советах.

Аппарат КОВов, в большинстве случаев избирается тот же, что и в советы.

Лучшим КОВом является Тельвисочный районный КОВ, объединяющий 428 членов и имеющий капитал в 5.129 руб. Этот КОВ, кроме выдачи возвратных и безвозратных ссуд, оказывает помощь бедноте путем организации рыболовных артелей для ловли семги.

Канинско-тиманский КОВ имеет капитал в 2.000 рублей и несколько десятков пудов муки, а трудовую помощь в виде рыболовных и др. артелей только начинает организовывать.

Положение самоедского Тельвисочного КОВа можно считать вполне удовлетворительным. Если в 1925—26 году капитал КОВа равнялся 3.544 руб. (из них: вклады—1.907 р., товары—923 р., за разными лицами и учреждениями—200 р., имущество—212 р., касса—302 р.), то в 1926—27 г.—5.129 р. (из них: вклады—3.583 р., товары—37р., за разными лицами и учреждениями—955 р., имущества—530 р., касса—24 р.).

Возвратных ссуд выдано 1.015 р., безвозвратных—101 р.—бедноте на приобретение орудий промысла.

Число членов в 1925—26 г.—291 челов., в 1926—27 г.—428 чел.

План работы КОВа предусматривает усиление сбора членских взносов, увеличение помощи бедноте (1.200 р.), увеличение безвозвратных ссуд (300р.), кооперирование бедноты (60 р.).

Тельвисочный самоедский РИК является также и организатором одного из лучших туземных кооперативов.

Приезды самоедов в свои районные центры, в райтузисполкомы и кооперативы облегчатся организацией «домов самоеда».

В 1927 г. организованы 2 «дома самоеда» в селах Тельвисочном и Нессии. В «домах самоеда» организованы спальни и питание для самоедов. До сего времени самоеды останавливались у русских, где их спаивали и обыгрывали в карты. Будут также организованы световые картины, популярные лекции, спектакли и пр.

Самоедские РИКи с большим вниманием следят за работой школ, медицинских и ветеринарных отрядов и пр.

Пока самоеды Архангельского севера идут впереди. Но через года два мы и о других районах будем знать не меньше, так как работа по вовлечению туземцев в активное строительство своего хозяйства и быта есть очередная задача Комитета Севера.

VI. О ТУЗЕМНЫХ СУДАХ

Необходимо остановиться еще на одной стороне вопроса о советизации тайги и тундры.

Постановлением ВЦИКа 1927 года выполнение судебных функций возложено на органы туземного управления.

«В тех частях северных окраин РСФСР, где в силу местных условий или кочевого образа жизни обитающих в них народностей не представляется возможным в настоящее время полностью осуществить общий судебный порядок,—судебные функции в пределах, указанных в настоящем постановлении, возлагаются в качестве временной меры на туземные органы управления в лице родовых (тундровых, островных) советов и районных туземных исполнительных комитетов».

Настоящее «Судебное положение» определяет как круг дел (гражданских и уголовных), подсудных туземному суду (ст. 4, 5, 6, 7) так и те меры воздействия, которые могут налагаться туземными судами (ст. 9, 8).

Каким же кодексом должен руководствоваться туземный суд? «Судебное положение» так отвечает на этот вопрос:

«При производстве судебных дел туземные органы управления применяют местные обычаи, поскольку эти обычаи не противоречат основным положениям советского законодательства».

Как же отнеслись туземцы к этому «Положению»?

Архангельский Комитет Севера сообщает, что Положение о туземных судах было обсуждено и одобрено на районных съездах нынешнего года. На этих же съездах были избраны заседатели в нарсуды из числа самоедов. Разбирались самоедскими советами дела о разводе, об алиментах, о нарушении обязательных постановлений и один раз самоедским РИКом, по предложению нарсуда—о грабеже оленей. На последнем Тельвисочном съезде ряд заявлений самоедов был передан в исполкомы и тундровые советы по судебной линии, и одно дело о возвращении КОВом неправильно поступивших к нему оленей было разрешено по настоянию самоедов тут же на съезде.

Что же касается народных судов, то самоеды редко к ним обращаются. Между прочим, на самоедов произвела неблагоприятное впечатление отмена Архгубсудом приговоров по отношению к притундровым кулакам, обвинявшимся в обмане самоедов, и пересмотр дела о конфискации у притундрового кулака дома за спаивание и обман самоедов.

Положение о туземных судах обсуждалось также и остяками Тобольского севера.

«Положение вообще, по мнению туземцев,—сообщает этнограф Новицкий,—изменений не требует, кроме следующего: к определению суда I инстанции следует добавить, что суд I инстанции ведется в присутствии народных заседателей, каковыми являются туземцы данных юрт, пользующиеся избирательным правом и присутствующие на суде, в возрасте не ниже 20 лет и не заинтересованные в деле. Присяжные заседатели должны иметь право совещательного голоса».

Необходимость суда I инстанции у тузнаселения несомненна. Туземцы считают суд I инстанции незаменимым, и если его не будет, то все равно местные вопросы будут нелегально разрешаться сходом данных юрт и дальше не пойдут.

Следует добавить, что туземцы чрезвычайно осторожно подходят к правам суда I инстанции—его задача разрешать маловажные, чисто местные вопросы, а более или менее сложные—передавать суду II инстанции или даже нарсуду.

К русскому суду остяки, как и вообще туземцы, отнеслись с большой опаской.

К организации же своего туземного суда остяки относятся с большим интересом. За последнее время на Юганском съезде остяков уже был опыт проведения в жизнь Временного положения о туземном суде. К своему суду туземцы обращаются в виде опыта. На Юганском съезде разбор дел туземным судом продолжался около 3 дней.

Присвоение судебных функций советам туземцев не удивляет. В большинстве случаев «Положение» только узаконяет установившийся обычай разбирать судебные дела на суглане.

Устанавливая правильность применения местных обычаев при производстве судебных дел в туземных органах, «Положение» тем самым полагает необходимым вести постоянное наблюдение за тем, чтобы применяемые обычаи не противоречили основным положениям советского права (ст.3).

Связь между туземными организациями и органами народных судов очень слаба, и наблюдение ведется очень слабое.

При огромной территории, плохой связи с районами и разнообразии образа жизни туземцев народный суд ни в какой степени не может обслужить туземного населения. Отправляемое среди туземцев правосудие идет самотеком по действующим обычаям без всякого наблюдения и организации его со стороны советского суда.

Установление надзора со стороны органов советской юстиции за производством судебных дел в туземных судах затруднительно не только в смысле внешней малодоступности, но и трудности согласования бытовых туземных обычаев с требованиями основных положений советского законодательства.

Остановимся на нескольких примерах.

Этнограф Р. Митусова, имевшая возможность наблюдать судебные разбирательства в низовьях р. Пура, рассказывала мне следующий эпизод.

В суд была подана жалоба самоедином А. на самоедина Б. в том, что самоедин Б. похитил у него жену, за которую А. в свое время уплатил два оленя. Похититель жены заплатил обиженному мужу в возмещение нанесенного им убытка одного оленя, а не двух. Обиженный и пострадавшей муж подал жалобу в суд с целью заставить Б. уплатить ему полную стоимость жены, уплаченную в свое время мужем.

Дело разбиралось. Суд постановил, что Б., уплативший А. одного оленя, имеет право этого оленя взять обратно, оставив себе жену, так как калым признается сделкой противозаконной. По приговору суда истец не только не получил справедливого (по его мнению) возмещения за убытки, но и обязывался лишиться еще одного оленя, уплаченного ему добровольно похитителем жены.

Истец и ответчик вместе вышли из суда и между ними произошел, примерно, следующий разговор:

— Ну что, доволен?—спросил Б. истца,—Надеюсь, ты больше не станешь обращаться в суд, который ничего не понимает и не умеет разбираться в наших делах. По суду я могу отобрать у тебя и того оленя, которого я считал тебе нужным заплатить...

— Можешь...—пробормотал обиженный.

— Но я этого делать не стану,—сказал оправданный обидчик. Я считал правильным заплатить тебе одного оленя—и я тебе его оставляю.

На этом они и согласились, признав оба, что в суде сидят люди непонимающие.

Я привел этот пример с той целью, чтобы показать, насколько своеобразно правовое сознание туземцев, и как осторожно надо подходить к ним, чтобы не уронить авторитета суда и власти.

В дальнейшем я приведу два «дела», разбиравшихся в тунгусском суде при Чунско-Таймурском родовом совете.

Одно из них представляет собою дело овдовевшей тунгуски Джальгурик, желающей вести самостоятельную жизнь. Документы этого дела настолько выразительны, что я считаю нужным привести его целиком.

В суд была подана нижеследующая бумага:

З а я в л е н и е.

Судье колоды Панкагырь при Чунско-таймурском родовом совете гражданина колоды Шонягирь вдовы Джальгурик.

Зимой 1926 г. умер мой муж Чиктыкон Гарбауль к. Кочениль. Я осталась вдовой с двумя маленькими детьми. Со мной осталась приемная дочь, племянница мужа, сирота Тыральдын, теперь вышедшая замуж за Басто колоды Шонягирь. Басто в настоящее время проживает в моей юрте и отрабатывает калым. После смерти мужа его дядя Парчен колоды Кочениль стал требовать, чтобы я пошла к нему жить. В виду того, что Парчен всегда плохо относился к моему покойному мужу и теперь свою ненависть перенес на меня, я у него жить не хочу.

Я заявляю, что я могу жить самостоятельно, так как имею законную помощь со стороны приемной дочери Тыральдын. Прошу суд разобрать мое дело и заставить Парчена отказаться от притязаний на моих детей и имущество.

За неграмотностью, прикладываю свой палец правой руки.

Действительность подписи свидетельствуют.

Регистратор по переписи Туруханского края Н. Сушилин.

Заявление это занесено в протокол. В дальнейшем проведено «словоговорение».

Джальгурик показывает, что Парчен плохо относился к ее покойному мужу и однажды побил ее еще при жизни мужа. Зная отношение дяди Парчена к себе, муж Джальгурик наказывал Джальгурик, в случае его смерти, ни в коем случае не итти в юрту Парчена. Далее, когда она, Джальгурик, вышла замуж за Василия, то он был давно отделенный и нисколько не был должен своим братьям. Кроме того, при наличии законной помощи со стороны Басто (как не уплатившего и отрабатывающего калым за его приемную доч Тыральдын), Джальгурик вполне может жить самостоятельно. Показания Парчена. Он подтверждает, что все братья Василия были делены и не зависили друг от друга. Но он боится, что Джальгурик не сможет жить самостоятельно,

что она поэтому подумает или пойти жить в юрту своего отца Улькаго кол. Щонягирь, или выйти замуж в другую колоду, и в этом случае имущество и дети кол. Кочениль могут попасть в другую колоду. Если же Джальгурик докажет, что она может жить самостоятельно, то тогда он, Парчен, отказывается от своих притязаний.

Свидетель истицы Джальгурик, завед. факт. Стрелка Ф. К. Кокорев, указывает на то, что Джальгурик хорошая хозяйка, достаточно добывает белки и совершенно не имеет долгов. Кроме того, когда больной Василий нуждался в помощи, то Парчен ничем не помог, а теперь зарится на детей и имущество.

Басто подтверждает, что Джальгурик живет безбедно и имеет законное право на его помощь, как до сих про не уплатившего калым.

Когда словоговорение было закончено, судьи вынесли приговор:

«Дать право Джальгурик жить самостоятельно и принимая во внимание молодость Джальгурик и отсутствие взрослых промышленников, обязать Басто не покидать Джальгурик и помогать ей. В случае, если Басто купит приемную дочь Джальгурик и таким образом уплатит калым и после этого захочет отделиться от Джальгурик, то тогда ее защитником становится Григорий (сын Парчена), который, нисколько не вмешиваясь в ее хозяйство, будет обязан ее защищать. Если же Джальгурик захочет выйти замуж или уйти в юрту отца, то в этом случае, следуя обычаям, Джальгурик должна будет отдать детей и имущество в юрту дяди мужа—Парчена».

Если приговор по делу Джальгурик не противоречит основам советского права, то дело Ольи-Нумырик заставляет еще серьезнее вникнуть в особенности правового сознания туземцев.

Дело это заключается в следующем: В суд поступило заявление:

«Судье колоды Куркагырь Чунско-таймурского Род. совета. Сироты Ольи (Нумырик) дочери Нонинги колоды Хорбань.

Заявление

В 1926 году я дала за шаманство над больными моими четырьмя братьями-промышленниками и одной сестрой шаману Оксенову Павлу колоды Щонягирь два оленя (гарбичен). В виду того, что шаманство не помогло, я отняла у Павла одного оленя, а другого он задержал. Прошу суд разобрать это дело и заставить Павла Оксенова возвратить мне и другого оленя.

За неграмотностью прикладываю большой палец правой руки.

Действительность подписи Нумырик свидетельствую.

Регистратор по переписи Туруханского края—Н. Сушилин».

За этим последовало нижеследующее судоговорение:

«Нумырик заявляет и по существу своего прошения не отрицает того факта, что она сама позвала шамана, что она добро-

вольно отдала ему два оленя и что она без всякого спроса отняла одного оленя обратно. Дальше Олья просит возвратить ей и второго оленя и указывает на свою бедность.

Ответчик шаман Павел Оксенов показывает, что Нумырик добровольно отдала ему 2 оленя и что она без всякого его ведома отобрала одного оленя в то время, когда оленей вел дядя Павла—Григорий Любчухо. Другого оленя Нумырик не взяла только потому, что в это время он был у другого брата Павла—у Пумпуни».

В результате, было вынесено следующее определение суда:

«В виду существующих родовых обычаев и в виду того, что оленей Нумырик добровольно отдала Павлу шаману—считать оба оленя принадлежащими шаману Павлу и объявить Нумырик, что она не имеет никакого права отбирать оленя без ведома Павла. Но принимая во внимание, что Нумырик осталась сиротой и очень бедна, суд постановил просит Павла перед всем собранием добровольно оставить Нумырик взятого ею одного оленя.

Постановление окончательное и обжалованию не подлежит. Настоящее постановление подписали судьи: Куркагырского рода Конор и нар. заседатели Доптын, Джанькоуль и Корганов, а за неграмотностью ставят присвоенные им тангу.

За секретаря суда Н. Сушилин».

Любопытно, что при разборе дела Нумырик против уплаты Павлу Оксенову за шаманство высказывался только один человек—влиятельный шаман округа.

Шаман Павел Оксенов уступил просьбе суда и согласился оставить Нумырик отобранного ею оленя.

Так окончилось это дело. Секретарь отмечает, что как приговор, так и поступок шамана был встречен всеобщим удовлетворением.

Десятки подобных дел свидетельствуют о необходимости тщательного изучения правового сознания туземцев. Без знания бытовых особенностей и правовых понятий, имеющих обязательное значение для всякого туземца, мы рискуем остаться в положении судьи на Пуре, от которого отвернутся с недоумением туземцы.

Иначе выйдут из суда обе стороны с тем, чтобы договориться без участия судей, «которые ничего не понимают и не разбираются в туземных делах».

Мало-по-малу новое сознание одолеет старые обычаи, веками выработанные нормы, и судебные приговоры, соответствующие основам советского права, станут понятными и туземцам. Но чтобы вернее этому содействовать, необходимо подходить к туземцам с наибольшей осторожностью.

Чукотская яранга, низовья р. Большой Баранихи, северн. берег Чукотской земли; 31 августа 1905.

П. Г.Смидович

НА ЧЕТВЕРТОМ ГОДУ

(НАЦИОНАЛЬНОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ И ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО МАЛЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА).

С незапамятных времен громадные пространства крайнего Севера от Белого моря до Охотского и Берингова или Камчатского осваивались рядом малых народов. В течение веков эти народы приспособились всем своим организмом к суровому климату и дикой природе этих районов, как бы слились с природой или сделались частью ее. В течение веков их примитивные промысловые орудия были приспособлены к специальным естественным условиям каждого района. Каждое племя з н а е т свой район и его естественные рессурсы так, как это только возможно. Сокровенные тайны дебрей и опытные достижения передаются из поколения в поколение. Но при всей приспособленности своей туземец в определенные периоды года и в годы неблагоприятные может обеспечить свое существование только при крайнем напряжении всех своих сил. И это удается далеко не всегда [1]).

[1]) Определенно можно сказать, что нигде в другом месте нет такой непосредственной зависимости человека от природы, нигде так явственно не действует по отношению к человеку принцип естественного подбора. (Дарвин).

Каждое племя, каждый род знает определенную территорию, т р у д о в о е использование которой обеспечивает его существование. Пользование этой территорией переходит без споров от одного поколения к другому.

В течение веков особые условия существования туземных народов оформляют в их среде особое п р а в о с о з н а н и е. Отношение народа к освоенной им территории, к естественным богатствам этой территории, правила использования этих богатств родами и семьями, отношения между родами и отношения к соседним народам или пришельцам на их территорию,—все это не могло быть закреплено документом, но все это было оформлено в сознании туземцев. Таким правосознанием регулировались отношения на огромных пространствах.

Чувство собственности по отношению к территории чуждо туземцу. Если ослабевший род не в силах использовать освоенную им ранее территорию, неиспользованная часть беспрепятственно может быть использована другим, нуждающимся в ней.

Появление пришельцев на территории рода всегда будет отмечено и изучено туземцем по оставшимся следам, занятие же промыслом посторонними на этой территории является крупным событием в жизни рода. Поскольку промысловая работа пришельцев оказывается случайной, поскольку она не подрывает основ существования рода, он относится к ней довольно спокойно. Прибывший для промысла, в силу временно неблагоприятных условий на его территории, соседний род получает встречу со знаками гостеприимства и по мере возможности отдаривает частью добычи встретивший его род.

Иначе складываются отношения, если вторгнувшиеся на территорию рода пришельцы своею промысловою работою лишают местных жителей необходимых источников существования. Тогда мужская половина рода требует от пришельцев или выдела части добычи, или удаления с их территории.[1] В былые времена, до укрепления на северных окраинах российской государственности, указанные обстоятельства часто приводили к вооруженной борьбе между целыми племенами.

Со времени укрепления аппарата российской государственности обиженные туземцы получают возможность искать защиты у представителей царской власти. Это особенно оказывается необходимым, когда на их территорию вторгаются люди другой, более высокой культуры, для которых веками сложившееся правосознание туземца оказывается совершенно чуждым и которые не

---

[1]) Большой интерес представляет описание В. И. Иохельсоном вторжения оленных ламутов на территорию юкагиров по реке Коркодону. Доклад в заседании Отд. Этнографии Имп. РГО. 16 января 1898 г. «По рекам Ясачной и Коркодону». Издано брошюрой в том же году, СПБ.

считают нужным считаться с интересами туземного населения. В этих случаях исключается всякая возможность взаимного соглашения. Но и возможность получить защиту от представителей власти в данных условиях была очень малой.

Еще в XVI веке русские люди заняли устье Индигирки, оттеснив туземцев с занятых ими мест и образовав так называемое «Русское Устье». Однако в XIX веке, в 1831 г., якуты (о жалобах туземцев ничего не известно) подают жалобу на произвольные действия русских, захвативших по реке лучшие рыболовные места и расставивших «по лицу тундры» песцовые ловушки [1]).

Начальство в Иркутске жалобу эту уважило, но постановление о выселении русских было затем отменено.

Вторжение в районы туземных промыслов нетуземного промыслового населения всегда приводило к беспощадному истреблению естественных богатств края, принуждало туземное население к откочеванию из освоенных территорий и приводило их к обнищанию и вымиранию. Царское правительство было принуждено издавать время от времени постановления, ограничивающие или запрещающие вторжение русских промысловиков в туземные районы. Особенно беспощадной была эксплоатация туземцев выходцами из Китая, самовольно занимавшими промысловые угодья гольдов, гиляков и др. туземцев в горах Приморского края.

В местах, менее отделенных от культурных центров, туземцы могли отстаивать свои права в судебном порядке. А. А. Дунин-Горкавич на основании изучения Тобольского севера приходит к следующим выводам: «Те угодья, которыми известное семейство или род владеют на правах пользования, считаются неприкосновенными; поэтому эксплоатация таких мест посторонним лицом считается правонарушением, наказуемым остяками по обычному праву (обыкновенно у такого лица отбирается то, чем оно воспользовалось на чужом угодьи, и сверх того на него налагается штраф). Границы угодий у остяков определены точно. Границами служат обыкновенно речки и мысы. Уважая права собственности, остяк не позволяет себе охоту на чужой территории. Если во время охоты зверь перебежит в пределы чужого угодья, остяк прекращает свои преследования, если же он убьет его на чужой земле, то по установившемуся среди остяков обычаю охотник шкуру убитого зверя отдает владельцу той территории, на которой он убил его, а мясо берет себе». [2])

---

[1]) Эту историю изучал В. М. Зензинов по документам местных архивов. См. его книгу «Старинные люди у холодного океана». М. 1914 г.

[2]) Дунин-Горкавич, А. А. «Тобольский север», т. III, стр. 66—67, Тобольск, 1911 г. Здесь же приводится следующий интересный случай: остяк Мазьянских юрт срубил у Выргинских остяков кедр и сделал из него лодку. Судебным постановлением лодка передана Выргинским остякам, мазьянский остяк вынужден был сверх того уплатить десятирублевый штраф.

В 1917 году аппарат старой власти рухнул, старые постановления и законы утратили свою силу. Новый аппарат—советской власти строился и укреплялся в этих отдаленных местах постепенно. Целые годы советская власть не могла сосредоточить в достаточной степени внимания на укреплении туземного промыслового хозяйства. Малые народы Севера были предоставлены самим себе не только перед лицом суровой природы, но и перед хищником-спекулянтом и перед организованным и неорганизованным охотником, вторгавшимся извне в поисках драгоценной пушнины.

Не получая самого необходимого—огнеприпасов и материалов, из которых туземец изготовляет промысловые орудия, туземное промысловое хозяйство пережило жестокий кризис. Слабый голос туземца не доходил до центров советской власти. Первые годы нэпа не улучшили положения.

И только за три последние года, за время работы Комитета Содействия малым народностям Севера, постепенно меняется отношение государственных и общественных учреждений к забытым северным окраинам.

Достаточно приглядеться к нашим газетам, чтобы увидеть как время от времени на страницах и центральной, и местной печати появляются статьи и заметки, посвященные вопросам хозяйственного и культурного строительства на Севере. В различных учреждениях—наркоматах и местных исполкомах—все чаще и чаще уделяется внимание великим нуждам малых народностей Севера.

С каждым годом увеличиваются средства, отпускаемые как по государственному, так и по местному бюджетам на нужды туземных районов.

На местах также наблюдается перемена: неподвижная прежде огромная территория закопошилась. У Комитета Севера завязывается непосредственная связь с туземцами, в Комитет Севера долетают безграмотные, но полные живой боли письма туземцев, промышляющих в необъятных просторах тайги и тундры.

Все чаще и чаще через посредство местных комитетов до центра доходят копии протоколов, отражающих работу сугланов, съездов, туземных судов. Эти протоколы с очевидностью показывают нам, что тайга и тундра зашевелились. Мы имеем протоколы из Архангельской тундры, с Тобольского севера, из таежных дебрей Туруханского края, с далеких окраин Дальнего Востока. От самоедов—на запад, до ламутов и коряков—на восток, все народности Севера пришли в какое-то движение и, где спокойно и деловито, где робко и неуверенно, где с излишней, может быть, нервозностью—туземцы взялись неопытной рукой за внедрение новых начал в свою жизнь. Нам кажется уместным привести здесь несколько примеров того, как зашевелились оленеводы-самоеды в тундре.

«Самоеды начинают освобождаться от своей былой забитости и робости. Они уже не смолчат перед богачами—оленеводами, перед агентами хозорганов или даже перед представителями администрации, если те по мнению самоедов поступают неправильно. Кочевники-самоеды открыто приносят жалобы на притеснения. Отношение к советской власти у самоедов в настоящее время самое доброжелательное. Постепенно самоеды начинают без предубеждения, более внимательно относиться к участию в общественной жизни.

Тундровые оленеводы стремятся к обучению детей грамоте, к усилению медпомощи, к обзаведению усовершенствованными орудиями промыслов, к организации ветеринарной помощи». [1]).

В Малоземельской тундре работает уже ряд тундровых и районных советов.

Тельвисоченский РИК провел значительную работу по развитию туземного кооператива «Кочевник» и ККОВ а, а также по организации школы, в частности—по постройке школьного здания.

Из тундровых советов—лучший Тиманский, во главе которого стоит грамотный, энергичный самоед Выучейский. Совет провел среди самоедов успешную агитацию в пользу обучения в школе самоедских детей, сумел провести кооперирование самоедов и организовать ККОВ, который предпринимает объединение бедноты в артель.

Когда в Тиманскую тундру перекочевал самовольно с востока богатый оленевод Карк-Филь, совет заставил его уйти из тундры. Имеются сведения о выполнении этим советом судебных функций—раздел имущества, взыскание в пользу самоеда и т. д.

Следует отметить одно существенное обстоятельство: самоедские советы вполне авторитетны для самоедов, но живущие в тундрах русские и зыряне часто совершенно не считаются с ними и для того, чтобы провести свои решения в жизнь, у совета нет достаточных возможностей. Например, нужно выселить из тундры оленевода, пришедшего без санкции самоедского совета: если оленевод не подчиняется, то совет может только оштрафовать его на 3—5 руб.

Этим объясняется постановление Тельвисочного районного съезда, чтобы в тундрах были кроме советов какие-то облеченные властью лица, которым бы подчинились и самоеды, и зыряне, и русские» [2]).

«Мы должны отметить тот антагонизм, который существует в тундрах между русскими, зырянами и самоедами.

---

[1]) Т. Сапрыгин; доклад о положении самоедского народа в Архангельской губернии и о работе Архангельского Комитета Севера.

[2]) Доклад Архангельского Комитета Севера.

Русское оседлое население негодует на самоедов за то, что последних не берут в солдаты и не облагают никакими налогами. По мнению Архангельского Комитета Севера, суть недовольства со стороны русских и зырян заключается в том,что, благодаря ряду предоставленных туземцам льгот, самоеды стали жить лучше, чем раньше, и не так легко попадают в кабалу к русским.

Взаимоотношения самоедов с ижемцами еще хуже, чем с русскими. На русских в Канинской тундре никаких жалоб не заявляли, но требуют выселить из Канина всех ижемцев, не считаясь с тем, крупный это или мелкий оленевод» [1]).

«Оленеводы-ижемцы пришли в самоедскую тундру и прокладывают себе такие пути, которые кажутся местным жителям негодными и для общего хозяйства тундры вредными. Это может показаться не вполне понятным. Если смотреть со стороны, то кажется, что тундры хватит и людям, и оленям, что в тундре можно по желанию бродить во всех направлениях. Но это представление совершенно неправильно: всякое движение по тундре должно иметь свой установленный путь и нарушать этих путей нельзя. Идя новыми путями, пришлые люди истребляют оленьи корма и тем самым нарушают привычный для туземцев порядок. Приходят также наважники и нанимают туземцев возить навагу. Это дает значительный заработок туземцам, но для движения обозов с навагой оленям необходим корм, необходимо, чтобы оленьи корма по пути движения обозов с навагой не вытаптывались. Передвижения по тундре зырянских стад необычными и непроложенными путями уничтожают необходимые пастбища. Между собой самоеды блюдут порядок в тундре. Обычно родовые советы обсуждают вопрос кочевок и дают исполкомам наказ наблюдать за тем, чтобы стада оленей прогонялись дальше и чтобы здесь, на путях наважьих обозов, сохранялись свежие ягельники. Зыряне же пришли и идут, как им вздумается, и беспорядочными перекочевками производят в тундре беспорядок. Естественно, что перед туземцами встал вопрос об удалении из тундры пришлого населения. В Комитет Севера поступают из Канинской тундры заявления о необходимости удаления зырян. Движение зырян в тундры продолжается, и туземцы выносят постановления, чтобы ижемцев оттуда изгнать. Нам особенно важно отметить, что самоедские исполкомы пытаются установить границы, за которыми ижемцы не могут кочевать. Для проведения в жизнь таких постановлений исполкомы избирают особых исполнителей, которые следят за этим.

Самоеды оберегают не только ягельные пастбища. Самоеды болеют за тундровое хозяйство в целом. По протоколам можно

---

[1]) Доклад т. Синельникова о поездке в Канинскую и Тиманскую тундры.

проследить, что самоеды очень настойчиво добиваются того, чтобы ижемцам не давали возможности разорять тундровые богатства. Дело в том, что аборигены тундры—самоеды—видят, что пришельцы относятся к тундре нехозяйственно. Самоеды замечают, что ижемцы разоряют песцовые норы, ловят крестоватиков, занимаются звероловством не так, как к этому привыкли самоеды. Туземцы требуют от исполкомов, чтобы были установлены строгие правила, запрещающие убивать крестоватиков. Нарушители этих правил по мнению самоедов должны подвергаться карам. В целом самоеды требуют, чтобы в тундре были установлены такие порядки, которые давали бы возможность правильно развиваться тундровому хозяйству.

За последние годы в Канинской и Тиманской тундрах, преимущественно по побережью, происходит стихийное переселение русских промышленников из деревень по р. Мезени и ее притокам. Привлекают этих колонистов промысловые возможности. Многие из них имеют скот и оленей. На почве промыслов и выпаса оленей между самоедами и пришельцами—русскими происходят частые конфликты. Переселенцы захватывают исконные самоедские промысловые районы и зачастую просто угрозами заставляют самоедов отказаться от них. Многие переселенцы воруют песцов из самоедских кулемок и навагу из рюж. Некоторые из пришельцев предпочитают занятию промыслом—торговлю водкой и др. товарами, конечно—по очень дорогой цене. Самоеды требуют, чтобы в тундру никто не переселялся без разрешения самоедских советов, чтобы по восточному берегу Канина переселенцы селились только к югу от р. Губистой.

На почве охоты загонами происходят столкновения и конфликты между самоедами и русскими промышленниками, охотящимися на песца лишь капканами, сетками и ружьем. Один раз дело дошло до перестрелки, окончившейся, однако, благополучно» [1]).

Такую же вражду между туземным населением и самовольными колонистами, вторгающимися в районы, искони освоенные туземцами, приходится наблюдать и в ряде других мест нашего Севера.

Приведем ряд примеров.

Вторжению зырян в самоедские тундры по сю сторону Урала соответствует аналогичное вторжение зырян в места, обитаемые вогулами, к востоку от Урала.

Вогулы считают себя исконными насельниками Кондинского края и недружелюбно относятся к приходу переселенцев, которые занимают рыболовные и охотничьи угодья, освоенные старожилами края.

---

[1]) Сообщение Архангельского Комитета Севера.

Колонисты с Печоры и Вишеры не прочь убить оленя в чужом стаде [1]). Печорцы же ввели на Конде охоту на соболя с обметом и капканом на тропах, что губительно отражается на количестве соболя. Происходит это от того, что пришельцы-зыряне смотрят на вогул, как на существа низшего порядка, и с их интересами не считаются. Много раздоров происходит и на почве дележа покосов.

Глухая национальная вражда между туземцами и зырянами не прекращается. Необходимо какое-то размежевание [2]).

Еще острее обстоит дело в Туруханском крае. Можно сказать, что в районе Средней (Подкаменной) Тунгуски идет скрытая война между туземцами и пришлыми засельщиками. За последние годы намечается напор ангарских крестьян в пределы тунгусских кочевий за Подкаменную Тунгуску.

Под натиском русских тунгусы постепенно оставили свои родовые угодия и могилы предков между Ангарой и Подкаменной Тунгуской, откочевав к северу. Пятнадцать лет тому назад распоряжением царского правительства дальнейшее вторжение русских в пределы кочевий тунгусов было приостановлено. Но начиная с 1926 года вторжение началось снова. Русские-ангарцы во главе со старыми купцами стали селиться по Подкаменной Тунгуске. В эти поселки ангарцы завозят зимой хлеб и огнеприпасы, а осенью являются в большом количестве для промысла белки. Лучшие родовые охотничьи угодья по хребтам Лакура, Горбонос и Буркан—по северную сторону П. Тунгуски заняты уже русскими. Тунгусам там места нет. Русские разоряют могилы предков, обворовывают лабазы, вытаскивают из ловушек лисиц, охотничьи собаки разгоняют по тайге оленей, что отрывает тунгусов от промысла и заставляет их бегать по тайге за оленями.

Откочевывая на север, в глубь лесов и гор, тунгусы сознательно выжигают леса, чтобы положить предел продвижению русских. Положение ныне стало очень острым, так как весь западный район Севера уже заполнен. Тунгусам дальше итти некуда. Реки Чуня и Таймура—предел тунгусских кочевий [3]).

То же явление острой вражды между туземным и пришлым населением приходится наблюдать и в других районах Севера.

Споры между туземцами и русским населением из-за пользования рыбалками в резкой форме проявляются по р. Амуру (между гольдами, самогирами и русскими). Благодаря прежней политике, лучшие рыболовные участки находятся в руках рус-

---

[1]) Прошлой осенью (1925 г.) убили до 30 голов оленей из оставленного без присмотра стада. Дело кончилось смертью одного из печорцев.

[2]) Отчет В. Чернецова о поездке в Березовский район летом 1926 г.

[3]) Протокол № 1 засед. Красноярского Комитета севера—Сообщение т. Суслова.

ского населения. Бывают и теперь случаи, когда сотрудники рыболовного надзора при распределении рыболовных участков недостаточно учитывают интересы туземцев. В значительной мере права туземцев по использованию рыболовных угодий урезываются и крупной госпромышленностью, и пришлыми рыболовными артелями. В этом отношении особенно сильно страдают туземцы прибрежных морских зон в районе Амурского лимана, Сахалинского побережья, Камчатки, Охотского и Советского районов [1]).

Левый берег верхнего течения Колымы против устья р. Сугуя (иначе Буксу); 12 июня 1905.

При каждом занятии определенных участков земли под заселение, для промышленных нужд, для путей сообщения или для каких-либо иных нужд—Советское государство тщательно учитывает трудовую заинтересованность пользователей этих участков, советские законы полностью защищают интересы трудовых пользователей. Во всех районах СССР тратится много сил и средств на дело землеустройства.

Но из этих общих правил есть единственное исключение. Для земельного устройства территорий, освоенных малыми народами Севера, не сделано ничего или почти ничего до сегоднешнего дня.

---

[1]) Положение рыбного промысла у туземных народностей ДВК. (Докл. записка ДВ Комитета Севера).

До сегодняшнего дня, при отводе ли участков под переселение, при выделе ли районов под промышленные предприятия (золотопромышленность) или концессии—трудовые интересы народов Севера выпадают из сферы внимания. Конечно, эти интересы должны учитываться иначе, чем интересы земледельцев или даже скотоводов, но учитываться они должны и при советской власти не могут не учитываться.

Уже на апрельском Пленуме Комитета Севера при ВЦИКе в 1926 году были приняты по моему докладу к руководству следующие тезисы:

«6. Комитеты Севера подошли вплотную к работе по хозяйственному устроению малых народностей Северных окраин. Прежде всего, должна быть выяснена для каждого племени фактически осваемая им территория, затем должен быть определен необходимый для хозяйственного развития каждого племени район и, наконец, этот район должен быть закреплен в пользовании этого племени. Этот район поступает в ведение и управление соответствующего племенного совета и исполкома. Только таким путем выявится необходимая опора для охраны природных богатств и постепенного устроения каждого района северных окраин.

7. Указанная работа должна постепенно проводиться силами местных органов советской власти. Она требует величайшей осмотрительности и сосредоточенного внимания. Она должна создать необходимую почву, надлежащую обстановку для планомерой организации народностей (племенные советы и интегральная кооперация) и для всего последующего хозяйственного их укрепления, советского—по содержанию и по форме».

На мартовском пленуме того же Комитета Севера в 1927 году назревшими вопросами, требующими от Комитета Севера и его органов на местах в данное время особого внимания, были признаны: 1) национальное районирование и 2) ограждение интересов туземцев при проникновении в туземные районы самовольных засельщиков, а также при колонизации или организации промышленной эксплоатации этих районов. Этот пленум в десяти пунктах изложил мероприятия, необходимые для решения второго вопроса. К большинству из них до сих пор на местах не приступлено, законопроектов для проведения в жизнь этих мероприятии не представлено. Для выполнения некоторых из них требуется предварительное землеустройство народов Севера в соответствующих районах.

Первый вопрос — национальное районирование, проведение административных границ для малых народов Севера—упирается часто в условиях туземных районов в дело закрепления промысловых угодий за каждым родом данного народа, т. е. опять-таки упирается в дело землеустройства.

Итак, наступило время, когда малые народы Севера всеми сторонами своей жизни громко требуют скорейшего проведения землеустройства в освоенных ими районах. Нет и не может быть планомерного развития промыслов без закрепления за каждым родом каждого народа необходимой его для хозяйственного укрепления территории. Без этого закрепления не может быть сколько-нибудь нормально поставлена работа туземных исполкомов. Каждый предстоящий районный съезд туземных (родовых) советов должен выяснить и зарегистрировать границы территорий, освоенных съехавшимися родами. Вышестоящие исполкомы согласуют границы районов и получат возможность практически поставить вопрос о национальном размежевании.

На четвертом году работы Комитетов Севера они получили возможность энергично приступить к делу национального и хозяйственного размежевания туземных районов на Севере.

«Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР» построено на предположении, что за каждою народностью и за каждым племенем будет закреплена определенная территория, необходимая для его хозяйственного развития. Особым Положением должны быть определены права и обязанности каждой народности к отведенной ей территории. Должен быть выработан особый «Кодекс трудового землепользования» для Северных окраин, не противоречащий ни советским законам, ни правосознанию туземцев. Действительность говорит, что неразрешимых задач на этом пути не встретится.

Рыболовные, охотничьи угодия и оленные пастбища в тундре должны находиться в трудовом пользовании туземцев, как находятся в трудовом пользовании участки земли у крестьян. Надо дать право и возможность туземным советам хозяйственно распоряжаться отведенной им территорией, обслуживать ее, оберегать от хищничества. Надо дать туземным исполкомам право и возможность оградить свои промысловые участки от самовольного вторжения пришельцев. Туземцы должны знать, что у них есть с в о я с о в е т с к а я власть и что она распоряжается подвластной ей территорией на основании как общих советских законов, так и собственных постановлений.

Приведенные выше исторические справки и соображения о «земельных отношениях» на Севере, а также данные за советские годы, намечают основные линии к разрешению формулированных задач.

Мы видим между прочим, что работа по землеустройству малых народов Севера (закрепление промысловых угодий) и дело национального районирования по особым условиям места связаны взаимно в гораздо большей степени, чем в какой-либо другой области СССР.

Из данной общей постановки вопроса о национальном районировании жизнь со все большей настойчивостью выдвигает ряд конкретных вопросов. Таков прежде всего вопрос об объединении самоедской тундры, разорванной случайно проведенной по тундре гранью между Архангельской губернией и областью Коми. Эта линия не только отделяет друг от друга близкие роды, разламывает на части одно хозяйственное целое, но и дробит на части выпасы ряда родов, оставляя зимние и летние стоянки в разных административных образованиях. Вопрос об отмежевании объединенной самоедской земли связывается с вопросом об образовании Северной области.

Пароход СТФ «Индигирка» на рейде Пловер в бухте Провидения, южн. ч. Чукотского полуострова; август 1925.

Не менее остро выдвигается вопрос о национальном районировании тунгусов. В Витимско-каренгско-нерчинском районе, например, ряд тунгусских родов, считающих себя единым целым, находившихся ранее в ведении одной Зюльзинской инородческой управы, современным районированием оказались разорванными на три части—между ЯАССР, БМАССР и Дальне-восточным краем.

Вся восточная граница Якутской АССР проходит по территориям малых народностей без какого бы то ни было учета их хозяйственных и национальных интересов. Она не только делит на части отдельные народности, но и дробит промысловые угодья и пути кочевания отдельных родов.

Это положение должно быть выправлено. Перепись 1926 года дает в наши руки новый ценный материал для работы над вопросами национального районирования северных окраин. Этот материал не только поможет нам подойти вплотную к уже назревшим вопросам, но и выдвинет на очередь ряд новых вопросов по выделению малых народностей в национальные районы.

На четвертом году работы Комитетов Севера выдвигается, как злоба дня, приступ к систематической работе по закреплению за каждым туземным родом необходимой ему промысловой территории. Таким путем будет подведена под каждый туземный исполком твердая хозяйственая база. На этой базе закрепится вся культурная и административная работа советской власти в северных районах. Национальное районирование малых народов Севера оформит всю работу на подлинно советских рельсах.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие 3

С. А. Бутурлин. Что такое «север», кто там живет и будущее мировое значение его. 5

С. В. Бахрушин. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 года. 66

Б. М. Житков. О путях сообщения на севере. 98

С. В. Керцелли. Оленеводство РСФСР. 111

С. А. Бутурлин. Как охотятся на севере. 134

А. А. Клыков. Рыбные промыслы. 151

Г. Д. Махоткин. Морской зверобойный промысел севера РСФСР. 164

Ф. Р. Богданов. Медицинская помощь малым народностям крайнего севера. 182

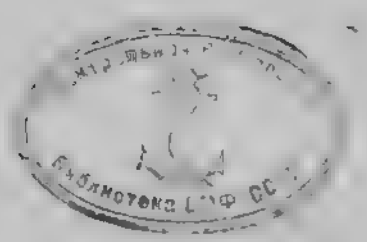
Н. И. Леонов. Туземные школы на севере. 200

Н. И. Леонов. Туземные советы в тайге и тундрах. 219

П. Г. Смидович. На четвертом году. 258

Указатель. 273

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ.



АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ.

Широты и долготы (от Гринвича) указаны приближенно, с.—северная, ю.—южная, з.—западная и в.—восточная, для рек указано устье.

А.

Абакан, р. 54 с.—91 в.
Абый, уроч. 68½ с.—145½ в.
Алазейский хр. 67 с.—150 в.
Алазея, р. 71 с.—153½ в.
Алдан, р. 63 с.—129½ в.
Алданский хр. 56/60 с.—122 в.
Александровск, г. 69 с.—33 в.
Александровское, с. 60½ с.—78 в
Алтай, горы 48/55 с.—82/90 в.
Амур, р. 53 с.—141 в.
Амурский округ (см. г. Благовещенск).
Анабара, р. 73 с.—113 в.
Анадырь, р. 64¾ с.—177½ в.
Ангара, р. 51 с.—102 в.
Антильские о-ва 14/21½ с.—69/85 з.
Анюй, р. 68½ с.—161 в.
Аракамчечен, о. 64¾ с.—172½ з.
Аргунь, р. 53½ с.—121¼ в.
Аян, с. 56½ с.—138¼ в.

Б.

Баиха, р. 65¾ с.—87 в.
Байдарата, р. см. Падарата.
Барабинская степь 56 с.—79 в.
Бараниха Б., р. 69½ с.—167 в.
Баранов Б., м. 69½ с.—163½ в.
Баранов М., м. 69½ с.—162½ в.
Баренцово море 70 с.—41/51 в.
Бахабча, р. 63¼ с.—147½ в.
Байдарата. р. см. Подарата.
Белое море 65½ с.—37 в.
Белый о. 73 с.—70 в.
Березов, г. 64 с.—65 в.
Беринга, о. 55 с.—166 в.
Берингов пр. 65/68 с.—168/170 з.
Берингово море 55/63 с.—163 в./170 з.
Бикин, р. 47 с.—133½ в.
Благовещенск, г. 50½ с.—127 в.
Бодайбо, с. 58 с.—114 в.
Большерецк, с. 52½ с.—156½ в.
Ботнический зал. 60/65¾ с.—17½/25½ в.
Булун, с. 70¾ с.—127¾ в.
Быковская протока 72/72½ с.—126/129 в.

В.

Вайгач, о. 70 с.—59 в.
Варангерфиорд 70 с.—29 в.
Васюган, р. 59 с.—80½ в.
Вах, р. 61 с.—77 в.
Ваховское, с. 61 с.—74¼ в.
Верте-Кос, с. 59¼ с.—80 в.
Верхне-Инбатская, с. 63 с.—88 в.
Верхне-Колымск, с. 66 с.—150 в.
Верхоленск г. 54 с.—135 в.
Верхоянск, г. 67½ с.—133½ в.
Верхоянский хр. 63/66½ с.—127½/137 в.
Виви, р. 65 с.—98 в.
Вилюйск, г. 63¾ с.—121½ в.
Витим, р. 59½ с.—112 в.
Вишера, р. 62 с.—52 в.
Владивосток, г. 43 с.—132 в.
Врангеля, о. 71½ с.—180 в.

Г.

Галич, г. 58⅓ с.—42 в.
Гваделупа, о. 29 с.—118 з.
Гижигинская губа 62 с.—160 в.
Горюн, р. 50¾ с.—137½ в.
Горюн, с. 51 с.—138 в.
Грумант, о. (см. Шпицберген).
Губиста, р. 69 с.—48 в.
Губиста М., р. 67⅔ с.—45 в.

Д.

Дежнев, м. 66¼ с.—170 з.
Джугджур, хр. 56 с.—131/135 в.
Диксон, порт 73½ с.—80 в.
Догдо, р. 67⅛ с.—137 в.
Догдо, ущ. 67 с.—140 в.
Долгая щель, с. 66 с.—43⅓ в.
Дондон, р. 49 с.—136½ в.
Дудинка, р. 69½ с.—86 в.

Е.

Елогуй, р. 63½ с.—87 в.
Енисей, р. 70 с.—82½ в.
Енисейск, г. 58 с.—92 в.
Енисейский залив 71/73 с.—76/82½ в.

Ж.

Жиганск, с. 67 с.—122½ в.

З.

Земля Литке, о. 69½ с.—66½ в.
Земля Фр. Иосифа, о. 81½ с.—56 в.
Зея, р. 50½ с.—127 в.
Зимне-Золотницкая вол. 65⅔ с.—40 в.
Зимний берег 65/66½ с.—39½/42 в.
Зырянский край (см. Усть-Сысольск)

И.

Ижма, р. и с. 65½ с.—52½ в.
Илимпея, р. 63 с.—105 в.
Индига, р. 67¾ с.—48¾ в.
Индигирка, р. 71 с.—150 в.
Инцы, с. 66 с.—40¾ в.
Иокагама, г. 35 с.—139 в.
Иоканка (Евкиок), р. 68 с.—39¾ в.
Иркутск, г. 52 с.—104 в.
Иртыш, р. 61 с.—68½ в.
Иттыгран, о. 64⅔ с.—172½ з.

К.

Казачье, с. 70¾ с.—136 в.
Казым, р. 64 с.—65½ в.
Кама, р. 55 с.—49 в.
Камчатка, п-о. 51/63 с.—155/170 в.
Кандалакша, с. 67 с.—32½ в.
Канин нос. 68⅔ с.—43⅓ в.
Канин п-о. 66¾/68⅔ с.—43⅓—46 в.
Канск, г. 56 с.—95 в.
Карагинский, о. 59 с.—164 в.
Карагинское, с. 60 с.—164 в.
Каргассокское, с. 59 с.—80½ в.
Каренга, р. 54½ с.—116½ в.
Карские Ворота, пр. 71 с.—58 в.
Карское море 72 с.—62 в.
Карымская, ст. 51½ с.—114 в.
Кас Б., р. 60 с.—90 в.
Кас М., р. 59½ с.—89 в.
Катанга, р. (см. Средн. Тунгузку)
Кемчик, р. 52 с.—91⅓ в.
Кеть, р. 59 с.—81½ в.
Кильдин, о. 69½ с.—34 в.
Киренск, г. 58 с.—108 в.
Ключевская сопка. 56 с.—161 в.
Койда, с. 66⅕ с.—42⅖ в.
Кола, с. 68¾ с.—33 в.
Колва, р. 66 с.—57 в.
Колгуев, о. 69 с.—49 в.
Колпино, г. 59¾ с.—30¼ в.
Колыма, р. 69¼ с.—161 в.
Колымский хр. 62/67½ с.—155/159 в.
Кольский п-о. 66/70 с.—31/41 в.
Командорские о-ва. 55 с.—165/168 в.
Конда, р. 60¾ с.—69 в.
Кондинский мон. и сел. 62½ с.—66 в.
Коркодон, с. 64¾ с.—150 в.
Корфа бухта. 60 с.—165½ в.
Красноярск, г. 56 с.—92½ в.
Кузнецк, г. 54 с.—87 в.
Кулой, р. 66 с.—43 в.
Кулунда, степь 53 с.—80 в.
Курейка, р. 66½ с.—87 в.
Курья, дер. 61¾ с.—57 в.
Кухтуй, р. 59½ с.—143 в.

Л.

Лена, р. 73½ с.—125 в.
Ливерпуль г., 53½ с.—3 з.
Лимпе, р. 63½ с.—105 в.
Лопатка, м. 51 с.—156½ в.

М.

Максимов яр, с. 58½ с.—87 в.
Мангазея, развал. 65½ с.—82 в.

Мариинское, с. 52 с.—140 в.
Марково, с. 64 3/4 с.—171 в.
Маточкин Шар, пр. 73 1/2 с.—53 1/2 56 1/2 в.
Мая, р. 60 1/2 с.—134 в.
Медвежий, о. 75 с.—20 в.
Медвежьи о-ва 70 3/4 с.—161 в.
Медный, о. 54 3/4 с.—167 1/2 в.
Мезенский зал. 66 1/2 с.—43 в.
Мезень, р. 64 с.—44 в.
Мора-Сале, м. 69 1/2 с.—66 1/2 в.
Моржовец, о. 66 3/4 с.—42 1/4 в.
Мурманск, г. 69 с.—33 в.
Мурманский берег 68/70 с.—33/40 в.
Мутная, р. 58 1/2 с.—56 1/2 в.

Н.

Надым, р. 65 3/4 с.—73 в.
Найхе, с. 48 3/8 с.—136 в.
Нарым, г. 59 с.—81 1/2 в.
Находка, бухта 67 1/2 с.—72 в.
Наяхан, с. 62 с.—159 в.
Нелемная, р. 65 с.—149 в.
Нерчинск, г. 52 с. 116 1/2 в.
Несь, с. 66 2/3 с.—44 3/4 в.
Нижне-Колымск, с. 68 1/2 с.—161 в.
Нижняя Тунгузка, р. 65 3/4 с.—87 1/2 в.
Николаевск на Амуре, г. 53 с.—140 3/4 в.
Новая Земля, о. 70 1/2/77 с.—51 1/2/68 1/2 в.
Новая, р. 72 1/2 с.—102 1/2 в.
Новгород, г. 58 1/3 с.—31 в.
Ново-Сибирские о-ва 74 1/2/76 1/2 с.—135/150 в.
Новый порт 67 1/2 с.—73 в.
Ном, г. 65 с.—166 з.
Норильское, с. 69 1/2 с.—88 в.

О.

Обдорск, с. 66 1/2 с.—66 1/2 в.
Обь, р. 66 3/4 с.—68 в.
Оймяконское нагорье 62 1/2 с.—143 в.
Ола, р. 59 1/2 с.—151 в.
Олекма, р. 60 1/2 с.—120 1/2 в.
Олекминск, г. 60 1/3 с.—120 1/2 в.
Оленек, р. 73 с.—120 в.
Олонское, с. 52 3/4 с.—103 1/4 в.
Ольская бухта 59 3/4 с.—151 1/4 в.
Ольский о. 59 с.—150 в.
Олюторский м. 60 с.—170 в.
Омск, г. 55 с.—73 в.
Орловка, р. 64 с.—170 в.
Орловская, с. 64 с.—169 в.
Охота, р. 59 1/3 с.—142 1/2 в.
Охотск, г. 59 1/3 с. 143 1/3 в

П.

Падарата, р. 68 с. 68 в.
Парабель, р. 58 1/2 с.—81 1/2 в.
Парабельское, с. 58 1/2 с.—81 1/2 в
Пелым, р. 59 1/2 с.—63 в.
Пенжина, р. 62 1/4 с.—163 в.
Пенжинский зал. $\frac{60\,1/4}{62\,1/4}$ с. — $\frac{162}{163}$ в.
Пенжинское, с. 63 с.—167 1/3 в.
Петропавловск, г. 53 с.—158 2/3 в.
Печора, р. 68 с.—54 в.
Повенец, г. 63 с. 34 1/2 в.
Подкаменная, р. (см. Ср. Тунгузку).
Полноватское, с. 63 1/2 с. 65 1/2 в.
Поной, р. 67 с.—41 1/3 в.
Поповка, р. 58 1/2 с.—82 в.
Походск, с. 69 с.—161 в.
Приалазейский район (см. реку Алазею).
Пур, р. 65 с. 77 1/4 в.
Пустозерск, с. 67 1/2 с.—52 1/4 в.
Пясина, р. 74 с.—85 в.
Пясино, оз. 69 1/2 с.—88 в

Р.

Рассоха, р. 62 3/4 с.—47 1/4 в.
Русское Устье, с. 71 с.—149 1/3 в.
Ручьевское, с. 66 с.—40 3/4 в.

С.

Сагастырь, с. 73 1/3 с.—126 1/2 в.
Сан-Франциско, г. 38 с.—122 1/2 з.
Саянский хр. 52/54 с.—92/102 в.
Саянское, с. 49 1/2 с.—136 1/3 в.
Северная Двина, р. 64 3/4 с.—40 1/3 в.
Северная Земля, о. 80 с.—100 в.
Северный м. 69 с.—180 в.
Сеимчан, с. 64 с.—148 1/2 в.
Селенга, р. 52 1/4 с.—106 в.
Сердце-Камень, м. 67 с.—171 1/3 з.
Се-Яга, р. 70 1/4 с.—72 в.
Сихота-Алинь, хр. 43/51 1/2 с.—133/140 в.
Сковородино, с. 53 3/4 с.—124 в.

Собь, р. 66½ с.—66 в.
Соловецкие о-ва 65 с. 35½ в.
Сосновец, о. 66½ с.—40½ в.
Сосьва, р. 63½ с.—64½ в.
Средне-Колымск, г. 67¼ с.—157¼ в.
Средняя Тунгузка, р. (Катанга, Подкаменная) 61½ с.—90 в.
Сретенск, г. 52½ с.—117½ в.
Становой хр. (Яблоновый) 50/65 с.—110 в. 174 з.
Сунгачи, р. 45½ с.—133 в.
Сургут, с. 61¼ с.—73⅓ в.
Сускан, р. 53¾ с.—48½ в.
Сухарное, с. 69⅓ с.—162 в.
Сым, р. 60¼ с.—90 в.

Т.

Таз, р. 66½ с.—79 в.
Тазовская губа 66½/69 с.—73½/78½ в.
Тайгонос, м. 60½ с.—160 в.
Таймура, р. 63¾ с.—98 в.
Таймыр, оз. 74¼/75 с.—98/101 в.
Таймыр, о. 76½ с.—95/97 в.
Таймыр, р. 74¼ с.—98 в.
Таймырский п-о. 75/77½ с.—90/113 в.
Тас-хаях-таг, хр. 66½/69 с.—137/140 в.
Татарский пр. 47/51½ с.—104/102 в.
Тельвисочное, с. 67⅔ с.—52¾ в.
Тигиль, р. 58 с.—158 в.
Тобол, р. 58¼ с.—68 в.
Тобольск, г. 58¼ с.—68 в.
Токио, г. 35½ с.—139¼ в.
Толстый Нос, с. 70 с.—83⅔ в.
Томск, г. 56½ с.—85 в.
Томус-хая, хр. 65/67 с.—145/150 в.
Томь, р. 56¾ с.—84 в.
Торгон, с. 49½ с.—136½ в.
Тром-Юганск, с. 62 с.—74 в.
Тугур, р. 53¾ с.—136½ в.
Тулуновское, с. 55 с.—100 в.
Тура, р. 64 с.—100 в.
Туринск, г. 58 с.—63 в.
Турухан, р. 66 с.—87½ в.
Туруханск, г. 66 с.—87½ в.
Тым, р. 59½ с.—80 в.
Тюмень, г. 57¼ с.—65 в.

У.

Уда, р. 55 с.—134½ в.
Удск (Удский острог), с. 54½ с.—134 в.
Урга, р. 56 с.—46 в.
Уса, р. 66 с.—56½ в.
Урянхайский край 50/53¾ с.—89/99½ в.
Уссури, р. 48½ с.—135 в.
Усть-Енисейский порт 70⅓ с.—83 в.
Усть Камчатск, с. 56 с.—162½ в.
Усть-Майское, с. 60½ с.—134½ в.
Усть-Сысольск, г. 61½ с.—50½ в.
Усть-Янск, с. 71 с.—136 в.
Ухтинское, с. 65¼ с.—30¾ в.
Учур, р. 58¾ с.—130 в.

Х.

Хабаровск, г. 48½ с.—135 в.
Хайпудырская губа 68⅓/69 с.—59 в.
Хайрюзовка, с. 53 с.—85 в.
Хараулах р. 71 с.—130 в.
Хатанга, р. 71½ с.—102¼ в.
Хор, р. 47½ с.—134½ в.
Хоседа-Хард, р. 67 с.—59¼ в.

Ц.

Цып-Наволок, с. 69¾ с.—32¾ в.

Ч.

Чаплина м. 64½ с.—172½ з.
Чара, р. 60¼ с.—120½ в.
Чешская губа 66¾/67¾ с.—44¾/47½ в.
Чита, г. 52 с.—113 в.
Чона, р. 62½ с.—111¼ в.
Чуйская степь 49¾ с.—88½ в.
Чукотский нос 64¼ с.—173½ з.
Чумикан, с. 54¾ с.—135 в.
Чуня, р. 61 с.—98¾ в.

Ш.

Шипунский м. 53 с.—160 в.
Широкое, с. 61¼ с.—57¼ в.
Шпицберген, о. (Грумант) 76½/80½ с.—10/30 в.

Щ.

Щучья, р. 66¾ с.—68 в.

Э.

Эльба, о. 42¾ с.—40/40½ в.

Ю.

Юган Б., р. 61 с.—73½ в.
Юган М., р. 60⅔ с.—73½ в.
Югорский Шар, пр. 69½/70 с.—60/61 в.
Югра, р. 65½ с.—39½ в.
Южно-Оркнейские о-ва 61 ю.—45 з.

Я.

Яблоновый хр. (см. Становой хр.)
Ява, о. 6/8 ю. —105/114½ в.
Якутск, г. 62 с.—129¾ в.
Ямал (Ялмал), п-о. 66½/73 с.—67/72 в.
Яна, р. 71¾ с.—135 в.
Ян-Майен, о. 71 с.—9 з.
Янов Стан, с. 65½ с.—85 в.

Цена 2 руб. 50 коп.

(с картой Севера СССР)

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

1) Издательство „СЕВЕРНАЯ АЗИЯ", Москва, К
Политехнический музей, помещ. 88, телеф. 1-22-68.

2) Книжный магазин „МАЯК" Издательства Полит
центр, Петровка, д. № 7, телеф. 4-18-12 и 3-63-20.

М.2 / 4 | С / 56 / 1